
5189

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

491.7
Os72z
1911
v.2

DT 211 / II
5189/II
Handelsakademie in Brünn
Professorenbücherei.
Obchodní akademie v Brně.
Profesorská knihovna.

5189/II. D T 211/II
D II 245. II

ЖИВОЕ СЛОВО

КНИГА ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

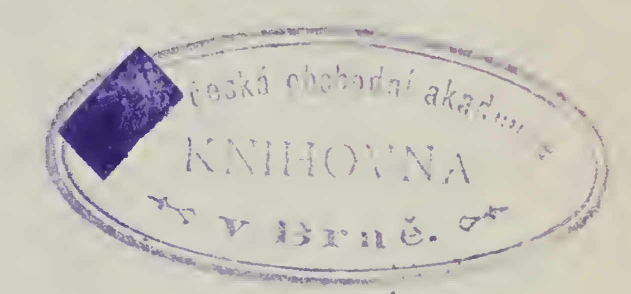
ЧАСТЬ II

ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ II КЛАССА СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Составилъ

А. Я. Острогорскій

Директоръ Тенишевскаго Училища въ С. П. Б.

Съ оригинальными рисунками

И. Билибина, А. Вестфаленъ, М. Добужинскаго, О. Делла-Восъ-Кардовской, Д. Кардовскаго, Б. Кустодіева, Г. Нарбута, М. Чемберсъ-Билибиной и В. Чемберса

и снимками съ картинъ

А. Бенуа, Е. Волкова, К. Коровина, И. Крамского, И. Левитана, В. Маковскаго, В. Переплетчикова, В. Перова, П. Соколова, М. Судковскаго, И. Шишкина и др.

Пятое изданіе.

Съ предисловіемъ Нестора Котляревскаго.

С.-Петербургъ.
Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій, 13.
1911.

Handelsakademie in Brünn
Professorenbücherei.
Obchodní akademie v Brně.
Profesorská knihovna.

491.7
Os72z
1911
v.2

„Живое Слово“ едва ли нуждается въ рекомендаціи. За три года своей жизни эта книга привлекла сочувствіе многихъ лицъ, которымъ пришлось задуматься надъ вопросомъ—что читать нашимъ дѣтямъ?

Быть можетъ, нѣтъ педагогической задачи болѣе трудной, какъ подборъ чтенія для юнаго, развивающагося ума. Духовная пища, которая въ эти годы дается ребенку, во многомъ опредѣляетъ его дальнѣйшее развитіе и должна во многомъ помочь ему въ его позднѣйшихъ расчетахъ съ жизнью. Первая цѣль, какую обязаны себѣ поставить люди, предлагающіе дѣтямъ такое первое чтеніе, заключается въ пробужденіи и въ поддержкѣ въ ребенкѣ глубокаго гуманнаго чувства. Это чувство не должно быть навязано, а привито или развито естественно и свободно. Чтобы достигнуть этой цѣли, нѣтъ нужды подчеркивать въ жизни умышленно либо ея свѣтлыя, либо ея темныя стороны; въ первомъ случаѣ рискуешь привить ребенку излишнее благодушіе, которое причинитъ ему немало страданій, когда жизнь начнетъ обманывать его довѣріе; во второмъ случаѣ можно легко и преждевременно опечалить ребенка и испортить ему ту радость бытія, которая составляетъ отличительное и самое цѣнное свойство дѣтства и юности. Размѣстить въ хрестоматіи свѣтлыя и темныя краски равномѣрно—задача нелегкая, тѣмъ болѣе, что всякая серьезная мысль (а такія мысли необходимо вводить въ кругъ дѣтскаго пониманія) сама по себѣ способна навести на грустныя думы.

Въ „Живомъ Словѣ“ эта гармонія красокъ соблюдена, насколько было возможно ее соблюсти при несомнѣнно серьезномъ направленіи книги. „Живое Слово“ не имѣло въ виду только развлечь и занять ребенка; оно хотѣло заставить его и подумать; и нужно отдать составителю книги справедливость въ томъ, что въ трудномъ подборѣ такихъ житейскихъ картинъ, которыя заставляли бы юнаго читателя мыслить, — онъ соблюлъ осторожность и мѣру, оберегая ребенка какъ отъ сентиментальной довѣрчивости, такъ и отъ непережитой печали.

Къ числу достоинствъ книги А. Я. Острогорскаго нужно отнести и ту безусловную литературную стоимость, какую имѣютъ всѣ подобранные образцы. Составитель, стремясь къ гуманной цѣли, желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ развить и эстетическій вкусъ ребенка и подготовить его къ болѣе подроб-

ному ознакомленію съ твореніями образцовыхъ русскихъ писателей. Лучшимъ средствомъ для такой подготовки было — дать какъ можно больше отрывковъ изъ возможно большаго числа писателей, чтобы пріучить юнаго читателя къ различнымъ формамъ и стилямъ художественнаго словеснаго творчества. И въ хрестоматіи нашли себѣ мѣсто всѣ выдающіеся наши художники слова, писавшіе прозой или стихами, не исключая и нѣкоторыхъ писателей близкаго къ намъ времени.

Нѣтъ нужды доказывать, что, знакомясь съ образцами творчества столь разнообразныхъ и истинныхъ художниковъ, ребенокъ не только проходитъ хорошую школу эстетическаго воспитанія, но и получаетъ возможность легко развить въ себѣ вкусъ къ красотамъ отечественной художественной рѣчи.

„Живое Слово", какъ видно, составлено по особому, довольно оригинальному плану. Осуществить этотъ планъ сразу и найти сразу наиболѣе подходящіе образцы для чтенія было, конечно, дѣломъ весьма труднымъ, требующимъ провѣрки не теоретической только, но и практической.

Составитель книги скончался прежде, чѣмъ онъ могъ самъ приступить къ такой провѣркѣ. Обязанность произвести въ книгѣ перемѣны, подсказанныя трехлѣтнимъ опытомъ, легла на лицъ, которыя сочувственно относились къ его работѣ.

Въ планѣ, по которому книга построена, не произошло никакихъ перемѣнъ; замѣнены лишь нѣкоторые образцы другими, болѣе подходящими къ возрасту юныхъ читателей. Такихъ перемѣнъ во всѣхъ трехъ томахъ сдѣлано немного, и всѣ такія измѣненія строго согласованы съ основнымъ планомъ книги.

Редакторъ послѣдняго изданія „Живого Слова" вѣритъ, что эта во всѣхъ смыслахъ полезная книга встрѣтитъ и въ своемъ новомъ, слегка измѣненномъ видѣ тотъ же сочувственный пріемъ, какимъ она пользовалась раньше.

Несторъ Котляревскій.

Мартъ 1911 г.

Изъ предисловій А. Я. Острогорскаго.

Выпускаемая мною въ свѣтъ II-я часть книги для изученія родного языка „Живое Слово“ служитъ продолженіемъ I-й части, преслѣдуя тѣ же цѣли и задачи...

Въ теченіе многихъ лѣтъ моей преподавательской дѣятельности я замѣтилъ, что насколько дѣти въ I-мъ классѣ интересуются преимущественно реальнымъ, конкретнымъ матеріаломъ, настолько они во II-мъ классѣ, — всего черезъ какой-нибудь годъ,—предпочитаютъ реальному—**идеи**. И вотъ, когда мною былъ подобранъ весь матеріалъ для II-й части, я самъ былъ пораженъ, что у меня, не задававшагося никакимъ заранѣе составленнымъ теоретическимъ планомъ, получилась книга, которую легко можно раздѣлить на 4 отдѣла, подъ названіемъ: *любовь дѣтей*, *любовь къ дѣтямъ*, *любовь къ человѣку* и *любовь къ родинѣ*. Но я тѣмъ не менѣе устоялъ передъ этимъ соблазномъ, потому что,—какъ я упоминалъ объ этомъ въ предисловіи къ I-й части, — думаю, что дѣти гораздо тоньше проникаются идеей каждаго разсказа въ томъ случаѣ, если на отдѣлѣ, якобы ихъ объединяющемъ, нѣтъ ярлыка, лишающаго все его содержаніе поэтическаго аромата.

Для простого типографскаго удобства я раздѣлилъ книгу на 2 отдѣла. Матеріалъ расположенъ въ нихъ по степени трудности. Что же касается стихотвореній и отрывковъ, заключающихъ въ себѣ описаніе природы, то я распредѣлилъ ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ по временамъ года, начиная съ осени.

Августъ 1908 г.

Недостатки въ построеніи нашей школы отразились неблагопріятнымъ образомъ и на преподаваніи родного языка. До очень недавняго времени при изученіи его преобладали чисто формальныя требованія и цѣли: въ курсѣ средней школы русскій языкъ занималъ подчиненное положеніе, какъ пособіе къ лучшему усвоенію древнихъ языковъ, въ низшей школѣ из-

ученіе языка заслонили схоластическое прохожденіе грамматики и необходимость сообщенія различныхъ знаній по естествознанію, географіи и исторіи, не нашедшихъ себѣ самостоятельнаго мѣста въ курсѣ этой школы.

Неудивительно, что въ результатѣ такой постановки преподаванія родного языка оказалось совершенное его незнаніе нашей молодежью. А между тѣмъ какое же знаніе, какъ не своего родного языка, должна прежде всего сообщить школа. И точно также очевидно, что, вѣдь, не въ изученіи правилъ правописанія и даже не въ методическомъ веденіи объяснительнаго чтенія задача преподаванія родного языка, — она гораздо шире и глубже: преподаватель, желающій, дѣйствительно, научить *языку*, долженъ озаботиться о двухъ вещахъ — объ уясненіи своему ученику *духа* языка и внушеніи ему любви къ родной литературѣ.

И нельзя сказать, чтобъ только что высказанное положеніе было чѣмъ-нибудь новымъ, недостаточно извѣстнымъ: съ нимъ согласны многіе преподаватели, и, по мѣрѣ своихъ силъ, поскольку имъ не мѣшали формальныя требованія нашей школы, они стремились его осуществлять. Но, къ сожалѣнію, весьма часто къ примѣненію этого принципа на практикѣ обращались слишкомъ поздно; почему-то существуетъ мнѣніе, что внушить пониманіе духа языка и любовь къ литературѣ можно только въ старшихъ классахъ средней школы. Это—заблужденіе, глубоко печальное и пагубное. Ученикъ, котораго въ младшихъ классахъ постоянно держали на мертвомъ формальномъ матеріалѣ грамматическихъ правилъ и скучнаго „объяснительнаго чтенія“ (особенно еще такъ назыв. дѣловыхъ статей), въ большинствѣ случаевъ не способенъ уже понимать красоты русской рѣчи, въ немъ трудно возбудить и развить любовь и интересъ къ литературѣ. Его не пріучили чувствовать живое біеніе пульса въ языкѣ и не показали, какъ ярко отражается жизнь на первыхъ же ступеняхъ изученія ученикомъ родного языка. Насколько легче, интереснѣе и даже просто полезнѣе дать сразу ученику образцы живой рѣчи и постепенно раскрывать предъ нимъ внутреннія красоты языка—этого ключа къ усвоенію великихъ идей человѣчества, выраженныхъ въ лучшихъ произведеніяхъ литературы каждаго народа. И для преподавателя родного языка именно въ младшихъ классахъ нѣтъ болѣе интересной и важной задачи. Только такимъ образомъ онъ подойдетъ къ своей обязанности изъ каждаго ученика воспитать гражданина, понимающаго и знающаго языкъ, литературу и исторію своего народа.

По этимъ соображеніямъ составитель книги „Живое Слово“, оставивъ въ сторонѣ всякія побочныя цѣли, преслѣдовавшіяся прежними составителями хрестоматій, поставилъ себѣ одну задачу—помочь преподавателю русскаго языка научить своихъ учениковъ **живой** русской рѣчи, развить въ нихъ пониманіе ея красотъ и пріучить ихъ чувствовать духъ русскаго языка. Въ книгу „Живое Слово“ вошелъ только **литературный** матеріалъ (въ ней нѣтъ такъ называемыхъ дѣловыхъ статей, часто только портящихъ русскій языкъ), и притомъ значительно обновленный. Составитель стремился дать по возможности цѣльныя произведенія, избѣгая переводовъ и

передѣлокъ. При выборѣ матеріала онъ руководился слѣдующими требованіями: произведеніе должно быть художественно, доступно пониманію учащагося и способно возбудить въ немъ добрыя чувства.

Для наиболѣе успѣшнаго достиженія основной задачи книги „Живое Слово“, всѣ статьи этой книги сопровождаются подробными толкованіями, съ большимъ количествомъ различныхъ примѣровъ, выраженій, пословицъ и загадокъ, на которые позволяю себѣ обратить особенное вниманіе гг. преподавателей.

Книга „Живое Слово“, кромѣ указанныхъ задачъ, преслѣдуетъ также эстетическія цѣли: составитель стремился дать такую книгу, которая и своимъ внѣшнимъ видомъ воспитывала бы въ учащихся чувство изящнаго. Въ виду этой цѣли, весьма часто, къ сожалѣнію, упускаемой у насъ изъ виду, книга иллюстрирована множествомъ снимковъ съ лучшихъ нашихъ картинъ и оригинальными рисунками, спеціально для этого изданія исполненными нашими извѣстными художниками.

Августъ 1907 г.

По поводу объясненій словъ приходилось слышать и читать слѣдующіе вопросы: къ чему они, для чего ихъ такъ много и для кого они? Своей книгой „Живое Слово“ я желалъ помочь учителю научить своихъ учениковъ постигать красоты живой русской рѣчи и постепенно проникаться духомъ родного языка. Для достиженія этой цѣли прежде всего необходимо, чтобы изученіе словъ не было однимъ формальнымъ поверхностнымъ знаніемъ того, что данное слово значитъ, а осмысленнымъ изученіемъ происхожденія слова, его различныхъ значеній и оттѣнковъ. Только тогда можно научиться владѣть рѣчью. А это умѣніе есть такое же искусство, какъ живопись, музыка и т. д. Въ каждомъ искусствѣ можно быть ремесленникомъ и художникомъ. До сихъ поръ наша школа въ области рѣчи выпускала однихъ только ремесленниковъ. Пора, наконецъ, поставить себѣ болѣе высокія задачи, и мнѣ казалось, что путь, предложенный въ „Живомъ Словѣ“, есть вѣрный къ тому путь.

Большое количество объясненныхъ словъ, казалось бы, не можетъ быть поставлено въ укоръ составителю книги: каждый преподаватель, въ зависимости отъ условій своего класса, можетъ выбрать большее или меньшее количество объясненій, воспользоваться большимъ или меньшимъ количествомъ примѣровъ. Само собой разумѣется, что всѣ эти объясненія даны для учениковъ, но полагаю, что они не безполезны и для преподавателя, такъ какъ не во всякую минуту могутъ прійти на память разнообразные примѣры, приведенные изъ русскихъ авторовъ. Да и кромѣ того, эти объясненія, будучи напечатаны, легче укрѣпятся въ памяти учениковъ....

Два слова объ одномъ, примѣненномъ мною, необычномъ пріемѣ. Строки въ стихотвореніяхъ и басняхъ начинаются у меня не съ прописныхъ буквъ, а со строчныхъ, т. к. мною замѣчено, что обычный способъ печатанія стиховъ чрезвычайно вредно отражается на правильномъ чтеніи учениками стихотвореній. Приходится затрачивать много труда, чтобы отучить ихъ отъ какъ бы внѣшне навязываемаго имъ убѣжденія, что конецъ строчки совпадаетъ съ концомъ мысли.

Іюль 1908 г.

I Отдѣлъ.

Осень. *Е. Волковъ.*

1. Осень въ лѣсу.

Стихотвореніе *А. Н. Майкова.*

Кроетъ ужъ листъ золотой
 влажную землю въ лѣсу;
смѣло топчу я ногой
 вешнюю лѣса красу.
Съ холоду щеки горятъ;
 любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
слышать, какъ сучья трещатъ,
 листья ногой загребать!
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
 Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
сорванъ послѣдній орѣхъ,
 свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
мохъ не приподнятъ, не взрытъ
 грудой кудрявыхъ груздей,
около пня не виситъ
 пурпуръ брусничныхъ кистей;
долго на листьяхъ лежитъ
 ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
холодно какъ-то глядитъ
 ясность прозрачныхъ небесъ...
Листья шумятъ подъ ногой,
 смерть стелетъ жатву свою...
Только я веселъ душой
 и, какъ безумный, пою!

Вешній—весенній. „Не оставь меня, кумъ милый! дай ты мнѣ собраться съ силой и до вешнихъ только дней прокорми и обогрѣй“ (Крыловъ).—Мчалъ облака толпою летучій вешній вѣтерокъ (Жуковскій).—Счастливые годы, веселые дни, какъ вешнія воды, умчались они (Тургеневъ).

Загребать—1, сгребать, собирать что-нибудь въ кучу. Бѣлка камешки грызетъ, мечетъ золото и въ груды загребаетъ изумруды (Пушкинъ „Сказка о царѣ Салтанѣ“).—„Алешенька роду поповскаго, поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія“ (Былина „Илья Муромецъ“).—Что значитъ: „загребать деньги лопатой“ и „чужими руками жаръ загребать?“; 2, грести весломъ. Не загребай такъ глубоко.

Утѣха—то, что тѣшитъ; удовольствіе, наслажденіе. У него одна утѣха: охота.—Господь утѣха и прибѣжище наше.

Совлекать, совлечь—стаскивать, разоблачать, обнажать.

Жатва.—Опредѣлите различныя значенія этого слова. Не хватало рукъ для жатвы (Тургеневъ). Жатвы много, а дѣлателей мало (Ев. Матѳ.).—Смерть жатву жизни коситъ (П. Вяземскій).

Ср. стихотвореніе Некрасова „Славная осень" (Живое Слово I часть).

2. Осенній день.

Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.*

Есть въ осени первоначальной
короткая, но дивная пора:
весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
и лучезарны вечера...
Гдѣ бодрый серпъ гулялъ, и падалъ колосъ,
теперь ужъ пусто все — просторъ вездѣ;
лишь паутины тонкій волосъ
блеститъ на праздной бороздѣ.
Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ,
но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
и льется чистая и теплая лазурь
на отдыхающее поле.

Хрустальный—здѣсь употребляется въ переносномъ смыслѣ: чистый, прозрачный какъ хрусталь. И пѣла русалка „на днѣ у меня играетъ мерцаніе дня, тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада, тамъ хрустальные есть города" (Лермонтовъ „Русалка"). Что значитъ хрустальная душа?

Лучезарный—испускающій яркій, блестящій свѣтъ. День былъ жаркій, свѣтлый лучезарный день, несмотря на перепадавшіе дождики (Тургеневъ „Рудинъ"). Ср. **лучистый**.

Праздный—о мѣстѣ: незанятый, порожній; праздныя поля, не воздѣланныя;—о времени: свободное, когда нѣтъ дѣла. А что значитъ: праздный человѣкъ, праздныя руки, праздныя затѣи? *Праздность—мать пороковъ*. Какія знаете слова отъ того же корня?

3. Лѣсъ осенью.

Стихотвореніе *И. А. Бунина.*

Лѣсъ, точно теремъ расписной,—
лиловый, золотой, багряный,—
веселой, пестрою стѣной
стоитъ надъ свѣтлою поляной.

Березы желтою рѣзьбой
блестятъ въ лазури голубой;
какъ вышки, елочки темнѣютъ,
а между кленами синѣютъ
то тамъ, то здѣсь въ листвѣ сквозной
просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
за лѣто высохъ онъ отъ солнца,
и осень тихою вдовой
вступила нынче въ теремъ свой...

Теремъ — дворецъ, барскій домъ; одинокій домикъ или часть дома въ видѣ башни; вышка, свѣтелка подъ кровлей. Женскій, дѣвичій теремъ.—Въ клѣткахъ птицы, въ теремахъ дѣвицы (по старинному обычаю). — *Слово сказалъ, такъ на немъ хоть теремъ клади.* — Среди двора три терема стоятъ: въ первомъ терему—свѣтелъ мѣсяцъ, въ другомъ терему—красно солнце, а въ третьемъ терему — часты звѣзды (Коляда).

Расписной—расписанный кистью, красками; пестрый.

Сквозной — проходящій насквозь. Сквозное отверстіе. Сквозная рана. А что значитъ: сквозной дворъ, сквозной вѣтеръ, сквозное яблоко?

Просвѣтъ—отверстіе для свѣта, доступъ свѣта. Стоялъ туманъ безъ просвѣту.— Въ этомъ лѣсу нѣтъ просвѣту, такъ онъ густъ. — Въ его жизни не было никакого просвѣту.

4. Начало осени.

Отрывокъ *С. И. Гусева-Оренбургскаго.*

Лѣсъ уже пожелтѣлъ подъ дыханіемъ осени.

Сухой листъ трепеталъ на вѣткахъ и, опадая, крутился въ воздухѣ, устилая колею пестрымъ ковромъ, настолько мягкимъ, что тарантасъ катился почти безшумно. Чѣмъ глубже въ лѣсъ,—тишина становилась торжественнѣе, краски разнообразнѣе. Казалось, лѣсъ, умирая, задумался и смотрѣлъ въ блѣдное небо безнадежнымъ взоромъ, прислушиваясь, какъ соки деревьевъ текутъ все медленнѣе, какъ умираютъ листья и вянетъ трава. Тишину оттѣнялъ временами трескъ сухой вѣтки подъ ногами пугливаго звѣрька, шумный полетъ вальдшнепа или безпокойный и сердитый крикъ вороны.

Безнадежный—не подающій надежды. Безнадежный больной! — Безнадежное состояніе. — Казалось, плѣнникъ безнадежный къ унылой жизни привыкалъ (Пушкинъ „Кавказскій плѣнникъ“).

Оттѣнить—класть тѣни (на рисунокъ, напр.), оттушевать, обозначить переходъ тѣней. Отсюда какое существительное?

5. Дѣтство.

Изъ повѣсти гр. *Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество“.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Maman говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая... лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все такъ же ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ

улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечною. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ, но я пошевелился — и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька! — говоритъ мнѣ maman, — ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша, — отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своею чудесною, нѣжною ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее; она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ!

Она другою рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? — Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ: — Смотри, люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ея?.. не забудешь, Николенька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлую ея колѣни; и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, — слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку. Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимою матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Иванычѣ и его горькой участи—единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ — и жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастья, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать... Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастья всѣмъ, чтобы всѣ были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Невозвратимый—чего нельзя возвратить; то же, что **невозвратный, безвозвратный.** И невозвратные бѣгутъ дни, мѣсяцы и годы (Жуковскій).

Лелѣять—нѣжить, ласкать, нѣжно заботиться, сердечно относиться. Всечасно дивною игрою твой слухъ лелѣять буду я (Лермонтовъ „Демонъ“).

Грезы, отъ—**греза**, чаще во мн. ч.—мечты, игра воображенія, сновидѣніе, бредъ. Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ (Пушкинъ „Борисъ Годуновъ“).—Томится, но зловѣщей грезы, увы! прервать не въ силахъ онъ (Пушкинъ „Русланъ и Людмила“).—О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ (Лермонтовъ „Ребенку“).—О, если бы я могъ, хоть въ эту ночь нѣмую, забыться въ грезахъ золотыхъ (Апухтинъ). **Грезить**—мечтать, строить воздушные замки. Охъ, ты, кудрявый шалунъ на яву начинаешь ты грезить (Никитинъ „Лѣсникъ и его внукъ“).—Счастливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную грезятся ласки весны (Минскій „Серенада“).

❀

6. * * *

Стихотвореніе *И. С. Никитина.*

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы—
только васъ вспомнишь,—улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
на полъ съ лежанки чулокъ уронила,
прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой,
свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Прогнали сонъ мой разсказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу у порога избушки;
ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая—
змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный, ни свиста, ни шума,
смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо.
Сердце мое замираетъ—дрожитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
на ночь постелю мою оправляетъ.
„Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою“...
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
сплю и не сплю я... лампада горитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Вѣчная память, веселое время!
Грудь мою давитъ тяжелое бремя,
жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
Гдѣ вы, веселье, и сонъ, и здоровье?
Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Лежанка—длинный и низкій выступъ изъ печи, на которомъ лежатъ и грѣются.

Меркнуть—темнѣть, терять свѣтъ или блескъ, тускнѣть. День меркнетъ, приходитъ ночная пора (А. Толстой).—Звѣзды меркнутъ и гаснутъ (Никитинъ). Слава его меркнетъ, померкла. Отсюда же **мерцать, сумракъ, сумерки.**

Оправлять—1, приводить въ порядокъ, поправлять. Оправь на себѣ платье.—Постель дурно оправлена; 2, обдѣлывать чѣмъ или во что, украшать. Оправить камень золотомъ. Отсюда **оправа.**

Взмокнуть, взмокать—намокать.

Изголовье—мѣсто на кровати или постели, куда ложатся головой.

❊

7. Пейзажъ.

Стихотвореніе *А. Н. Майкова.*

Люблю дорожкою лѣсною,
не зная самъ куда, брести;
двойной глубокой колеею
идешь,—и нѣтъ конца пути...
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый;
уже румянитъ осень клены,
а ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
осинникъ желтый бьетъ тревогу;
осыпался съ березы листъ
и, какъ коверъ, устлалъ дорогу..
Идешь, какъ будто по водамъ,—
нога шумитъ... а ухо внемлетъ
малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,
а красныхъ мухоморовъ рядъ,
что карлы сказочные спятъ...
Ужъ солнца лучъ ложится косо...
Вдали проглянула рѣка...
На тряской мельницѣ колеса
уже шумятъ издалека...
Вотъ на дорогу выѣзжаетъ
тяжелый возъ,—то промелькнетъ
на солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ...
И крикомъ клячѣ помогаетъ
старикъ, а на возу—дитя,

и дѣда страхомъ тѣшитъ внучка;
а, хвостъ пушистый опустя,
вкругъ съ лаемъ суетится Жучка,
и звонко въ сумракѣ лѣсномъ
веселый лай идетъ кругомъ.

И. Шишкинъ.

Лѣсная дорожка.

Пейзажъ—картина мѣстности, видъ природы.

Бить тревогу—подавать призывный знакъ, особенно при опасности. Боемъ давать условный знакъ. Бить зарю. Бить набатъ (тревогу) или въ набатъ. А здѣсь употребляется въ какомъ смыслѣ?

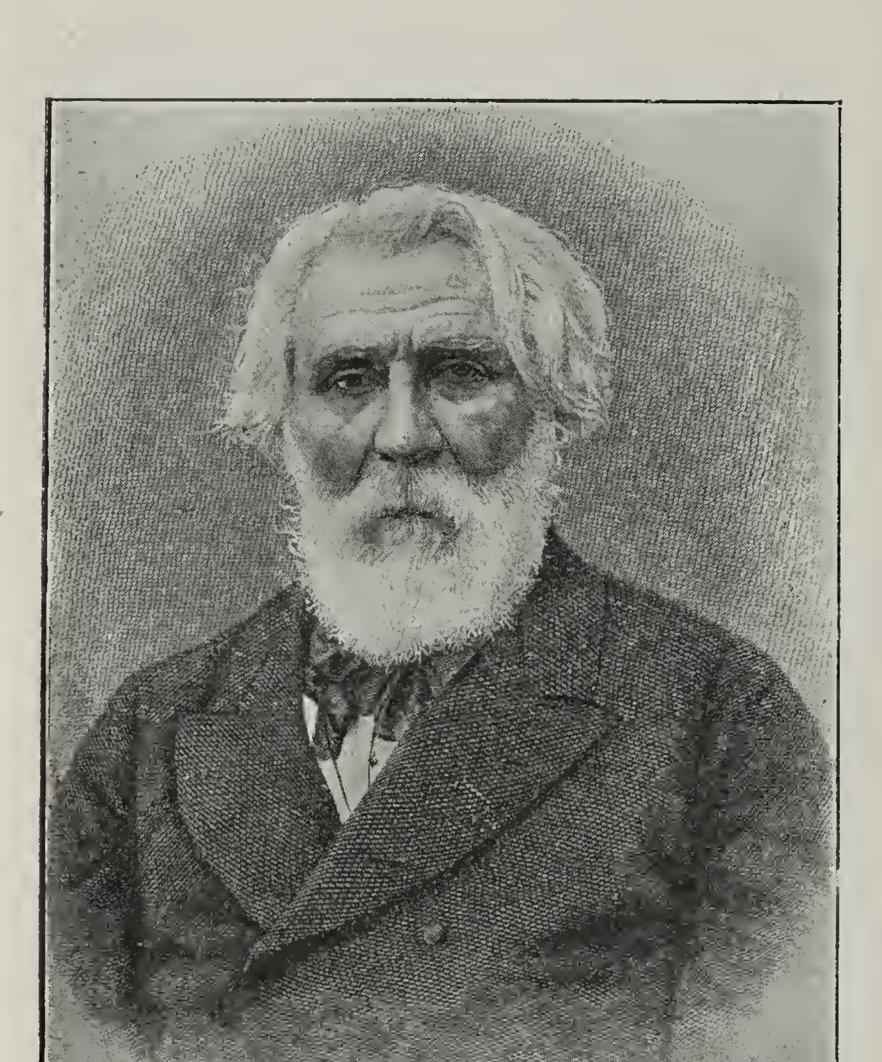
Карла—карликъ.

Назовите, какія знаете однокоренныя слова къ слову **тряскій**.

❁

8. * * *

Изъ повѣсти *И. С. Тургенева* „Степной король Лиръ“.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (1818—1883).

На другой день я опять, съ ружьемъ и съ собакой, отправился въ Еськовскую рощу. День выдался чудесный: я думаю, кромѣ Россіи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ нигдѣ подобныхъ дней и не бываетъ. Тишь стояла такая, что можно было за сто шаговъ слышать, какъ бѣлка перепрыгивала по сухой листвѣ, какъ оторвавшійся сучокъ сперва слабо цѣплялся за другія вѣтки и падалъ, наконецъ, въ мягкую траву,—падалъ навсегда: онъ уже не шелохнется, пока не истлѣетъ. Воздухъ, ни теплый, ни свѣжій, а только пахучій и словно кисленькій, чуть-чуть пріятно щипалъ глаза и щеки; тонкая, какъ шелковинка, съ бѣлымъ клубочкомъ посрединѣ, длинная паутина плавно взлетала и, прильнувъ къ стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху — знакъ постоянной теплой погоды! Солнце свѣтило, но такъ кротко, хоть бы лунѣ.

Опредѣлите различныя значенія слова **выдаваться, выдаться**. День на день не выдается.—А у насъ нынѣ капуста выдалась хорошая.—Впередъ не выдавайся, назади не отставай. — Выдаваться талантами, способностью къ работѣ, лѣностью.—Выдается паекъ, жалованье, награды.

Шелохнуться, шелыхаться—колыхаться. Пыль лежитъ спокойно по дорогѣ, и не шелохнется ковыль (Лермонтовъ „Кавказскій плѣнникъ“). Плыла лебедь бѣлая, не тряхнется, не шелохнется (Народная пѣсня).

Истлѣть, истлѣвать—отъ нарѣчія истла, дотла, въ конецъ, вовсе: сгорѣть тлѣя, безъ пламени; сгнить. И хоть безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать, но ближе къ милому предѣлу мнѣ все бъ хотѣлось почивать (Пушкинъ).

Прильнуть (отъ глаг прилипать, прилипнуть, прильпнуть)—плотно прилечь къ чему-нибудь. Младенецъ прильнулъ къ матери. — Дитя, что такъ робко ко мнѣ ты прильнулъ (Жуковскій „Лѣсной царь").

⁂

9. Учитель Карлъ Ивановичъ.

Изъ повѣсти гр. *Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество".

12-го августа 18.. г., ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра Карлъ Ивановичъ разбудилъ меня, ударивъ надъ самой моей головой хлопушкой — изъ сахарной бумаги на палкѣ — по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинулъ Карла Ивановича. Онъ же, въ пестромъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязаной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ, продолжалъ ходить около стѣнъ, прицѣливаться и хлопать.

„Положимъ, — думалъ я, — я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели?... вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня, а я меньше всѣхъ, оттого онъ меня и мучитъ. Только о томъ и думаетъ всю жизнь, — прошепталъ я, — какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ... Противный человѣкъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка — какіе противные!"

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Ивановича, онъ подошелъ къ своей кровати, взглянулъ на часы, которые висѣли надъ нею въ шитомъ бисерномъ башмачкѣ, повѣсилъ хлопушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, повернулся къ намъ.

— Auf, Kinder, auf!.. s'ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal— крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, подошелъ ко мнѣ, сѣлъ

у ногъ и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Ивановичъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки. — Nun, nun Faulenzer! — говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запряталъ голову подъ подушки, изо всѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ всѣ старанія удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любитъ, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя, и на Карла Ивановича, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать: нервы были разстроены.— Ach, lassen Sie, Карлъ Ивановичъ!—закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Ивановичъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безпокойствомъ сталъ спрашивать меня: о чемъ я? не видѣлъ ли я чего дурного во снѣ?... Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течь еще обильнѣе: мнѣ было совѣстно, и я не понималъ, какъ за минуту передъ тѣмъ я могъ не любить Карла Ивановича и находить противными его халатъ, шапочку и кисточку; теперь, напротивъ, все это казалось мнѣ чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣлъ дурной сонъ — будто maman умерла и ее несутъ хоронить. Все это я выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Ивановичъ, тронутый моимъ разсказомъ, сталъ утѣшать и успокаивать меня, мнѣ казалось, что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Ивановичъ оставилъ меня и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки на свои маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оставляли меня. Вошелъ дядька Николай — маленькій, чистенькій человѣчекъ, всегда серьезный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Ивановича. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантиками. При немъ мнѣ было совѣстно плакать; притомъ утреннее солнышко весело свѣтило въ окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ

умывальникомъ, что даже серьезный Николай, съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомойникомъ въ другой, улыбаясь, говорилъ:

— Будетъ вамъ, Владимiръ Петровичъ, извольте умываться!

Я совсѣмъ развеселился.

— Sind Sie bald fertig? — послышался изъ классной голосъ Карла Ивановича.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое меня тронуло до слезъ. Въ классной Карлъ Ивановичъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся и, еще со щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

Карлъ Ивановичъ, съ очками на носу и книгой въ рукѣ, сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна—наша, дѣтская, другая—Карла Ивановича, собственная. На нашей были всѣхъ сортовъ книги—учебныя и неучебныя, однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома Histoire des voyages, въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну, а потомъ пошли и длинныя, толстыя, большія и маленькія книги,—коробочки безъ книгъ и книги безъ коробочекъ; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, передъ рекреаціей, привести въ порядокъ библіотеку, какъ громко называлъ Карлъ Ивановичъ эту полочку. Коллекція книгъ на собственной если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ унаваживаніи огородовъ подъ капусту—безъ переплета, одинъ томъ исторіи Семилѣтней войны — въ пергаментѣ, прожженномъ съ одного угла, и полный курсъ гидростатики. Карлъ Ивановичъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе; но, кромѣ этихъ книгъ и Сѣверной Пчелы, онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Ивановича, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ: это—кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпеньковъ. На кружкѣ была наклеена картинка, представляющая карикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Ивановичъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

Какъ теперь, вижу я передъ собою длинную фигуру въ ваточномъ халатѣ и въ красной шапочкѣ, изъ-подъ которой виднѣются рѣдкіе сѣдые волосы. Онъ сидитъ подлѣ столика, на которомъ стоитъ кружокъ съ парикмахеромъ, бросавшимъ тѣнь на его лицо; въ одной рукѣ онъ держитъ книгу, другая покоится на ручкѣ креселъ; подлѣ него лежатъ часы съ нарисованнымъ егеремъ на циферблатѣ, клѣтчатый платокъ, черная круглая табакерка, зеленый футляръ для очковъ, щипцы на лоточкѣ. Все это такъ чинно, аккуратно лежитъ на своемъ мѣстѣ, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Ивановича совѣсть чиста и душа спокойна.

Бывало, какъ досыта набѣгаешься внизу по залѣ, на цыпочкахъ прокрадешься наверхъ, въ классную, смотришь — Карлъ Ивановичъ сидитъ себѣ одинъ на своемъ креслѣ и съ спокойно-величавымъ выраженіемъ читаетъ какую-нибудь изъ своихъ любимыхъ книгъ. Иногда я заставалъ его и въ такія минуты, когда онъ не читалъ: очки спускались ниже на большомъ, орлиномъ носу; голубые полузакрытые глаза смотрѣли съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, а губы грустно улыбались. Въ комнатѣ тихо; только слышно его равномѣрное дыханіе и бой часовъ съ егеремъ.

Бывало, онъ меня не замѣчаетъ, а я стою у двери и думаю: бѣдный, бѣдный старикъ! Насъ много, мы играемъ, намъ весело, а онъ — одинъ-одинешенекъ и никто-то его не приласкаетъ. Правду онъ говоритъ, что онъ—сирота. И исторія его жизни какая ужасная! Я помню, какъ онъ разсказывалъ ее Николаю,—ужасно быть въ его положеніи! И такъ жалко станетъ, что, бывало, подойдешь къ нему, возьмешь за руку и скажешь: „lieber Карлъ Ивановичъ!“ Онъ любилъ, когда я ему говорилъ такъ,— всегда приласкаетъ, и видно, что растроганъ.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна—изрѣзанная, наша, другая—новенькая, собственная, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линованія; съ другой — черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками—маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни

и спина заболятъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Ивановичъ; ему, должно быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику, а каково мнѣ?.. И начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю, — право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Ивановича, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ срединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванною черною клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой — стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго—гумно, а напротивъ—лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа. Изъ окна направо видна часть террасы, на которой сиживали, обыкновенно, большіе до обѣда. Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Ивановичъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ, — такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь, когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю? Досада перейдетъ въ грусть, и, Богъ знаетъ отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Ивановичъ сердится за ошибку.

Карлъ Ивановичъ снялъ халатъ, надѣлъ синій фракъ съ возвышеніями и сборками на плечахъ, оправилъ передъ зеркаломъ свой галстукъ и повелъ насъ внизъ—здороваться съ матушкой.

Задѣвать, задѣть—1, зацѣплять, затрагивать, по дорогѣ касаться. Сучья поминутно задѣвали и царапали его (Пушкинъ „Дубровскій“). Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою и растянулся во весь ростъ (Грибоѣдовъ); 2, обидѣть, оскорбить. Но философовъ и богослововъ онѣ (торговки на рынкѣ) боялись задѣвать (Гоголь „Вій“).—Ея самолюбіе было задѣто.—Задѣло за ретивое. Въ переносномъ значеніи: И какъ по маслу, годъ-другой, все шло. Но вдругъ за пень задѣло! Тутъ неудача, тамъ сплошалъ (Никитинъ).

Досада—огорченіе, неудовольствіе отъ обиды, неудачи. Выместить на комъ свою досаду.—Съ досады дня не взвидѣлъ онъ (Пушкинъ „Русланъ и Людмила“).—

Съ досады и печали о камень такъ хватила ихъ (очки) (Крыловъ). Отъ того же корня: **досадный, досадно.** Мы долго молча отступали — досадно было, боя ждали (Лермонтовъ „Бородино"); **досаждать, досадить:** *Правду говорить—всѣмъ досадить.*

Какая разница между словами **почтительный, почтенный, почетный?** Почтительный сынъ. Почетный гость; почетный гражданинъ; почетное мѣсто; почетное званіе; почтенный человѣкъ; почтенное занятіе.

Рекреація (франц.)—отдыхъ отъ занятій, промежутокъ между двумя уроками; то, что у насъ называется „перемѣна".

Пергаментъ — особо выдѣланная кожа, замѣнявшая прежде бумагу; теперь употребляется для особо важныхъ дѣловыхъ бумагъ. Названіе получила отъ города Пергама, гдѣ была изобрѣтена.

Гидростатика (греч.)—наука о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ.

Шпенекъ—шипъ, тычокъ, торчокъ для насадки, укрѣпы чего-нибудь.

Карикатура (итал.)—изображеніе кого или чего-либо въ смѣшномъ видѣ на рисункѣ, смѣшное подражаніе. Наше сѣверное лѣто, карикатура южныхъ зимъ, мелькнетъ — и нѣтъ (Пушкинъ).

Егерь (нѣмецк.)—охотникъ, стрѣлокъ, служитель при охотѣ, солдатъ егерскаго полка.

Лоточекъ, лотокъ—выдолбленное корытце, служитъ для храненія перьевъ, карандашей, щипцовъ и т. п. Плоское деревянное приспособленіе для уличнаго разноса разнаго товара; иногда то же, что подносъ.

Величавый — величественный, важный, осанистый, внушающій уваженье своею внѣшностью. На конѣ величавомъ ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый (Жуковскій).— Ой ты пава моя, величава моя! (Народная пѣсня.) — Принялъ позу старикъ величавую (Некрасовъ).

Ландкарта—(нѣм.) географическая карта.

Заслонка, заслонъ—желѣзный листъ съ ручкой, которымъ закрывается печь.

Отдушникъ—отверстіе для доступа воздуха въ подвалахъ, погребахъ, печахъ.

Выбоина—всякое выбитое углубленіе; яма, выбитая отъ ѣзды па дорогѣ, ухабъ.

Діалогъ (греч.) — разговоръ между двумя или нѣсколькими лицами. Здѣсь что значитъ? И разскажешь мнѣ весь вашъ діалогъ, и опишешь, какую физіономію сдѣлаетъ этотъ ошпаренный котъ (Станюковичъ „Откровенные").

10. „Помню!..."

Стихотвореніе *И. Бунина.*

Помню:

Долгій зимній вечеръ, полумракъ и тишина... Тускло льется свѣтъ лампады, буря плачетъ у окна.

Я лежу въ своей кроваткѣ, истомленный и больной. Мать съ безмолвной, тайной грустью наклонилась надо мной.

„Дорогой мой,— шепчетъ тихо,— если хочешь задремать, чтобы добрымъ и веселымъ завтра утромъ быть опять, — позабудь, что ты со мной, вспомни тихій шопотъ лѣса и полдневный лѣтній зной.

Вспомни, какъ шумятъ березы, а за лѣсомъ, у межи. ходятъ медленно и плавно золотыя волны ржи".

И знакомому совѣту я довѣрчиво внималъ и, обвѣянный мечтами, забываться начиналъ. Вмѣстѣ съ тихимъ сномъ сливалось убаюкиванье грезъ: шопотъ зрѣющихъ колосьевъ и невнятный шумъ березъ.

Дорогая!

Снова боленъ я и тѣломъ и душой. Зимній вечеръ одинокій вѣетъ темною тоской, — и встаетъ передо мною все печальнѣй и грустнѣй вереница дней ненастныхъ бѣдной юности моей.

Отчего же, какъ бывало, не звучитъ мнѣ голосъ твой? Отчего жъ теперь не могутъ мнѣ мечты принесть покой?!.

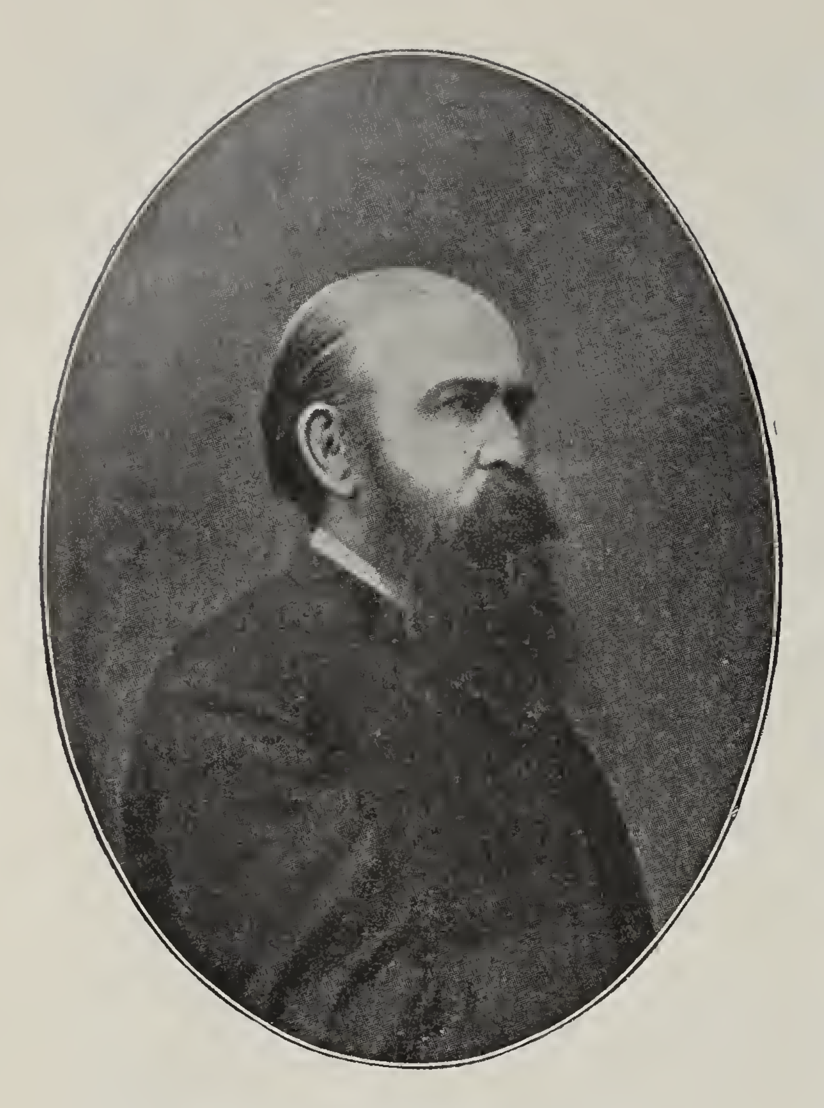
Вереница—расположеніе чего-нибудь наподобіе веревки или цѣпи, гуськомъ. Утки ходятъ вереницами.—Гуси летаютъ на зимовье вереницами.—Обгонялъ онъ вереницу возовъ, тяжело нагруженныхъ разной крестьянской кладью и медленно подвигавшихся по песчаной дорогѣ (Печерскій „Въ лѣсахъ"). — Годы промчались съ тѣхъ поръ вереницею, намъ ихъ вернуть не дано (К. Р.). — Съ утра еще потянулись нескончаемой вереницею чумаки съ солью и рыбою (Гоголь „Сорочинская ярмарка"). — И скучною тянутся длинные дни вереницей (А. Толстой „Іоаннъ Дамаскинъ").—И Настина внезапная смерть, и предсмертныя мольбы ея... и милости оскорбленнаго Потапа Максимыча... и темная неизвѣстность будущаго — все это вереницей одно за другимъ проносится въ воспаленной головѣ Алексѣя и нестерпимыми муками гнететъ встревоженную душу его (Печерскій „Въ лѣсахъ").—Вереница дамъ, говорливыхъ и молчаливыхъ, тощихъ и толстыхъ, потянулась впередъ, и длинный столъ зарябилъ всѣми цвѣтами (Гоголь).

⁂

11. Материнская любовь.

Изъ романа *А. К. Шеллера-Михайлова* „Гнилыя болота"

Помню я до сихъ поръ, какъ въ зимніе вечера, когда я, бывало, окончивъ уроки, усну на своей постелькѣ, а она все еще сидитъ и шьетъ, спокойная, безмятежная. Какъ я любилъ ея кроткое худенькое личико; какъ тихъ былъ ея поцѣлуй, какъ она, сложивъ работу и уходя спать, на цыпочкахъ подходила ко мнѣ, крестила меня и тихо, осторожно прижимала свои горячія губы къ моей дѣтской головкѣ. Часто не спалъ я въ эти минуты и только оттого

Александръ Константиновичъ Шеллеръ (1838—1900).

не отвѣчалъ поцѣлуями на ея поцѣлуй, чтобы не дать ей повода думать, что она неосторожно разбудила меня или что я не сплю отъ нездоровья; я жмурилъ глаза, притворялся спящимъ и чувствовалъ, что она стоитъ надо мною, заслонивъ свѣчу рукой, и долго, долго любуется моимъ лицомъ. О, святыя, благодатныя мгновенья, полныя кроткой материнской любви, не вы ли сдѣлали меня лучшимъ, чѣмъ я былъ? не вашъ ли свѣтъ запалъ въ мою душу и навсегда согрѣлъ ее, научилъ любить все достойное любви и прощать недостатки людей, никогда не вѣдавшихъ ея благотворнаго вліянія?

Безмятежный—тихій, спокойный, ничѣмъ не возмущаемый. Безмятежный сонъ.—Въ безмятежной тишинѣ пѣсни птички голосистой раздаются въ вышинѣ (Полонскій).

Благодатный—приносящій благо, добро, счастливый. Благодатный климатъ.—Есть сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ (Лермонтовъ).—Пѣвецъ о любви благодатной поетъ (Жуковскій „Графъ Габсбургскій").

Благотворный—благодѣтельный, производящій добро, спасительный. Благотворные солнечные лучи.—Привсталъ и чашей благотворной томленье жажды утолилъ (Пушкинъ „Кавказскій плѣнникъ"). Какая разница между словами **благотворный** и **благотворительный?**

Пословицы: *На свѣтѣ все найдешь кромѣ отца и матери.* — *Слѣпой щенокъ, и тотъ къ матери ползетъ.*

12. Въ барскомъ пансіонѣ.

Изъ романа *Ѳ. М. Достоевскаго*. „Подростокъ“.

Колоколъ ударялъ твердо и опредѣленно по одному разу въ двѣ или даже три секунды, но это былъ не набатъ, а какой-то пріятный плавный звонъ, и я вдругъ различилъ, что это вѣдь—звонъ знакомый, что звонятъ у Николы, въ красной церкви противъ нашего пансіона— въ старинной московской церкви, которую я такъ помню, выстроенной еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, узорчатой, многоглавой и „во столпахъ“,—и что теперь только минула Святая недѣля и на тощихъ березкахъ въ палисадникѣ Тушаровскаго дома уже трепещутъ новорожденные зелененькіе листочки. Яркое подвечернее солнце льетъ косые свои лучи въ нашу классную комнату, а у меня, въ моей маленькой комнаткѣ налѣво, куда Тушаръ отвелъ меня еще годъ назадъ отъ „графскихъ и сенаторскихъ дѣтей“, сидитъ гостья. Да, у меня вдругъ очутилась гостья—въ первый разъ съ того времени, какъ я у Тушара. Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама, хотя съ того времени, какъ она меня причащала въ деревенскомъ храмѣ, а голубокъ пролетѣлъ черезъ куполъ, я, воспитывавшійся въ чужомъ домѣ, не видалъ ужъ ея ни разу. Мы сидѣли вдвоемъ, и я странно къ ней приглядывался. Потомъ, уже много лѣтъ спустя, я узналъ, что она тогда прибыла въ Москву на свои жалкія средства единственно, чтобъ со мной повидаться. Она сидѣла подлѣ меня, и, помню, я даже удивлялся, что она мало такъ говоритъ. Съ ней былъ узелокъ, и она развязала его: въ немъ оказалось шесть апельсиновъ, нѣсколько пряниковъ и два обыкновенныхъ французскихъ хлѣба. Я обидѣлся на французскіе хлѣбы и съ ущемленнымъ видомъ отвѣтилъ, что здѣсь у насъ „пища“ очень хорошая и намъ каждый день даютъ къ чаю по цѣлой французской булкѣ.

— Все равно, голубчикъ, я вѣдь такъ по простотѣ подумала: „можетъ ихъ тамъ, въ школѣ-то, худо кормятъ“, не взыщи, родной.

— И Антонинѣ Васильевнѣ (женѣ Тушара) обидно станетъ-съ. Товарищи тоже будутъ надо мной смѣяться...

— Не примешь, что ли? Можетъ, и скушаешь?

— Пожалуй, оставьте-съ...

А къ гостинцамъ я даже и не притронулся; апельсины и пря-

ники лежали передо мной на столикѣ, а я сидѣлъ, потупивъ глаза, но съ большимъ видомъ собственнаго достоинства. Кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ очень хотѣлось тоже не скрыть отъ нея, что визитъ ея, такой бѣдной, меня даже передъ товарищами стыдитъ; хоть капельку показать ей это, чтобъ поняла: „Вотъ, дескать, ты меня срамишь и даже сама не понимаешь того". Представлялъ я тоже себѣ, сколько перенесу я отъ мальчишекъ насмѣшекъ, только что она уйдетъ, а, можетъ, и отъ самого Тушара,—и ни малѣйшаго добраго чувства не было къ ней въ моемъ сердцѣ. Искоса только я оглядывалъ ея темненькое, старенькое платьице, довольно грубыя, почти рабочія руки, совсѣмъ ужъ грубые ея башмаки, сильно похудѣвшее лицо; морщинки уже прорѣзывались у нея на лбу, хотя Антонина Васильевна и сказала мнѣ потомъ, вечеромъ, по ея уходѣ: „должно быть, ваша maman была когда-то очень недурна собой".

Такъ мы сидѣли, и вдругъ Агафья вошла съ подносомъ, на которомъ была чашка кофею. Было время послѣобѣденное, и Тушары всегда въ этотъ часъ пили у себя въ своей гостиной кофей. Но мама поблагодарила и чашку не взяла: какъ узналъ я послѣ, она совсѣмъ тогда не пила кофею, производившаго у ней сердцебіеніе. Дѣло въ томъ что посланная мамѣ чашка кофею была, такъ сказать, уже подвигомъ гуманности, сравнительно говоря, приносившимъ чрезвычайную честь ихъ цивилизованнымъ чувствамъ и европейскимъ понятіямъ. А мама-то, какъ нарочно, и отказалась.

Меня позвали къ Тушару, и онъ велѣлъ мнѣ взять всѣ мои тетрадки и книги и показать мамѣ, „чтобъ она видѣла, сколько успѣли вы пріобрѣсти въ моемъ заведеніи". Тутъ Антонина Васильевна, съеживъ губки, обидчиво и насмѣшливо процѣдила мнѣ съ своей стороны:

— Кажется, вашей maman не понравился нашъ кофей.

Я набралъ тетрадокъ и понесъ ихъ къ дожидавшейся мамѣ, мимо столпившихся въ классной и подглядывавшихъ насъ съ мамой „графскихъ и сенаторскихъ дѣтей". И вотъ, мнѣ даже понравилось исполнить приказаніе Тушара въ буквальной точности. „Вотъ это— уроки изъ французской грамматики, вотъ это — упражненіе подъ диктантъ, вотъ тутъ спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ avoir и être, вотъ тутъ по географіи, описаніе главныхъ городовъ Европы и всѣхъ частей свѣта и т. д., и т. д." Я съ полчаса или больше объяснялъ ровнымъ маленькимъ голоскомъ, благонравно потупивъ глазки. Я зналъ, что мама ничего не понимаетъ въ наукахъ, можетъ

быть, даже писать не умѣетъ, но тутъ-то моя роль мнѣ и нравилась. Но утомить ее я не смогъ: она все слушала, не прерывая меня, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и даже съ благоговѣніемъ, такъ что мнѣ самому, наконецъ, наскучило, и я пересталъ; взглядъ ея былъ, впрочемъ, грустный, и что-то жалкое было въ ея лицѣ.

Она поднялась, наконецъ, уходить; вдругъ вошелъ самъ Тушаръ и съ дурацки-важнымъ видомъ спросилъ ее: „довольна ли она успѣхами своего сына?“ Мама начала безсвязно бормотать и благодарить; подошла и Антонина Васильевна. Мама стала просить ихъ обоихъ „не оставить сиротки, все равно, онъ что сиротка теперь, окажите благодѣяніе ваше“... и она со слезами на глазахъ поклонилась имъ обоимъ, каждому раздѣльно, каждому глубокимъ поклономъ, именно какъ кланяются „изъ простыхъ“, когда приходятъ просить о чемъ-нибудь важныхъ господъ. Тушары этого даже не ожидали, а Антонина Васильевна видимо была смягчена и, конечно, тутъ же измѣнила свое заключеніе насчетъ чашки кофею. Тушаръ съ усиленною важностью гуманно отвѣтилъ, что онъ „дѣтей не рознитъ, что всѣ здѣсь—его дѣти, а онъ—ихъ отецъ, что я у него почти на одной ногѣ съ сенаторскими и графскими дѣтьми и что это надо цѣнить“, и проч., и проч. Мама только кланялась, но, впрочемъ, конфузилась, наконецъ, обернулась ко мнѣ и со слезами, блеснувшими на глазахъ, проговорила: „прощай, голубчикъ!“

И поцѣловала меня, то-есть я позволилъ себя поцѣловать. Ей видимо хотѣлось бы и еще поцѣловать меня, обнять, прижать; но совѣстно ли стало ей самой при людяхъ, или отъ чего-то другого горько, или ужъ догадалась она, что я ея устыдился, но только она поспѣшно, поклонившись еще разъ Тушарамъ, направилась выходить. Я стоялъ.

— Mais suivez donc votre mère, — проговорила Антонина Васильевна:—il n'a pas de cœur, cet enfant!

Тушаръ въ отвѣтъ ей пожалъ плечами, что, конечно, означало „не даромъ же, дескать, я третирую его, какъ лакея“.

Я послушно спустился за мамой; мы вышли на крыльцо. Я зналъ, что они всѣ тамъ смотрятъ теперь изъ окошка. Мама повернулась къ церкви и три раза глубоко на нее перекрестилась, губы ея вздрагивали, густой колоколъ звучно и мѣрно гудѣлъ съ колокольни. Она повернулась ко мнѣ и—не выдержала, положила мнѣ обѣ руки на голову и заплакала надъ моей головой.

— Маменька, полноте-съ... стыдно... вѣдь они изъ окошка теперь это видятъ-съ...

Она заторопилась:

— Ну, Господи... ну, Господь съ тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, Пречестная Мать, Николай Угодникъ... Господи, Господи!— скороговоркой повторяла она, все крестя меня, всё стараясь чаще и побольше положить крестовъ:—голубчикъ ты мой, милый ты мой! Да постой, голубчикъ...

Она поспѣшно сунула руку въ карманъ, вынула платочекъ, синенькій клѣтчатый платочекъ, съ крѣпко завязаннымъ на кончикѣ узелочкомъ, и стала развязывать узелокъ... но онъ не развязывался...

— Ну, все равно, возьми и съ платочкомъ: чистенькій, пригодится, можетъ, четыре двугривенныхъ тутъ, можетъ, понадобятся, прости, голубчикъ, больше-то какъ разъ сама не имѣю... прости, голубчикъ.

Я принялъ платочекъ, хотѣлъ было замѣтить, что намъ „отъ господина Тушара и Антонины Васильевны очень хорошее положено содержаніе и мы ни въ чемъ не нуждаемся“, но удержался и взялъ платочекъ.

Она, наконецъ, ушла. Апельсины и пряники поѣли еще до моего прихода сенаторскія и графскія дѣти, а четыре двугривенныхъ у меня тотчасъ же отнялъ товарищъ, тоже не изъ „простыхъ“, Ламбертъ; на нихъ накупили они въ кондитерской пирожковъ и шоколаду и даже меня не попотчевали.

Прошли цѣлые полгода, и наступилъ уже вѣтреный и ненастный октябрь. Я про маму совсѣмъ забылъ. И вотъ, тогда, какъ-то разъ въ грустныя вечернія сумерки, сталъ я однажды перебирать для чего-то въ моемъ ящикѣ и вдругъ, въ уголку, увидалъ синенькій батистовый платочекъ ея; онъ такъ и лежалъ съ тѣхъ поръ, какъ я его тогда сунулъ. Я вынулъ его и осмотрѣлъ даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ; кончикъ платка сохранялъ еще вполнѣ слѣдъ бывшаго узелка и даже ясно отпечатавшійся кругленькій оттискъ монетки; я, впрочемъ, положилъ платокъ на мѣсто и задвинулъ ящикъ. Это было подъ праздникъ, и загудѣлъ колоколъ ко всенощной. Воспитанники уже съ послѣ обѣда разъѣхались по домамъ, но на этотъ разъ Ламбертъ остался на воскресенье, не знаю, почему за нимъ не прислали. Онъ хоть и продолжалъ меня тогда бить, какъ и прежде, но уже очень много мнѣ сообщалъ и во мнѣ нуждался. Мы проговорили весь вечеръ о лепажевскихъ пистолетахъ, которыхъ ни тотъ, ни другой изъ насъ не видалъ, о черкесскихъ шашкахъ и о томъ, какъ онѣ рубятъ, о томъ, какъ хорошо было бы завести шайку разбойни-

ковъ. Въ десять часовъ мы легли спать; я завернулся съ головой въ одѣяло и изъ-подъ подушки вытянулъ синенькій платочекъ: я для чего-то опять сходилъ, часъ тому назадъ, за нимъ въ ящикъ и, только что постлали наши постели, сунулъ его подъ подушку. Я тотчасъ прижалъ его къ моему лицу и вдругъ сталъ его цѣловать: „Мама, мама“, шепталъ я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, какъ въ тискахъ. Я закрылъ глаза и видѣлъ ея лицо съ дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потомъ меня, а я говорилъ ей: „стыдно, смотрятъ“. „Мамочка, мама, гдѣ ты теперь, гостья ты моя далекая? Помнишь ли ты теперь своего бѣднаго мальчика, къ которому приходила... Покажись ты мнѣ хоть разочекъ теперь, приснись ты мнѣ хоть во снѣ только, чтобъ только я сказалъ тебѣ, какъ люблю тебя только, чтобъ обнять мнѣ тебя и поцѣловать твои синенькіе глазки, сказать тебѣ, что я совсѣмъ тебя ужъ теперь не стыжусь и что сердце мое ныло тогда, а я только сидѣлъ, какъ лакей. Не узнаешь ты, мама, никогда, какъ я тебя тогда любилъ! Мамочка, гдѣ ты теперь? Слышишь ли ты меня? Мама, мама, а помнишь голубочка, въ деревнѣ?“...

Набатъ—частый и мѣрный звонъ въ колоколъ, для возвѣщенія пожара или иной опасности. Вдругъ слышу звонъ... ударили въ набатъ... крикъ, шумъ... (Пушкинъ „Борисъ Годуновъ“).

Пансіонъ (франц.)—учебное и воспитательное заведеніе, въ которомъ воспитанники живутъ на полномъ содержаніи; вообще учрежденіе, гдѣ за плату можно имѣть полное содержаніе.

Во столпахъ—то же, что со столпами, т.-е съ башнями, вышками.

Приглядываться, приглядѣться къ чему—1, всматриваться, стараясь разсмотрѣть хорошенько. Какъ ни приглядываюсь, а узнать васъ не могу; 2, привыкнуть смотрѣть на что-нибудь. Ко всему можно приглядѣться; 3, **приглянуться**—значитъ понравиться.

Ущемлять, ущемить—стиснуть, сжать, сдавить до боли; больно задѣть. Я палецъ въ дверяхъ ущемилъ.—Ущемленное самолюбіе.

Гуманность (лат.)—человѣколюбивое отношеніе.

Цивилизованный (франц.)—получившій хорошее воспитаніе и образованіе.

Процѣдить, процѣживать—пропустить сквозь сито или бумагу какую-ниб. жидкость. Процѣдить сквозь зубы—говорить неясно, съ оттѣнкомъ высокомѣрія.

Благоговѣніе—чувство глубокаго уваженія, смѣшаннаго со страхомъ. Неограниченная благодарность Недопюскина скоро перешла въ подобострастное благоговѣніе (Тургеневъ „Записки Охотника“).

Конфузиться (франц.)—стыдиться, стѣсняться.

Третировать (франц.)—относиться къ кому-либо презрительно, свысока.

Опредѣлите различныя значенія слова **вѣтреный** по слѣдующимъ примѣрамъ: На дворѣ сегодня вѣтрено.—Вѣтреный человѣкъ. Не смѣшивать его со словомъ **вѣтряный**—вѣтряная мельница.

*

13. Нянина кручина.

Стихотвореніе *Омулевскаго (И. В. Ѳедорова).*

„Что тебѣ, дитя, не спится?
Не головка ли болитъ?“
У кроватки суетится
няня, дряхлая на видъ.

Глазки дѣтскіе блуждаютъ:
„Что же мамы нѣтъ со мной?
Няня! Что это читаютъ
тамъ, въ той комнатѣ большой?“

„Спи, малютка, Богъ съ тобою!
Мама... мама тоже спитъ;
папа занятъ... вслухъ съ собою
онъ, должно быть, говоритъ“.

„У тебя-то отчего же,
няня, слезы на глазахъ?
Да и папа утромъ тоже
цѣловалъ меня въ слезахъ“.

„Спи, дитя! Слезятся очи,
знать, отъ свѣту... спать хочу.
Спи же, спи! покойной ночи!
Погашу-ка я свѣчу“

„Вонъ и мамина подушка..
Няня! гдѣ же мама спитъ?“
„Полно!..“ молвила старушка
и заплакала навзрыдъ.

Кручина—то, что крушитъ, огорчаетъ; грусть, печаль, горе, какъ длительное душевное страданіе. Кручина сердце гложетъ.—Кручина ты моя, кручинушка великая! никому ты, моя кручинушка, неизвѣстна; извѣстна ты, моя кручинушка, ретивому сердцу (Народная пѣсня).

Обратите вниманіе на форму выраженія: **тебѣ не спится**; назовите другіе примѣры, какъ: ему не спдится, мнѣ неможется.

Блуждать—ходить, двигаться туда и сюда, скитаться, сбиться съ пути. Блуждающіе огни.—Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры (Лермонтовъ).

14. Листья.

Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.*

Мы, легкое племя,
цвѣтемъ и блестимъ,
и краткое время
на сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
мы были въ красѣ,
играли съ лучами,
купались въ росѣ!..
Но птички отпѣли,
цвѣты отцвѣли,
луга поблѣднѣли,
зефиры ушли.

Такъ что же намъ даромъ
висѣть и желтѣть?
Не лучше ль за ними
и намъ улетѣть?
О буйные вѣтры!
Скорѣе, скорѣй,
скорѣй насъ сорвите
съ докучныхъ вѣтвей!
Сорвите, умчите,
мы ждать не хотимъ,—
летите, летите!
Мы съ вами летимъ.

Племя—поколѣніе, родъ, народъ, порода. Въ какомъ значеніи употребляется здѣсь это слово? Ср. въ стихотвореніи Пушкина „Вновь я посѣтилъ“ обращеніе къ лѣсу: Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Какое значеніе имѣетъ приставка **от** въ словѣ **отпѣли, отцвѣли?** Назовите другіе такіе же примѣры.

Зефиръ (греч.)—легкій вѣтерокъ.

Докучный—Что значитъ докучная сказка? Какая разница между докучный докучливый?

Умчать—унести. Волкъ умчалъ овцу.—Судно умчало волнами.—Умчались годы. Умчалась года половина (Пушкинъ).

15. Иванъ Өедоровичъ Шпонька въ школѣ.

Изъ повѣсти *Н. В. Гоголя* „Иванъ Өедоровичъ Шпонька и его тетушка“.

Уже четыре года, какъ Иванъ Өедоровичъ Шпонька въ отставкѣ и живетъ на хуторѣ своемъ Вытребенькахъ. Когда былъ онъ еще Ванюшею, то обучался въ Гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ и, надобно сказать, былъ преблагонравный и престарательный мальчикъ. Учитель россійской грамматики, Никифоръ Тимоөеевичъ Дѣепричастіе, говаривалъ, что если бы всѣ у него были такъ старательны, какъ Шпонька, то онъ не носилъ бы съ собою въ классъ кленовой линейки, которою, какъ самъ онъ признавался, уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругомъ облинеенная, нигдѣ ни пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смирно, сложивъ руки и уставивъ глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ сидѣвшему впереди его товарищу на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ т ѣ с н о й б а б ы. Когда кому нужда была въ ножикѣ, очинить перо, тотъ немедленно обращался къ Ивану Өедоровичу, зная, что у него всегда водился ножикъ; и Иванъ Өедоровичъ, тогда еще просто Ванюша, вынималъ его изъ большого кожанаго чехольчика, привязаннаго къ петлѣ своего сѣренькаго сюртука, и просилъ только не скоблить пера остріемъ ножика, увѣряя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонравіе скоро привлекло на него вниманіе даже самого учителя латинскаго языка, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводилъ страхъ на весь классъ. Этотъ страшный учитель, у котораго на каөедрѣ всегда лежало два пучка розогъ и половина слушателей стояла на колѣняхъ, сдѣлалъ Ивана Өедоровича аудиторомъ, несмотря на то, что въ классѣ было много съ гораздо лучшими способностями. Тутъ не можно пропустить одного случая, сдѣлавшаго вліяніе на всю его жизнь. Одинъ изъ ввѣренныхъ ему учениковъ, чтобы склонить своего аудитора написать ему въ спискѣ scit, тогда какъ онъ своего урока въ зубъ не зналъ, принесъ въ классъ завернутый въ бумагу, облитый масломъ, блинъ. Иванъ Өедоровичъ хотя и держался справедливости, но на эту пору былъ голоденъ и не могъ противиться обольщенію; взялъ блинъ, поставилъ книгу и началъ ѣсть, и такъ

былъ занятъ этимъ, что даже не замѣтилъ, какъ въ классѣ сдѣлалась вдругъ мертвая тишина. Тогда только съ ужасомъ очнулся онъ, когда страшная рука, протянувшись въ фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на средину класса. „Подай сюда блинъ! Подай, говорятъ тебѣ, негодяй!“ сказалъ грозный учитель, схватилъ пальцами масленый блинъ и выбросилъ его за окно, строго запретивъ бѣгавшимъ по двору школьникамъ поднимать его. Послѣ этого тутъ же высѣкъ онъ пребольно Ивана Ѳедоровича по рукамъ; и дѣло: руки виноваты, зачѣмъ брали, а не другая часть тѣла. Какъ бы то ни было, только съ этихъ поръ робость, и безъ того неразлучная съ нимъ, увеличилась еще болѣе.

Было уже ему безъ малаго пятнадцать лѣтъ, когда перешелъ онъ во второй классъ, гдѣ, вмѣсто сокращеннаго катихизиса и четырехъ правилъ ариѳметики, принялся онъ за пространный, за книгу о должностяхъ человѣка и за дроби. Но, увидѣвши, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и получивши извѣстіе, что батюшка приказалъ долго жить, пробылъ еще два года и, съ согласія матушки, вступилъ потомъ въ П*** пѣхотный полкъ.

Повѣтóвый отъ сущ. **повѣтъ**—такъ назывался уѣздъ, часть области или губерніи въ Малороссіи; названіе, теперь не существующее.

Фризовая шинель—сдѣланная изъ толстой, весьма ворсистой байки.

Аудиторъ—такъ назывался въ учебныхъ заведеніяхъ прежняго времени ученикъ, выслушивавшій уроки другихъ и ставившій имъ баллы. Классъ наполнялся разноголосными жужжаніями: аудиторы выслушивали своихъ учениковъ (Гоголь „Вій“).

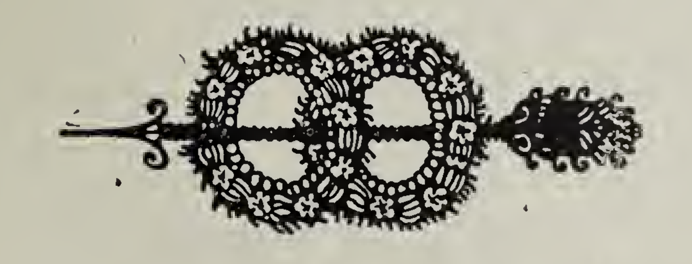
Не можно пропустить—какъ слѣдуетъ сказать? „Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно“, бѣдный хлопецъ прошепталъ (Пушкинъ „Воевода“).

Сдѣлать вліяніе—выраженіе неупотребительное; говорятъ: имѣть вліяніе, оказать вліяніе.

Ввѣрять что̀ кому — отдать на храненіе, поручать, полагаясь или довѣряя. И кромѣ бури да громовъ онъ никому не ввѣритъ думы (Лермонтовъ). Ввѣрять тайну.—Ввѣрить кому воспитаніе своихъ дѣтей.

Обольщеніе—отъ гл. обольщать, обольстить, т.-е. соблазнять, склонять обманомъ или лукавыми ласками.

Обратите вниманіе на выраженія: *Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ* и приказалъ долго жить; въ томъ же смыслѣ употребляется—приказалъ кланяться.

16. Бѣдный богачъ.

Басня *И. А. Крылова.*

„Ну, стоитъ ли богатымъ быть,
чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить
и только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ — вѣдь все оставимъ.
Мы только лишь себя и мучимъ и безславимъ.
Нѣтъ, если бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
не только бъ я рубля, я бъ тысячъ не жалѣлъ,
чтобъ жить роскошно, пышно,
и о моихъ пирахъ далеко было бъ слышно;
я даже дѣлалъ бы добро другимъ;
а богачей скупыхъ на муку жизнь похожа“.
Такъ разсуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ,
въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лежа;
какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,
кто говоритъ — колдунъ, кто говоритъ — что бѣсъ;

послѣднее едва ли не вѣрнѣе:
изъ дѣла будетъ то виднѣе. —
Предсталъ—и началъ такъ: „Ты хочешь быть богатъ,
я слышалъ для чего; служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ, не болѣ;
но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.
Итакъ, пріятель мой,
разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ.
Возьми жъ и изъ него безъ счету вынимай,
доколѣ будешь ты доволенъ;
но только знай:
истратить одного червонца ты не воленъ,
пока въ рѣку не бросишь кошелька".
Сказалъ—и съ кошелькомъ оставилъ бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался;
но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.
И что жъ?—Чуть вѣрится ему, что то не сонъ:
едва червонецъ вынетъ вонъ,
ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.
„Ахъ, пусть лишь до утра мнѣ счастіе продлится!"
бѣднякъ мой говоритъ:
„червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;
такъ завтра же богатъ я буду
и заживу, какъ сибаритъ".
Однакожъ поутру онъ думаетъ другое.
„То правда", говоритъ, „теперь я сталъ богатъ:
да кто жъ добру не радъ?
И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Неужто лѣнь
надъ кошелькомъ еще провесть хоть день!
Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;
но если накупить могу я деревень,
не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ;
ужъ такъ и быть, еще я поговѣю
одинъ денекъ;

а, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю“.
Но что жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ,—
бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;
межъ тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьетъ;
но чуть лишь день, а онъ опять за ту жъ работу.
День кончится, и, по его расчету,
ему всегда чего-нибудь не достаетъ.
Лишь кошелекъ нести сберется,
то сердце у него сожмется:
придетъ къ рѣкѣ—воротится опять.
„Какъ можно, говоритъ, „отъ кошелька отстать,
когда мнѣ золото рѣкою само льется?“
И наконецъ бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
бѣднякъ мой похудѣлъ;
какъ золото его, бѣднякъ мой пожелтѣлъ,
ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ;
онъ сталъ и слабъ, и хилъ; здоровье и покой—
утратилъ все; но все дрожащею рукой
изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.
Таскалъ, таскалъ... и чѣмъ же кончилъ онъ?
На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
на той же лавкѣ онъ скончался,
досчитывая свой девятый милліонъ.

Спить—неправильная форма, вмѣсто **испить**.
Безславить, обезславить—наносить безславіе, безчестіе; посрамлять.
Предстать, представать—явиться. Передъ нимъ предстали картины прошлаго.
Сибаритъ (греч.)—изнѣженный человѣкъ, любящій жить въ свое удовольствіе.

17. Котъ и поваръ.

Басня *И. А. Крылова.*

Какой-то поваръ-грамотей
съ поварни побѣжалъ своей
въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
и въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
а дома стеречи съѣстное отъ мышей
кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
объѣдки пирога, а Васька-котъ—въ углу,
припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
„Ахъ ты, обжора! ахъ, злодѣй!"
тутъ Ваську поваръ укоряетъ:
„не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?"
(А Васька все-таки курченка убираетъ.)
„Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ—
а ты... Ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:

котъ-Васька плутъ! котъ-Васька воръ!
И Ваську-де, не только что въ поварню,
пускать не надо и на дворъ,
какъ волка жаднаго въ овчарню:
онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!"
(А Васька слушаетъ да ѣстъ.)
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
не находилъ конца нравоученью.
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
гдѣ нужно власть употребить.

Грамотей—умѣющій читать и писать; человѣкъ, свѣдущій въ книжномъ дѣлѣ. Битый—правду говоритъ молвь людей простыхъ—стоитъ двухъ, кто не былъ битъ, грамотей—троихъ (Курочкинъ).

Поварня—кухня. *Поваръ въ поварнѣ, что волкъ въ овчарнѣ.*

Правило—то, чѣмъ руководствуется человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Человѣкъ высокихъ правилъ—нравственный, честный; человѣкъ набожныхъ правилъ—богобоязненный.

Тризна—поминки, поминовеніе усопшихъ. Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ на тризнѣ плачевной Олега (Пушкинъ).

Править что—1, выпрямлять, исправлять. Править дорогу.—Править рукопись. Править бритву; 2, исполнять или совершать. Править (справлять) именины; 3, **править чѣмъ**—управлять, руководить, распоряжаться. Править государствомъ.—Править лошадьми.—Править рулемъ. Какія вы знаете однокоренныя слова?

Язва—рана, болѣзнь; въ переносномъ значеніи—зло, вредъ.

Риторъ (греч.)—1, ораторъ, краснорѣчивый, рѣчистый человѣкъ; 2, ученикъ (въ старое время) духовнаго училища, изучающій риторику. Курсъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ училищахъ, бурсахъ, дѣлился, по образцу западныхъ церковныхъ школъ, на два отдѣла: въ первомъ изучались словесныя науки, грамматика, риторика (искусство „сочинять", т. е. литературно выражаться) и діалектика (искусство разсуждать, доказывать и спорить); во второмъ преподавались „реальныя" знанія: музыка (главн. образомъ церковное пѣніе), ариѳметика, геометрія (собственно естественная исторія, перемѣшанная съ миѳами и повѣрьями) и астрономія (вычисленіе календаря, а особенно Пасхи, и гаданіе по звѣздамъ). Риторъ Тиберій Городецъ еще не имѣлъ права носить усовъ, пить горѣлки и курить люльки... судя по большимъ шишкамъ на лбу, съ которыми онъ часто являлся въ классъ, можно было предположить, что изъ него будетъ хорошій воинъ (Гоголь „Вій").

Его онъ пѣлъ—старинное выраженіе, подражаніе древне-греческому. Такъ начинались многія поэтическія произведенія въ XVIII вѣкѣ. Пою отъ варваровъ Россію свобожденну, попранну власть татаръ и гордость низложенну (Херасковъ).

Зарубить—сдѣлать отмѣтку, зарубку; въ переносномъ значеніи—запомнить, замѣтить себѣ. Опредѣлите значеніе этого слова въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Заруби себѣ это на носу!—Тутъ ѣзды нѣтъ, дорогу зарубили.—Ну зарубилъ! что ему ни говори, онъ все свое.—Охотники зарубили медвѣдя.—Зарубила я платочекъ, да не даютъ кончить.

18. Дѣтство Чичикова.

Изъ поэмы *Н. В. Гоголя* „Мертвыя души“

Николай Васильевичъ Гоголь
(1809 — 1852).

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные—Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пиголицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: „Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, что было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: ни въ мать, ни въ отца, а въ прохожаго молодца“. Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ—больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: „Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ“; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: „опять задурилъ!“ отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ, протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ

жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ въ телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями передъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся въ глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: „Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего—угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ, а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь

Сосновый боръ.

И. Шишкинъ.

и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой“. Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось, отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны—со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощенье, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращеніе, показавъ оборотливость почти необыкновенную: слѣпилъ изъ воску снѣгиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ въ продолженіе нѣкотораго времени пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить,—признакъ наступающаго голода,—онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника или булки и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. „Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!“ говорилъ онъ: „я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь! Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!“ И бѣдный маль-

чишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. „Способности и дарованія—это все вздоръ!“ говаривалъ онъ: „я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому—нуль, хотя онъ Соломона заткни за поясъ!“ Такъ говорилъ учитель, не любившій на смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: „По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“, и всегда разсказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: „за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе“. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ его отецъ. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копѣйку, а самъ накопилъ ея немного. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишка съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ, и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещились безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, про-

давъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: „Эхъ ты, жила!“ Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ; слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. „При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать“, произнесъ онъ слабымъ голосомъ и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: „Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго—шелкъ! Надулъ, сильно надулъ“...

Столбовой дворянинъ—древняго рода, дворянство котораго прошло черезъ нѣсколько поколѣній. Что значитъ **столбовая дорога?** *Мимо нашего стола дорога столбова.*

Мерлушка—баранья шкурка.

Послушествовать—собственно значитъ свидѣтельствовать, давать показанія. Не послушествуй на друга своего свидѣтельства ложна. Въ данномъ разсказѣ въ смыслѣ „слушаться“.

Пропись, чаще во мн. ч.—1, общеизвѣстныя нравоучительныя изреченія, встрѣчающіяся въ образцахъ для письма; 2, образецъ для письма, для хорошаго почерка Написать число прописью, письмомъ, словами. Прописная буква, большая, заглавная.

Кавыка—значекъ надъ буквой, употребляемой въ письмѣ и печати для краткости; каракуля, дурно написанная буква. Василій Ивановичъ такія иногда мудреныя чертитъ кавыки, такія иногда подъ перомъ его рождаются дикія слова, что глазамъ не вѣрится (Соллогубъ „Тарантасъ“).

Мухортый—о лошади: гнѣдая, съ желтыми пятнами; о человѣкѣ: слабый, хилый, тощій, малорослый.

Бултыхать, бултыхнуть—1, съ шумомъ взбалтывать жидкость. Полѣзай за мной, да воду-то не больно бултыхай—услышатъ (Печерскій); 2, съ шумомъ вливать или бросать что-нибудь въ жидкость; падать съ шумомъ въ жидкость. Бултыхать камень въ рѣку. Часто, какъ и здѣсь, употребляется въ значеніи **бултыхаться**. Тутъ смотрите, господа, осторожнѣе черезъ мостъ, чтобы не бултыхнуться въ лужу (Гоголь „Мертвыя души“). Отсюда же слово **бултыхъ, бухъ, буль-буль**. Какъ вылупился утенокъ, такъ и бултыхъ въ воду.

Запрудить, запруживать—1, плотиною удержать воду; 2, загораживать чѣмъ-либо рѣку; стѣснять правильное теченіе рѣки. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ (Пушкинъ); 3, переполнять, заполнять чѣмъ-либо большимъ малое пространство. Какой-то полкъ, тѣснясь и спѣша, запрудилъ улицу, идя назадъ (Л. Толстой „Война и миръ“).—Да и понашло-то гостей! и въ хатѣ, и на дворѣ, и у воротъ,—всю улицу такъ прудомъ и запрудили (Марко-Вовчекъ)

Дранье, дрань, дранка, драница—тонкая полоса (лучина), отколотая отъ слоистаго дерева и употребляющаяся для покрытія крышъ и на обивку деревянныхъ стѣнъ подъ штукатурку.

Повѣсничать отъ сущ. **повѣса**—шалунъ шалопай, проказникъ. Онъ только повѣсничаетъ, а дѣла не дѣлаетъ.—Долго ли имъ небо коптить и безъ дѣла повѣсничать (Соколовъ „Тайна“).

Водиться съ кѣмъ—1, имѣть постоянныя сношенія, знакомство. Водиться съ добрыми людьми; 2, гдѣ, въ чемъ имѣться, находиться, жить. Въ водѣ лещи водились (Крыловъ).—Двѣ волчихи не водятся въ одномъ оврагѣ (Пушкинъ „Русалка“).—У нихъ на масленицѣ жирной водились русскіе блины (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ“). Глядите... какіе у насъ водятся чудаки (Тургеневъ „Рудинъ“).—За ними водятся грѣшки.—*Въ тихомъ омутѣ черти водятся*; 3, размножаться. У нея

куры не водятся; 4, въ безличной формѣ: быть въ обычаѣ. Какъ водится, пошли догадки (Крыловъ).

Опредѣлите различныя значенія слова **прошибать**. Ему камнемъ голову прошибло.—Его ничѣмъ не прошибешь.—Меня знобъ прошибаетъ, а его потъ прошибъ.

Приращеніе—количество, на сколько что-либо увеличилось; ростъ, приростъ, прибыль, прикопъ. Ежегодное приращеніе населенія.

Оборотливость—способность выгодно и ловко устраивать свои дѣла. **Оборотливый**—ловкій, смѣлый, предпріимчивый; удачно и выгодно устраивающій свои дѣла. Оборотливый хозяинъ.—Оборотливый парень. Что значитъ **оборотиться, оборачиваться, обернуться** въ переносномъ смыслѣ? Дали на всѣ расходы рубль—оборачивайся какъ знаешь.

Спекуляція (франц.)—денежное, торговое предпріятіе; оборотъ, имѣющій цѣлью наживу.

Раззадоривать, раззадорить—разжигать, возбудить страсть, охоту къ чему. *Не раззадоривай собаки: она часомъ попомнитъ тебѣ.—На чужое добро не раззадоривайся,* не прельщайся.

Острый—имѣетъ различныя значенія; опредѣлите ихъ по слѣдующимъ выраженіямъ: *Пила остра, не смычку сестра.—Жало остро, а языкъ острѣй того.—Остеръ топоръ, да и сукъ зубастъ.*—Острый умъ, острое словцо, острые глаза, острое зрѣніе, острый слухъ, острая боль.—Острый уголъ.—Острый вкусъ, острый сыръ. Что значитъ: Ты больно остеръ.—*Держи ухо (в)остро.*

Ненарокомъ—не нарочно, невзначай, случайно; неумышленно, нехотя, ошибкой. *Ненарокомъ взглянетъ, что рублемъ подаритъ.—Ненарокомъ въ лѣсъ пошелъ, невзначай топорище вырубилъ.*

Заносчивость—свойство человѣка, мелочно и неумѣстно гордаго, много о себѣ думающаго. Никто не могъ упрекнуть ихъ въ высокомѣріи и заносчивости (Достоевскій „Идіотъ").—То былъ умъ удивительно вѣрный и здравый, безъ малѣйшей заносчивости и тонкій безъ жеманства (Никитенко „Дневникъ"). **Заносчивый**—1, Я теперь ужъ не тотъ заносчивый мальчикъ, какимъ я сюда пріѣхалъ (Тургеневъ „Отцы и дѣти"). — Предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ, съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ (Некрасовъ „Медвѣжья охота"); 2, не признающій для себя преградъ и препятствій. Ей нравились... и младости заносчивая сила (Языковъ).—Во мракѣ одинокъ, поглощенъ волною тонетъ мой заносчивый челнокъ (Давыдовъ).

Опрометь—бѣгъ сколько есть силы, во весь духъ, сломя голову. Чаще употребляется какъ нарѣчіе **опрометью**.

Треухъ—теплая шапка съ опускными наушниками и задникомъ. Лишь онъ (пѣтухъ) вспоетъ,—старуха встала, накинетъ на себя шубейку и треухъ (Крыловъ).

Опредѣлите различныя значенія слова **пропадать**. Куда моя шапка пропала?—За нимъ много денегъ пропадаетъ.—Три дня купеческая дочь Наташа пропадала (Пушкинъ).—Цвѣты всѣ пропали отъ зноя.—Мало ли добра на свѣтѣ пропадаетъ.—Я тутъ совсѣмъ пропаду безъ тебя.—*Гдѣ наше не пропадало!—Что съ возу упало, то пропало.—Пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой.*

Мерещиться — казаться, видѣться, неясно представляться. Въ глазахъ мерещится. — *Голодному хлѣбъ мерещится.*

Отговориться—отказываться подъ какимъ-нибудь предлогомъ; отдѣлываться словами, уклоняться. Отъ службы не отговаривайся, на службу не напрашивайся (Пушкинъ „Капитанская дочка"). Отсюда **отговорка**. *У него всѣ отговорки на ладони.—У всякаго Ѳедорки свои отговорки.* Что значитъ **заговориться, уговориться, наговориться**.

Назовите различныя буквальныя значенія слова **жила**; здѣсь оно употреблено въ переносномъ значеніи и обозначаетъ: прижимистый человѣкъ, скряга, охотникъ въ игрѣ или спорѣ присвоить себѣ, **зажилить**. Вѣдь ужъ ты жила извѣстный: самъ норовишь на грошъ пятаковъ купить (Островскій). – Нечего отлынивать-то!.. Жила ты этакая!.. Бѣдныхъ людей обирать! (Печерскій). — Хлопотунъ онъ и жила страшная, а хозяинъ плохой (Тургеневъ „Записки Охотника").

19. * * *

Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.*

Песокъ сыпучій по колѣни.
Мы ѣдемъ... Поздно... Меркнетъ день,
и сосенъ по дорогѣ тѣни
уже въ одну слилися тѣнь.

Чернѣй и чаще боръ глубокій...
Какія грустныя мѣста!...
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
глядитъ изъ каждаго куста.

❀

20. Тополь.

Стихотвореніе *А. А. Фета.*

Сады молчатъ. Унылыми глазами,
съ уныніемъ въ душѣ, гляжу вокругъ:
послѣдній листъ разметанъ подъ ногами,
послѣдній лучезарный день потухъ!

Лишь ты одинъ надъ мертвыми степями
таишь, мой тополь, смертный свой недугъ
и, трепеща попрежнему листами,
о вешнихъ дняхъ лепечешь мнѣ, какъ другъ.

Пускай мрачнѣй, мрачнѣе дни за днями
и осени тлетворный вѣетъ духъ:
съ подъятыми ты къ небесамъ вѣтвями
стоишь одинъ и помнишь теплый югъ.

Разметать—1, раскидать, разбросать, расшвырять; кидать, бросать врозь. Разметать кучу, сѣно; разметать книги, бумаги; разметать руки, ноги; разметать узоръ, набросать узоръ; 2, раздѣлить по жребію, разверстать. Разметать подати, разверстать по душамъ.

Таить—1, скрывать отъ другихъ, не сказывать, не показывать, хоронить. Правды жаждущій печаль свою таитъ (Полонскій); 2, отпираться, запираться, лгать; 3, укрывать кого или что-нибудь, прятать, не выдавать.

Тлетворный—вредный, пагубный, губительный. Лишь вихорь черный, на древо смерти налетитъ и мчится прочь, уже тлетворный (Пушкинъ „Анчаръ“).

❀

21. День въ Обломовкѣ.

Изъ романа *И. А. Гончарова* „Обломовъ“.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ.

Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ, удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ его къ матери.

Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки; спросила, не болитъ ли что-нибудь; разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару? Потомъ взяла его за руку и подвела его къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы.

Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.—Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы. — Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова. Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу.

Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю. Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ безпрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головою, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного-помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какіе-то старушки и старики. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломова подхватили Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками.

Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять

ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурной репутаціей.

Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужъ давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ.

Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобы посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только „людямъ", а господа не ходятъ.

Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ уже надо было спѣшить разрушать его замыслы влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани, въ оврагъ. — Ахъ ты, Господи, что за ребенокъ, за юла такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! говорила нянька.

И цѣлый день, и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность. Этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть, угасла бы давнымъ-давно.

Не все рѣзвъ однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣт-

скій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще невысоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, отъ голубятни и отъ галлереи,—отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ. — Оттого, батюшка, что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, а по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ—и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери: — Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! Уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку,— будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

— У! баловень! тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо.

Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней съ ведрами, корытами и кувшинами бабы, кучера.

А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.—Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ? спроситъ онъ идущаго по двору человѣка. — Несу ножи точить въ людскую, отвѣчалъ тотъ, не взглянувъ на барина.— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи! Потомъ остановитъ бабу: — Эй, баба! Баба! куда ходила? — Въ погребъ, батюшка, говорила она, останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно: — молока къ столу достать.—Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ: да смотри, не пролей молоко-то. А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ: — Вотъ я тебѣ дамъ бѣгать. Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую! И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ

ли изъ окна, что дворняжка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п.

Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о томъ, прибавить это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! Какая птица воспитывалась! Сколько тонкихъ соображеній, сколько занятій и заботъ въ ухаживаніи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляли висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! Какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью.

Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитій. Пекли исполинскій пирогъ который сами господа ѣли еще на другой день; натретій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы,

такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ.

Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина—все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита—всѣ разбрелись по своимъ угламъ, а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пашни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ.

Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли вповалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять.

Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, если бъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво, только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ или, не открывая глазъ, плюнетъ спросонья и, почавкавъ губами или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ.

А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ, чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ.

Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, несмотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость, потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню или галлерею.

Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба или просто на травкѣ, повидимому, съ тѣмъ, чтобы вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. „Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею“, думала она почти сквозь сонъ: „или еще... какъ бы въ оврагъ...“ Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье.

А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь.

Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ; остановится и смотритъ пристально, какъ кто очнется, плюнетъ и промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломинку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ

бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву, и мучителя.

Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька.

Онъ выбѣжитъ и за ворота; ему бы хотѣлось въ березнякъ: онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ, по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри.

Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ вулкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху.

Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала

подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать; въ природѣ стало все поживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу. И въ домѣ мало-помалу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ.

Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя.

Обѣдъ и сонъ рождали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ; слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ.

Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка; наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго.

Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну, и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRA

какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться.

На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки.

А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣднiй лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей; но и тотъ потухъ.

Предметы теряли свою форму: все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣнiе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣднiй разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула.

Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣднiй разъ, и она стала неподвижна.

Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ со своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческiй умъ, жарче кипятъ поэтическiя думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и покойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.—Что ты, Богъ съ тобой! Теперь гулять! отвѣчаетъ она:—сыро, ножки простудишь, и страшно: въ лѣсу теперь лѣшiй ходитъ; онъ уноситъ маленькихъ дѣтей. — Куда онъ уноситъ? Какой онъ бываетъ? Гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель.— Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ:—прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!

Натягивать, натянуть—употребляется въ двоякомъ значеніи: 1, въ прямомъ—натянуть веревку потуже. Натягивать лукъ. Насилу натянулъ сапоги; 2, въ переносномъ: Натянуть кому носъ. Натянутое сравненіе. Отсюда **натяжка**—неправильное, неосновательное утвержденіе. Дѣло рѣшено съ натяжкой.

Околотокъ—1, окрестное селеніе, предмѣстье города, слобода, посадъ, пригородъ; 2, часть города, кварталъ. Околоточный, квартальный.

Репутація (франц.)—хорошая или дурная слава о человѣкѣ. Бываетъ часто репутація хуже, чѣмъ самъ человѣкъ (Боборыкинъ „Дома“).

Замыселъ—мысль, намѣреніе, планъ, задуманное предпріятіе, предначертаніе. Между тѣмъ въ головѣ тетушки созрѣлъ совершенно новый замыселъ (Гоголь). Что значитъ: **замысловатый, умыселъ?**

Юла—непосѣда; кто юлитъ, т. е. не сидитъ смирно, безпокойно вертится, егозитъ. Онъ и игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ (Тургеневъ „Пѣвцы“).

Импровизировать—говорить стихи, рѣчь или пѣть и играть на инструментѣ безъ приготовленія. Онъ не помнилъ ни одной сказки, такъ что всякій разъ ему приходилось импровизировать (Чеховъ „Въ сумеркахъ“).—Импровизаторъ вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на груди... музыканты умолкли... импровизація началась (Пушкинъ).

Неукоснительно (отъ слова **укоснить**—медлить, затягивать, тянуть время; не рѣшаться, долго не исполнять)—безъ замедленія, не пропуская; точно, строго слѣдуя за чѣмъ-нибудь. **Коснѣть**—упорно оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, состояніи. Коснѣть въ невѣжествѣ, въ предразсудкахъ.

Пострѣленокъ, пострѣлъ—непосѣда, шалунъ, сорванецъ. *Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.*

Моціонъ (лат.)—движеніе, предпринимаемое для сохраненія здоровья. Бабушка сходила пѣшкомъ на крутыхъ спускахъ, и—какъ „для моціона“, такъ и „чтобы лошадей пожалѣть“ (Лѣсковъ „Захудалый родъ“).

Заплыть, заплывать—1, плывя, заходить куда-нибудь, уплывать на далекое разстояніе. По рѣчушкѣ утенушка плавала, по быстрой сѣрая гуляла; впередъ ея селезень заплывалъ, въ глазушки утенушкѣ заглядывалъ (Народная пѣсня); 2, засариваться, наполняться чѣмъ. Прудъ заплылъ; 3, сильно жирѣть. Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ (Крыловъ).—*Дѣло-то забывчиво, а тѣло-то заплывчиво.*

Археологъ (греч.)—изслѣдователь древностей.

Свита (франц.)—окружающіе, приближенные при государѣ, а также при знатной или богатой особѣ. Убѣжалъ смотритель! Оробѣлъ и убѣжалъ и со всею свитой (Некрасовъ).—Царь и свита, выйдя на улицу, сѣли на подведенныхъ лошадей (Данилевскій „На Индію“).

✻

Симптомъ (греч.)—внѣшній признакъ, предвѣстникъ.

Разминаться, размяться—1, разойтись, разъѣхаться. Съѣхались и насилу разминулись; 2, разойтись, не застать другъ друга. Мы съ нимъ разминулись: я къ нему поѣхалъ, а онъ ко мнѣ; 3, расправить члены отъ усталости. Пойти размяться, освѣжиться. Разминать лошадь, не давать ей застаиваться.

Эпопея (греч.)—героическая поэма, разсказъ о какомъ-нибудь героѣ и его похожденіяхъ, по преимуществу о его борьбѣ съ обстоятельствами. Вся эта эпопея разыгрывалась еще въ то время, когда бабушка жила въ Петербургѣ (Лѣсковъ „Захудалый родъ").—О, она все узнаетъ, что его касается, всю его эпопею (Маркевичъ „Бездна").

22. Ученье Илюши Обломова.

Изъ романа *И. А Гончарова* „Обломовъ"

Иванъ Александровичъ Гончаровъ (1814—1891).

Илья Ильичъ учился въ селѣ Верхлевѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ.

У него былъ свой сынъ, Андрей, почти однихъ лѣтъ съ Обломовымъ; да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой, все дѣтство проходилъ постоянно съ завязанными глазами или ушами да плакалъ все втихомолку о томъ, что живетъ не у бабушки, а въ чужомъ домѣ среди злодѣевъ, что, вотъ, его и приласкать-то некому, и никто любимаго пирожка не испечетъ ему. Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ еще въ пансіонѣ пока не было.

Нечего дѣлать, отецъ и мать посадили баловника Илюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ. Наконецъ отвезли.

Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь

хорошенько, если бы Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлева. А то какъ выучиться?

Обаяніе обломовской атмосферы, образа жизни и привычекъ простиралось и на Верхлево; вѣдь оно тоже было нѣкогда Обломовкой; тамъ, кромѣ дома Штольца, все дышало тою же первобытною лѣнью, простотою нравовъ, тишиною и неподвижностью.

Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ этого быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу.

Можетъ быть, дѣтскій умъ его давно рѣшилъ, что такъ, а не иначе слѣдуетъ жить, какъ живутъ около него взрослые.

А какъ жили взрослые въ Обломовкѣ? Дѣлали ли они себѣ вопросъ: зачѣмъ дана жизнь? Богъ вѣсть. И какъ отвѣчали на него? Вѣроятно, никакъ: это казалось имъ очень просто и ясно.

Добрые люди понимали жизнь не иначе, какъ идеаломъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными непріятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ.

Какъ что дѣлалось при дѣдахъ и отцахъ, такъ дѣлалось при отцѣ Ильи Ильича, такъ, можетъ быть, дѣлается еще и теперь въ Обломовкѣ.

Въ Обломовкѣ вели счетъ времени по праздникамъ, по временамъ года, по разнымъ семейнымъ и домашнимъ случаямъ, не ссылаясь никогда ни на мѣсяцы, ни на числа. Ничто не нарушало однообразія этой жизни, и сами обломовцы не тяготились ею, потому что и не представляли себѣ другого житья-бытья, а если бъ и смогли представить, то съ ужасомъ отвернулись бы отъ него. Другой жизни и не хотѣли, и не любили бы они. Имъ бы жаль было, если бы обстоятельства внесли перемѣны въ ихъ бытъ, какія бы то ни было. Ихъ загрызетъ тоска, если завтра не будетъ похоже на сегодня, а послѣзавтра на завтра.

Они продолжали цѣлые десятки лѣтъ сопѣть, дремать и зѣвать или заливаться добродушнымъ смѣхомъ отъ деревенскаго юмора, или, собираясь въ кружокъ, разсказывали, что кто видѣлъ ночью во снѣ.

Не это, такъ играютъ въ дураки, въ свои козыри, а по праздникамъ съ гостями въ бостонъ или раскладываютъ гранъ-пасьянсъ, гадаютъ на червоннаго короля да на трефовую даму.

Уставши отъ этого, начнутъ показывать обновки, платья, салопы,

даже юбки и чулки, хозяйка похвастается какими-нибудь полотнами, нитками, кружевами домашняго издѣлія.

Но истощится и это. Тогда пробавляются кофеями, чаями, вареньями. Потомъ уже переходятъ къ молчанію. Сидятъ подолгу, глядя другъ на друга, по временамъ тяжко о чемъ-то вздыхаютъ.

Изрѣдка развѣ это провожденіе времени нарушится какимъ-нибудь нечаяннымъ случаемъ, когда, напримѣръ, всѣ угорятъ цѣлымъ домомъ, отъ мала до велика. Другихъ болѣзней почти и не слыхать было въ дому и деревнѣ; развѣ кто-нибудь напорется на какой-нибудь колъ въ темнотѣ или свернется съ сѣновала, или съ крыши свалится доска да ударитъ по головѣ.

Но все это случалось рѣдко, и противъ такихъ нечаянностей употреблялись домашнія испытанныя средства: ушибленное мѣсто потрутъ бодягой или зорей, дадутъ выпить святой водицы или пошепчутъ—и все пройдетъ.

Но угаръ случался частенько. Тогда всѣ валяются вповалку по постелямъ; слышится оханье, стоны. Одинъ обложитъ голову огурцами и повяжется полотенцемъ, другой положитъ клюквы въ уши и нюхаетъ хрѣнъ, третій въ одной рубашкѣ уйдетъ на морозъ, четвертый просто валяется безъ чувствъ по полу.

А бѣдный Илюша все ѣздитъ да ѣздитъ учиться къ Штольцу.

Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него уже нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— Антипка! закладывай пѣгую, барченка къ нѣмцу везти!

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ, отчего, и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю.

Не знаютъ, чѣмъ и накормить его въ то утро, напекутъ ему булочекъ и крендельковъ, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, пастилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ и даже съѣстныхъ припасовъ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца нежирно кормятъ.

— Тамъ не разъѣшься, говорили обломовцы: обѣдать-то дадутъ супу да жаркого, да картофелю, къ чаю масла, а ужинать-то морген фри—носъ утри.

Впрочемъ, бывали больше такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, и

когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкой и съ пріятной новостью.

— Сегодня не поѣдешь; въ четвергъ большой праздникъ,— стоитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?

Или иногда вдругъ объявитъ ему: сегодня родительская недѣля— не до ученья, блины будемъ печь.

А не то, такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— Что-то у тебя глаза не свѣжи сегодня. Здоровъ ли ты? и покачаетъ головой.

Лукавый мальчишка здоровехонекъ, но молчитъ.

— Посиди-ка ты эту недѣльку дома,—скажетъ она,—а тамъ— что Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ или что праздникъ въ четвергъ—неодолимая преграда къ ученью во всю недѣлю. Развѣ только иногда слуга или дѣвушка, которымъ достанется за барченка, проворчатъ:

— У, баловень! Скоро ли провалишься къ своему нѣмцу!

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли, за Ильей Ильичемъ.

— Пріѣхала, дескать, Марья Савишна или Наталья Ѳаддеевна гостить или Кузовковы со всѣми дѣтьми, такъ пожалуйте домой!

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а тамъ, смотришь, до Страстной недѣли ужъ недалеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на Ѳоминой недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ — не стоитъ ѣздить, а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ ужъ лучше до осени отложить.

Посмотришь, Илья Ильичъ и отгуляется въ полгода, и какъ выростетъ онъ въ это время! какъ потолстѣетъ! какъ спитъ славно! Не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что, возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

И нѣжные родители продолжаютъ пріискивать предлоги удерживать сына дома; за предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не годится ѣхать, а иногда и дождь пойдетъ; осенью слякоть мѣшаетъ. Иногда Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ, не пьянъ, а какъ-то дико смотритъ: бѣды бы не было, завязнетъ или оборвется гдѣ-нибудь.

Обаяніе — очарованіе. **Баять** — говорить, заговаривать, ворожить; отсюда **Баянъ** — древнерусскій пѣвецъ. Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна (Пушкинъ „Русланъ и Людмила“). **Обаивать** — околдовывать, очаровывать, завораживать, обольщать краснобайствомъ.

Атмосфера (греч.) — 1, воздушная оболочка земного шара, а также небесныхъ тѣлъ. Атмосфера планеты Марса.—Сильные вѣтры волнуютъ весеннюю атмосферу (Похвальное слово Екатеринѣ); 2, условія, въ которыхъ живешь и дѣйствуешь; умственная среда, въ которой обращаешься; собственно окружающій насъ воздухъ, которымъ мы дышимъ. Атмосфера двора и столицы.—Ольга Ѳеодоровна была хорошій барометръ для опредѣленія домашней атмосферы: она какъ нельзя болѣе основательно предсказывала грозу (Лѣсковъ „Захудалый родъ“).—Однимъ словомъ, повторяю Вамъ: здѣшняя атмосфера Вамъ не годится... вредна Вамъ, молодой человѣкъ (Тургеневъ „Первая любовь“).—Отчего сосѣдъ мой... вмѣсто того, чтобы дѣйствовать чубукомъ на-отмашь... только стискивалъ свой чубучище въ рукѣ, но бить имъ никого не билъ... измѣнилась лишь атмосфера въ домѣ, измѣнились лишь отношенія (Салтыковъ „Сатиры въ прозѣ“).—Онъ задыхался въ этой будничной атмосферѣ, изъ которой не видѣлъ себѣ никуда выхода.

Идеалъ (франц.) — образецъ совершенства, существующій только въ воображеніи. Я останусь до конца вѣрна... чему?—идеалу, что ли? Да, идеалу... тому, отъ чего въ первый разъ забилось мое сердце—тому, что я признаю правдою, добромъ (Тургеневъ „Переписка“.).—Безъ идеаловъ, т. е. безъ опредѣленныхъ хоть сколько-нибудь желаній лучшаго, никогда не можетъ получиться никакой хорошей дѣйствительности (Достоевскій).

Бостонъ — карточная игра, изобрѣтенная въ Бостонѣ, городѣ въ Сѣв. Америкѣ.

Пробавляться чѣмъ — 1, заниматься, проводить время, забавляться; 2, прожить, перебиться извѣстное время, обойтись, перемогаться. *Чужимъ не живу, своимъ пробавляюсь.*

Напороться—натолкнуться, наткнуться, напасть. Откуда у Васъ берутся подачки эти? Да на какихъ же Вы теперь опять дураковъ напоролись (Даль „Хлѣбное дѣльце“).

Свернуться — здѣсь въ смыслѣ сорваться упасть. Рыба свернулась съ крючка. Свернуть, сорвать голову.

Бодяга — лѣкарственное растеніе.

Зоря, заря — растеніе, горичникъ.

Пилюля (лат.)—лѣкарство, приготовляемое въ видѣ шарика; въ переносномъ значеніи: непріятность, обида. Позолотить пилюлю — прикрасить, сдѣлать съ виду болѣе пріятной причиняемую непріятность.

Разъѣдаться, разъѣсться—отъѣсться, вдоволь, досыта наѣсться. Что значитъ **разъѣдать?** Ржа разъѣла желѣзо.

Отгуляться, отгуливаться—оправиться на волѣ, безъ работы. Лошадка за лѣто отгулялась. Назовите этотъ же глаголъ съ другими приставками. Что значитъ **отгулять** и **отгуливать?** Прошли праздники: отгуляли, пора и за работу! — Онъ отъ дѣла отгуливаетъ.

Предлогъ—1, вымышленная причина, отговорка, оправданье. Онъ остался дома подъ предлогомъ болѣзни. — Благовидный предлогъ. 2, часть рѣчи, напримѣръ..?

Ставать, стать—имѣетъ много значеній. Опредѣлите ихъ по слѣдующимъ примѣрамъ: Лошадь стала. — Часы стали. — Работа стала. — Рѣка стала. — Стать на якорѣ. — Стать лагеремъ. — Гдѣ намъ стать, чтобы лучше видѣть. — Ни стать, ни сѣсть. — Больному стало лучше. — Онъ сталъ нашимъ начальникомъ. — Больной сталъ ѣсть.—Стану я тоской томиться, безутѣшно ждать (Лермонтовъ).— Сталъ бы я хлопотать, кабы не нужда?—Ему домъ сталъ втридорога.—Стало ему это въ копѣечку. — Его не стало. — Лишь стало бы охоты, а то, во здравье ѣшь до дна (Крыловъ).—За чѣмъ же дѣло стало?—Терпѣнья не стало.— *Стало быть и станешь выть.* — Что съ нимъ сталось? — Съ него это станется.— Не можетъ статься. Назовите другіе примѣры.

⁂

23. Жизнь Илюши дома.

Изъ романа *И. А. Гончарова* „Обломовъ".

Илюша только что проснется у себя дома, какъ у постели его уже стоитъ Захарка. Захаръ, какъ бывало нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу. Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру—умыться и т. п.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть—ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ, ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

— „Зачѣмъ? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька! Ванька! Захарка! Чего вы смотрите, разини? Вотъ я васъ!.."

И не удастся никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать:—Эй, Васька! Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!

Подчасъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ, вслѣдъ ему раздастся въ десять отчаянныхъ голосовъ: „Ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется... стой, стой!"

Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку,—опять крики:—Ай, куда? Какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...

И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣянный, какъ цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ: въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсенокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его то влѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или

посидѣть на заборѣ верхомъ, или подразнить деревенскихъ собакъ; или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле, въ березнякъ, да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться съ мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы.

Бѣсенокъ такъ и подмываетъ его: онъ крѣпится, крѣпится, наконецъ не вытерпитъ и вдругъ, безъ картуза, зимой, прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватилъ въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ. Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, въ ротъ и горло пахнуло холодомъ, а грудь охватило радостью—онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ, и хохочетъ.

Вотъ и мальчишки: онъ бацъ снѣгомъ — мимо: сноровки нѣтъ; только хотѣлъ захватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣгу, — онъ упалъ; и больно, ему съ непривычки, и весело, и хохочетъ онъ, и слезы у него на глазахъ...

А въ домѣ гвалтъ: Илюши нѣтъ. Крикъ, шумъ. На дворъ выскочилъ Захарка, за нимъ Васька, Митька, Ванька—всѣ бѣгутъ, растерянные, по двору. За ними кинулись, хватая ихъ за пятки, двѣ собаки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Люди съ криками, съ воплями, собаки съ лаемъ, мчатся по деревнѣ. Наконецъ, набѣжали на мальчишекъ и начали чинить правосудіе: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили и отцамъ ихъ. Потомъ уже овладѣли барченкомъ, окутали его въ захваченный тулупъ, потомъ въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла и торжественно принесли домой на рукахъ. Дома отчаялись уже его видѣть, считая погибшимъ, но при видѣ его живого и невредимаго, радость родителей была неописанна. Возблагодарили Господа Бога, потомъ напоили его мятой, тамъ бузиной, къ вечеру малиной и продержали его три дня въ постели, а ему одно могло быть полезно: опять играть въ снѣжки...

Лелѣять—нѣжить, ласкать, холить. А что значитъ: лелѣять мечту, надежду?

Подмывать—1, слегка вымыть, замыть, напр., полъ, платье; 2, подрывая, разрушать; уносить исподніе слои, напр.: подмыть берегъ; 3, въ безличн. формѣ: меня подмываетъ — тянетъ, влечетъ, беретъ нетерпѣнье. Силъ моихъ не станетъ супротивъ маменьки идти. Такъ и подмываетъ меня всю правду ей сказать (Печерскій „Въ лѣсахъ“).—Его сильно подмывало на какое-нибудь путешествіе куда бы то ни было, только бы подальше и надолго (Даль).

Никнуть — нагибаться, упадать, вянуть, блекнуть, погибать, хилѣть. Въ засуху цвѣты никнутъ. — Вся душа его никнетъ и замираетъ (Тургеневъ „Поѣздка въ полѣсье“).

Увязываться — привязываться, приставать, придираться, ухватываться за кого, уцѣпляться. Собака за зайцемъ увязалась.—Увязаться за слово, придраться къ слову.

Чинить—1, дѣлать, творить, устраивать. Чинить судъ и расправу.—Никому я зла не чинилъ, не причинилъ; 2, починять. Чинить избу, платье, бѣлье.—*Города чинятъ, не только рубашки;* 3, очинить. Чинить карандашъ; 4, начинять, набивать, Пирогъ, чиненый капустой.—Чинить колбасы. Что значитъ: *кто чинится, тотъ за нашъ столъ не годится.*

⁂

24. Демьянова уха.

Басня *И. А. Крылова.*

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай“.
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло“.—„Нужды нѣтъ,
еще тарелочку; послушай:
ушица, ей-же-ей, на славу сварена!“
— „Я три тарелки съѣлъ“.—„И, полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты,
а то во здравіе ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“
Такъ потчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
и не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
а съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже, еще тарелку онъ беретъ,
сбирается съ послѣдней силой
и очищаетъ всю.—„Вотъ друга я люблю!“
вскричалъ Демьянъ: „зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,

схватя въ охапку
кушакъ и шапку,—

скорѣй безъ памяти домой,
и съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Нужды нѣтъ—буквально: нѣтъ бѣды, не бѣда, а также: даромъ что, хотя. Нужды нѣтъ, что въ двухъ шагахъ отъ Китая, но не достанешь и чашки хорошаго чаю (Гончаровъ).

Подернуться—слегка чѣмъ-нибудь покрыться. Озеро подернулось рябью.—На утро поднявшееся яркое солнце съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды (Толстой „Анна Каренина").

Потроха—внутренности животнаго; отсюда глаголъ **потрошить**. Выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ, спокойно пастухи барашка потрошатъ (Крыловъ).

Срокъ—здѣсь означаетъ отсрочка, промедленіе. Что значитъ срочный? Назовите рядъ примѣровъ на это слово.

Чванный—надменный, спесивый, гордый, тщеславный. Отсюда глаголъ **чваниться**. *Не чванься, овсяникъ, не быть калачемъ.*

*

25. Гуттаперчевый мальчикъ.

Изъ разсказа *Д. В. Григоровича.*

1.

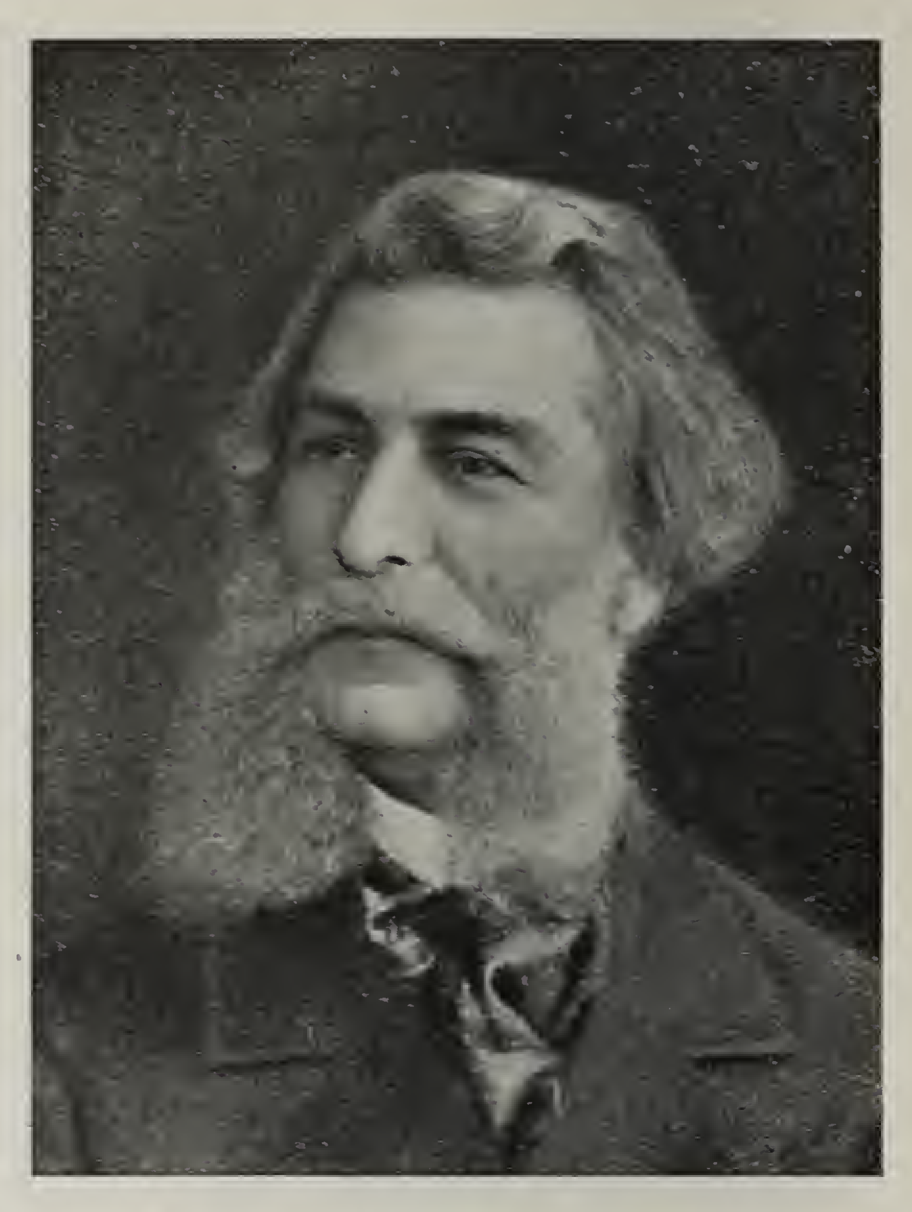
Воспитанникъ акробата Беккера назывался „гуттаперчевымъ мальчикомъ" только въ афишахъ; настоящее имя его было Петя; всего вѣрнѣе, впрочемъ, было бы назвать его несчастнымъ мальчикомъ.

Исторія его очень коротка: да и гдѣ жъ ей быть длинной и сложной, когда ему минулъ всего восьмой годъ!

Лишившись матери на пятомъ году возраста, онъ хорошо однакожъ ее помнилъ. Какъ теперь, видѣлъ онъ передъ собою тощую женщину со свѣтлыми, жиденькими и всегда растрепанными волосами, которая то ласкала его, наполняя ему ротъ всѣмъ, что подвертывалось подъ руку: лукомъ, кускомъ пирога, селедкой, хлѣбомъ, то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, накидывалась, начинала кричать и въ то же время принималась шлепать его чѣмъ ни попало и куда ни попало. Петя тѣмъ не менѣе часто вспоминалъ мать.

Въ числѣ воспоминаній Пети остался также день похоронъ матери. Было суровое январское утро; съ низменнаго пасмурнаго неба сыпался мелкій сухой снѣгъ, подгоняемый порывами вѣтра, онъ кололъ лицо какъ иголками и волнами убѣгалъ по мерзлой дорогѣ. Петя, слѣдуя за гробомъ между бабушкой и прачкой Варварой, чувствовалъ, какъ нестерпимо щемятъ пальцы на рукахъ и ногахъ; ему, между прочимъ, и безъ того было трудно поспѣвать за спутницами; одежда на немъ случайно была подобрана: случайны были сапоги, въ которыхъ ноги его болтались свободно, какъ въ лодкахъ; случайнымъ былъ кафтанишко, котораго нельзя было бы надѣть, если бъ не подняли ему фалды и не приткнули ихъ за поясъ; случайной была шапка,

выпрошенная у дворника; она поминутно сползала на глаза и мѣшала Петѣ видѣть дорогу. Ознакомясь потомъ близко съ усталостью ногъ и спины, онъ все-таки помнилъ, какъ уходился тогда, провожая покойницу.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ (1822 — 1899).

На обратномъ пути съ кладбища бабушка и Варвара долго толковали о томъ, куда теперь дѣть мальчика. Онъ конечно, солдатскій сынъ и надо сдѣлать ему опредѣленье по закону, куда слѣдуетъ; но какъ это сдѣлать? Къ кому надо обратиться? Кто, наконецъ, станетъ бѣгать и хлопотать? На это могли утвердительно отвѣтить только досужіе и притомъ практическіе люди. Мальчикъ продолжалъ жить, треплясь по разнымъ угламъ и старухамъ. И неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилась судьба мальчика, если бъ снова не вступилась прачка Варвара.

Заглядывая къ „бабушкѣ" и встрѣчая у нея мальчика, Варвара брала его иногда на нѣсколько дней къ себѣ. Жила она на Моховой улицѣ въ подвальномъ этажѣ, на второмъ дворѣ большого дома. На томъ же дворѣ, только выше, помѣщалось нѣсколько человѣкъ изъ труппы сосѣдняго цирка; они занимали рядъ комнатъ, соединявшихся темнымъ боковымъ коридоромъ. Варвара знала всѣхъ очень хорошо, такъ какъ постоянно стирала у нихъ бѣлье. Подымаясь къ нимъ, она часто таскала съ собою Петю. Всѣмъ была извѣстна его исторія; всѣ знали, что онъ круглый сирота, безъ роду и племени. Въ разговорахъ Варвара не разъ выражала мысль, что вотъ бы хорошо было, кабы кто-нибудь изъ господъ сжалился и взялъ сироту въ обученье. Никто однако не рѣшался; всѣмъ, повидимому, довольно было своихъ заботъ. Одно только лицо не говорило ни да, ни нѣтъ. По временамъ лицо это пристально посматривало на мальчика. Это былъ акробатъ Беккеръ.

Надо полагать, между нимъ и Варварой велись одновременно

какіе-нибудь тайные и болѣе ясные переговоры по этому предмету, потому что однажды, подкарауливъ, когда всѣ господа ушли на репетицію и въ квартирѣ оставался только Беккеръ, Варвара спѣшно повела Петю наверхъ и прямо вошла съ нимъ въ комнату акробата. Беккеръ точно поджидалъ кого-то. Онъ сидѣлъ на стулѣ, покуривая изъ фарфоровой трубки съ выгнутымъ чубукомъ, увѣшаннымъ кисточками; на головѣ его красовалась плоская, шитая бисеромъ шапочка, сдвинутая на бокъ; на столѣ передъ нимъ стояли три бутылки пива— двѣ пустыя, одна только что начатая. Раздутое лицо акробата и его шея, толстая какъ у быка, были красны; самоувѣренный видъ и осанка не оставляли сомнѣнія, что Беккеръ, даже здѣсь, у себя дома, былъ весь исполненъ сознаніемъ своей красоты.

— „Ну, вотъ, Карлъ Богдановичъ.. вотъ мальчикъ!..“ проговорила Варвара, выдвигая впередъ Петю.

— „Хорошо, произнесъ акробатъ, но я такъ не можно; надо раздѣвать малшикъ...“

Петя до сихъ поръ стоялъ неподвижно, робко поглядывая на Беккера; съ послѣднимъ словомъ онъ откинулся назадъ и крѣпко ухватился за юбку прачки. Но когда Беккеръ повторилъ свое требованіе и Варвара, повернувъ мальчика къ себѣ лицомъ, принялась раздѣвать его, Петя судорожно ухватился за нее руками, началъ кричать и биться, какъ цыпленокъ подъ ножомъ повара.

— „Чего ты? Экой право глупенькій! Чего испугался?.. Раздѣнься, батюшка, раздѣнься... ничего... смотри ты, глупый какой...“ повторяла прачка, стараясь раскрыть пальцы мальчика и въ то же время спѣшно разстегивая пуговицы на его панталонахъ.

Но мальчикъ рѣшительно не давался: объятый почему-то страхомъ, онъ вертѣлся какъ вьюнъ, корчился, тянулся къ полу, наполняя всю квартиру криками. Карлъ Богдановичъ потерялъ терпѣнье. Положивъ на столъ трубку, онъ подошелъ къ мальчику и, не обращая вниманія на то, что тотъ сталъ еще сильнѣе барахтаться, быстро обхватилъ его руками. Петя не успѣлъ очнуться, какъ уже почувствовалъ себя крѣпко сжатымъ между толстыми колѣнями акробата. Послѣдній въ одинъ мигъ снялъ съ него рубашку и панталоны; послѣ этого онъ поднялъ его какъ соломинку и, уложивъ голаго поперекъ колѣнъ, принялся ощупывать ему грудь и бока.

Прачкѣ было жаль Пети: Карлъ Богдановичъ очень ужъ что-то сильно нажималъ и тискалъ; но, съ другой стороны, она боялась вступиться, такъ какъ сама привела мальчика и акробатъ обѣщалъ

взять его на воспитанье, въ случаѣ, когда онъ окажется пригоднымъ. Стоя передъ мальчикомъ, она торопливо утирала слезы, уговаривая не бояться, убѣждая, что Карлъ Богдановичъ ничего худого не сдѣлаетъ,—только посмотритъ!..

Но когда акробатъ неожиданно поставилъ мальчика на колѣни, повернулъ его къ себѣ спиною и началъ выгибать ему назадъ плечи, Варвара не могла уже выдержать; она бросилась отнимать его. Прежде однакожъ, чѣмъ успѣла она это сдѣлать, Беккеръ передалъ ей Петю, который тотчасъ же очнулся и только продолжалъ дрожать, захлебываясь отъ слезъ.

— „Полно, батюшка, полно! Видишь, ничего съ тобою не сдѣлали!.. Карлъ Богдановичъ хотѣлъ только поглядѣть тебя...“ повторяла прачка, стараясь всячески обласкать ребенка. Она взглянула украдкой на Беккера: тотъ кивнулъ головою и налилъ новый стаканъ пива.

Два дня спустя прачкѣ надо уже было пустить въ дѣло хитрость, когда пришлось окончательно передавать мальчика Беккеру. Тутъ не подѣйствовали ни новыя ситцевыя рубашки, купленныя Варварой на собственныя деньги, ни мятные пряники, ни убѣжденія, ни ласки. Петя боялся кричать, такъ какъ передача происходила въ знакомой намъ комнатѣ; онъ крѣпко припадалъ заплаканнымъ лицомъ къ подолу прачки и отчаянно, какъ потерянный, цѣплялся за ея руки каждый разъ, когда она дѣлала шагъ къ дверямъ съ тѣмъ, чтобы оставить его одного съ Карломъ Богдановичемъ.

Наконецъ, все это надоѣло акробату. Онъ ухватилъ мальчика за воротъ, оторвалъ его отъ юбки Варвары, и какъ только дверь за нею захлопнулась, поставилъ его передъ собою и велѣлъ ему смотрѣть себѣ прямо въ глаза.

Петя продолжалъ трястись, какъ въ лихорадкѣ; черты его худенькаго, болѣзненнаго лица какъ-то съеживались; въ нихъ проступало что-то жалобное, хилое, какъ у старичка.

Беккеръ взялъ его за подбородокъ, повернулъ къ себѣ лицомъ и повторилъ приказанiе.—„Ну, малшикъ, слушъ“, сказалъ онъ, грозя указательнымъ пальцемъ передъ носомъ Пети, „когда ты хочу тамъ... онъ указалъ на дверь)—то будетъ тутъ!.. (онъ указалъ нѣсколько ниже спины),—und fest! und fest!..“ добавилъ онъ, выпуская его изъ рукъ и допивая оставшееся пиво.

Въ то же утро онъ повелъ его въ циркъ. Тамъ все суетилось и торопливо укладывалось. На другой день труппа со всѣмъ своимъ багажомъ, людьми и лошадьми перекочевала на лѣтнiй сезонъ въ Ригу.

На побывку къ сыну.

В. Маковскій.

Разскажите что здѣсь нарисовано?

Въ теченіе десяти дней, какъ труппа переѣзжала въ Ригу, Петя былъ предоставленъ самому себѣ. Въ вагонѣ его окружали теперь не совсѣмъ уже чужіе люди; ко многимъ изъ нихъ онъ успѣлъ присмотрѣться; многіе были веселы, шутили, пѣли пѣсни и не внушали ему страха. Нашлись даже такіе, какъ клоунъ Эдвардсъ, который мимоходомъ всегда трепалъ его по щекѣ; разъ даже одна изъ женщинъ дала ему ломтикъ апельсина. Словомъ, онъ началъ понемногу привыкать, и было бы ему даже хорошо, если бъ взялъ его къ себѣ кто-нибудь другой, только не Карлъ Богдановичъ. Къ нему никакъ онъ не могъ привыкнуть; при немъ Петя мгновенно умолкалъ, весь какъ-то съеживался и думалъ о томъ только, какъ бы не заплакать...

Особенно тяжело стало ему, когда началось ученье. Послѣ первыхъ опытовъ, Беккеръ убѣдился, что не ошибся въ мальчикѣ; Петя былъ легокъ какъ пухъ и гибокъ въ суставахъ; недоставало, конечно, силы въ мускулахъ, чтобы управлять этими природными качествами; но бѣды въ этомъ еще не было. Беккеръ не сомнѣвался, что сила пріобрѣтется отъ упражненій. Онъ могъ отчасти даже теперь убѣдиться въ этомъ на питомцѣ. Мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ онъ каждое утро и вечеръ, посадивъ мальчика на полъ, заставлялъ его пригибаться головою къ ногамъ, Петя могъ исполнить такой маневръ уже самъ по себѣ, безъ помощи наставника. Несравненно труднѣе было ему перегибаться назадъ и касаться пятками затылка; мало-по-малу онъ, однакожъ, и къ этому сталъ привыкать. Онъ ловко также начиналъ прыгать съ разбѣга черезъ стулъ; но только, когда послѣ прыжка Беккеръ требовалъ, чтобы воспитанникъ, перескочивъ на другую сторону стула, падалъ не на ноги, а на руки, оставляя ноги на воздухѣ,—послѣднее рѣдко удавалось: Петя летѣлъ кувыркомъ, падалъ на лицо или голову, рискуя свихнуть себѣ шею. Неудача или ушибъ составляли, впрочемъ, половину горя; другая половина, болѣе вѣская, заключалась въ тузахъ, которыми всякій разъ надѣлялъ его Беккеръ. Мускулы мальчика оставались попрежнему тощими. Они, очевидно, требовали усиленнаго подкрѣпленія.

И ничего, ничего Беккеръ не дѣлалъ, чтобы сколько-нибудь привязать къ себѣ мальчика. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мальчику удавалась какая-нибудь штука, Беккеръ никогда не обращался къ нему съ ласковымъ словомъ; онъ ограничивался тѣмъ, что снисходительно поглядывалъ на него съ высоты своего громаднаго туловища. Беккеру, повидимому, все равно было, что изъ двухъ рубашекъ, подаренныхъ мальчику прачкой Варварой, оставались лохмотья,

что бѣлье на тѣлѣ мальчика носилось иногда безъ перемѣны по двѣ недѣли, что шея его и уши были не вымыты, а сапожишки просили каши и черпали уличную грязь и воду. Товарищи акробата, и болѣе другихъ Эдвардсъ, часто укоряли его въ томъ; въ отвѣтъ Беккеръ нетерпѣливо посвистывалъ и щелкалъ хлыстикомъ по панталонамъ. Онъ не переставалъ учить Петю, продолжая наказывать каждый разъ, какъ выходило что-нибудь неладно. Онъ хуже этого дѣлалъ.

Разъ, по возвращеніи труппы уже въ Петербургъ, Эдвардсъ подарилъ Петѣ щенка. Мальчикъ былъ въ восторгѣ; онъ носился съ подаркомъ по конюшнѣ и коридорамъ, всѣмъ его показывалъ и то и дѣло учащенно цѣловалъ его въ мокрую розовую мордочку. Беккеръ, раздосадованный во время представленія тѣмъ, что его публика не вызывала, возвращался во внутренній коридоръ; увидѣвъ щенка въ рукахъ Пети, онъ вырвалъ его и носкомъ башмака бросилъ въ сторону; щенокъ ударился головкой въ сосѣднюю стѣну и тутъ же упалъ, вытянувъ лапки.

Петя зарыдалъ и бросился къ Эдвардсу, выходившему въ эту минуту изъ уборной. Беккеръ, раздраженный окончательно тѣмъ, что вокругъ послышалась брань, однимъ движеніемъ оттолкнулъ Петю отъ Эдвардса и далъ ему съ размаху пощечину...

Несмотря на легкость и гибкость, Петя былъ не столько гуттаперчевымъ, сколько несчастнымъ мальчикомъ.

2.

Дѣтскія комнаты въ домѣ графа Листомирова располагались на южную сторону и выходили въ садъ. Чудное было помѣщеніе! Каждый разъ какъ солнце было на небѣ, лучи его съ утра до заката проходили въ окна; въ нижней только части окна завѣшивались голубыми тафтяными занавѣсками для предохраненія дѣтскаго зрѣнія отъ излишняго свѣта. Съ тою же цѣлью по всѣмъ комнатамъ разостланъ былъ коверъ также голубого цвѣта и стѣны оклеены были не слишкомъ свѣтлыми обоями. Въ одной изъ комнатъ вся нижняя часть стѣнъ была буквально заставлена игрушками; онѣ группировались тѣмъ разнообразнѣе и живописнѣе, что у каждаго изъ дѣтей было свое особое отдѣленіе. Пестрыя англійскія раскрашенныя тетрадки и книжки, кроватки съ куклами, картинки, комоды, маленькія кухни,

фарфоровые сервизы, овечки и собачки на катушкахъ — обозначали владѣнія дѣвочекъ; столы съ оловянными солдатами, картонная тройка сѣрыхъ коней, съ глазами страшно выпученными, увѣшанная бубенчиками и запряженная въ коляску, большой бѣлый козелъ, казакъ верхомъ, барабанъ и мѣдная труба, звуки которой приводили всегда въ отчаяніе англичанку миссъ Бликсъ,—обозначали владѣнія мужского пола. Комната эта такъ и называлась „игральной".

Рядомъ была учебная; дальше спальня, окна которой всегда были закрыты занавѣсами, приподымавшимися тамъ только, гдѣ вертѣлась вентиляціонная звѣзда, очищавшая воздухъ. Изъ нея можно было прямо пройти въ уборную, выстланную также ковромъ, но обшитую въ нижней ея части клеенкой; съ одной стороны находился большой умывальный мраморный столъ, уставленный крупнымъ англійскимъ фаянсомъ; дальше блистали бѣлизною двѣ ванны съ мѣдными кранами, изображавшими лебединыя головки; подлѣ возвышалась голландская печь. Ближе, по клеенчатой стѣнѣ, висѣлъ на тесемкахъ цѣлый рядъ маленькихъ и крупныхъ губокъ, которыми миссъ Бликсъ каждое утро и вечеръ обмывала съ головы до ногъ дѣтей, наводя красноту на ихъ нѣжное тѣло.

Въ среду, на масленицѣ, въ игральной комнатѣ было особенно весело. Ее наполняли восторженные дѣтскіе крики. Мудренаго нѣтъ; вотъ что было здѣсь между прочимъ сказано: „Дѣточки, вы съ самаго начала масленицы были послушны и милы; сегодня у насъ среда; если вы будете такъ продолжать, васъ въ пятницу вечеромъ возьмутъ въ циркъ!.."

Слова эти были произнесены тетей Соней.

Не успѣла она проговорить свое обѣщаніе, какъ раздались опять возгласы, опять крики, сопровождаемые прыжками и другими болѣе или менѣе выразительными изъявленіями радости. Въ этомъ порывѣ дѣтской веселости всѣхъ больше удивилъ Пафъ; мальчикъ былъ всегда такимъ тяжелымъ, но тутъ, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ и того, что его ожидало въ циркѣ, онъ вдругъ бросился на четвереньки, поднялъ лѣвую ногу и, страшно закручивая языкъ на щеку, поглядывая на присутствующихъ своими киргизскими глазами, принялся изображать клоуна.

— „Подымите его, подымите скорѣе, ему кровь бросится въ голову!" проговорила тетя Соня.

Новые крики, новое скаканье вокругъ Пафа, который ни за что не хотѣлъ встать и упорно подымалъ то одну ногу, то другую.

— „Дѣти, дѣти... довольно! Вы, кажется, не хотите больше быть умными... Не хотите слушать“... говорила тетя Соня, досадовавшая главнымъ образомъ на то, что не умѣла сердиться.

Она обожала „своихъ дѣтей“, какъ сама выражалась. Дѣйствительно, надо сказать, дѣти были очень милы.

Старшей дѣвочкѣ, Вѣрочкѣ, было уже восемь лѣтъ; за нею шла шестилѣтняя Зина; мальчику было пять лѣтъ. Его окрестили Павломъ; но мальчикъ получалъ одно за другимъ различныя прозвища: Беби, Пузырь, Бутузъ, Булка и, наконецъ, Пафъ — имя, которое такъ и осталось. Мальчикъ былъ пухлый, коротенькій, съ рыхлымъ бѣлымъ тѣломъ, какъ сметана, крайне невозмутимаго нрава, съ шарообразною головою и круглымъ лицомъ, на которомъ единственною замѣтною чертою были маленькіе киргизскіе глазки, раскрывавшіеся вполнѣ, когда подавалось кушанье или говорилось о ѣдѣ.

Съ той минуты, какъ обѣщано было представленье въ циркѣ, старшая дочь, Вѣрочка, вся превратилась во вниманіе и зорко слѣдила за поведеніемъ сестры и брата.

Едва-едва начинался между ними признакъ разлада, она быстро къ нимъ подбѣгала, оглядываясь въ то же время на величавую миссъ Бликсъ, принималась скоро-скоро шептать что-то Зизи и Пафу и, поочередно цѣлуя то того, то другую, успѣвала всегда водворить между ними миръ и согласіе.

Наступила, наконецъ, такъ нетерпѣливо ожидаемая пятница. На большихъ часахъ столовой пробило двѣнадцать. Въ эту самую минуту одинъ изъ лакеевъ растворилъ настежь двери, и дѣти, сопровождаемыя англичанкой и швейцаркой, вошли въ столовую. Завтракъ прошелъ, по обыкновенію, очень чинно.

Зизи и Пафъ, предупрежденные Вѣрочкой, не произнесли ни слова; Вѣрочка не спускала глазъ съ сестры и брата; она заботливо предупреждала каждое ихъ движеніе.

Съ окончаніемъ завтрака миссъ Бликсъ сочла своею обязанностью заявить графинѣ, что никогда еще не видала она, чтобы дѣти вели себя такъ примѣрно, какъ въ эти послѣдніе дни. Графиня возразила, что она уже слышала объ этомъ отъ сестры и потому распорядилась, приказавъ взять къ вечеру ложу въ циркѣ. При этомъ извѣстіи Вѣрочка, такъ долго крѣпившаяся, не могла больше владѣть собою. Соскочивъ со стула, она принялась обнимать графиню съ такою силой, что на секунду совершенно заслонила ея лицо своими пушистыми волосами; такимъ же порядкомъ подбѣжала она къ отцу; отъ

отца Вѣрочка перебѣжала къ тетѣ Сонѣ, и тутъ уже пошли поцѣлуи безъ разбору: и въ глаза, въ щеки, въ подбородокъ, въ носъ,—словомъ, всюду, гдѣ только губы дѣвочки могли встрѣтиться съ лицомъ тети. Зизи и Пафъ буквально продѣлали тотъ же маневръ, но только, надо сказать, далеко не съ такимъ воодушевленіемъ.

Вѣрочка между тѣмъ подошла къ роялю, на которомъ лежали афишки; положивъ руку на одну изъ нихъ, она обратила къ матери голубые глаза свои и, вся замирая отъ нетерпѣнія, проговорила нѣжно вопрошающимъ голосомъ:

„Мама... можно?.. Можно взять эту афишку?..“

— Можно.

„Зизи! Пафъ!“ восторженно крикнула Вѣрочка, потрясая афишкой, „пойдемте скорѣе!.. Я разскажу вамъ все, что мы сегодня увидимъ въ циркѣ; все разскажу вамъ!.. Пойдемте въ наши комнаты!..“

— Вѣрочка!.. Вѣрочка!.. слабо, съ укоромъ, проговорила графиня.

Но Вѣрочка уже не слышала; она неслась, преслѣдуемая сестрою и братомъ, за которыми, пыхтя и отдуваясь, едва поспѣвала миссъ Бликсъ.

Въ игральной комнатѣ, освѣщенной полнымъ солнцемъ, стало еще оживленнѣе. На низенькомъ столѣ, освобожденномъ отъ игрушекъ, разложена была афишка. Вѣрочка настоятельно потребовала, чтобы всѣ присутствующія: и тетя Соня, и миссъ Бликсъ, и учительница музыки, и кормилица, вошедшая съ младенцемъ,—всѣ рѣшительно усѣлись вокругъ стола. Несравненно труднѣе было усадить Зизи и Пафа, которые, толкая другъ друга, нетерпѣливо осаждали Вѣрочку то съ одного бока, то съ другого, взбирались на табуреты, ложились на столъ и влѣзали локтями чуть не на середину афишки Наконецъ съ помощью тети и это уладилось. Вѣрочка откинула назадъ волосы, наклонилась къ афишкѣ и прочла съ особеннымъ жаромъ: „Гуттаперчевый мальчикъ. Воздушныя упражненія на концѣ шеста вышиною въ шесть аршинъ!..“—Нѣтъ, душечка тетя, это ужъ ты намъ разскажешь!.. Это ужъ разскажешь!.. Какой же это мальчикъ? Онъ настоящій? живой?.. Что такое: гуттаперчевый?

— Вѣроятно его такъ называютъ потому, что онъ очень гибкій... наконецъ, вы это увидите... Вѣрочка, ты бы продолжала; ну что жъ дальше?

Но дальнѣйшее чтеніе не сопровождалось уже такою живостью; интересъ замѣтно ослабъ, онъ весь сосредоточился теперь на гутта-

перчевомъ мальчикѣ; гуттаперчевый мальчикъ сдѣлался предметомъ разговоровъ, различныхъ предположенiй и даже спора. Зизи и Пафъ не хотѣли даже слушать продолженiе того, что было дальше на афишкѣ; они оставили свои табуреты и принялись шумно играть, представляя, какъ будетъ дѣйствовать гуттаперчевый мальчикъ. Пафъ снова становился на четвереньки, подымалъ какъ клоунъ лѣвую ногу и, усиленно пригибая языкъ къ щекѣ, посматривалъ на всѣхъ своими киргизскими глазками, что всякiй разъ вызывало восклицанiе у тети Сони, боявшейся, чтобъ кровь не бросилась ему въ голову. Торопливо дочитавъ афишку, Вѣрочка присоединилась къ сестрѣ и брату.

Никогда еще не было такъ весело въ игральной комнатѣ.

Дѣтскiй обѣдъ прошелъ въ разспросахъ о томъ, какая погода и который часъ. Тетя Соня напрасно употребляла всѣ усилiя, чтобы дать мыслямъ дѣтей другое направленiе и внести сколько-нибудь спокойствiя. Тетя, исчезнувшая на четверть часа, возвратилась на дѣтскую половину; съ сiяющимъ лицомъ объявила она, что графъ и графиня велѣли одѣвать дѣтей и везти ихъ въ циркъ.

Вихремъ все поднялось и завозилось въ знакомой намъ комнатѣ, освѣщенной теперь лампами. Пришлось стращать, что оставятъ дома тѣхъ, кто не будетъ слушаться и не дастъ себя какъ слѣдуетъ закутать. Вскорѣ дѣтей вывели на парадную лѣстницу, снова внимательно осмотрѣли и прикутали и наконецъ выпустили на подъѣздъ, передъ которымъ стояла четырехмѣстная карета, полузанесенная снѣгомъ...

Дверцы кареты захлопнулись, лакей вскочилъ на козлы, карета тронулась.

3.

Представленiе въ циркѣ еще не начиналось. Но на масленицѣ любятъ веселиться, и потому циркъ, особенно въ верхнихъ ярусахъ, былъ набитъ посѣтителями. Изящная публика, по обыкновенiю, запаздывала. Оркестръ гремѣлъ въ то же время всѣми своими трубами. Круглая арена, залитая свѣтомъ съ боковъ и сверху, гладко выглаженная граблями, была еще пуста.

Неожиданно оркестръ заигралъ учащеннымъ темпомъ. Занавѣсь у входа въ конюшню раздвинулась и пропустила человѣкъ двадцать, одѣтыхъ въ красныя ливреи, обшитыя галуномъ; всѣ они были въ ботфортахъ, волосы на ихъ головахъ были круто завиты и лоснились

отъ помады. Сверху до низу цирка прошелъ одобрительный говоръ. Представленіе начиналось. Ливрейный персоналъ цирка не успѣлъ вытянуться, по обыкновенію, въ два ряда, какъ уже со стороны конюшенъ послышался пронзительный пискъ и хохотъ, и цѣлая ватага клоуновъ, кувыркаясь, падая на руки и взлетая на воздухъ, выбѣжала на арену.

Впереди всѣхъ былъ клоунъ съ большими бабочками на груди и на спинѣ камзола.

На смѣну ему поспѣшно была выведена толстая бѣлая лошадь и выбѣжала, граціозно присѣдая на всѣ стороны, 15-лѣтняя дѣвица Амалія, которая чуть не убилась утромъ, во время представленія.

На этотъ разъ все прошло, однакожъ, благополучно.

— „Душечка тетя, теперь будетъ гуттаперчевый мальчикъ, да?“ спросила Вѣрочка.

— Да; въ афишѣ сказано: онъ во второмъ отдѣленіи... ну, что, какъ? Весело ли вамъ, дѣточки?

— „Ахъ, очень, очень весело!.. О-че-нь!..“ восторженно воскликнула Вѣрочка.

— Ну, а тебѣ, Зизи?.. тебѣ Пафъ,—весело ли?..

— „А стрѣлять будутъ?“ спросила Зизи.

— Нѣтъ, успокойся; сказано: не будутъ!

Отъ Пафа ничего нельзя было добиться; съ первыхъ минутъ антракта все вниманіе его было поглощено лоткомъ съ лакомствами и яблоками, появившимися на рукахъ разносчика.

Оркестръ снова заигралъ, снова выступили въ два ряда красныя ливреи. Началось второе отдѣленіе.

— „Когда же будетъ гуттаперчевый мальчикъ?“ не переставали спрашивать дѣти каждый разъ, какъ одинъ выходъ смѣнялъ другой: „Когда же онъ будетъ?..“

— А вотъ, сейчасъ...

И дѣйствительно. Подъ звуки веселаго вальса портьера раздвинулась, и показалась рослая фигура акробата Беккера, державшаго за руку худенькаго, бѣлокураго мальчика. Оба были обтянуты въ трико тѣлеснаго цвѣта, обсыпанное блестками. За ними два прислужника вынесли длинный золоченый шестъ, съ желѣзнымъ перехватомъ на одномъ концѣ.

Выйдя на средину арены, Беккеръ и мальчикъ раскланялись на всѣ стороны, послѣ чего Беккеръ приставилъ правую руку къ спинѣ мальчика и перекувырнулъ его три раза въ воздухѣ. Но это было

только вступленіе. Раскланявшись вторично, Беккеръ поднялъ шестъ, поставилъ его перпендикулярно, укрѣпилъ толстый его конецъ къ золотому поясу, обхватывавшему животъ, и началъ приводить въ равновѣсіе другой конецъ съ желѣзнымъ перехватомъ, едва мелькавшимъ подъ куполомъ цирка. Приведя такимъ образомъ шестъ въ должное равновѣсіе, акробатъ шепнулъ нѣсколько словъ мальчику, который влѣзъ ему сначала на плечи, потомъ обхватилъ шестъ тонкими руками и ногами и сталъ постепенно подыматься кверху. Каждое движеніе мальчика приводило въ колебаніе шестъ и передавалось Беккеру, продолжавшему балансировать, переступая съ одной ноги на другую.

Громкое „браво!“ раздалось въ залѣ, когда мальчикъ достигъ, наконецъ, верхушки шеста и послалъ оттуда поцѣлуй. Снова все смолкло, кромѣ оркестра, продолжавшаго играть вальсъ. Мальчикъ между тѣмъ, придерживаясь къ желѣзной перекладинѣ, вытянулся на рукахъ и тихо-тихо началъ выгибаться назадъ, стараясь пропустить ноги между головою и перекладиной; на минуту можно было видѣть только его свѣсившіеся назадъ бѣлокурые волосы и усиленно дышавшую грудь, усыпанную блестками. Шестъ колебался изъ стороны въ сторону, и видно было, какихъ трудовъ стоило Беккеру продолжать держать его въ равновѣсіи.

— Браво!.. браво!!. раздалось снова въ залѣ.

— Довольно!.. довольно!!. послышалось въ двухъ-трехъ мѣстахъ.

Но крики и аплодисменты наполнили весь циркъ, когда мальчикъ снова показался сидящимъ на перекладинѣ и послалъ оттуда поцѣлуй. Беккеръ, не спускавшій глазъ съ мальчика, шепнулъ снова что-то. Мальчикъ немедленно перешелъ къ другому упражненію. Придерживаясь на рукахъ, онъ началъ осторожно спускать ноги и ложиться на спину. Теперь предстояла самая трудная штука: слѣдовало сначала лечь на спину, уладиться на перекладинѣ такимъ образомъ, чтобы привести ноги въ равновѣсіе съ головою, и потомъ вдругъ, неожиданно сползти на спинѣ назадъ и повиснуть въ воздухѣ, придерживаясь только на подколѣнкахъ.

Все шло, однакожъ, благополучно. Шестъ, правда, сильно колебался, но гуттаперчевый мальчикъ былъ уже на половинѣ дороги; онъ замѣтно перегибался все ниже и ниже и начиналъ скользить на спинѣ.

— Довольно! Довольно! Не надо! — настойчиво прокричало нѣсколько голосовъ.

Мальчикъ продолжалъ скользить на спинѣ и тихо-тихо спускался

внизъ головою... Внезапно что-то сверкнуло и завертѣлось, сверкая въ воздухѣ; въ ту же секунду послышался глухой звукъ чего-то упавшаго на арену.

Въ одинъ мигъ все заволновалось въ залѣ. Часть публики поднялась съ мѣстъ и зашумѣла; раздались крики и женскій визгъ; послышались голоса, раздраженно призывавшіе доктора. На аренѣ также происходила сумятица; прислуга и клоуны стремительно перескакивали черезъ барьеръ и тѣсно обступали Беккера, который вдругъ скрылся между ними. Нѣсколько человѣкъ подхватили что-то и, пригибаясь, спѣшно стали выносить къ портьерѣ, закрывавшей входъ въ конюшню. На аренѣ остался только длинный золоченый шестъ съ желѣзной перекладиной на одномъ концѣ. Оркестръ, замолкнувшій на минуту, снова вдругъ заигралъ по данному знаку; на арену выбѣжало, взвизгивая и кувыркаясь, нѣсколько клоуновъ, но на нихъ уже не обращали вниманія. Публика отовсюду тѣснилась къ выходу.

Несмотря на всеобщую суету, многимъ бросилась въ глаза хорошенькая бѣлокурая дѣвочка въ голубой шляпкѣ и мантильѣ; обвивая руками шею дамы въ черномъ платьѣ и рыдая, она не переставала кричать во весь голосъ: „ай, мальчикъ! мальчикъ!!“..

На слѣдующее утро афишка цирка не возвѣщала упражненій „гуттаперчеваго мальчика“. Имя его и потомъ не упоминалось; да и нельзя было: гуттаперчеваго мальчика уже не было на свѣтѣ.

Акробатъ (греч.)—человѣкъ, увеселяющій зрителей разными трудно выполнимыми тѣлесными упражненіями: ходьбой по высоко натянутому канату, подъемомъ большихъ тяжестей, опасными скачками и т. п.

Подвернуться, подвертываться—случайно очутиться, попасться кому. Кто ему подъ руку подвернется, тотъ и виноватый.—Случай такой подвернулся. Употребляется также въ буквальномъ смыслѣ: Нога подвернулась.

Болтаться—1, приходить въ движеніе, колыхаться. Вода болтается въ бочкѣ.—Сапоги болтаются на ногахъ; 2, слоняться безъ дѣла. Примись лучше за дѣло, чѣмъ болтаться; 3, въ виcячемъ положеніи дѣлать невольныя движенія. Длинный нанковый сюртукъ печально болтался на сухихъ и костлявыхъ его плечахъ (Тургеневъ).

Уходиться—успокоиться, утихнуть, утомиться. Не спорь съ нимъ, пусть кричитъ,—уходится!—Молодое пиво уходится.

Практическій человѣкъ—1, человѣкъ, опытный въ житейскихъ дѣлахъ; 2, человѣкъ, мысли котораго направлены преимущественно къ пріобрѣтенію матеріальныхъ выгодъ.

Репетиція (лат.)—1, пробное исполненіе пьесы; 2, уроки, посвящаемые провѣркѣ знаній учениковъ. Что значитъ часы съ репетиціей?

Вьюнъ (отъ глаг. **вить**)—тотъ или то, что вьется. Рыба-вьюнъ. *Вертится, какъ вьюнъ на сковородѣ.* Растеніе-вьюнъ. Человѣкъ-вьюнъ—человѣкъ ловкій, расторопный, льстивый, увивающійся; пролазъ. *Вьюномъ вьется*—увивается, ухаживаетъ съ угодливостью. Да, къ этому вьюну не придерешься! поддакиваетъ, кланяется бѣсъ, а все-таки

поставить на своемъ (А. Толстой „Смерть Іоанна Грознаго“). — Что за народъ! словно вьюны какіе! думаешь, вотъ поймалъ за хвостъ, а они тебѣ промежъ пальцевъ (А. Толстой „Князь Серебряный“). — Все таже неотвязчивая мысль вокругъ меня какъ черный воронъ вьется (А. Толстой „Донъ Жуанъ“).

Перекочевать—перейти кочевьемъ, подняться съ кочевья на другое мѣсто, перегоняя скотъ и перевозя имущество. Здѣсь что значитъ?

Предоставить, предоставлять что кому — отдавать на волю, давать въ чемъ полную свободу, не стѣснять. Что значитъ: предоставь это мнѣ?

Тузъ—1, игральная карта; 2, ударъ кулакомъ. Дать кому туза. Отсюда тузить кого—бить, колотить; 3, богачъ, вельможа, знатный человѣкъ. Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ! (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума“.)

Привязать, привязывать — прикрѣплять механически, внѣшнимъ образомъ, напр., веревкой, и внутреннимъ, духовнымъ способомъ, напр., ласковымъ обращеніемъ. Что значитъ: Ко мнѣ какая-то собаченка привязалась.—Мальчикъ очень привязался ко мнѣ.

Тафта—гладкая, тонкая шелковая ткань.

Вентиляціонный (лат.)—относящійся къ вентиляціи, т.-е. удаленію изъ закрытаго помѣщенія испорченнаго воздуха.

Чинный (отъ сл. **чинъ**—установленный порядокъ, напр., чинъ вѣнчанія, крещенія)—соблюдающій чинъ, порядокъ, приличный, степенный. Романъ отмѣнно длинный, длинный, длинный, нравоучительный и чинный (Пушкинъ).—Ученики сидятъ чинно.

Ярусъ—въ театрѣ, рядъ мѣстъ на одной высотѣ. Городъ, мѣстность расположены ярусами.

Арена (лат.) — 1, въ древне-римскомъ амфитеатрѣ круглая площадь, гдѣ происходили бои гладіаторовъ съ дикими звѣрями (гладіаторъ — римскій публичный боецъ); ристалище. А на аренѣ двѣ бѣлѣющія тѣни ждутъ, обнимаясь, льва (Майковъ). — Торжественно гремитъ рукоплесканьями широкая арена (Лермонтовъ); 2, мѣсто разныхъ публичныхъ состязаній или представленій; вообще поприще дѣятельности. Съ нѣкотораго времени нашъ край поистинѣ сдѣлался ареной отрадныхъ явленій (Салтыковъ „Помпадуры“).—Арена дѣятельности.

Темпъ—(лат.) степень скорости, преимущественно въ музыкѣ. Въ темпъ, въ шагъ, въ размѣръ, въ тактъ. — Ломоносовъ оглянулся. Мимо него, въ темпъ, поспѣвая за товарищами, съ ружьемъ на плечѣ... быстро шагалъ въ пыли раскраснѣвшійся длинноногій Державинъ (Данилевскій „Мировичъ“).

Ливрея (франц.)—особаго покроя одежда лакея, служителя. Что значитъ въ переносномъ смыслѣ надѣть ливрею, одѣться въ ливрею?

Галунъ (франц.)—золотая, серебряная и мишурная тесьма, нашивающаяся на фуражки или на платье. Войдя въ переднюю, онъ увидалъ красавца-лакея въ галунахъ и медвѣжьей пелеринкѣ (Л. Толстой „Анна Каренина“).

Ботфорты (франц.)—сапоги со стоящими голенищами выше колѣнъ съ раструбомъ и подколѣннымъ вырѣзомъ.

Ватага—1, стадо овецъ. Пускать ватаги на зеленя; 2, толпа, шайка, сборище людей. Да тутъ ихъ цѣлая ватага! кричала Ганка, вырываясь изъ толпы парубковъ (Гоголь „Майская ночь“). — Разбойничья ватага; 3, нѣсколько людей, собравшихся для общаго дѣла или промысла; артель, особенно сборъ рабочихъ для ловли рыбы. Ватага бурлаковъ.

❀

Портьера (франц.)--занавѣсь изъ матеріи, закрывающая дверь.

Балансировать (франц.)—1, дѣлать усиліе, чтобы сохранить равновѣсіе; 2) танцовать на натянутомъ канатѣ.

Дайте каждой части разсказа заглавіе.—Сравните жизнь Пети и дѣтей гр. Листомировыхъ.

❊

26. Верба.

Стихотвореніе *И. З. Сурикова.*

Ходитъ вѣтеръ, ходитъ буйный,
по полю гуляетъ,
на краю дороги вербу
тонкую сгибаетъ.
Гнется, гнется сиротинка,
нѣтъ для ней подпоры:
всюду поле, точно море,—
не окинутъ взоры.
Солнце жжетъ её лучами,
дождикъ поливаетъ,
буйный вѣтеръ съ горемыки
листья обрываетъ.
Гнется, гнется сиротинка,
нѣтъ для ней защиты:
всюду поле, точно море,—
ковылемъ покрыто.
Кто же вербу-сиротинку
въ полѣ, на просторѣ,
посадилъ здѣсь при дорогѣ
на бѣду, на горе?
Гнется, гнется сиротинка,
нѣтъ для ней привѣта:
всюду поле,—точно море,
море безъ отвѣта.
Такъ и ты, моя сиротка,
какъ та верба въ полѣ,
выростаешь безъ привѣта,
въ горемычной долѣ.

Горемыка—человѣкъ, не выходящій изъ бѣды, котораго бѣда преслѣдуетъ; отсюда **горемычный**—несчастный, горестный. *Горе-горемыка, хуже лапотнаго лыка!*—Горемыка ли несчастный погубилъ свой грѣшный духъ (Пушкинъ).—Изъ тебя ли, изъ дубровушки, мелки пташечки вонъ вылетали, одна пташечка оставалася, горемычная кукушечка (Народная пѣсня). **Мыкать**—щипать по клочкамъ, по ниточкамъ. Горе мыкать. Эхъ, другъ ты мой Сергѣй Андреичъ!.. Моего горя не размыкаешь,—сказалъ Потапъ Максимычъ (Печерскій „Въ лѣсахъ").

Ковыль—степная трава съ длиннымъ стеблемъ и пушистымъ хвостомъ. Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ (А. Толстой). **Ковылять**—колебаться, вилять, ходить вперевалку. *Хоть виляй, хоть ковыляй, а не миновать.*

Привѣтъ—всякое доброе пожеланіе, ласковое слово при встрѣчѣ. Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ—разсказать, что солнце встало (Фетъ).—*Не мудренъ привѣтъ, а сердца покоряетъ.—Безъ привѣту нѣтъ отвѣту.*

Пословицы: *Горе лыкомъ подпоясано.—Горе одолѣетъ, никто не пригрѣетъ.—Горе не молодитъ.—Вѣку мало, да горя много.—Завѣй горе веревочкой.—Горе да бѣда, съ кѣмъ не была.—За моремъ веселье, да чужое; а у насъ и горе да свое.*

Ср. у Некрасова: Какъ ни тепло чужое море, какъ ни красна чужая даль, не имъ размыкать наше горе, развѣять русскую печаль.

За сиротою самъ Богъ съ калитою.—Въ сиротствѣ жить—слезы лить.—Не строй церкви, пристрой сироту!

27. Сиротка Акулина.

Отрывокъ *Д. В. Григоровича.*

Маленькая Акулина сдѣлалась на скотномъ дворѣ съ перваго же дня своего существованія предметомъ всеобщаго нерасположенія. „Добро бы своя была", говорили бабы: „добро бы родная, а то не вѣсть по какого лѣшаго смотришь за нею!" Но хуже всего приходилось терпѣть сироткѣ отъ пріемной матери, скотницы Домны. Случалось ли кому изъ ребятъ напроказить: разбить горшокъ или выпить втихомолку сливки, разгнѣванная Домна накидывалась обыкновенно на Акульку, видя въ ней если не виновницу, то по крайней мѣрѣ главную зачинщицу; забредетъ ли свинья въ барскій палисадникъ, и за свинью отвѣчала бѣдняжка,—словомъ, все, что только могло случиться непріятнаго въ домашнемъ быту скотнаго двора, все вызывало побои на безотвѣтную дѣвочку.

Много слезъ и горя стоило въ первое время Акулинѣ новое назначеніе, опредѣленное ей Домной: ее посылали на рѣку стеречь гусей и утокъ. Выгоняя утромъ гусиное стадо, проходила ли она по улицѣ, всюду встрѣчались веселые ребятишки, беззаботно игравшіе подъ навѣсами и на дорогѣ, всюду слышались ихъ веселыя пѣсни, крики; одна она должна была проходить мимо, не смѣя присоединиться къ нимъ и раздѣлить общую радость. А ужъ какъ страшно-то было ей, боязливой дѣвочкѣ, напуганной разными дивами, проводить цѣлые дни одной-одинешенькой, далеко отъ села, въ какомъ-нибудь глухомъ болотѣ или темномъ лѣсу. Въ первое время она часто не могла вынести своего одиночества и, бросивъ тутъ же гусиное стадо свое, возвращалась одна на скотный дворъ, позабывая и побои скотницы и все, что могло ожидать ее за такой своевольный поступокъ.

Но прошелъ годъ-другой, и свыклась Акулька со своей тяжкой долей. Какое-то даже радостное чувство наполняло грудь дѣвочки, когда, вставъ вмѣстѣ съ зарею, ранымъ-рано, вооружась хворостиною, выгоняла она за околицу свое стадо. Теперь, уже не ожидая намека, спѣшила она убраться со своими гусями и утками въ поле, лишь бы только скорѣе вырваться изъ избы. Какъ птичка встрепенется она тогда; все измѣнялось въ ней; движенія дѣлались развязнѣе, станъ выпрямлялся,—словомъ, трудно было узнать въ сироткѣ одну и ту

Дѣвочка съ гусями.

Н. Бондаревскій.

же дѣвочку. Робкій и жалкій видъ, такъ рѣзко отличавшій ее дома отъ прочихъ дѣтей, какъ бы мгновенно исчезалъ. Бывало даже, на Акулю находилъ въ эти минуты вдругъ какой-то припадокъ веселости, рѣзвости. Она особенно любила загонять свое стадо въ густую осиновую рощу. Ей невыразимо легко, весело, привольно было просиживать тутъ съ утра до вечера. Тутъ только запуганный, забитый ребенокъ чувствовалъ себя на свободѣ. Природа нимало не плѣняла деревенской дѣвочки; невѣдомо пріятное чувство, подъ вліяніемъ котораго находилась она, было въ ней совершенно безотчетно...

Ее выводили изъ раздумья однообразное кукованье кукушки, крикъ иволги или коршуна, который, распластавъ широкія крылья свои, вдругъ, откуда ни возьмись, кружась и вертясь, появлялся надъ испуганнымъ ея стадомъ. Акуля вскакивала тогда, блѣдное личико ея покрывалось яркимъ румянцемъ; она начинала бѣгать и суетиться, хмурила сердито свои узенькія брови и, размахивая по сторонамъ длинною хворостиною, казалось, готовилась съ самоотверженіемъ защищать слабыхъ своихъ питомцевъ. Наступалъ вечеръ, и дѣвочка снова направлялась къ околицѣ, слѣдя съ какою-то ребяческой грустью за стаями галокъ, несшихся на ночлегъ въ теплыя родныя гнѣзда.

Съ возрастомъ, по мѣрѣ того, какъ сиротка становилась разумнѣе, постоянное это одиночество обратилось не только въ привычку, но сдѣлалось для нея потребностью. Оно было единственнымъ средствомъ, избавлявшимъ ее отъ побоевъ скотницы и толчковъ встрѣчнаго и поперечнаго. Вообще отчужденіе, которое испытывала она со стороны окружающихъ, какъ круглая сирота, и которое съ нѣкоторыхъ поръ какъ-то особенно тяготило ее, также не мало способствовало подобному расположенію.

Постоянное отдаленіе Акулины отъ жителей скотнаго двора и одинокая жизнь производили на ея дѣтство сильное вліяніе. Прежде еще, когда неотлучно оставалась она при людяхъ, приластится бывало къ тому, къ другому или вымолвитъ ласковое слово, не взирая на толчки, которыми часто отвѣчали на ея ласки; теперь же, едва успѣетъ вернуться съ поля, какъ тотчасъ забьется въ самый темный уголъ, молчитъ, не шевельнется даже, боясь обратить на себя вниманіе. Она входила въ избу всегда съ какимъ-то страхомъ, смущеніемъ, трепетомъ—чувствами, появлявшимися прежде не иначе, какъ вслѣдствіе приключившагося съ нею несчастія.

Ребенокъ одичалъ, наконецъ, до того, что разъ, безъ особенной причины, цѣлыя трое сутокъ сряду не возвращался домой со своимъ

стадомъ,—голодъ только могъ вынудить его покинуть поля и рощу. Первое зазимье и морозы возвращали, однако, волею-неволею полуодичалую сиротку на скотный дворъ.

Въ это время года, когда всѣ, отъ мала до велика, не исключая даже домашнихъ животныхъ, столпятся вмѣстѣ подъ одною и тою же кровлею,—она снова сближалась нѣсколько съ семействомъ скотницы. Однако сближеніе это у ней было болѣе внѣшнее, нежели нравственное. Робкій и тихій нравъ дѣвочки, притомъ постоянно грубое обхожденіе, которому она подвергалась,—все это должно было отталкивать ее отъ задушевныхъ съ ними сношеній.

Самоотверженіе—состояніе человѣка, который жертвуетъ собою, своими благами на пользу ближняго или для общаго блага. Самоотверженіемъ мы приходимъ къ молитвѣ, а молитва, будучи высшей степенью самоотверженія, усиливаетъ его въ душѣ нашей и имъ насъ совершенствуетъ (Жуковскій).

Отчужденіе—1, состояніе, которое испытываетъ человѣкъ, котораго чуждаются, избѣгаютъ; 2, дѣйствіе, которымъ имущество, принадлежащее однимъ лицамъ, передается въ собственность другихъ. Постройкѣ желѣзной дороги всегда предшествуетъ отчужденіе частныхъ земель, по которымъ она пройдетъ.

Приластиться—то же, что приласкаться.

Задушевный—милый, сердечный, идущій отъ души, проникающій въ душу, хватающій за душу, искренній. Запѣлъ „лучинушку"—вся задушевная тоска этой пѣсни такъ и послышалась и почуялась въ каждомъ переливѣ его голоса (Писемскій).—Нѣсколько разъ прочелъ онъ это изреченіе, выражавшее его задушевную мысль (Л. Толстой).—Задушевный голосъ.—Задушевная бесѣда.

28. * * *

Стихотвореніе *Н. П. Огарева.*

Осенній день былъ сѣръ и сыръ,
и мелкій дождь ежеминутно
на землю капалъ; мокрый міръ
смотрѣлъ уныло, безпріютно.
Казалось пусто. Садъ притихъ,
замолкъ деревьевъ гулъ протяжный,
и желтый листъ, срываясь съ нихъ,
печально мокъ на почвѣ влажной,
и только утки, какъ всегда,
плескались глупо у пруда.

*

29. Осенью въ полѣ.

Стихотвореніе *Н. М. Михайлова.*

Холодомъ дышитъ осеннее небо.
Голое поле мокро и черно,
копны душистаго, сжатаго хлѣба
убраны съ поля давно.
Съ крикомъ вороны летятъ надъ землею.
Вѣтеръ срываетъ сухіе листы.
Дождь, какъ туманъ, затянулъ пеленою
поле, холмы и кусты.
Грустно и жутко. Заря умираетъ;
черныя лужи повсюду блестятъ.
Туча все ниже и ниже сползаетъ;
меркнетъ, блѣднѣя, закатъ.
Небо осеннее сыростью дышитъ.
Сердце трепещетъ, ему холодно.
Крикнуть о помощи... Кто же услышитъ?
Въ полѣ безлюдно темно.

30. Журавли летятъ.

Изъ разсказа *И. С. Тургенева* „Призраки“

Сильный, переливчатый, звонкій крикъ раздался внезапно надъ нами и тотчасъ же повторился уже немного впереди.

Крупныя, красивыя птицы (ихъ всего было тринадцать) летѣли треугольникомъ, рѣзко и рѣдко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянувъ голову и ноги, круто выставивъ грудь, онѣ стремились неудержимо и до того быстро, что воздухъ свисталъ вокругъ. Чудно было видѣть на такой вышинѣ, въ такомъ удаленіи отъ всего живого такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю. Не переставая побѣдоносно разсѣкать пространство, журавли изрѣдка перекликались съ передовымъ товарищемъ, съ вожакомъ, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо-самоувѣренное въ этомъ подоблачномъ разговорѣ.

⁂

31. Осень.

Изъ повѣсти *И. С. Тургенева.* „Степной король Лиръ“.

Въ половинѣ октября я стоялъ у окна моей комнаты, во второмъ этажѣ нашего дома — и, ни о чемъ не помышляя, уныло посматривалъ на дворъ и на пролегавшую за нимъ дорогу. Погода уже пятый день стояла отвратительная, все живое попряталось; даже воробьи притихли, и грачи давно пропали. Вѣтеръ то глухо завывалъ, то свисталъ порывисто; низкое, безъ всякаго просвѣта, небо изъ непріятно-бѣлаго цвѣта переходило въ свинцовый, еще болѣе зловѣщій цвѣтъ,—и дождь, который лилъ, лилъ неумолчно и безпрестанно, внезапно становился еще крупнѣе, еще косѣе — съ визгомъ расплывался по стекламъ. Деревья совсѣмъ истрепались и какія-то сѣрыя стали: ужъ, кажется, что было съ нихъ взять,—а вѣтеръ, нѣтъ-нѣтъ да опять примется тормошить ихъ. Вездѣ стояли засоренныя мертвыми листьями лужи; крупные волдыри, то и дѣло лспаясь и возрождаясь, вскакивали и скользили по нимъ. Грязь по дорогамъ стояла невылазная; холодъ проникалъ въ комнаты, подъ платье въ самыя кости; невольная дрожь пробѣгала по тѣлу, и ужъ какъ становилось дурно на душѣ! Именно дурно — не грустно. Казалось уже никогда не будетъ ни свѣта, ни солнца, ни блеска, ни красокъ, а вѣчно будетъ стоять эта слякоть, и слизь, и сѣрая мокрота, и сырость кислая,—и вѣтеръ будетъ вѣчно пищать и ныть!

Пролегать—лежать вдоль, простираться, протянуться полосой. Не одна-то во-полѣ дороженька пролегала (Народная пѣсня).—Что пониже города было Саратова а повыше было города Царицына, протекала, пролегала мать Камышенка рѣка (Народная пѣсня).

Неумолчный—неумолкаемый, несмолкаемый, не умолкающій, не затихающій, вѣчно говорящій, шумящій. Какъ будто гигантскій водопадъ ревѣлъ неумолчно во тьмѣ ночной (Гусевъ-Оренбургскій).

Волдырь — подкожный пузырь, шишка отъ удара, наростъ. Лопнулъ (пропалъ) какъ волдырь на водѣ.

Слизь отъ гл. **скользить**—скользкая жидкость. Склизкій, слизкій.—Слизистая оболочка.

32. Осень.

Стихотвореніе *А. С. Пушкина.*

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ,
журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
въ отъѣзжія поля съ охотою своей—
и страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
и будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

Унылая пора, очей очарованье,
пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
и мглой волнистою покрыты небеса,
и рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
и отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

Отъѣзжій—о человѣкѣ: кто уѣзжаетъ, отправляется въ путь; о мѣстѣ: отдаленное, требующее отъѣзда. Отъѣзжее поле (охотн. выраженіе)—псовая охота въ дальности отъ житья, въ пустошахъ.

Очарованіе—то же, что прелесть; отъ гл. **очаровать** — обворожить, околдовать, плѣнить. Минувшихъ дней очарованье, зачѣмъ опять воскресло ты? (Жуковскій.)—Но кратки всѣ очарованья, имъ не дано у насъ гостить (Тютчевъ).

Багрецъ—краска, дающая самый чистый, красный цвѣтъ; краска червленая, червень. Багрецомъ заалѣлъ восточный закрой неба (Печерскій „Въ лѣсахъ").

Мгла—туманъ, сухой и сырой; холодный мельчайшій дождь. Встаетъ заря во мглѣ холодной (Пушкинъ).—Когда на землю ночь спустилась и садъ твой охватила мгла (Апухтинъ).—Очи одѣла смертельная мгла (Лермонтовъ „Морская царевна").—Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла по небу стелется одеждою свинцовой (Пушкинъ).

33. КУКУШКА И ПѢТУХЪ
БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА.

„Какъ, милый пѣтушокъ, поешь ты громко, важно".
— „А ты, кукушечка, мой свѣтъ,
какъ тянешь плавно и протяжно:
во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!"
— „Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова".
— „А ты, красавица, божусь,
лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..
Да вы ужъ родомъ такъ: собою невелички,
а пѣсни—что твой соловей!"
— „Спасибо, кумъ; зато, по совѣсти моей,
поешь ты лучше райской птички;
на всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я".
Тутъ воробей, случась, промолвилъ имъ: „Друзья!

Хоть вы охрипнете, хваля другъ дружку,
все ваша музыка плоха!..“
За что же, не боясь грѣха,
кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

Невеличка—уменьшительная форма отъ невелика. *Птичка-невеличка, а ноготокъ востеръ.*

Ссылаться на кого-нибудь — 1, опираться, указывать, приводить въ свидѣтели. Виноватаго нѣтъ, всѣ другъ на друга ссылаются; 2, приводить въ качествѣ предлога—ссылаться на погоду, на нездоровье; 3, приводить чьи-нибудь рѣчи, слова; указывать, откуда что взято. Ссылаться на писателей. Отсюда слово **ссылка**. Его работа полна ссылокъ на иностранныхъ писателей.

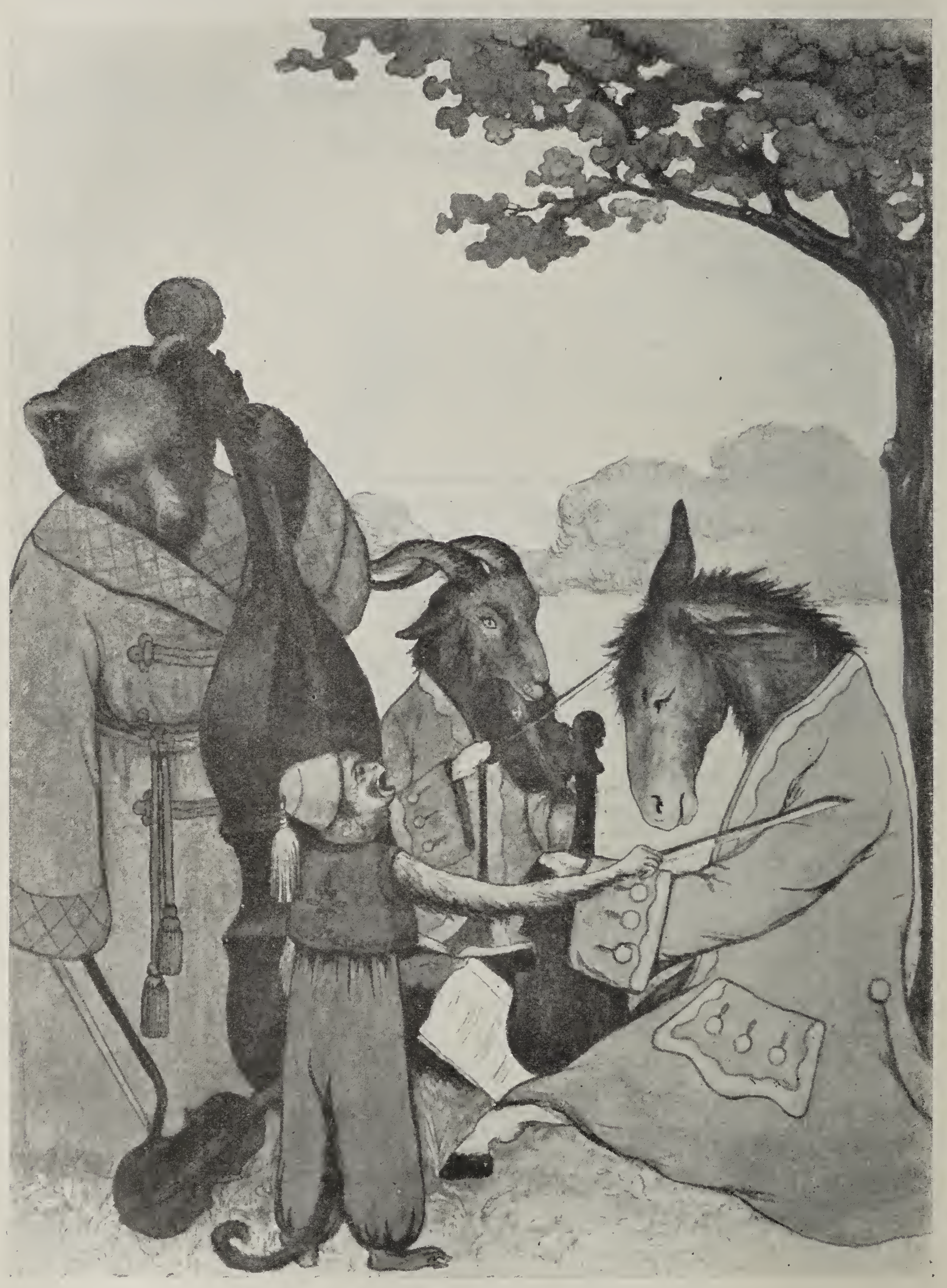

34. Квартетъ.

Басня *И. А. Крылова.*

Проказница-мартышка,
оселъ,
козелъ
да косолапый мишка
затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки
и сѣли на лужокъ подъ липки
плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки—дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой!“ кричитъ мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, мишенька, садись противъ альта,
я, прима, сяду противъ вторы;
тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
у насъ запляшутъ лѣсъ и горы!“

Разсѣлись, начали квартетъ;
онъ все-таки на ладъ нейдетъ.

„Постойте жъ, я сыскалъ секретъ“,
кричитъ оселъ: „мы вѣрно ужъ поладимъ,

коль рядомъ сядемъ".
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ,
а все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
и споры,
кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
„Пожалуй", говорятъ: „возьми на часъ терпѣнья,
чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
и ноты есть у насъ, и инструменты есть;
скажи лишь, какъ намъ сѣсть!"
— „Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
и уши вашихъ понѣжнѣй",
имъ отвѣчаетъ соловей:
„а вы, друзья, какъ ни садитесь,
все въ музыканты не годитесь".

Квартетъ (итал.)—музыка въ четыре голоса или въ четыре инструмента.

Басъ (итал.)—1, музыкальный скрипичный инструментъ большихъ размѣровъ; 2, низкій мужской голосъ. Пѣть басомъ. Они... добыли себѣ... въ діаконы такого баса, который бы непремѣнно попалъ въ протодіаконы къ архіерею, если бы не зашибался хмелемъ (Боборыкинъ „Василій Теркинъ").—Онъ зналъ, что богатый казакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутью, гдѣ будутъ: голова, пріѣхавшій изъ архіерейской пѣвческой, родичъ дьяка, въ синемъ сюртукѣ, бравшій самаго низшаго баса, казакъ Свербыгузъ и еще кое-кто (Гоголь „Ночь передъ Рождествомъ").

Альтъ (итал.)—1, родъ скрипки. Я—бывало, альтъ запьетъ, на альтѣ играю гобой (духовой инструментъ) подъ арестомъ—въ гобой дую; корнетъ-а-пистонъ хвораетъ—кто же его может замѣнить? (Горкій „Коноваловъ"); 2, низкій женскій голосъ.

Ударить кого, что, во что — наносить ударъ, стучать, бить, колотить. Запомните выраженія: Ударили въ набатъ. — Гребцы ударили въ весла. — Ударили на непріятеля.—Молнія ударила въ домъ.—Лицомъ въ грязь не ударилъ.

Драть въ переносномъ значеніи—1, производить нестройные, непріятные звуки. Драть уши, оскорблять слухъ. Они немножечко дерутъ, зато ужъ въ ротъ хмельного не берутъ (Крыловъ „Музыканты").—Слыхали ль Вы, какъ подъ окномъ шарманка Бетговена симфонію деретъ (Вяземскій); 2, разодрать, разрывать на части. Драть сукно, бумагу; 3, сдирать, отдѣлять съ нѣкоторымъ усиліемъ. Драть лыки, дернъ.—Содрать кожу съ убитаго медвѣдя; 4, выдрать; таскать, драть за уши, за волосы; 5, изодрать, снашивать платье, обувь. Давно ли тебѣ сдѣланъ сюртукъ, а ты уже его изодралъ; 6, содрать, требовать, вымогать лишнее; брать взятки; отягощать поборами. *Драть съ живого и мертваго.—Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.*—Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь? Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ (Лермонтовъ „Герой нашего времени"); 7, болѣть, испытывать боль. Сильно деретъ руку.—Деретъ по кожѣ, чувствуется ознобъ.—Когда морозъ деретъ по кожѣ, мнѣ теплая постель дороже, чѣмъ ваша прыткая ѣзда (Вяземскій „Русская луна"); 8, убрать, убѣгать, утекать, спасаться бѣгствомъ. Деретъ во всѣ

лопатки; 9, царапать, скоблить. Скрежещетъ (левъ) съ ярости зубами и землю онъ деретъ когтями (Крыловъ „Левъ и комаръ“).—И со всего плеча червонецъ о кирпичъ онъ точитъ, дресвой (опилками) деретъ, пескомъ и мѣломъ третъ (Крыловъ „Червонецъ“). *Сухая ложка ротъ деретъ.*

Прима (лат.)—первая скрипка или первый голосъ въ квартетѣ.

Втора—вторая скрипка или второй голосъ въ квартетѣ. **Вторить** — повторять за кѣмъ, соглашаться (подобно тому, какъ въ музыкѣ второй голосъ согласуется съ первымъ).

Разсѣсться, размѣститься—1, (о многихъ) размѣститься, сѣсть по мѣстамъ; 2, (объ одномъ) сѣсть удобно, расположиться, развалиться. *Разсѣлась, какъ попадья*; 3, разсѣдаться, расщелиться, треснуть, раздаться врозь, разорваться. Земля разсѣлась. — Горы разсѣдаются. — Штукатурка разсѣдается. — Столъ разсѣлся во всю длину.— Стѣна разсѣлась, дала трещину.

Секретъ (франц.)—тайна. Когда секретъ знаютъ болѣе, нежели двое, то это уже не секретъ. — Секретъ—на весь свѣтъ.

Разборы, разборъ—разсмотрѣніе дѣла въ подробностяхъ. Разборъ книги, сочиненія.—Разборка правыхъ и виноватыхъ.—Мука перваго разбора. **Разбирать, разобрать**—1, разнимать по частямъ; разлагать, дѣлить на составныя части. Разобрать часы.—Срубъ по бревну разобрали; 2, разсмотрѣть, размѣстить по качеству. Торговцы разбираютъ яблоки по разборамъ.—Вали въ мѣшокъ, дома разберемъ, сказалъ воръ товарищу; 3, расхватать, раскупить. Весь товаръ разобрали, ничего не осталось; 4, разсматривая и обсуждая, различать. Онъ неприхотливъ, не разбираетъ, что ѣстъ.—Разбирать по косточкамъ; 5, понимать, постигать взять въ толкъ. Разбираешь грамоту?—Кто его разберетъ, чего онъ хочетъ; 6, дѣлать дознаніе, розыскъ, разбирательство. Разобралъ и помирилъ сосѣдей; 7, прихотничать, привередничать. Разборчивая невѣста; 8, (о хмелѣ, винѣ) начать дѣйствовать, производить опьяненіе. Экъ его разбираетъ хмелемъ.

Пожалуй—1, то же, что пожалуйста, прошу (въ этомъ значеніи мало употребительно); 2, хорошо, согласенъ, изволь, сдѣлай одолженіе. Начнемъ, пожалуй, сказалъ Владиміръ (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ“).

35. Новый свѣтъ.

Изъ повѣсти *Евгенія Маркова* „Барчуки“.

Мнѣ кажется, что мы живемъ совсѣмъ не въ той деревнѣ Лазовкѣ, въ какой теперь живемъ, хотя, конечно, и та и эта называются именемъ Лазовки. Той Лазовкѣ не было конца—ни на сѣверъ, ни на югъ, ни на западъ; въ ней простирались необитаемыя пустыни, глухія дороги, дикіе лѣса; въ ней были даже моря, на которыхъ мы открывали уединенные, еще никѣмъ непосѣщенные острова. Та Лазовка была населена разными народами, врагами и друзьями нашими. Гдѣ же все это въ теперешней моей деревушкѣ, скучной и тѣсной? Гдѣ эти дороги, по которымъ такъ долго, бывало, бѣжишь, утомленный и нетерпѣливый, тщетно отыскивая на горизонтѣ глазами желанныя верхушки осинъ, возвѣщающихъ отдаленную пасѣку?.. Тамъ

были такіе живописные холмы, лощины, луга; всему было особенное названіе, вѣчно памятное, ознаменованное историческими событіями. Вонъ полосатый курганъ — тамъ была битва съ козой-обманщицей—такъ прозывался неустрашимый и коварный лакей Пашка, вѣчный врагъ нашъ въ воинственныхъ играхъ. Вонъ лозочки — отрадный зеленый уголокъ среди ржаного поля, гдѣ мы находили столько ягодъ, дикихъ персиковъ и новыхъ цвѣтовъ... По этой межѣ бѣжалъ волкъ, едва не съѣвшій Ильюшу, хотя объ этомъ не подозрѣвала въ домѣ ни одна душа. Трупъ прежняго передо мною, во всѣхъ своихъ мертвыхъ деталяхъ, но отлетѣла душа, которая его живила, и не вернется никогда. Самая благодарная и безграничная сфера для предпріятій и открытій былъ нашъ прудъ. Впрочемъ, прудъ—фальшивое названіе. У подошвы нашего огромнаго сада стлалось большое и многоводное озеро; на ту сторону голосъ не хваталъ, и люди казались маленькими...

Тутъ былъ нашъ Тихій океанъ, съ его коралловыми рифами, водорослями, невѣдомыми архипелагами... Тутъ мы выдерживали бури, подвергались опасностямъ, знакомились съ скудными богатствами незатѣйливой лазовской природы... Счастливы были дни и часы, когда удавалось урваться на долгое, рискованное плаваніе. Отпроситься было всегда очень трудно, потому что и маменька, и отецъ очень боялись воды и очень не довѣряли нашему благоразумію. Оттого иногда приходилось идти напропалую, т.-е. уплывать безъ спроса, куда глаза глядятъ, заранѣе рѣшившись вытерпѣть грозный отвѣтъ, передъ кѣмъ слѣдуетъ.

Солнце еще не распеклось, какъ слѣдуетъ по-лѣтнему; еще лакей Пашка не принесъ въ чайную огромнаго самовара; еще не видно на кабинетномъ балконѣ папенькинаго бухарскаго халата и дымящейся трубки. А мы уже проворно и тихо собрались въ путь; сапоги на босу ногу, русскія рубашки прямо на тѣло; Саша уже тащитъ по-за кухней къ пруду, укрываясь отъ хоромъ, двѣ лопаты, похищенныя въ конюшнѣ, и подъ мышкой огромный деревянный ковшъ, захваченный мимоходомъ въ застольной. Костя, одаренный не столько лисьими, сколько волчьими, свойствами, бѣжитъ прямо черезъ дворъ въ калитку сада, только что успѣвъ ворваться въ ледникъ, вслѣдъ за спускавшейся ключницей, что-то поспѣшно пережевывая, облизываясь, пряча и засовывая. Главная армія съ атаманомъ и Петею ушла впередъ и спѣшитъ теперь по боковымъ аллеямъ бѣглымъ маршемъ къ пруду. Всѣ держатъ себя какъ-то сосредоточенно, серьезно, будто

чувствуя особенную важность предстоящаго дѣла. Говорятъ отрывисто и шопотомъ. Атаманъ обдумываетъ—не упущено ли что; вотъ онъ махнулъ головой налѣво—гдѣ шалашъ садовника—и зачѣмъ-то отряжаетъ туда Петю, а мы все бѣжимъ далѣе... Петя догоняетъ насъ, мчась по некошеннымъ куртинамъ, пригибаясь подъ вѣтками яблонь, продираясь черезъ вишнякъ...

Что-то глухо скребетъ за нимъ землю и цѣпляется со стукомъ за деревья... Что это такое? Петя тащитъ за собою какую-то длинную и толстую вѣху.—Атаманъ, зачѣмъ это? что это будетъ?—спрашиваютъ голоса.

Борисъ, не отвѣчая, подходитъ къ Петѣ и нѣсколько мгновеній разсматриваетъ вѣху, хмурясь, перещупывая и перевертывая ее со всѣхъ концовъ. Петя и всѣ мы смотримъ на него съ безпокойнымъ любопытствомъ.

— Ну, что?—спрашиваетъ неувѣренно Петя.

— Ничего... какъ-нибудь приладимъ,—тономъ знатока, и словно нехотя, отвѣчаетъ атаманъ.

— Годится?—продолжаетъ Петя, пытливо всматриваясь то въ вѣху, то въ атамана.

— Ничего себѣ... годится... Тащи къ пристани,—повелительно говоритъ Боря.

— Что это такое, атаманъ, багоръ, что ли, будетъ?—спрашиваютъ кругомъ.

Но Борисъ быстро идетъ вслѣдъ за Пьеромъ къ пристани, не удостоивая насъ отвѣтомъ.

— Да скажи жъ, атаманъ, что это будетъ?

— Мачта! не видишь? а еще матросъ!—презрительно кричитъ атаманъ.—Скидай сапоги, ребята, все скидай долой,—за работу!

Мы уже стояли на доморощенной пристани, внизу сада, около которой въ заросшихъ тростникомъ заливчикахъ качались двѣ наши лодки: одна—большая, тяжелая, съ рулемъ и окрашенная зеленою краскою, по медленности хода и вообще неуклюжести прозванье ей было „Марѳа Посадница“; другая—вострая и узкая, натекающая водой, грязная и осмоленная сверху донизу. Эта называлась „Душегубка“, хотя на этой любимой душегубкѣ своей мы преблагополучно путешествовали по своему пруду нѣсколько лѣтъ сряду. Закипѣла работа. Толпа голыхъ матросиковъ, мускулистыхъ и смуглыхъ, закопошилась около душегубки.

— А ковша нѣту! У кого ковшъ?—кричалъ распорядительный голосъ Бори.

— Гдѣ Саша? Куда Саша дѣвался?—спрашивали въ толпѣ:— у него долженъ быть ковшъ!

Между тѣмъ, молодой осинникъ, густо засѣвшій на низкомъ берегу, сейчасъ за камышами, трещитъ отъ чьихъ-то порывистыхъ и спѣшныхъ шаговъ. Изъ-за камышей показывается поблѣднѣвшій отъ скораго бѣга Саша съ двумя лопатами на плечахъ, съ огромнымъ ковшомъ за поясомъ.

— Ну, братцы, насилу перепрыгнулъ черезъ ровъ!—кричалъ онъ, размахивая руками и весь радостный.—Теперь его вдвое шире раскопали, да такой плетень наверху высокій—два раза въ крапиву падалъ—едва выкарабкался...

— Давай ковшъ сюда, некогда болтать!—крикнулъ Боря. Онъ стоялъ по колѣна въ водѣ, пригнувъ къ себѣ корму лодки, чтобы дать стечь водѣ... Саша между тѣмъ раздѣвался...

— Постой, не раздѣвайся... сѣна принеси!—крикнулъ атаманъ, не оборачиваясь и притворно грубымъ голосомъ.

— Много сѣна, атаманъ?

— Тащи, сколько захватишь... да ты одинъ не донесешь много... Иди ты, Костя, съ нимъ...

Костя не пошелъ. У него оказались безъ того ноги изрѣзаны, и босой онъ не побѣжитъ по травѣ.

Атаманъ его выругалъ трусомъ и нѣженкой.

Послали меня, потому что Илюшѣ давались болѣе тонкія и болѣе отвлеченныя порученія, въ родѣ выпросить чего-нибудь у маменьки, отговориться отъ наказанія и т. п. На грубыя же услуги его обыкновенно не рѣшались употреблять.

Мы воротились, запыхавшись, съ охапками сѣна, выхваченнаго изъ стога.

— Братцы, мы козюлю сейчасъ видѣли!—полуиспуганно, полурадостно кричалъ я, еще не добѣжавъ до братьевъ.

— Братцы, я козюлю сейчасъ видѣлъ!—силился перебить меня Саша.—Прямо въ сажалку поползла; теперь туда никому нельзя ходить. Надо сказать Павлычу... Можетъ быть, онъ ее отыщетъ.

Лодка была вычерпана и набита сѣномъ. Атаманъ съ Пьеромъ, пригнувшись лицомъ къ самому дну лодки, ухитрились какъ-то увязать нижній конецъ вѣхи между вбитыхъ гвоздей. Костя навязывалъ между тѣмъ на веревки заранѣе сшитыя простыни.

— Не зѣвай, не зѣвай, ребята—дружно работать!—строго покрикивалъ атаманъ, самъ весь въ поту отъ напряженія.

Ахъ, какъ восхитительно хорошо плыть по нашей извилистой степной рѣчкѣ, синей посерединѣ отъ отражающагося въ ней лѣтняго неба, зеленой къ берегамъ отъ отраженія камышей, придвинувшихся къ ней изъ болотъ и луговъ сплошными стѣнами... Тихо-тихо по этимъ низкимъ берегамъ... Мы притаили дыханіе, и атаманъ чуть слышно опускаетъ въ воду лопату свою то съ одной, то съ другой стороны Только въ тростникахъ шуршитъ и плещется что-то...

— Что это, утка?—спрашиваетъ шопотомъ Саша, и никто не отвѣчаетъ ему...

Съ болотныхъ кочекъ, по мѣрѣ приближенія лодки, шумливо снимаются стаи бѣлопузыхъ чибисовъ и кружатся около, наполняя своимъ пискливымъ „чіи-вы“ неподвижно отдыхающій воздухъ.

— Чіи-вы! чіи-вы! звенитъ вдали и вблизи. Костя отвѣчаетъ имъ въ риѳму нашу фамилію. Такъ учила насъ дѣлать нянька Наталья. Она разсказывала намъ, что чибисиха потеряла дѣтей своихъ и ищетъ ихъ теперь по всему свѣту, опрашивая прохожихъ... Атаманъ толкаетъ Костю въ бокъ съ гнѣвнымъ жестомъ... Опять кругомъ тишь и сырая пахучая свѣжесть... Мы врѣзаемся носомъ лодки между двухъ чубастыхъ кочекъ, торчащихъ среди воды, какъ острова.

Вода мелѣетъ съ каждымъ ударомъ весла; бородатые, перегнувшіеся тростники охватываютъ насъ тѣснѣе и тѣснѣе; мы въѣхали въ плесу...

— Это заливъ красныхъ водорослей!—торжественно раздается голосъ Ильюши, служившаго географомъ, поэтомъ, ботаникомъ и вообще ученымъ элементомъ нашей удалой шайки.

Мы всѣ нагибаемся къ водѣ; подъ нами широко кругомъ вдругъ открывается цѣлый подводный лѣсъ красивыхъ и разнообразныхъ травъ, тѣсно перепутанныхъ между собою... Видно, какъ въ этомъ лѣсу гуляютъ маленькія рыбки, трепеща своими хвостиками; видно, какъ лежитъ распластавшаяся на днѣ зеленая лягушка, вылупивши на насъ глаза... Какіе-то ярко-красные волокнистые корешки стелются внизу... Изъ грязи сверкаютъ перламутромъ раскрытыя раковины... Сколько незнакомыхъ мушекъ, пауковъ и всякой мелкой и живой твари снуетъ и копошится въ этой глухой заводи... На сердцѣ такъ радостно... Солнце все прохватываетъ насквозь—и воду, и подводный лѣсъ, и самое сердце... Такъ весело, какъ будто открылъ какой-то никому незримый, невѣдомый міръ... Тростникъ зашуршалъ и какъ-то сухо затрещалъ, ломясь по сторонамъ лодки: мы прорѣзались насквозь... Лягушки плашмя падали въ воду, съ шумомъ ударяясь о нее... Мнѣ

дѣлалось немножко страшно и немножко омерзительно отъ такого близкаго сосѣдства: такъ и казалось, что эта слизкая и мокрая скверность шмякнется тебѣ въ лицо или чѣмъ-нибудь обрызгаетъ тебя.

Даже самъ Пьеръ поднялся на ноги. Мы всѣ боялись лягушекъ... Заѣхать въ тростникъ—это казалось заѣхать въ самое лягушечье царство; какъ-то непривычно и непріятно сидѣть въ этой густотѣ и тѣснотѣ, черезъ которую ничего не видно, кромѣ стоячей лягушечьей воды... Тростники ежеминутно задѣвали по лицу своими пушистыми хохлами. Отъ этого неожиданнаго, незнакомаго прикосновенія дрожь отвращенія пробѣгала по всѣмъ моимъ суставамъ, и я испуганно отмахивался рукой; но мы вламывались однако все далѣе и далѣе въ чащу этихъ камышей...

Борисъ съ Пьеромъ стояли на кормѣ, почти повалившись на лопаты, которыми они упирались въ землю; Ильюша ободрялъ къ продолженію пути, обѣщая открытіе какихъ-то рѣдкостей, какого-то еще никѣмъ непосѣщеннаго о з е р а г а г а р ъ. Онъ увѣрялъ, что ни одинъ нашъ охотникъ или рыболовъ ни разу не могли добраться до этого чудеснаго озера, совершенно спрятаннаго въ тростникѣ; что оно совсѣмъ круглое, зеленое какъ сукно и что туда прячутся на ночь всѣ утки, лысухи и гагары; потомъ онъ разсказывалъ, какъ опасно человѣку приближаться къ этому озеру ночью, какъ онъ разъ совсѣмъ было опрокинулся о подводную кочку; онъ прибавлялъ еще, что въ самой глуши тростниковъ есть какой-то осиновый колъ, вбитый въ землю, что подъ этимъ коломъ лежитъ утопленникъ и что утопленникъ этотъ, весь синій, покрытый раками и піявками, купается по ночамъ тоже въ этомъ озерѣ... Не скажу, чтобы мы во всемъ и буквально вѣрили мистическому разсказу Ильюши. Но я знаю только, что онъ насъ необыкновенно возбуждалъ и радовалъ... Такъ хотѣлось, чтобы изъ мутной воды вдругъ дѣйствительно поднялся какой-нибудь обглоданный утопленникъ. Такъ страстно желалось приключеній, опасностей и какой бы то ни было необычайности... Лодка уже почти не двигалась съ мѣста, сѣвъ плоскимъ дномъ на подводныя кочки...

Отъ усилій братьевъ она только вертѣлась кругомъ, какъ на винтѣ, будучи не въ силахъ податься.

— Эка, завелъ насъ, жила эта!—въ досадѣ кричалъ атаманъ на Ильюшу:—ну, куда теперь сунемся?.. Назадъ тоже не подается... До обѣда такъ провозимся.

Пьеръ, багровый отъ натуги, налегалъ широкою чугунною грудью

Начало весны. *С. Святославский.*

своею въ упоръ на ручку лопаты и молча бѣсился, что не можетъ двинуть лодки...

Мы стояли въ смущеніи и нѣкоторомъ страхѣ: что дѣлать?..

— Что вы, дурачье, перевѣсились на одну сторону, ступайте съ носа!..—кричалъ Борисъ, безплодно употребляя послѣднія усилія.

Мы столпились къ кормѣ, но лодка продолжала стоять попрежнему, слегка вращаясь, какъ на оси...

И Пьеръ и Борисъ бросили лопаты и стояли вмѣстѣ съ нами, опустивъ руки, молча, раздумывая.

— Надо слѣзть одному!—наконецъ сказалъ Борисъ:—вотъ тебя, жилу, и слѣдуетъ, по правдѣ, бросить за бортъ, чтобы не выдумывалъ чепухи!—посадилъ въ трущобу, такъ и вытаскивай, какъ знаешь.

Ильюша не рѣшался отгрызаться и, по привычкѣ, сконфуженно облизывалъ свои губы, высматривая чего-то по сторонамъ.

— Небось, не останемся, съѣдемъ какъ-нибудь,—ворчалъ онъ, не глядя на атамана.

— Атаманъ, хочешь, я брошусь!—вдругъ раздался тоненькій голосъ Саши; онъ стоялъ посреди лодки, удальски подбоченясь и смѣло глядя на насъ своими одушевленными глазами.

— Вотъ такъ молодецъ! не то, что эта калѣка Ильюша!—сказалъ одобрительно атаманъ:—валяй разомъ, казаку нечего раздумывать.

Саша уже сбросилъ рубашонку и теперь крестился, держась за голубенькую ленточку своего Митрофаньева образка, инстинктивно мѣшкая, съеживаясь всѣмъ бѣленькимъ нѣжнымъ тѣломъ при взглядѣ на заросшій тиною грязный омутъ, въ которомъ засѣла лодка.

— Ну, молодцомъ, Саша, живо!—кричали ему кругомъ.

Бѣлокурая круглая головка взмахнула въ воздухѣ, и всплескъ жидкой грязи разомъ обдалъ всѣхъ насъ.

Саша провалился по самыя мышки въ подводную трясину. По его сморщенной минѣ и стиснутымъ, словно отъ боли, зубамъ видно было, какое отвращеніе онъ чувствовалъ въ это мгновеніе.

Мы были убѣждены, что въ грязи трясины живутъ змѣи, жабы, скверные червяки и даже чуть не крокодилы. Саша былъ убѣжденъ въ этомъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь.

Но онъ исполнилъ свой подвигъ съ безропотнымъ терпѣніемъ и настойчивостью... Онъ цѣпко ухватился ручонками за носъ лодки, повернулъ ее немного въ бокъ и медленно потащилъ за собою съ отчаяніемъ неизбѣжности, отмахиваясь отъ хлеставшихъ его тростниковъ и разгоняя передъ собою сплошную, зеленую тину...

— Тронулась, тронулась!.. тащи, тащи ее!..—кричали мы.

Пьеръ уже опять тяжко налегъ на лопату, словно пытался вывернуть ею дно цѣлаго пруда.

Борисъ работалъ съ другой стороны.

Вдругъ тростникъ разступился, и передъ нами открылось, словно травяная лужайка, совершенно зеленое, совершенно круглое озерцо. Поднялась, подпрыгивая и какъ-то глупо выпячивая шею, длинноногая, большеротая цапля и съ какимъ-то глухимъ, словно жестянымъ крикомъ замахала широкими крыльями—туда, далеко, къ Кунцкимъ болотамъ.

— Озеро гагаръ!—тихо произнесъ Ильюша, окидывая насъ всѣхъ торжественнымъ взглядомъ.

Лодка остановилась. Пьеръ, атаманъ, всѣ мы безмолвно любовались на новоткрытое озеро...

— Я говорилъ, что проведу... и провелъ: озеро гагаръ!—повторилъ еще разъ Ильюша такимъ самодовольнымъ тономъ, какъ будто онъ самъ и устроилъ и подарилъ намъ это озеро.

Саша стоялъ по горло въ тинѣ и тоже любовался, держась рукой за свой образочекъ.

Ознаменовать что чѣмъ—обозначать, оставлять примѣту; дѣлать памятнымъ, прославить. Придумайте примѣры.

Деталь (франц.)—подробность.

Сфера (греч.)—шаръ; область, предѣлы чего-либо. Сфера огня (военное выраженіе).—Сфера дѣятельности, кругъ дѣятельности.

Урваться, урываться—оторваться отъ работы, чтобы сдѣлать что-нибудь. Если урвусь, то забѣгу къ тебѣ на минутку. Въ томъ же значеніи употребляется урвать время, удосужиться. Что значитъ: **урывками?**

Рисковать, рискнуть (франц.)—пускаться наудачу, на невѣрное дѣло; идти на авось, подвергаться случайности; дѣйствовать смѣло, надѣясь на счастье. Рискнулъ, да и закаялся.—Рискованное дѣло, сомнительное, опасное.—Рискъ—благородное дѣло (иронически).—Начать дѣло на свой рискъ, страхъ.—Рискъ пополамъ, барыши и убытки.

Напропалу́ю—очертя голову, отчаянно, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, что бы ни вышло. Пуститься во всѣ нелегкія, напропалую.

По-за̀ (двойной предлогъ)—позади, сзади. Здѣсь Чичиковъ... скорѣе за шапку да по-за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо (Гоголь). Какіе еще употребляются двойные предлоги? Въ этой же статьѣ есть **изъ-за:** Изъ-за камышей показывается... фигура Саши; у Кольцова можно найти **по-надъ:** По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ.

Застольная (имя сущ.)—комната, гдѣ обѣдаютъ вмѣстѣ дворовые люди; столовая для прислуги. А гуторятъ по дѣлу, въ застольныхъ, значитъ, и у насъ на конюшняхъ (Печерскій „На горахъ“).—Въ этотъ день ни для господъ въ кухнѣ, ни для людей въ застольной ничего не готовили (С. Аксаковъ „Наташа“). Употребляется и какъ прилагательное. Застольная пѣсня.—А чтобы угодить и болѣе друзьямъ, онъ тосты (застольная рѣчь) затѣвалъ и пѣсни пѣлъ застольны

(Крыловъ „Обѣдъ у медвѣдя“).—Все мертво... гостей веселыхъ застольны чаши не гремятъ (Пушкинъ „Вадимъ“). — Застольное содержаніе, кормовыя деньги, выдававшіяся при крѣпостномъ правѣ дворовымъ людямъ, вмѣсто готоваго стола.

Атаманъ (нѣм. Hauptmann; малороссійскій гетманъ)—1, предводитель шайки, вольницы; 2, выборный старшина казачьей общины. Атаманы: войсковой, станичный куренной.—Никто ничѣмъ не заводился и ничего не держалъ у себя: все было на рукахъ у куренного атамана, который за это обыкновенно носилъ названіе батька (Гоголь „Тарасъ Бульба“). *Терпи казакъ, атаманомъ будешь.—Не всѣмъ казакамъ въ атаманахъ быть*; 3, выборный старшина артели. *Артель атаманомъ крѣпка.*

Отрядить, отряжать кого куда—назначать, посылать, командировать. Его отрядили на развѣдку. Отсюда **отрядъ,** напр.: воинскій отрядъ, отрядъ судовъ.

Вѣха́—шестъ или жердь, поставленная стойкомъ, съ какимъ-нибудь значкомъ: флагомъ, пучкомъ соломы. Для чего она ставится на сухомъ пути и на морѣ?

Доморощенный—большей частью говорится о животныхъ: дома выращенный, выкормленный, вообще домашняго изготовленія, простой. Помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ доморощенныхъ лошадей (Тургеневъ).—Вся губернія съѣзжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительномъ громѣ доморощенной музыки (Тургеневъ). — На возвышеніи располагался полукругомъ многочисленный оркестръ, нанятый Бобоховымъ для аккомпанемента доморощеннымъ виртуозамъ (Григоровичъ „Проселочныя дороги“).

Плеса́, плесо́, плёсъ—колѣно рѣки, между двухъ изгибовъ, прямое теченіе безъ поворота. На плесахъ рѣка расширяется.

Распластаться—упасть пластомъ, лечь навзничь, раскинувшись. *Не распластаться ложкѣ, чтобы ёмче быть.* — Мы... радостно смотрѣли кверху, гдѣ два стройныхъ тѣла (двѣ козочки) мелькали налету, распластываясь надъ верхушками скалъ (Короленко).

Плашмя—лежмя; плоскою, широкою стороною книзу.

Мистическій (греч.)—сокровенный, таинственный.

36. * * *

Стихотвореніе *С. Д. Дрожжина.*

Жаръ весеннихъ лучей
и томитъ и живитъ;
съ горъ спадая, ручей
по каменьямъ журчитъ.

Старый пахарь межой
за сохою идетъ,
а въ селѣ за рѣкой
кто-то пѣсню ведетъ.

Смотритъ весело день
на поля и лѣса,
только облачка тѣнь
бороздитъ небеса.

Межа — раздѣльная черта, грань, граница, рубежъ. Зайцы ложатся по межамъ и по бороздамъ. — *Межи да грани, ссоры да брани.* — Вотъ ужъ вѣетъ прохладой ночною; грезитъ колосъ надъ узкой межою (Никитинъ).—Но черное это было не неподвижно и было не деревня, а выросшій на межѣ высокій чернобыльникъ (Л. Толстой „Хозяинъ и работникъ“).—И въ молодомъ лѣсу, въ березкахъ у межи безпечно иволги болтаютъ (Бунинъ).

Вести — 1, направлять ходъ живого существа. Вести слѣпого.—Вести войско; 2, направлять движеніе неодушевленнаго предмета. Вести корабль.—Вести перомъ; 3, направляться куда-нибудь. Дорога ведетъ въ лѣсъ.—Это ни къ чему не ведетъ. — Въ скалѣ нарублены ступени; онѣ отъ башни угловой ведутъ къ рѣкѣ (Лермонтовъ „Демонъ"); 4, производить. Мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей (Крыловъ „Гуси"). — Вести войну, переговоры, дѣла, счеты, переписку, рѣчи.—Громкимъ голосомъ ведутъ мудрыя рѣчи (Одиссея); 5, въ разныхъ сочетаніяхъ. Вести образъ жизни. — Вести себя, поступать.—Вести домъ, хозяйничать. — Вести дѣтей, воспитывать. — Онъ ухомъ не ведетъ, не обращаетъ никакого вниманія. — Вести пѣснь, пѣть. — Въ бурю на Руси добрый молодецъ пѣсню русскую ведетъ (Розенъ „Жизнь за царя"). Сравни: Идетъ направо—пѣснь заводитъ, налѣво — сказку говоритъ (Пушкинъ). — Вотъ ужъ пѣснь заводитъ пѣсенникъ лихой (Никитинъ).—Вперивъ очи на блѣднѣвшую передъ восходящимъ свѣтиломъ зарю, раздумалась она про тоску свою и, сама не помнитъ, какъ это случилось, тихимъ голосомъ завела пѣсню про томившую ее кручину (Печерскій „Въ лѣсахъ").

37. На своихъ.

Изъ сочиненія *Е. Маркова* „Барчуки".

Мы ѣдемъ на богомолье въ Воронежъ.

Въ каретѣ сидитъ бабушка, три старшихъ сестры и Володя, глубоко этимъ обиженный, ибо его этимъ актомъ какъ бы отписали отъ казаковъ и признали дѣвчонкой. За каретой ѣдетъ коляска четверикомъ съ отцомъ и четырьмя казаками, то-есть братьями; за коляской тарантасъ съ учителемъ и двумя старшими братьями; за тарантасомъ кибитка съ нянькой Афанасьевной и двумя горничными. Лакеевъ только три, и изъ нихъ одинъ, что сидитъ на высокихъ козлахъ, обшитыхъ басономъ и кистями, есть поваръ Василій, лицо чрезвычайно важное во всѣхъ событіяхъ нашей жизни, столь же неизбѣжный и незамѣнимый, какъ кучеръ Михайло, какъ Зайчикъ въ дышлѣ. Въ коляскѣ рыжая четверня молодыхъ, только что подобранныхъ; это тѣмъ страшнѣе, что кучеру Степану никто не довѣряетъ; самъ папенька сѣлъ въ коляску для руководства и предотвращенія опасности; но мы все-таки ждемъ приключеній. Въ тарантасѣ опытныя разгонныя лошади; большой Яковъ, отличный троечникъ, свиститъ и поетъ, какъ почтарь; съ тѣмъ ничего не случится... Лишь бы не отставалъ.

Ночи и дни, полные впечатлѣній и приключеній, смѣняютъ одни другіе. Душа набралась богатаго и разнообразнаго запаса... Въ городѣ Нижнедѣвицкѣ всѣхъ насъ поразилъ своими размѣрами и великолѣпіемъ—казенный соляной магазинъ, около котораго стояла пестрая будка и ходилъ часовой—инвалидъ въ киверѣ и бѣлыхъ штанахъ, ружье на-плечо. Саша думалъ, что это царь, и нянѣ довольно трудно

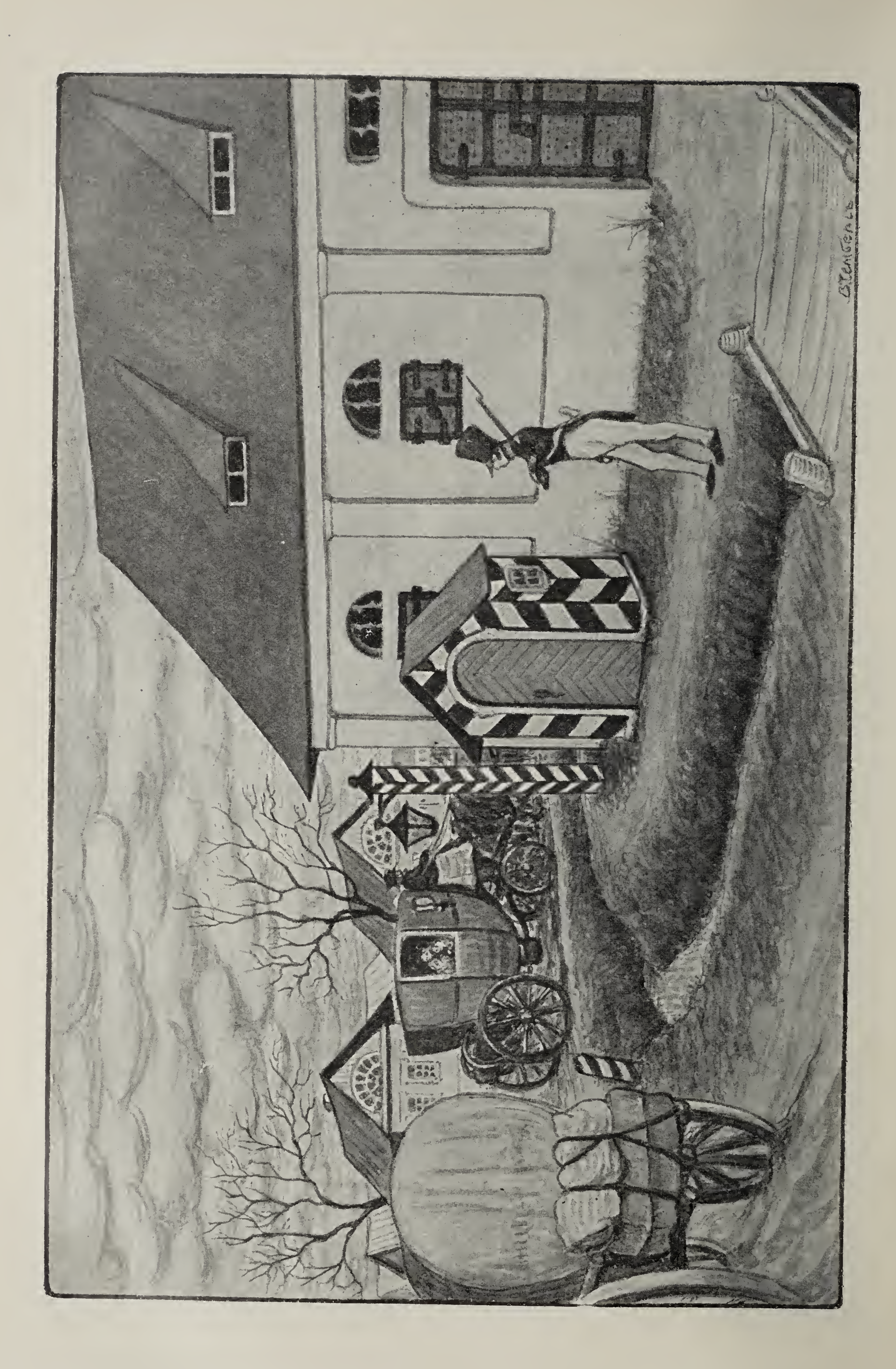
было разувѣрить его. Единственная нижнедѣвицкая церковь не такъ поразила насъ, потому что въ нашемъ селѣ церковь была побольше и покрасивѣе. Но зато съ какимъ удовольствіемъ высунулись мы въ окна коляски полюбоваться на красоту и хитрую махинацію шлагбаума, тяжело поднявшагося надъ нашими экипажами и нетерпѣливо пропускавшаго ихъ подъ собою...

— Вотъ-вотъ отхватитъ кибитку съ нянькой или тарантасъ... Тарантасъ еще пробьется; тамъ Петя, тамъ атаманъ; но за няню приходилось серьезно опасаться; она еще какъ нарочно отстала чуть не на полверсты на своихъ мужицкихъ клячахъ. Съ тревогою поглядывали мы на приближающуюся рогожную кибитку и на опустившуюся полосатую перекладину... Однако, нашу кибитку пропускаютъ, вотъ она уже на этомъ берегу.

Съ благодарностью и благоговѣніемъ глядѣлъ я на мрачнаго воина, располагавшаго судьбою проѣзжихъ, мановеніемъ руки поднимавшаго и запиравшаго эту непонятную намъ махину.

Вечеромъ кто-то сказалъ, что лѣсомъ до самой станціи ѣхать... Папенькину коляску пустили впередъ, и папенька досталъ изъ-подъ сидѣнія и уложилъ около себя саблю, которая всегда бралась въ дальній путь. Дома она висѣла на стѣнѣ кабинета надъ трубками, рядомъ съ арапникомъ, кинжаломъ и какимъ-то очень хитрымъ садовымъ инструментомъ, употребленіе котораго не постигалъ самъ атаманъ нашъ, рисковавшій иногда въ отсутствіе папеньки осторожно снимать саблю и кинжалъ и обнажать ихъ сокровенныя лезвея къ всеобщему нашему ужасу и восторгу. Это предпріятіе было тѣмъ опаснѣе, что на саблѣ всегда бренчали кольца, и маменька легко могла накрыть любознательныхъ изслѣдователей, забиравшихся въ кабинетъ вопреки строгихъ приказаній. Мы твердо вѣрили въ саблю и силу папеньки и считали коляску наиболѣе обезпеченною, тѣмъ болѣе, что четыре казака дома успѣли вооружиться, какъ слѣдуетъ храбрымъ воинамъ, заткнувъ за поясъ панталонъ деревянные кинжалы съ ручками, вырѣзанные атаманомъ изъ грушевыхъ сучьевъ, и снабдивъ карманы навязанными на шнурки камнями. Папенька, конечно, не зналъ объ этихъ боевыхъ средствахъ, но въ минуту опасности они должны были неожиданно его выручить.

Оборонительныя средства кареты очень безпокоили насъ. Мы долго разсуждали съ Костей и Ильюшей—что будетъ дѣлать тамошній гарнизонъ въ случаѣ нападенія. Положимъ, что Василій будетъ поражать ихъ кнутомъ съ козелъ и защититъ этимъ лошадей,—это

всѣ допускали. Андрей, конечно, долженъ соскочить и напасть сзади. Но у него ничего болѣе не было, кромѣ хлѣбнаго ножа, а ножомъ трудно драться противъ дубины. Костя предлагалъ отвязать валекъ; онъ говорилъ, что дяденькинъ Петрушка отбился валькомъ отъ трехъ разбойниковъ, когда дяденька ѣздилъ съ нимъ въ Арзамасъ. Но Ильюша справедливо замѣтилъ, что тогда спасъ ихъ не столько Петрушка, сколько Милордъ, который бросился съ саней прямо на грудь атамана разбойниковъ и перегрызъ ему горло, а Петрушка уже въ это время только успѣлъ отрѣзать валекъ и справиться съ остальными. Да Андрей еще развѣ такой, какъ Петрушка? Какъ бы не такъ. Зато единогласно одобрено было умное изобрѣтеніе маменьки, которая всегда брала съ собою въ дорогу кулекъ съ пескомъ. Разбойники, конечно, не ожидаютъ этого; одинъ изъ нихъ просунетъ голову въ окно и, приставивъ кинжалъ къ груди бабушки, закричитъ: „смерть или кошелекъ!“ Въ это время маменька ударитъ ему въ глаза горстью песку—онъ кидается назадъ; другой бросается къ каретѣ—и опять отбѣгаетъ въ ужасѣ, ослѣпленный.

Мы не можемъ удержаться отъ радостнаго и удалого хохота, слушая эти пророчества Ильюши... Мы между тѣмъ успѣемъ перевязать заднихъ разбойниковъ, которые напали на коляску и тарантасъ, и окружаемъ со всѣхъ сторонъ карету—Пьеръ и Борисъ нападаютъ на главнаго атамана. „Спасайся, кто можетъ!“ кричитъ атаманъ и въ отчаяніи бѣжитъ къ лѣсу; но Карпъ Петровичъ (учитель) съ Василіемъ перерѣзаютъ ему отступленіе отъ лѣсу.

— Смерть злодѣямъ!—раздается голосъ папеньки, и его сабля рубитъ одного разбойника вслѣдъ за другимъ.

Однако, на самомъ дѣлѣ выходитъ немного пострашнѣе, и удалая фантазія начинаетъ слегка трепетать передъ насунувшимся со всѣхъ сторонъ чернымъ лѣсомъ. На темномъ небѣ смутно вырѣзаются черныя пирамиды, стрѣлы и шапки. Михайло начинаетъ кричать на лошадей какимъ-то необычнымъ, искусственно-веселымъ и принужденно-громкимъ голосомъ; форейторъ Яшка тоже кричитъ и понукаетъ; лошади бѣгутъ особенно скоро и дружно, будто напуганныя... Папенька молчитъ, какъ мертвый, и неподвижно смотритъ на дорогу, держась за эфесъ сабли... Андрей что-то безпокойно шепчетъ кучеру и указываетъ куда-то пальцемъ... „Но, но, но! но, вы, дѣтки, покатывай!“—кричатъ на всѣхъ козлахъ кучера... Шестерня, четверка и двѣ тройки съ трудомъ, но быстро мчатся по песчаной неправильно-вьющейся и разбросанной дорогѣ, отфыркиваясь и глухо шумя копытами.

Песокъ шуршитъ подъ колесами и скрипитъ во втулкахъ... Одинокія сосны внезапно подходятъ и уходятъ отъ дороги, словно огромные, темные люди. Стѣна лѣса то напираетъ сбоку на экипажъ, то ныряетъ въ лощину, то совсѣмъ заслоняетъ ходъ, заставляя дорогу бѣжать ящерицей съ горки на горку...

А что мы видимъ въ этомъ лѣсу,—избави Богъ! Сколько разъ на моихъ глазахъ этотъ черный кустъ подползалъ къ дорогѣ, чтобы схватить карету за колесо. Сколько разъ внезапно отдѣлялись отъ лѣсного мрака толпы грабителей, вооруженныхъ до зубовъ, и такъ же внезапно пропадали во тьмѣ... Можетъ быть, они гнались за нами до удобнаго мѣста, гдѣ ждала засада... Изъ-за деревьевъ смотрѣли привидѣнья, сѣдыя какъ туманъ, кто-то махалъ длинными крючковатыми руками... кто-то стоналъ...

Вдругъ, откуда-то, издали, раздался отчаянный крикъ, пронесшійся по всему лѣсу и по всей окрестности... Казалось, онъ отдавался даже въ облакахъ. Какъ будто кого-то рѣзали, кто-то звалъ кого-то, догонялъ кого-то и не могъ догнать.

Звукъ за звукомъ, стонъ за стономъ, мѣрно, съ ровными промежутками, потрясалъ ночное безмолвіе... Казаки тряслись, забывъ про кинжалы и пращи, потерявъ вѣру въ маменькинъ песокъ и въ папенькину саблю...

— Степка, что это за крикъ?—порывисто спросилъ отецъ.

Степанъ усмѣхнулся на козлахъ, словно ожидая этого вопроса, и, полуоборотясь назадъ, сказалъ спокойно: „Это, сударь, филинъ кричитъ... Тутъ филиновъ страсть сколько“...

Но мы еще долго дрожали. Въ другомъ мѣстѣ насъ напугалъ огонь, разложенный въ лѣсу; онъ мерцалъ то справа, то слѣва, смотря по изгибамъ дорожки, словно смѣялся надъ нами. Сначала мы его приняли за глазъ лѣшаго, но когда стали приближаться къ нему и разсмотрѣли черныя движущіяся фигуры на фонѣ краснаго пламени—для насъ сдѣлалось несомнѣннымъ, что мы попали въ станъ разбойниковъ... Въ дѣйствительности это былъ станъ цыганъ...

Актъ (лат.) — 1, дѣйствіе, поступокъ, событіе; 2, торжественное собраніе въ общественномъ учрежденіи. Въ нашемъ училищѣ ежегодный актъ бываетъ 8 сентября; 3, отдѣлъ драматическаго произведенія. Трагедія, комедія въ пяти актахъ, дѣйствіяхъ. Отсюда антрактъ, промежутокъ между дѣйствіями; 4, документъ, письменное свидѣтельство. Актъ крѣпостной, мировой, заемный.

Басонъ (итал.)—узорчатая тесьма, нашивки на погонахъ солдатъ.

Предотвращать, предотвратить—устранить какими-нибудь предварительными распоряженіями. Прорывъ плотины предотвращенъ спускомъ воды.

Разгонныя лошади—назначенныя для разгону, для ямской гоньбы, для легковой ѣзды.

Киверъ (польск.)—военный головной уборъ изъ твердой кожи. Кто киверъ чистилъ, весь избитый, кто штыкъ точилъ, ворча сердито, кусая длинный усъ (Лермонтовъ „Бородино“).

Махинація (франц.) — 1, искусное устройство; 2, злоумышленіе, хитрыя продѣлки. Придется впутать себя въ цѣлую „махинацію“ (Боборыкинъ „Василій Тёркинъ“).

Шлагбаумъ (нѣм.) — перекладина на заставахъ, поднимающаяся и опускающаяся, для загражденія сквозного проѣзда. Иль чума меня подцѣпитъ, иль морозъ окостенитъ, иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ непроворный инвалидъ (Пушкинъ).

Благоговѣніе—глубоко почтительное чувство къ чему-либо священному, чудесному, прекрасному. Я только издали съ благоговѣньемъ смотрю на васъ (Пушкинъ „Каменный гость“). **Благоговѣйный.** И ощутилъ Андрій въ своей душѣ благоговѣйную боязнь, и сталъ неподвиженъ передъ нею (Гоголь „Тарасъ Бульба“).

Валекъ—кругловатый брусокъ, на концы котораго надѣваютъ постромки; употребляется для пристяжныхъ. Ворота скрипятъ, вальки цѣпляются за ворота и мы въѣзжаемъ на дворъ (Л. Толстой „Дѣтство“).

Фантазія (франц.)—1, творческая сила воображенія; 2, мечта, выдумка воображенія. Все это однѣ фантазіи!—И придетъ же въ голову такая дикая фантазія!

Эфесъ (нѣм.)—рукоятка шашки, шпаги, сабли.

Праща, пращъ — сложенный петлею ремень для киданія камней. И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы (Пушкинъ).

Фонъ (франц.)—заднiй планъ картины; то, на чемъ нанесенъ узоръ.—На темномъ фонѣ ночи вырѣзались горящіе шпили церквей, и окрестность вдругъ ожила (Салтыковъ „Христова ночь“).

*

38. Яичница.

Изъ сочиненія *Е. Маркова* „Барчуки“.

— Что это такое, Михайло? отчего мы стоимъ? — разбудилъ вдругъ насъ знакомый тонкій голосъ матери...

Мы дѣйствительно стояли на мѣстѣ; на дворѣ черная ночь; сырой вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо, неба не разглядишь за сплошною тучею... Лошади стоятъ скучно, понуривъ головы, сонныя и озябшія, изрѣдка потряхивая гремушками...

Кто-то тяжко шлепаетъ по густой грязи, кто-то споритъ съ кѣмъ-то, не поймешь о чемъ; какой-то темный, красноватый огонекъ, ничего не освѣщающій, стоитъ сбоку и рябитъ въ грязи: окно ли, фонарь—съ просонку не разберешь... Отецъ храпитъ, какъ будто на своей деревенской постели, ровно и явственно, опрокинувшись къ задку.

Сгорбившаяся и закутанная фигура кучера Степана неподвижно торчитъ на козлахъ; должно быть, и онъ похрапываетъ... По рѣдкому звону гремушекъ замѣтно, что и тарантасъ и кибитка тоже стоятъ сзади насъ...

Отецъ вдругъ очнулся.

— Что такое? — нѣсколько испуганно вскрикнулъ онъ. — Что случилось? Чего ты остановился?..

— Деревня-съ... — отвѣчалъ съ козелъ полусонный голосъ: — ночевать здѣсь изволите.

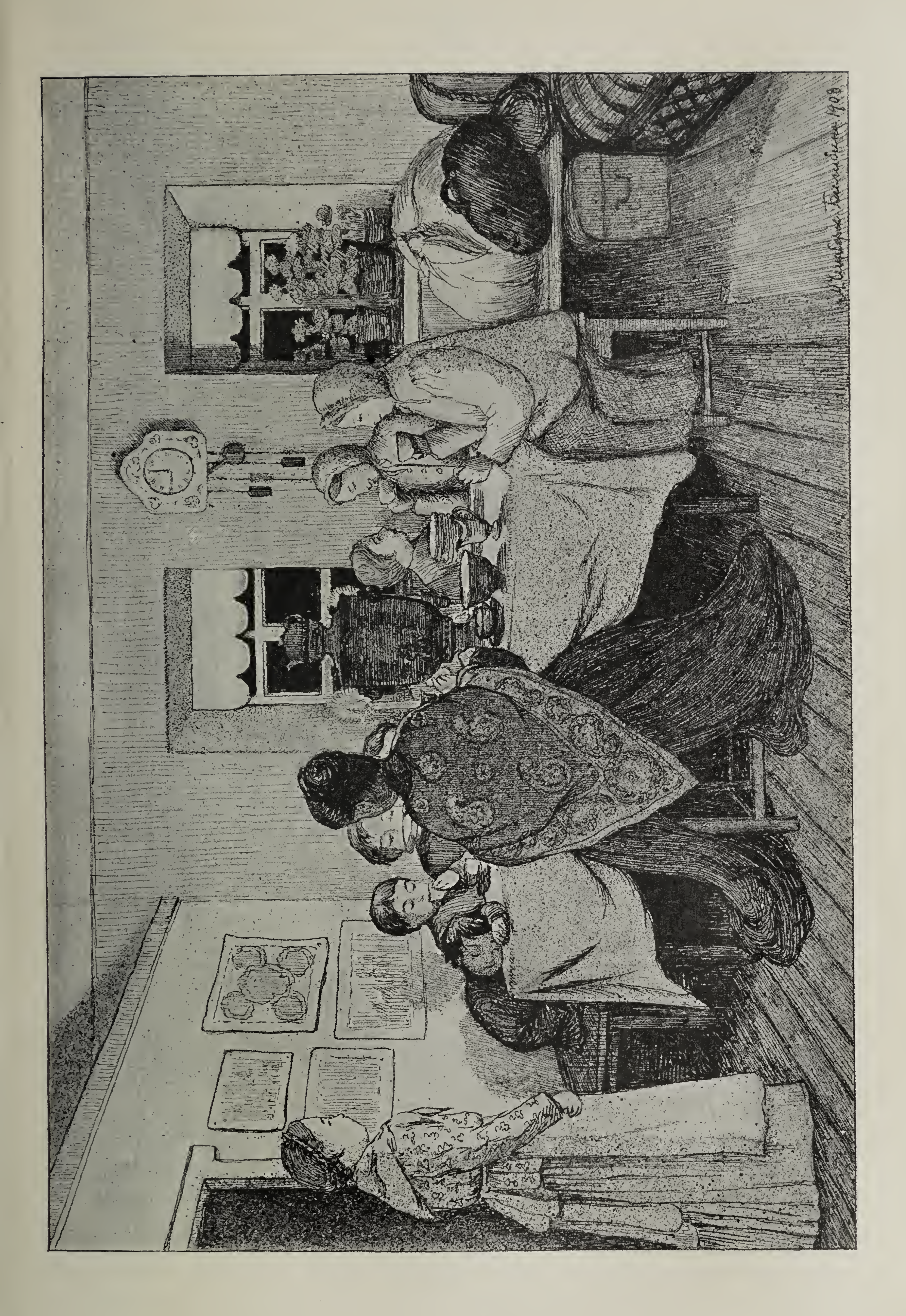
— Это Прилѣпы, Степанъ? — спросили мы, вдругъ обрадовавшись.

— Прилѣпы-съ, — отвѣчалъ Степанъ.

Василій и Андрей уже осмотрѣли комнаты и справились объ овсѣ... Подошелъ какой-то мужикъ, снялъ шапку, что-то сталъ говорить и божиться. Папенька кричалъ на него, Михайла приговаривалъ сбоку, Василій тоже кричалъ съ козелъ. Все это переплеталось въ сонныхъ головахъ въ какую-то смутную плетеницу словъ. Наконецъ, карета впереди насъ тронулась, и копыта шестерика дружно зашлепали въ подворотной грязи. Въѣзжали на дворъ. За каретой коляска за коляской тарантасъ, за тарантасомъ кибитка... Пристяжныя пугливо жались къ дышловымъ... Хозяинъ съ фонаремъ шелъ впереди дышла и показывалъ, гдѣ повернуть... Рессоры скрипѣли и качались... Лужи плескались подъ ударами множества ногъ... Насъ стали выносить.

Какъ хорошо! Еще изъ головы не успѣли вылѣзти эта холодная слякоть, эта черная ночь, вѣтреная и дождливая — а уже мы сидимъ чинно и мирно около самовара, и на столѣ наша бѣлая скатерть съ маменькиной мѣткой, и на скатерти наши чашки, нашъ сливочникъ нашъ чайникъ, нашъ лимонъ, даже бѣлый хлѣбъ нашъ, настоящій Михайлинъ хлѣбъ. Точь въ точь чайная въ нашемъ лазовскомъ домѣ. Кто это все устроилъ, кто спряталъ и досталъ все это—намъ до этого нѣтъ дѣла... Отдаются неслышныя намъ приказанія, что-то вносится и уносится, докладывается и отмѣняется; горничныя Анюта и Ольга снуютъ туда и сюда; Андрей, весь мокрый, вваливаетъ какіе-то узлы и баулы... А мы, беззаботныя птички, сидимъ кружкомъ около шипящаго и ворчащаго самовара, болтая ножонками и усиленно мигая слипающимися глазами...

Свѣтло и тепло въ избѣ отъ свѣчей, зажженныхъ въ нашихъ дорожныхъ подсвѣчникахъ, отъ самовара, отъ топящейся печки... За перегородкой дѣвушки стелютъ постели, совершенно такъ, какъ дѣлаютъ намъ всякій день въ Лазовкѣ. Голодъ борется со сномъ такъ бы и бросился на подушку, если бы не ожиданье ужина...

Наконецъ-то Лиза сняла съ клокочущаго дорожнаго самоварчика нашего смѣшной бѣлый чайникъ, подбоченившійся позолоченною ручкою. Какой, въ самомъ дѣлѣ, смѣшной этотъ чайникъ и вся его компанія—эти чашки толкачиками, этотъ горбатый сливочникъ, эти шестиугольные стаканы!... Они живутъ весь вѣкъ въ погребцѣ, никѣмъ невидимые, и только въ рѣдкихъ оказіяхъ, во время Коренной или долгаго путешествія, вынимаются изъ своихъ глухихъ норокъ. Когда мы забираемся иногда тайкомъ въ кладовую, то непремѣнно осматриваемъ таинственный погребецъ, вмѣщающій въ себѣ такъ хитро столько всякихъ вещей... На крышкѣ его смѣшная картинка—мыши кота хоронятъ, и вся внутренность обклеена хорошенькой крапленою бумажкой. Ильюша увѣрялъ, что если бы ему дали погребецъ вовсе (то-есть подарили), то онъ бы надѣлалъ тамъ множество потаенныхъ ходовъ, пещеръ и подземелій, гдѣ жили бы его куклы. И какъ намъ всѣмъ хотѣлось пріобрѣсть этотъ погребецъ, и какъ мы искренно и горячо вѣрили въ осуществимость Ильюшиныхъ фантазій.

Какое удовольствіе напиться теперь чаю изъ нихъ, а не изъ обычнаго нашего сервиза свѣтло-кирпичнаго цвѣта... То, да не то. Чай какъ-то вкуснѣе; никогда не случалось съ такимъ аппетитомъ и такой внутренней благодарностью къ кому-то тянуть въ себя горячій чай со сливками, торопливо заѣдая калачиками. Домашніе калачики всю дорогу поддерживаютъ свою старинную славу.

Всѣ казаки сидятъ кругомъ стола, съ раскраснѣвшимися лицами, съ лихорадочными отъ вѣтра глазами, немножко встрепанные и измятые, и, болтая подъ столомъ ногами, дуютъ съ блюдечекъ свой чай.

На сестрицъ смотрѣть хорошо: всѣ розовенькія, полненькія, въ бѣлыхъ ночныхъ чепчикахъ; какъ будто отъ этихъ чепчиковъ ихъ лица стали добрѣе и ласковѣе. И кацавейки на нихъ какія-то особенныя, и смѣшныя, и милыя; дома онѣ никогда не ходили въ нихъ. И онѣ теперь не спрашиваютъ съ насъ уроковъ, не бранятъ насъ за шумъ, словно совсѣмъ другія стали; болтаютъ съ нами, поятъ чаемъ, всѣмъ потчуютъ; право, гораздо лучше въ дорогѣ, чѣмъ дома; всѣмъ хорошо и весело, и ничего никто не требуетъ, и все можно дѣлать, что хочешь.

Нынче не учимся и завтра не учимся, и послѣзавтра не учимся; маменька сказала, что шестнадцать дней не будемъ учиться На душѣ такъ легко. Будто прыгнуть куда-то собираешься, и сердце замираетъ отъ радости.

Мы опять, кажется, ѣдемъ... и самоваръ опять съ нами... я сижу въ коляскѣ и жую калачики... противъ меня Лиза держитъ чайникъ... Насъ качаетъ и толкаетъ... кругомъ лѣсъ... изъ лѣсу выходитъ хозяинъ со счетами... Это уже не лѣсъ... постель постлана, бѣлая, чистая, на постели погребецъ, весь наполненный куклами... Подъ одѣяломъ сливочникъ...

— А Гриша-то нашъ совсѣмъ заснулъ!—вдругъ донесся до меня голосъ маменьки.—Такъ и прикорнулъ, бѣдняжка... Не трогай его, Лиза, пускай спитъ...

Недоставало силъ открыть вѣки и приподнять отяжелѣвшую голову, тихо спустившуюся на скатерть стола... Маменькинъ голосъ исчезъ какъ будто въ какомъ-то провалѣ. Что-то глухое и смутное, какой-то усыпляющій гулъ наполнилъ голову... Какіе-то неприпоминаемые образы пробѣгали и исчезали безслѣдно, куда-то увлекая душу сквозь окружавшій хаосъ... Все стерлось...

Разбойники снимаютъ съ меня платье и тащатъ въ свою пещеру... Что-то пріятное пролилось вдругъ по сердцу... Сначала свѣжо, потомъ тепло... потомъ такъ хорошо...

— Не будите его, запри дверь, Ольга...—опять различилъ я голосъ маменьки, не постигая, откуда онъ, гдѣ я и зачѣмъ все это. И опять все исчезло, все стерлось.

Слышите звонъ сабель! Это Петя рубитъ разбойниковъ, защищая домъ. Мы всѣ голодны и устали... Въ огромной залѣ длинный столъ, покрытый хрусталемъ и блюдами... Горятъ свѣчи... Василій-поваръ разноситъ сдобные калачики и яичницу... Братья ѣдятъ съ ужаснымъ аппетитомъ. Я тоже ѣмъ пропасть, и все свое любимое: ананасы, абрикосы, поросенка подъ хрѣномъ, саламату со сметаной... Вотъ Михайло-кучеръ въ мокрыхъ сапогахъ подноситъ мнѣ гречишные вареники... Я хочу проглотить...

— А Гришѣ-то не оставили?—явственно раздается въ моемъ ухѣ громкій голосъ отца. Въ то же время изъ-за перегородки доносится до меня веселый звонъ дѣятельно работающихъ ножей и вилокъ, запахъ жареныхъ цыплятъ, стукъ перемѣняемыхъ тарелокъ, шипѣнье масла на сковородѣ, сдержанный, но дружный говоръ.

Я лежу совсѣмъ раздѣтый, спрятавшійся подъ фланелевое одѣяло на свѣженькой бѣлой постели, устроенной изъ хозяйскаго сундука. Кто меня раздѣлъ? слабо думается мнѣ; голова не въ состояніи

разрѣшить этотъ смутный вопросъ... Дадутъ ли мнѣ ужинать? мерещится мнѣ нѣсколько посильнѣй... Но ротъ, окованный сномъ, не раскрывается, и мимолетное желанiе безсильно воплотиться въ звукъ... А за перегородкой все ѣдятъ да ѣдятъ... Оттуда свѣтитъ огонь... звенитъ посуда... Тамъ смѣются и болтаютъ... Слышно, какъ приступили къ яичницѣ съ ветчиной.

Обо мнѣ всѣ забыли, какъ будто я не такой же маменькинъ сынъ, какъ и всѣ. Какъ будто нельзя было разбудить меня. Костя все поѣлъ вмѣсто меня и радъ теперь, что я сплю?.. До завтрашняго обѣда надо ждать... Можетъ быть, мнѣ оставили? Ложки заскребли по сковородѣ; не было больше никакого сомнѣнiя, что яичница кончена... Вдругъ двѣ горячiя слезы прорвались сквозь слипшiяся вѣки... ротъ, чѣмъ-то вдохновенный, раскрылся, и, сквозь всхлипыванье оскорбленнаго чувства, раздался мой жалобный и укоряющiй голосъ:

— Маменька, мнѣ оставьте! Вѣдь я ничего не ужиналъ.

Громкiй хохотъ отвѣчалъ мнѣ изъ-за перегородки, и рѣзче всѣхъ изъ общаго хора выдѣлялся закатистый смѣхъ Кости, который въ это мгновенiе доѣдалъ послѣднюю ложку яичницы съ послѣднимъ кусочкомъ ветчины.

Плетеница — плетеный шнурокъ, опояска; вѣнокъ изъ зелени, гирлянда цвѣтовъ; вообще плетеная вещь, корзинка. Плетеница волосъ, коса. Плетеницей на сѣверѣ называютъ также сказки, басни, бредни, безсвязныя рѣчи.

Баулъ (итал.)—дорожный сундукъ, съ выпуклой крышкой, обитый кожей и окованный желѣзомъ.

Оказiя (франц.)—случай, удобный случай; приключенiе, притча, неудача, бѣда. Пишу тебѣ съ первой оказiей.—Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо „оказiя“ изъ Екатеринограда еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ. Что за оказiя!.. (Лермонтовъ).—Что за оказiя! Молчалинъ, ты, братъ? (Грибоѣдовъ).—Вотъ оказiя: мостъ провалился.

Прикорнуть — прилечь отдохнуть, уснуть на короткое время; прилечь, свернувшись, скорчившись. Тутъ же плохенькiй огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близъ провалившагося колодца (Тургеневъ „Бригадиръ“).

Хаосъ (греч.) — 1, первоначальная нестройная масса, изъ которой по понятiямъ древнихъ грековъ состояла вселенная до сотворенiя мiра; 2, всякiй безпорядокъ. Къ порядку мало въ ней привычки, кругомъ ея всегда хаосъ; разбросаны по стульямъ спички, на письменномъ столѣ подносъ (Вяземскiй „Елиза“).—Въ душѣ царилъ полнѣйшiй хаосъ—все въ ней было скомкано, перепутано (М. Горькiй).— Льдины становились вертикально, лѣзли другъ на друга, ломались съ громкимъ, какъ выстрѣлъ, трескомъ... Между ними открывалась и смыкалась опять темная глубь. На мгновенье два темныхъ пятнышка (двѣ козы) совсѣмъ было исчезли въ этомъ хаосѣ, но затѣмъ мы тотчасъ замѣтили ихъ на другой льдинѣ (Короленко).

Воплотиться, воплощаться—принимать плоть, выразиться въ чѣмъ-либо вещественномъ, видимомъ или слышимомъ. Мечта, мысль, идея художника воплощается въ его произведенiи.—Я воплотилъ боль сердца въ звуки (Никитинъ).

39. Мальчики.

Разсказъ *А. П. Чехова.*

— Володя пріѣхалъ!—крикнулъ кто-то на дворѣ.

— Володичка пріѣхали! — завопила Наталья, вбѣгая въ столовую.—Ахъ, Боже мой!

Вся семья Королевыхъ, съ часу на часъ поджидавшая Володю, бросилась къ окнамъ. У подъѣзда стояли широкія розвальни, и отъ тройки бѣлыхъ лошадей шелъ густой туманъ. Сани были пусты, потому что Володя уже стоялъ въ сѣняхъ и красными, озябшими пальцами развязывалъ башлыкъ. Его гимназическое пальто, фуражка, колоши и волосы на вискахъ были покрыты инеемъ, и весь онъ отъ головы до ногъ издавалъ такой вкусный морозный запахъ, что, глядя на него, хотѣлось озябнуть и сказать: „бррр!“ Мать и тетка бросились обнимать и цѣловать его, Наталья повалилась къ его ногамъ и начала стаскивать валенки, сестры подняли визгъ, двери скрипѣли, хлопали. Все смѣшалось въ одинъ сплошной, радостный звукъ, продолжавшійся минуты двѣ.

Когда первый порывъ радости прошелъ, всѣ замѣтили, что въ передней находился еще одинъ маленькій человѣкъ, окутанный въ платки, шали и башлыки и покрытый инеемъ; онъ неподвижно стоялъ въ углу, въ тѣни, бросаемой большой лисьей шубой.

— Володичка, а это же кто?—спросила шопотомъ мать?

— Ахъ!—спохватился Володя.—Это, честь имѣю представить, мой товарищъ Чечевицынъ, ученикъ второго класса... Я привезъ его съ собою погостить у насъ.

Немного погодя, Володя и его другъ Чечевицынъ, ошеломленные шумной встрѣчей и все еще розовые отъ холода, сидѣли за столомъ и пили чай. Зимнее солнышко, проникая сквозь снѣгъ и узоры на окнахъ, дрожало на самоварѣ и купало свои чистые лучи въ полоскательной чашкѣ. Въ комнатѣ было тепло, и мальчики чувствовали, какъ въ ихъ озябшихъ тѣлахъ, не желая уступать другъ другу, щекотались тепло и морозъ.

Три сестры Володи, Катя, Соня и Маша,—самой старшей изъ нихъ было одиннадцать лѣтъ,—сидѣли за столомъ и не отрывали глазъ отъ новаго знакомаго. Чечевицынъ былъ такого же возраста и роста, какъ Володя, но не такъ пухлъ и бѣлъ, а худъ, смуглъ, покрытъ веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькіе, губы

толстыя, вообще былъ онъ очень некрасивъ. Онъ былъ угрюмъ, все время молчалъ и ни разу не улыбнулся. Дѣвочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и ученый человѣкъ. Онъ о чемъ-то все время думалъ и такъ былъ занятъ своими мыслями, что когда его спрашивали о чемъ-нибудь, то онъ вздрагивалъ, встряхивалъ головой и просилъ повторить вопросъ.

Дѣвочки замѣтили, что и Володя, всегда веселый и разговорчивый, на этотъ разъ говорилъ мало, вовсе не улыбался и какъ будто даже не радъ былъ тому, что пріѣхалъ домой. Пока сидѣли за чаемъ, онъ обратился къ сестрамъ только разъ, да и то съ какими-то странными словами. Онъ указалъ пальцемъ на самоваръ и сказалъ:

— А въ Калифорніи вмѣсто чаю пьютъ джинъ.

Онъ тоже былъ занятъ какими-то мыслями и, судя по тѣмъ взглядамъ, какими онъ изрѣдка обмѣнивался съ другомъ своимъ Чечевицынымъ, мысли у мальчиковъ были общія.

Послѣ чаю всѣ пошли въ дѣтскую. Отецъ и дѣвочки сѣли за столъ и занялись работой, которая была прервана пріѣздомъ мальчиковъ. Они дѣлали изъ разноцвѣтной бумаги цвѣты и бахрому для елки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сдѣланный цвѣтокъ дѣвочки встрѣчали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этотъ цвѣтокъ падалъ съ неба; папаша тоже восхищался и изрѣдка бросалъ ножницы на полъ, сердясь на нихъ за то, что онѣ тупы.

Въ предыдущіе свои пріѣзды Володя тоже занимался приготовленіями для елки или бѣгалъ на дворъ поглядѣть, какъ кучеръ и пастухъ дѣлали снѣговую гору, но теперь онъ и Чечевицынъ не обратили никакого вниманія на разноцвѣтную бумагу и ни разу даже не побывали въ конюшнѣ, а сѣли у окна и стали о чемъ-то шептаться; потомъ они оба вмѣстѣ раскрыли географическій атласъ и стали разсматривать какую-то карту.

— Сначала въ Пермь... тихо говорилъ Чечевицынъ... Оттуда въ Тюмень... потомъ Томскъ... потомъ... потомъ... въ Камчатку... Отсюда самоѣды перевезутъ на лодкахъ черезъ Беринговъ проливъ... Вотъ тебѣ и Америка... Тутъ много пушныхъ звѣрей.

— А Калифорнія? — спросилъ Володя.

— Калифорнія ниже... Лишь бы въ Америку попасть, а Калифорнія не за горами. Добывать же себѣ пропитаніе можно охотой и грабежомъ.

Чечевицынъ весь день сторонился дѣвочекъ и глядѣлъ на нихъ

исподлобья. Послѣ вечерняго чая случилось, что его минутъ на пять оставили одного съ дѣвочками. Неловко было молчать. Онъ сурово кашлянулъ, потеръ правой ладонью лѣвую руку, поглядѣлъ угрюмо на Катю и спросилъ:

— Вы читали Майнъ-Рида?

— Нѣтъ, не читала... Послушайте, вы умѣете на конькахъ кататься?

Погруженный въ свои мысли, Чечевицынъ ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, а только сильно надулъ щеки и сдѣлалъ такой вздохъ, какъ будто ему было очень жарко. Онъ еще разъ поднялъ глаза на Катю и сказалъ.

— Когда стадо бизоновъ бѣжитъ черезъ пампасы, то дрожитъ земля, а въ это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржутъ.

Чечевицынъ грустно улыбнулся и добавилъ:

— А также индѣйцы нападаютъ на поѣзда. Но хуже всего—это москиты и термиты.

— А что это такое?

— Это въ родѣ муравчиковъ, только съ крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

— Господинъ Чечевицынъ.

— Нѣтъ, я—Монтигомо. Ястребиный Коготь, вождь непобѣдимыхъ.

Маша, самая маленькая дѣвочка, поглядѣла на него, потомъ на окно, за которымъ уже наступалъ вечеръ, и сказала въ раздумьи:

— А у насъ чечевицу вчера готовили.

Совершенно непонятныя слова Чечевицына и то, что онъ постоянно шептался съ Володей, и то, что Володя не игралъ, а все думалъ о чемъ-то,—все это было загадочно и странно. И обѣ старшія дѣвочки, Катя и Соня, стали зорко слѣдить за мальчиками. Вечеромъ, когда мальчики ложились спать, дѣвочки подкрались къ двери и подслушали ихъ разговоръ. О, что онѣ узнали! Мальчики собирались бѣжать куда-то въ Америку, добывать золото; у нихъ для дороги было уже все готово: пистолетъ, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добыванія огня, компасъ и четыре рубля денегъ. Онѣ узнали, что мальчикамъ придется пройти пѣшкомъ нѣсколько тысячъ верстъ, а по дорогѣ сражаться съ тиграми и дикарями, потомъ добывать золото и слоновую кость, убивать враговъ, поступать въ морскіе разбойники, пить джинъ и въ концѣ концовъ жениться на красавицахъ и обрабатывать плантаціи. Володя и Чечевицынъ говорили и

въ увлеченіи перебивали другъ друга. Себя Чечевицынъ называлъ при этомъ такъ: „Монтигомо, Ястребиный Коготь“, а Володю: „блѣднолицый братъ мой“.

— Ты смотри же, не говори мамѣ,—сказала Катя Сонѣ, отправляясь съ нею спать.—Володя привезетъ намъ изъ Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь мамѣ, то его не пустятъ.

Наканунѣ сочельника Чечевицынъ цѣлый день разсматривалъ карту Азіи и что-то записывалъ, а Володя, томный, пухлый какъ укушенный пчелой, угрюмо ходилъ по комнатамъ и ничего не ѣлъ. И разъ даже въ дѣтской онъ остановился передъ иконой, перекрестился и сказалъ:

— Господи, прости меня грѣшнаго! Господи, сохрани мою бѣдную, несчастную маму!

Къ вечеру онъ расплакался. Идя спать, онъ долго обнималъ отца, мать, сестеръ. Катя и Соня понимали, въ чемъ тутъ дѣло, а младшая, Маша, ничего не понимала, рѣшительно ничего, и только при взглядѣ на Чечевицына задумывалась и говорила со вздохомъ:

— Когда постъ, няня говоритъ, надо кушать горохъ и чечевицу.

Рано утромъ въ сочельникъ Катя и Соня тихо поднялись съ постелей и пошли подсмотрѣть, какъ мальчики будутъ бѣжать въ Америку. Подкрались къ двери.

— Такъ ты не поѣдешь?—сердито спрашивалъ Чечевицынъ.— Говори, не поѣдешь?

— Господи!—тихо плакалъ Володя.— Какъ же я поѣду? Мнѣ маму жалко.

— Блѣднолицый братъ мой, я прошу тебя, поѣдемъ! Ты же увѣрялъ, что поѣдешь, самъ меня сманилъ, а какъ ѣхать, такъ вотъ и струсилъ.

— Я... я не струсилъ, а мнѣ... мнѣ маму жалко.

— Ты говори, поѣдешь или нѣтъ?

— Я поѣду, только... только погоди. Мнѣ хочется дома пожить.

— Въ такомъ случаѣ я самъ поѣду!—рѣшилъ Чечевицынъ.—И безъ тебя обойдусь. А еще тоже хотѣлъ охотиться на тигровъ, сражаться! Когда такъ, отдай же мои пистоны!

Володя заплакалъ такъ горько, что сестры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

— Такъ ты не поѣдешь?—еще разъ спросилъ Чечевицынъ.

— По... поѣду.

— Такъ одѣвайся!

И Чечевицынъ, чтобы уговорить Володю, хвалилъ Америку, рычалъ какъ тигръ, изображалъ пароходъ, бранился, обѣщалъ отдать Володѣ всю слоновую кость и всѣ львиныя и тигровыя шкуры.

И этотъ худенькій смуглый мальчикъ, со щетинистыми волосами и веснушками, казался дѣвочкамъ необыкновеннымъ, замѣчательнымъ. Это былъ герой, рѣшительный, неустрашимый человѣкъ, и рычалъ онъ такъ, что, стоя за дверями, въ самомъ дѣлѣ можно было подумать, что это тигръ или левъ.

Когда дѣвочки вернулись къ себѣ и одѣвались, Катя, съ глазами, полными слезъ, сказала:

— Ахъ, мнѣ такъ страшно!

До двухъ часовъ, когда сѣли обѣдать, все было тихо, но за обѣдомъ вдругъ оказалось, что мальчиковъ нѣтъ дома. Послали въ людскую, въ конюшню, во флигель къ приказчику,—тамъ ихъ не было. Послали въ деревню,—и тамъ не нашли. И чай потомъ тоже пили безъ мальчиковъ, а когда садились ужинать, мамаша очень безпокоилась, даже плакала. А ночью опять ходили въ деревню, искали, ходили съ фонарями на рѣку. Боже, какая поднялась суматоха!

На другой день пріѣзжалъ урядникъ, писали въ столовой какую-то бумагу. Мамаша плакала.

Но вотъ у крыльца остановились розвальни, и отъ тройки бѣлыхъ лошадей валилъ паръ.

— Володя пріѣхалъ!—крикнулъ кто-то на дворѣ.

Оказалось, что мальчиковъ задержали въ городѣ въ Гостиномъ дворѣ (тамъ они ходили и все спрашивали, гдѣ продается порохъ). Володя, какъ вошелъ въ переднюю, такъ и зарыдалъ и бросился матери на шею. Дѣвочки, дрожа, съ ужасомъ думали о томъ, что теперь будетъ, слышали, какъ папаша повелъ Володю и Чечевицына къ себѣ въ кабинетъ и долго тамъ говорилъ съ ними, и мамаша тоже говорила и плакала.

— Развѣ это такъ можно?—убѣждалъ папаша.—Не дай Богъ узнаютъ въ гимназіи, васъ исключатъ. Развѣ это такъ можно? Вы гдѣ ночевали?

— На вокзалѣ!—гордо отвѣтилъ Чечевицынъ.

Володя потомъ лежалъ, и ему къ головѣ прикладывали полотенце, смоченное въ уксусѣ. Послали куда-то телеграмму, и на другой день пріѣхала дама, мать Чечевицына, и увезла своего сына.

Когда уѣзжалъ Чечевицынъ, то лицо у него было суровое, надменное, и, прощаясь съ дѣвочками, онъ не сказалъ ни одного

слова; только взялъ у Кати тетрадку и написалъ въ знакъ памяти: „Монтигомо, Ястребиный Коготь“.

Розвальни—просторныя, развалистыя сани. *У него совѣсть—что розвальни: садись—да катись.*

Бизонъ (др.-герм.)—большое, красивое животное, принадлежащее къ двукопытнымъ; передняя часть тѣла покрыта густыми волнистыми волосами; теперь водится преимущественно въ Америкѣ.

Пампасы (мѣстн.)—южно-американскія обширныя равнины.

Мустангъ (мѣстн.)—полудикая лошадь въ американскихъ степяхъ.

Плантація (лат.)—мѣсто въ жаркихъ странахъ, засѣянное растеніемъ, требующимъ ухода.

⁂

40. Садъ.

Изъ романа *И. С. Тургенева* „Новь“.

Расположенный по длинному скату пологаго холма, садъ состоялъ изъ четырехъ ясно обозначенныхъ отдѣленій. Передъ домомъ, шаговъ на двѣсти разстилался цвѣтникъ, съ песчаными прямыми дорожками, группами акацій и сиреней и круглыми „клумбами“. Налѣво, минуя конный дворъ, до самаго гумна тянулся фруктовый садъ, густо насаженный яблонями, грушами, сливами, смородиной и малиной. Прямо напротивъ дома возвышались большимъ сплошнымъ четырехугольникомъ липовыя скрещенныя аллеи. Направо видъ преграждался дорогой, заслоненной двойнымъ рядомъ серебристыхъ тополей; изъ-за купы плакучихъ березъ виднѣлась крутая крыша оранжереи.

Весь садъ нѣжно зеленѣлъ первою красою весенняго расцвѣтанія; не было еще слышно лѣтняго, сильнаго гудѣнья насѣкомыхъ; молодые листья лепетали, да зяблики кое-гдѣ пѣли, да двѣ горлинки ворковали все на одномъ и томъ же деревѣ, да куковала одна кукушка, перемѣщаясь всякій разъ, да издалека, изъ-за маленькаго пруда, приносился дружный гамъ грачиный, подобный скрипу множества желѣзныхъ колесъ.

И надо всей этой молодою, уединенной, тихой жизнью, какъ большія лѣнивыя птицы, тихо плыли свѣтлыя облака.

Купа—группа; груда, куча, ворохъ. Словно буря дождевая въ купахъ зелени поетъ (Тютчевъ).—Вокругъ всего пруда шелъ старинный садъ: липы тянулись по немъ аллеями, стояли сплошными купами (Тургеневъ „Затишье“). Отсюда **совокупно, вкупѣ**, вмѣстѣ. Вкупѣ-то всѣмъ жить будетъ отраднѣе (Печерскій „Въ лѣсахъ“); **совокуплять**, соединять, прибавлять, придавать; собирать вмѣстѣ, въ одно, сочетать, пріобщать... И всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія (Гоголь „Тарасъ Бульба“).

Гамъ — нестройное смѣшеніе многихъ голосовъ. Въ лѣсу не молкнетъ птичій

гамъ, и гамъ лѣсной и шумъ нагорный, все вторитъ весело громамъ (Тютчевъ „Весенняя гроза").—Съ берега отпрянуло эхо—и разомъ, и отовсюду поднялся оглушительный гамъ (Тургеневъ „Призраки").—Тѣ же бубенцы, тотъ же стукъ ненагруженной телѣги, то же посвистыванье, тотъ же смутный гамъ (Тургеневъ „Стучитъ").

*

41. Растворилъ я окно.

Стихотвореніе *К. Р.*

Растворилъ я окно,—стало грустно не въ мочь—
опустился предъ нимъ на колѣни.
И въ лицо мнѣ пахнула весенняя ночь
благовоннымъ дыханьемъ сирени.
А вдали гдѣ-то чудно такъ пѣлъ соловей;
я внималъ ему съ грустью глубокой
и съ тоскою о родинѣ вспомнилъ своей,
объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой,—
гдѣ родной соловей пѣснь родную поетъ
и, не зная земныхъ огорченій,
заливается цѣлую ночь напролетъ
надъ душистою вѣткой сирени.

Заливаться—1, о звукахъ: звонко и переливисто раздаваться; громко и плавно перекатывать звуки, особенно высокіе. Повсюду нескончаемыми звонкими струйками заливались жаворонки (Тургеневъ „Отцы и дѣти").—Молодые голоса казаковъ заливались веселою пѣсньюю (Л. Толстой „Казаки").—Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали (Гоголь „Страшная месть").—Дикой пѣсньюю злая вьюга заливается въ пустынѣ (Майковъ).—Самоваръ такъ и заливается: то загудитъ во всю мочь, то словно засыпать начнетъ и пронзительно засопитъ (Салтыковъ „Господа Головлевы").—Заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки (Гоголь „Мертвыя души").—Даже вопроса не ожидаетъ, прямо заливается—хохочетъ (Салтыковъ „За рубежомъ"). — Слышите, какъ Ванюха Безчастный на гармоникѣ заливается (Салтыковъ „Мелочи жизни").—Дворной щенокъ, увидавъ барина, опрометью бросился подъ ворота и залился оттуда испуганнымъ, дребезжащимъ лаемъ (Л. Толстой „Утро помѣщика"); 2, горько плакать, рыдать. И вздохнувши, зальешься слезами (Никитинъ „Ссора").—Стоитъ моя Маша, лицо закрыла руками, а сама, знаете, такъ и плачетъ, такъ и заливается (Григоровичъ „Проселочныя дороги")... А она, рыдая бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами (Гоголь „Страшная месть"); 3, о быстромъ движеніи. Я было побѣгъ за зайцемъ, а онъ какъ зальется, зальется.—Залиться куда-либо, уйти, пропасть; 4, въ прямомъ значеніи. Равнина кровью залилась (Пушкинъ „Русланъ и Людмила").—Миткалевая рубашечка кровью заливается (Народная пѣсня).—Всѣ лужечки заливались свѣжею водой (Народная пѣсня).

*

42. Рубка дерева.

Изъ разсказа *гр. Л. Н. Толстого* „Три смерти"

Раннимъ утромъ, чуть зорька, Серега взялъ топоръ и пошелъ въ рощу. На всемъ лежалъ холодный, матовый покровъ еще падавшей, не освѣщенной солнцемъ, росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими лучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ дерева или шелестъ по землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ, звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. И снова послышался звукъ, и равномѣрно сталъ повторяться внизу, около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала, сочные листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше, сочныя, бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло; но снова погнулось дерево, послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и опустивъ вѣтви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ; роса, блестя, заиграла на зелени; побѣлѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептали на вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ...

Рухнуться — пасть, повалиться, грянуться, грохнуться, обрушиться, рухнуть. — Потолокъ рухнулъ, рухнулся. — Всѣ надежды рухнули.

Гомозиться — возиться, безпокойно шевелиться, суетливо двигаться; толкаться въ кучѣ, кишѣть, копошиться. (Гномы) гомозились, роились, комкались въ клубы, вились, развивались (Жуковскій „Ундина").

43. Весна.

Стихотвореніе *А. А. Фета.*

то утро, радость эта,
эта мощь и дня, и свѣта,
этотъ синій сводъ,
этотъ крикъ и вереницы,
эти стаи, эти птицы,
этотъ говоръ водъ;

эти ивы и березы,
эти капли,—эти слезы,
этотъ пухъ—не листъ,
эти горы, эти долы,
эти мошки, эти пчелы,
этотъ зыкъ и свистъ;

эти зори безъ затменья,
этотъ вздохъ ночной селенья,
эта ночь безъ сна,
эта мгла и жаръ постели,
эта дробь и эти трели,
это все весна.

Зыкъ — раскатный звукъ, гулъ, шумъ, отголосокъ, протяжный крикъ. Пѣсни за горой поютъ - только зыкъ стоитъ. — Здѣсь такое мѣсто, что зыкъ (эхо) отдаетъ. **Зыкать, зычать** —кричать громкимъ голосомъ, горланить, гаркать. Зыкни хорошенько, подай голосъ.—Лѣсъ зычитъ отъ пальбы. **Зычный** — гулкій, звонкій, голосистый, раскатистый, шумный. Зычное мѣсто, гдѣ эхо.—Зычный голосъ.—Въ сушь и въ воздухѣ болѣе зычности.

44. Мечты и фантазіи.

Отрывокъ *В. Г. Короленко.*

Мнѣ было лѣтъ десять, брату около восьми... Въ глубокомъ молчаніи сидѣли мы на заборѣ, подъ тѣнью развѣсистаго серебристаго тополя, и держали въ рукахъ удочки, крючки которыхъ были опущены въ огромную бадью съ загнившей водой. Вотъ уже около недѣли любимымъ нашимъ занятіемъ было — сидѣть на заборѣ, надъ бадьей, съ опущенными въ нее крючками изъ простыхъ мѣдныхъ булавокъ и ждать, что вотъ-вотъ, по особой къ намъ милости судьбы, въ этой бадьѣ и на эти удочки клюнетъ у насъ „настоящая“, живая рыба.

Правда, уголокъ двора, гдѣ помѣщалась эта волшебная бадья, и самъ по себѣ, даже безъ живой рыбы, представлялъ много привлекательнаго и заманчиваго. Среди садовъ, огородовъ, сараевъ, дворикoвъ, домовъ и флигелей этотъ уголокъ вырѣзался какъ-то такъ удобно, что никому и ни на что не былъ нуженъ; поэтому мы чувствовали себя полными его обладателями, и никто не нарушалъ здѣсь нашего одиночества.

Середину этого пространства, — ограниченнаго съ двухъ сторонъ палисадникомъ и деревьями сада, а съ двухъ другихъ пустыми стѣнами сараевъ, оставлявшими узкій проходъ, — занимала большая мусорная куча. На вершинѣ ея валялся старый-престарый кузовъ какого-то фантастическаго рыдвана, какихъ уже не бывало въ дѣйствительности. Это былъ какой-то призрачный обломокъ минувшихъ временъ, попавшій сюда, быть можетъ, еще до постройки окружающихъ зданій и теперь лежавшій на боку. На единственной половинкѣ единственной дверки сохранились еще остатки красокъ какого-то герба, — и единственная рука, закованная въ стальные нарамники и державшая мечъ, высовывалась непонятнымъ образомъ изъ тусклаго пятна, въ которомъ чуть рисовалось подобіе короны. Остальное все распалось, растрескалось, облупилось и облѣзло въ такой степени, что уже не ставило воображенію никакихъ прочныхъ преградъ; вѣроятно, поэтому старый скелетъ легко принималъ въ нашихъ глазахъ всѣ формы, всю роскошь и все великолѣпіе настоящей золотой кареты.

Когда намъ пріѣдались впечатлѣнія реальной жизни на большихъ дворахъ и въ переулкѣ, то мы съ братомъ удалялись въ этотъ уединенный уголокъ, садились въ кузовъ, — и тогда начинались здѣсь чудеснѣйшія приключенія, какія только могутъ постигнуть людей, безразсудно пускающихся въ невѣдомый путь, далекій и опасный, въ такой чудесной и такой фантастической каретѣ. Мой братъ, по большей части, предпочиталъ болѣе дѣятельную роль кучера. Онъ бралъ въ руки кнутъ изъ ременнаго обрѣзка, найденнаго въ мусорной кучѣ, затѣмъ серьезно и молча вынималъ изъ кузова два деревянныхъ пистолета, перекидывалъ черезъ плечо деревянное ружье и втыкалъ за поясъ огромную саблю, изготовленную моими руками изъ кровельнаго тесу. Видъ его, вооруженнаго съ головы до ногъ, настраивалъ тотчасъ же и меня на соотвѣтствующій ладъ, и затѣмъ, усѣвшись каждый на свое мѣсто, мы отдавались теченію нашей судьбы, не обмѣниваясь ни словомъ. Это не мѣшало намъ съ той же минуты испытывать общія опасности, приключенія и побѣды. Очень можетъ быть, конечно, что событія не всегда совпадали съ точки зрѣнія кузова и козелъ, и я предавался упоенію побѣды въ то самое время, какъ кучеръ чувствовалъ себя на краю гибели... Но это ничему, въ сущности, не мѣшало. Развѣ изрѣдка я принимался неистово палить изъ оконъ, когда кучеръ внезапно натягивалъ вожжи, привязанныя къ обломку дышла, — и тогда братъ говорилъ съ досадой:

— Что ты, ей-Богу... Вѣдь это гостиница...

Тогда я пріостанавливалъ пальбу, выходилъ изъ кузова и извинялся передъ гостепріимнымъ трактирщикомъ въ причиненномъ безпокойствѣ, между тѣмъ какъ кучеръ распрягалъ лошадей, поилъ ихъ у бадьи, и мы предавались мирному, хотя и короткому, отдыху въ одинокой гостиницѣ. Однако, случаи подобныхъ разногласій бывали тѣмъ рѣже, что я скоро отдавался полету чистой фантазіи, не требовавшей отъ меня внѣшнихъ проявленій... Мы могли молча, почти не двигаясь и сохраняя созерцательный видъ, просидѣть на своихъ мѣстахъ отъ утренняго чаю до самаго обѣда. И въ этотъ промежутокъ отъ завтрака и до обѣда вмѣщались для насъ цѣлыя недѣли путешествій, съ остановками въ одинокихъ гостиницахъ, съ ночлегами въ полѣ, съ длинными просѣками въ черномъ лѣсу, съ дальними огоньками, съ угасающимъ закатомъ, съ ночными грозами въ горахъ, съ утренней зарей въ открытой степи.

съ нападеніями свирѣпыхъ бандитовъ и, наконецъ, съ туманными женскими фигурами, еще ни разу не открывавшими лица изъ-подъ

густого покрывала, которыхъ мы, съ неопредѣленнымъ замираніемъ души, спасали изъ рукъ мучителей на радость или на горе въ будущемъ...

И все это вмѣщалось въ тихомъ уголкѣ, между садомъ и сараями, гдѣ, кромѣ бадьи, кузова и мусорной кучи, не было ничего... Впрочемъ, были еще лучи солнца, пригрѣвавшіе зелень сада и расцвѣчивающіе палисадникъ яркими золотистыми пятнами; были еще двѣ доски около бадьи и широкая лужа подъ ними. Затѣмъ, чуткая тишина, невнятный шопотъ листьевъ, сонное чириканье какой-то птицы въ кустахъ и... странныя фантазіи, которыя, вѣроятно, росли здѣсь сами по себѣ, какъ грибы въ тѣнистомъ мѣстѣ, — потому что нигдѣ больше мы не находили ихъ съ такой легкостью, въ такой полнотѣ и изобиліи... Когда черезъ узкій переулокъ и черезъ крыши сараевъ долеталъ до насъ досадный призывъ къ обѣду или къ вечернему чаю, мы оставляли здѣсь вмѣстѣ съ пистолетами и саблями наше фантастическое настроеніе, точно скинутое съ плечъ верхнее платье, въ которое наряжались тотчасъ по возвращеніи...

Однако, съ тѣхъ поръ, какъ брату пришла оригинальная мысль вырѣзать кривыя и узловатыя вѣтки тополя, навязать на нихъ бѣлыя нитки, навѣсить мѣдные крючки и попробовать запустить удочки въ таинственную глубину огромной бадьи, стоявшей въ углу дворика, для насъ на цѣлую недѣлю померкли всѣ прелести золотой кареты. Во-первыхъ, мы садились оба, въ самыхъ удивительныхъ позахъ, на верхней перекладинѣ палисадника, угломъ охватывавшаго бадью и у котораго мы предварительно обломали верхушки балясинъ. Во-вторыхъ, надъ нами качался серебристо-зеленый шатеръ тополя, переполнявшій окружающій воздухъ зеленоватыми тѣнями и бродячими солнечными пятнами. Въ-третьихъ, отъ бадьи отдѣлялся какой-то особенный запахъ, свойственный загнившей водѣ, въ которой уже завелась своя особенная жизнь, въ видѣ множества какихъ-то странныхъ существъ, въ родѣ головастиковъ, только гораздо меньше... Какъ ни покажется это странно, но запахъ этотъ казался намъ, въ сущности, пріятнымъ и прибавлялъ, съ своей стороны, нѣчто къ прелестямъ этого угла надъ бадьей... Въ то время, какъ мы сидѣли по цѣлымъ часамъ на заборѣ, вглядываясь въ зеленоватую воду, изъ глубины бадьи то и дѣло подымались стайками эти странныя существа, напоминавшія собой гибкія мѣдныя булавки, головки которыхъ такъ тихо шевелили поверхность воды, между тѣмъ какъ хвостики извивались подъ ними, точно крошечныя змѣйки. Это былъ цѣлый особый мірокъ, подъ этой зеленой тѣнью, и, если сказать

правду, въ насъ не было полной увѣренности въ томъ, что въ одинъ прекрасный мигъ поплавокъ нашей удочки не вздрогнетъ, не пойдетъ ко дну и что послѣ этого который-нибудь изъ насъ не вытащитъ на крючкѣ серебристую, трепещущую, живую рыбку. Разумѣется, разсуждая трезво, мы не могли бы не прійти къ заключенію, что событіе это выходитъ за предѣлы возможнаго. Но мы вовсе не разсуждали трезво въ тѣ минуты, а просто сидѣли на заборѣ, надъ бадьей, подъ колыхавшимся и шептавшимъ зеленымъ шатромъ, въ сосѣдствѣ съ чудесной каретой, среди зеленоватыхъ тѣней, въ атмосферѣ полусна и полусказки...

Бадья—деревянный сосудъ, опускаемый на канатѣ или цѣпи для доставанія воды изъ колодца или руды изъ рудниковъ, а также родъ ушата безъ ножекъ. Филиппъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ колесомъ бадью изъ глубокаго колодца (Л. Толстой „Дѣтство и отрочество“).

Кузовъ—плетеный коробъ, часть экипажа, гдѣ устраивается сидѣнье. **Кузовокъ**—корзинка, лукошко. *Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ.* Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ (Л. Толстой „Дѣтство и отрочество“).

Рыдванъ—большая старинная карета; нынѣ употребляется въ этомъ значеніи больше въ шутку. Въ іюлѣ, въ самый зной въ полуденную пору, сыпучими песками, въ гору, съ поклажей и съ семьей дворянъ, четверкою рыдванъ тащился (Крыловъ „Муха и дорожные“).

Фантастическій (франц.)—не существующій въ дѣйствительности, порожденный воображеніемъ; затѣйливый, причудливый, мечтательный, несбыточный. По бокамъ ея лодки) какъ будто вставали привидѣнія. Всѣ предметы принимали фантастическія очертанія (Гусевъ-Оренбургскій).

Призрачный—мнимый, воображаемый, обманчивый, неуловимый, непостижимый. Призрачное счастье.—Призрачныя блага жизни.

Пріѣдаться—опротивѣть въ ѣдѣ, надоѣдать. *Пшеничный хлѣбъ пріѣдается, а ржаной не пріѣстся.*

Реальный (лат.)—относящійся къ дѣйствительности, жизни; не отвлеченный.

Упоеніе—восторгъ, восхищенье: происходитъ отъ сл. **упоить, напоить.** Какая же между ними связь? Сердце бьется въ упоеньѣ (Пушкинъ). Съ упоеніемъ и грустью онъ глядитъ въ ея глаза (Полонскій „Гаданье“).

Созерцательный—наблюдательный, видящій разумно, со смысломъ.

Бандитъ (итал.)—воръ, грабитель, разбойникъ на дорогахъ.

Балясина—точеный столбикъ подъ поручни, перила или ограду. Болѣе употребительно во мн. ч. **балясы**—шутки, забавные разсказы. Точить балясы (или лясы), балясничать—шутить, смѣяться, болтать отъ нечего дѣлать.

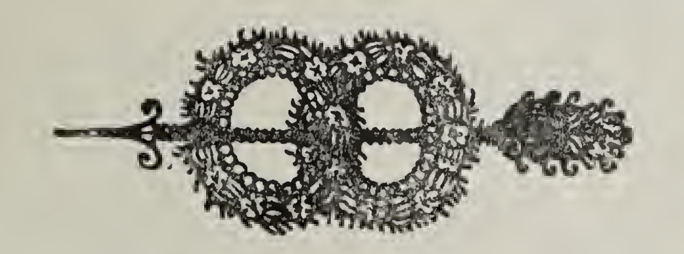

45. Вечеръ.

Стихотвореніе *Н. П. Огарева.*

Когда настанетъ вечеръ ясный,
люблю на берегу пруда
смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
и загорается звѣзда,
какъ ласточка, неуловимо
по лону водъ скользя крыломъ,
несется быстро-быстро мимо—
и исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
тогда душа полна бываетъ—
ей какъ-то грустно и легко,
воспоминанье увлекаетъ
ее куда-то далеко;
мнѣ грезятся иные годы,
такой же вечеръ у пруда,
и тихо дремлющія воды,
и одинокая звѣзда,
и ласточка—и все, что было,
что сладко сердце разбудило
и промелькнуло навсегда.

Лоно—грудь, нѣдра. Въ переносномъ значеніи употребляются выраженія: На лонѣ природы.—На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый, задумавъ плыть по лону водъ, ступаетъ бережно на ледъ, скользитъ и падаетъ (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ").—Льетъ та рѣка свои мутно-желтыя воды въ синее лоно матушки Волги (Печерскій „Въ лѣсахъ").—На ту пору въ воздухѣ стояла тишь невозмутимая и могучая рѣка зеркаломъ лежала въ широкомъ лонѣ своемъ (Печерскій „Въ лѣсахъ").

46. Приготовленіе къ охотѣ.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество“.

Во время пирожнаго былъ позванъ Яковъ и отданы приказанія насчетъ линейки, собакъ и верховыхъ лошадей— все съ величайшею подробностью, называя каждую лошадь по имени. Володина лошадь хромала; папа велѣлъ осѣдлать для него охотничью. Эти слова: „охотничья лошадь“ — какъ-то странно звучали въ ушахъ maman: ей казалось, что охотничья лошадь должна быть что-то въ родѣ бѣшенаго звѣря и что она непремѣнно понесетъ и убьетъ Володю. Несмотря на увѣщаніе папа и Володи, который съ удивительнымъ молодечествомъ говорилъ, что это ничего и что онъ очень любитъ, когда лошадь несетъ, бѣдняжка maman продолжала твердить, что она все гулянье будетъ мучиться.

Обѣдъ кончился; большіе пошли въ кабинетъ пить кофе, а мы побѣжали въ садъ шаркать ногами по дорожкамъ, покрытымъ упавшими желтыми листьями, и разговаривать. Начались разговоры о томъ, что Володя поѣдетъ на охотничьей лошади, о томъ, какъ стыдно, что Любочка тише бѣгаетъ, чѣмъ Катенька, о томъ, что интересно было бы посмотрѣть вериги Гриши и т. д.,—о томъ же, что мы разстаемся, ни слова не было сказано. Разговоръ нашъ былъ прерванъ стукомъ подъѣзжавшей линейки, на которой у каждой рессоры сидѣло по дворовому мальчику. За линейкой ѣхали охотники съ собаками, за охотниками—кучеръ Игнатъ, на назначенной Володѣ лошади, и велъ въ поводу моего стариннаго клепера. Сначала мы всѣ бросились къ забору, отъ котораго видны были всѣ эти интересныя вещи, а потомъ съ визгомъ и топотомъ побѣжали наверхъ одѣваться, и одѣваться такъ, чтобы какъ можно болѣе походить на охотниковъ. Одно изъ главныхъ къ тому средствъ было всученіе панталонъ въ сапоги. Нимало не медля, мы принялись за это дѣло, торопясь скорѣе кончить его и бѣжать на крыльцо наслаждаться видомъ собакъ, лошадей и разговоромъ съ охотниками.

День былъ жаркій. Бѣлыя, причудливыхъ формъ тучки съ утра показались на горизонтѣ; потомъ все ближе и ближе сталъ сгонять ихъ маленькій вѣтерокъ, такъ что изрѣдка онѣ закрывали солнце. Сколько ни ходили и ни чернѣли тучи, видно не суждено имъ было

собраться въ грозу и въ послѣдній разъ помѣшать нашему удовольствію. Къ вечеру онѣ опять стали расходиться; однѣ поблѣднѣли, подлинѣли и бѣжали на горизонтъ; другія, надъ самою головой, превратились въ бѣлую прозрачную чешую; одна только черная, большая туча остановилась на востокѣ. Карлъ Ивановичъ всегда зналъ, куда какая туча пойдетъ; онъ объявилъ, что эта туча пойдетъ къ Масловкѣ, что дождя не будетъ и погода будетъ превосходная.

Фока, несмотря на свои преклонныя лѣта, сбѣжалъ съ лѣстницы очень ловко и скоро, крикнулъ: „подавай!“ — и, раздвинувъ ноги, твердо сталъ по серединѣ подъѣзда, между тѣмъ мѣстомъ, куда долженъ былъ подкатить линейку кучеръ, и порогомъ, въ позиціи человѣка, которому не нужно напоминать объ его обязанности. Барыни сошли и, послѣ небольшого пренія о томъ, кому на какой сторонѣ сидѣть и за кого держаться (хотя, мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно было держаться), усѣлись, раскрыли зонтики и поѣхали. Когда линейка

тронулась, maman, указывая на „охотничью лошадь“, спросила дрожащимъ голосомъ у кучера:

— Эта для Владиміра Петровича лошадь?

И когда кучеръ отвѣчалъ утвердительно, она махнула рукой и отвернулась. Я былъ въ сильномъ нетерпѣніи: влѣзъ на свою лошадку, смотрѣлъ ей между ушей и дѣлалъ по двору разныя эволюціи.

— Собакъ не извольте раздавить, — сказалъ мнѣ какой-то охотникъ.

— Будь покоенъ: мнѣ не въ первый разъ! — отвѣчалъ я гордо.

Володя сѣлъ на „охотничью лошадь“, несмотря на твердость своего характера, не безъ нѣкотораго содроганія и, оглаживая ее, нѣсколько разъ спросилъ:

— Смирна ли она?

На лошади же онъ былъ очень хорошъ, точно большой. Обтянутыя ляжки его лежали на сѣдлѣ такъ хорошо, что мнѣ было завидно, — особенно потому, что, сколько я могъ судить по тѣни, я далеко не имѣлъ такого прекраснаго вида.

Вотъ послышались шаги папа по лѣстницѣ; выжлятникъ подогналъ отрыскавшихъ гончихъ; охотники съ борзыми подозвали своихъ и стали садиться. Стремянный подавалъ лошадь къ крыльцу: собаки своры папа, которыя прежде лежали въ разныхъ живописныхъ позахъ около нея, бросились къ нему. Вслѣдъ за нимъ, въ бисерномъ ошейникѣ, побрякивая желѣзкой, весело выбѣжала Милка. Она, выходя, всегда здоровалась съ псарными собаками, съ однѣми поиграетъ, съ другими понюхается и порычитъ, а у нѣкоторыхъ поищетъ блохъ.

Папа сѣлъ на лошадь, и мы поѣхали.

Линейка—широкія, многомѣстныя дрожки, съ сидѣньями на двѣ стороны, употреблявшіяся встарину. Подъѣзжали лошади, я съ Катей или съ дѣвушкой садилась въ линейку, и мы ѣхали за три версты въ церковь (Толстой „Семейное счастье“).

Понести, поносить — имѣетъ различныя значенія, которыя легко выяснить по слѣдующимъ примѣрамъ: Понести трудъ, понести убытокъ.—Лошади понесли, помчали, закусивъ удила.—Онъ понесъ такую дичь (чепуху), что тошно слушать.—*Въ очи льститъ, позаочью поноситъ.—Людей поносить, съ людьми не жить.*—Распроклятый тотъ карась поносилъ меня вчерась при честномъ при всемъ собраньи (Ершовъ „Конекъ Горбунокъ“). Отсюда **поношеніе**—осужденіе, хула. *Иная слава хуже поношенія.*—Нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви (Пушкинъ „Александръ Радищевъ“).—Не отъ сильнаго-могучаго, не отъ знатнаго, властнаго—отъ своего страдника-работника, отъ наймита принялъ я поношеніе, потерпѣлъ униженіе (Печерскій въ лѣсахъ“).

Вериги — желѣзныя цѣпи, носимыя на голомъ тѣлѣ, для смиренія плоти. Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой, предъ образомъ смиренно распростирался Громобой, веригой отягченный (Жуковскій).—Весь въ веригахъ, обувь бѣдная; на щекѣ глубокій шрамъ (Некрасовъ „Власъ“). — Повѣрьте мнѣ: судьбою несть дано намъ тяжкія вериги (Лермонтовъ).

Позиція (лат.)—положеніе, постановка ногъ въ танцахъ.

Преніе—состязаніе, споръ. „Преніе живота со смертью“ (заглавіе стариннаго литературнаго произведенія).

Эволюція—1, собственно измѣненіе; вообще развитіе, при чемъ часто подъ таковымъ разумѣется совершенствованіе; значеніе этого слова можетъ быть болѣе узкимъ и болѣе широкимъ, напр.: эволюція организма, личности, общества, народа, человѣчества; историческая эволюція; эволюція литературы; 2, движенія, упражненія, маневры. Мы стояли на самомъ мысу неподвижно, и даже большая остроухая и хищная собака,... очевидно была заинтересована совершенно безкорыстно исходомъ этихъ смѣлыхъ и трагично опасныхъ эволюцій (двухъ козъ на льдинѣ) (Короленко).

Выжлятникъ—старшій псарь, который водитъ стаю, напускаетъ и сзываетъ ее. Всѣ эти медленно двигавшіеся охотники-выжлятники, съ крикомъ: стой! сбивая собакъ... поскакали по полю (Л. Толстой „Война и миръ“).

Свора—бечевка, на коей водятъ борзыхъ собакъ, обычно по двѣ. Борзыя на сворахъ, гончія на смычкѣ. — Борзыя прыгаютъ на сворахъ (Пушкинъ). — Двѣ собаки, умныя, старыя, улеглись безъ своръ (Л. Толстой „Война и миръ“). — Злобныя собаки взвизгнули и, сорвавшись со своръ, понеслись къ волку, мимо ногъ лошадей (Л. Толстой „Война и миръ“).

47. Охота.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество“.

Доѣзжачій, прозывавшійся Турка, на голубой, горбоносой лошади, въ мохнатой шапкѣ, съ огромнымъ рогомъ за плечами и ножомъ на поясѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ. По мрачной и свирѣпой наружности этого человѣка скорѣе можно было подумать, что онъ ѣдетъ на смертный бой, чѣмъ на охоту. Около заднихъ ногъ его лошади, пестрымъ, волнующимся клубкомъ, бѣжали сомкнутыя гончія. Жалко было видѣть, какая участь постигала ту несчастную, которой вздумывалось отстать. Ей надо было съ большими усиліями перетянуть свою подругу, и, когда она достигала этого, одинъ изъ выжлятниковъ, ѣхавшихъ сзади, непремѣнно хлопалъ по ней арапникомъ, приговаривая: „въ кучу!“ Выѣхавъ за ворота, папа велѣлъ охотникамъ и намъ ѣхать по дорогѣ, а самъ повернулъ въ ржаное поле.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ, синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ,

таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой густой ржи виднѣлись кое-гдѣ на выжатой полосѣ согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью.

Въ другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками въ рукѣ, издалека замѣтивъ папа, снялъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Рыженькая лошадка, на которой ѣхалъ папа, шла легкою, игривою ходой, изрѣдка опуская голову къ груди, вытягивая поводья и смахивая густымъ хвостомъ оводовъ и мухъ, которые жадно лѣпились на нее. Двѣ борзыя собаки, напряженно загнувъ хвостъ серпомъ и высоко поднимая ноги, граціозно перепрыгивали по высокому жнивью, за ногами лошади; Милка бѣжала впереди и, загнувъ голову, ожидала прикормки. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ

полыни, смолы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью — все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Подъѣхавъ къ калиновому лѣсу, мы нашли линейку уже тамъ, и, сверхъ всякаго ожиданія, еще телѣгу въ одну лошадь, на серединѣ которой сидѣлъ буфетчикъ. Изъ-подъ сѣна виднѣлись: самоваръ, кадка съ мороженою формой и еще кое-какіе привлекательные узелки и коробочки. Нельзя было ошибиться: это былъ чай на чистомъ воздухѣ, мороженое и фрукты. При видѣ телѣги мы изъявили шумную радость, потому что пить чай въ лѣсу на травѣ и вообще на такомъ мѣстѣ, на которомъ никто никогда не пивалъ чаю, считалось большимъ наслажденіемъ.

Турка подъѣхалъ къ острову, остановился, внимательно выслушалъ отъ папа подробное наставленіе, какъ ровняться и кода выходить (впрочемъ, онъ никогда не соображался съ этимъ наставленіемъ, а дѣлалъ по-своему), разомкнулъ собакъ, не спѣша, второчилъ смычки, сѣлъ на лошадь и, посвистывая, скрылся за молодыми березками. Разомкнутыя гончія прежде всего маханіемъ хвостовъ

выразили свое удовольствіе, встряхнулись, оправились и потомъ уже маленькой рысцой, принюхиваясь и махая хвостами, побѣжали въ разныя стороны.

— Есть у тебя платокъ?—спросилъ папа.

Я вынулъ изъ кармана и показалъ ему.

— Ну, такъ возьми на платокъ эту сѣрую собаку...

— Жирана? — сказалъ я съ видомъ знатока.

— Да; и бѣги по дорогѣ. Когда придетъ полянка, остановись и смотри: ко мнѣ безъ зайца не приходить!

Я обмоталъ платкомъ мохнатую шею Жирана и опрометью бросился бѣжать къ назначенному мѣсту. Папа смѣялся и кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Скорѣй, скорѣй, а то опоздаешь.

Жиранъ безпрестанно останавливался, поднимая уши, и прислушивался къ порсканью охотниковъ. У меня недоставало силъ стащить его съ мѣста, и я начиналъ кричать: „ату! ату!“ Тогда Жиранъ рвался такъ сильно, что я насилу могъ удерживать его, и не разъ упалъ, покуда добрался до мѣста. Избравъ у корня высокаго дуба тѣнистое и ровное мѣсто, я легъ на траву, усадилъ подлѣ себя Жирана и началъ ожидать. Воображеніе мое, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ушло далеко впередъ дѣйствительности: я воображалъ себѣ, что травлю уже третьяго зайца, въ то время, какъ отозвалась въ лѣсу первая гончая. Голосъ Турки громче и одушевленнѣе раздавался въ лѣсу; гончая взвизгивала, и голосъ ея слышался все чаще и чаще; къ нему присоединился другой басистый голосъ, потомъ третій, четвертый... Голоса эти то замолкали, то перебивали другъ друга. Звуки постепенно становились сильнѣе и непрерывнѣе и, наконецъ, слились въ одинъ звонкій, заливистый гулъ. Островъ былъ голосистый, и гончія варили варомъ.

Услыхавъ это, я замеръ на своемъ мѣстѣ. Вперивъ глаза въ опушку, я безсмысленно улыбался, потъ катился съ меня градомъ: и хотя капли его, сбѣгая по подбородку, щекотали меня, я не вытиралъ ихъ. Мнѣ казалось, что не можетъ быть рѣшительнѣе этой минуты. Положеніе этой напряженности было слишкомъ неестественно, чтобы продолжаться долго. Гончія то заливались около самой опушки, то постепенно отдалялись отъ меня; зайца не было. Я сталъ смотрѣть по сторонамъ. Съ Жираномъ было то же самое, сначала онъ рвался и взвизгивалъ, потомъ легъ подлѣ меня, положилъ морду мнѣ на колѣни и успокоился.

Около оголившихся корней того дуба, подъ которымъ я сидѣлъ, по сѣрой, сухой землѣ, между сухими дубовыми листьями, желудями пересохшими, обомшалыми хворостинками, желто-зеленымъ мхомъ и изрѣдка пробивавшимися, тонкими, зелеными травками кишмя кишѣли муравьи. Они, одинъ за другимъ, торопились по пробитымъ ими торнымъ дорожкамъ: нѣкоторые съ тяжестями, другіе порожнякомъ. Я взялъ въ руки хворостину и загородилъ ею дорогу. Надо было видѣть, какъ одни, презирая опасность, подлѣзали подъ нее, другіе перелѣзали черезъ, а нѣкоторые, особенно тѣ, которые были съ тяжестями, совершенно терялись и не знали, что дѣлать: останавливались, искали обхода или ворочались назадъ, или по хворостинкѣ добирались до моей руки и, кажется, намѣревались забраться подъ рукавъ моей курточки. Отъ этихъ интересныхъ наблюденій я былъ отвлеченъ бабочкой съ желтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась предо мною. Какъ только я обратилъ на нее вниманіе, она отлетѣла отъ меня шага на два, повилась надъ почти увядшимъ бѣлымъ цвѣткомъ дикаго клевера и сѣла на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрѣло, или она брала сокъ изъ этой травки,—только видно было, что ей очень хорошо. Она изрѣдка взмахивала крылышками и прижималась къ цвѣтку, наконецъ совсѣмъ замерла. Я положилъ голову на обѣ руки и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Вдругъ Жиранъ завылъ и рванулся съ такою силой, что я чуть было не упалъ. Я оглянулся. На опушкѣ лѣса, приложивъ одно ухо и приподнявъ другое, перепрыгивалъ заяцъ. Кровь ударила мнѣ въ голову, и я, все забывъ въ эту минуту, закричалъ что-то неистовымъ голосомъ, пустилъ собаку и бросился бѣжать. Но не успѣлъ я этого сдѣлать, какъ уже началъ раскаиваться: заяцъ присѣлъ, сдѣлалъ прыжокъ, и больше я его не видалъ.

Но каковъ былъ мой стыдъ, когда вслѣдъ за гончими, которыя въ голосъ вывели на опушку, изъ-за кустовъ показался Турка! Онъ видѣлъ мою ошибку (которая состояла въ томъ, что я не выдержалъ) и, презрительно взглянувъ на меня, сказалъ только: „эхъ, баринъ!“ Но надо знать, какъ это было сказано! Мнѣ было бы легче, ежели бы онъ меня, какъ зайца, повѣсилъ на сѣдло.

Долго стоялъ я въ сильномъ отчаяніи на томъ же мѣстѣ, не звалъ собаки и только твердилъ, ударяя себя по ляжкамъ:

— Боже мой, что я надѣлалъ!

Я слышалъ, какъ гончія погнали дальше, какъ застукали на

другой сторонѣ острова, отбили зайца и какъ Турка въ своей огромный рогъ вызывалъ собакъ,—но все не трогался съ мѣста...

Доѣзжачій—служитель, обучающій гончихъ собакъ, завѣдывающій стаей. Доѣзжачіе уже не порскали, а улюлюкали (Л. Толстой „Война и миръ“).

Бирка—палочка или дощечка, на которой зарубками, крестами или другимъ образомъ кладутся знаки для счета. Ко боярскому двору Акимъ староста идетъ, бирки въ пазухѣ несетъ (Пушкинъ).

Размыкать, разомкнуть—разнять сомкнутое, отомкнуть цѣпь; разомкнуть собакъ, сомкнутыхъ по двѣ.

Второчить—привязывать тороками (ремешками для пристежки) звѣря къ сѣдлу.

Смычекъ—связь, скрѣпа двухъ вещей; въ охотѣ—пара ошейниковъ, связанныхъ цѣпочкой. Гончія ходятъ на смычкѣ, смычками, дружками, по двѣ вмѣстѣ, почему смычекъ гончихъ—пара. А что такое смычекъ для скрипки?

Порскать—крикомъ и хлопаньемъ арапника выставлять звѣря въ поле. Отсюда порсканье. Ближе и лай, и порсканье, и крикъ—вылетѣлъ бойкій русакъ-материкъ (Некрасовъ „Псовая охота“).

Заливистый—о звукахъ, производящихся съ малыми, едва замѣтными промежутками, потому какъ бы непрерывныхъ. Дѣйствительно, онъ очень ясно различилъ приближающійся звонъ заливистаго колокольчика (Крестовскій „Дѣды“).—Въ молодости онъ самъ, говорятъ, пѣлъ заливисто и плясалъ лихо (Тургеневъ „Старые портреты“).

Островъ (охотн. выраж.)—небольшой, отдѣльный лѣсъ. Онъ зналъ, что въ островѣ были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки (Л. Толстой „Война и миръ“).

Варить варомъ—говорится для обозначенія сильной степени жара при вареніи; на охотничьемъ языкѣ говорится, когда звѣрь въ виду и вся стая его дружно гонитъ. Варомъ-варитъ закипѣвшая стая, внемлетъ помѣщикъ, восторженно тая (Некрасовъ „Псовая охота“).

Обомшалый—обросшій мхомъ. Отъ гл. обомшиться. *И камень, лежа, обомшится.*

❊

48. Игры.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество“.

Охота кончилась. Въ тѣни молодыхъ березокъ былъ разостланъ коверъ, и на коврѣ кружкомъ сидѣло все общество. Буфетчикъ Гаврило, примявъ около себя зеленую, сочную траву, перетиралъ тарелки и доставалъ изъ коробочки завернутые въ листья сливы и персики. Сквозь зеленыя вѣтви молодыхъ березъ просвѣчивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плѣшивую, вспотѣвшую голову Гаврилы круглые, колеблющіеся просвѣты. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листвѣ деревьевъ, по моимъ волосамъ и вспотѣвшему лицу, чрезвычайно освѣжалъ меня.

Когда насъ одѣлили мороженымъ и фруктами, дѣлать на коврѣ

было нечего, и мы, несмотря на косые, палящіе лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну, во что? — сказала Любочка, щурясь отъ солнца и припрыгивая по травѣ. — Давайте въ Робинзона.

— Нѣтъ... скучно, — сказалъ Володя, лѣниво повалившись на траву и пережевывая листья: — вѣчно Робинзонъ! Ежели непремѣнно хотите, такъ давайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ: должно быть, онъ гордился тѣмъ, что пріѣхалъ на охотничьей лошади, и притворялся, что очень

усталъ. Можетъ быть и то, что у него уже было слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія, чтобы вполнѣ наслаждаться игрою въ Робинзона. Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ „Швейцарскаго Робинзона“, котораго мы читали незадолго передъ этимъ.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сдѣлать намъ этого удовольствія? — приставали къ нему дѣвочки. — Ты будешь Charles, или Ernest, или отецъ... какъ хочешь,—говорила Катенька, стараясь за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право, не хочется... скучно! — сказалъ Володя, потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улыбаясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли никто не хочетъ играть,— сквозь слезы выговорила Любочка.

Она была страшная плакса.

— Ну, пойдемте; только не плачь, пожалуйста: терпѣть не могу!

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень мало удовольствія, напротивъ, его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры. Когда мы сѣли на землю и, воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изо всѣхъ силъ начали грести, Володя сидѣлъ, сложа руки и въ позѣ, не имѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ, и все же далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ. Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ, я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на спину, закинувъ руки подъ голову, и сказалъ мнѣ, что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне непріятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ не согласиться, что Володя поступаетъ благоразумно.

Я самъ знаю, что изъ палки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя: это — игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя, а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три стула были тройка лошадей — и мы отправлялись въ дорогу. И какія разныя приключенія случались въ этой дорогѣ! И какъ весело и скоро проходили зимніе вечера!.. Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что же тогда остается?..

49. Старый домъ.

Стихотвореніе *Н. П. Огарева.*

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я
наконецъ въ запустѣньи тебя,
и былое опять воскресилъ я,
и печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметеный,
да колодецъ валился гнилой,
и въ саду не шумѣлъ листъ зеленый—
желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обветшалый уныло,
штукатурка обилась кругомъ,
туча сѣрая сверху ходила
и все плакала, глядя на домъ.

50. * * *

Стихотвореніе гр. А. К. Толстого.

Шумитъ на дворѣ непогода,
а въ домѣ давно уже спятъ;
къ окошку, вздохнувъ, подхожу я;
чуть виденъ чернѣющій садъ;
на небѣ такъ темно, такъ темно,
и звѣздочки нѣтъ ни одной;
а въ домѣ старинномъ такъ грустно
среди непогоды ночной.
Дождь бьетъ, барабаня по крышѣ,
хрустальныя люстры дрожатъ;
за шкапомъ проворныя мыши
въ бумажныхъ обояхъ шумятъ;
онѣ себѣ чуютъ раздолье:
какъ скоро хозяинъ умретъ,
наслѣдникъ покинетъ помѣстье,
гдѣ жилъ его доблестный родъ;
и домъ навсегда запустѣетъ,
заглохнутъ ступени травой...
И думать объ этомъ такъ грустно
среди непогоды ночной!

Доблестный—мужественный, исполненный высокихъ добродѣтелей. Доблестный вождь. **Доблесть**—высокое благородство души, отвага на подвигъ. Картиной доблестей народныхъ нашъ духъ взволнованъ и согрѣтъ (Вяземскій).

Запустѣть—обезлюдѣть, дичать, прійти въ оскудѣніе; не посѣщаться. Усадьба запустѣла (Тургеневъ). — Проѣзжая теперь мимо запустѣлыхъ боярскихъ палатъ (Тургеневъ „Записки охотника"). — И вотъ лавченка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ (Гоголь „Мертвыя души"). Какая разница между запустѣть и опустѣть?

Заглохнуть—1, зарасти, стать непроницаемымъ, исчезнуть. Въ травѣ заглохъ широкій дворъ (Пушкинъ „Вадимъ"). — Тропинка тутъ вилась — она заглохла... Давно, давно сюда никто не ходитъ (Пушкинъ „Русалка"); 2, покрыться тиной, плѣсенью, травой. Прудъ заглохшій; 3, утратить жизненность; остановиться въ развитіи; оставаться безъ движенія, въ застоѣ. Даже и на этомъ узкомъ пути можно было бы вывернуться сильному дарованію и не заглохнуть въ началѣ поприща (Достоевскій).—Выступили на свѣтъ Божій давно заглохшія воспоминанія (Тургеневъ „Дворянское гнѣздо"); 4, потерять звонкость, сдѣлаться неслышнымъ. По дорогѣ, въ чистомъ полѣ, колокольчикъ нашъ заглохъ (Вяземскій); 5, сдѣлаться пустыннымъ, безлюднымъ. Заглохла древняя обитель (Лермонтовъ „Демонъ"). Что значитъ: самоваръ заглохъ.

*

51. Наталья Савишна.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество“.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ея любовь и ласки; но теперь только умѣю цѣнить ихъ, тогда же мнѣ и въ голову не приходило, какое рѣдкое, чудесное созданіе была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себѣ: вся жизнь ея была любовь и самопожертвованіе. Я такъ привыкъ къ ея безкорыстной, нѣжной любви къ намъ, что и не воображалъ, чтобы это могло быть иначе, нисколько не былъ благодаренъ ей и никогда не задавалъ себѣ вопросовъ: а что, счастлива ли она, довольна ли?

Бывало, подъ предлогомъ необходимой надобности, прибѣжишь отъ урока въ ея комнатку, усядешься и начинаешь мечтать вслухъ, нисколько не стѣсняясь ея присутствіемъ. Всегда она бывала чѣмъ-нибудь занята: или вязала чулокъ, или рылась въ сундукахъ, которыми была наполнена ея комната, или записывала бѣлье и, слушая всякій вздоръ, который я говорилъ, „какъ, когда я буду генераломъ,

я женюсь на чудесной красавицѣ, куплю себѣ рыжую лошадь, построю стеклянный домъ и выпишу родныхъ Карла Ивановича изъ Саксоніи“ и т. д.,—она приговаривала: „да, мой батюшка, да“. Обыкновенно, когда я вставалъ и собирался уходить, она отворяла голубой сундукъ, на крышкѣ котораго снутри—какъ теперь помню — были наклеены: крашеное изображеніе какого-то гусара, картинка съ помадной баночки и рисунокъ Володи,—вынимала изъ этого сундука куренье, зажигала его и, помахивая, говаривала:

— Это, батюшка, еще очаковское куренье. Когда вашъ покойникъ дѣдушка,—царство небесное!—подъ турку ходили, такъ оттуда еще привезли. Вотъ ужъ послѣдній кусочекъ остался, — прибавляла она со вздохомъ.

Въ сундукахъ, которыми была наполнена ея комната, было рѣшительно все. Что бы ни понадобилось, обыкновенно говаривали: „надо спросить у Натальи Савишны“, и, дѣйствительно, порывшись немного, она находила требуемый предметъ и говорила: „вотъ и хорошо, что припрятала“. Въ сундукахъ этихъ были тысячи такихъ предметовъ, о которыхъ никто въ домѣ, кромѣ нея, не зналъ и не заботился.

Одинъ разъ я на нее разсердился. Вотъ какъ это было. За обѣдомъ, наливая себѣ квасу, я уронилъ графинъ и облилъ скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобы она порадовалась на своего любимчика!—сказала maman.

Наталья Савишна вошла и, увидавъ лужу, которую я сдѣлалъ, покачала головой; потомъ maman сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

Послѣ обѣда я, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, припрыгивая, отправился въ залу, какъ вдругъ изъ-за двери выскочила Наталья Савишна, со скатертью въ рукѣ, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивленіе съ моей стороны, начала тереть меня мокрымъ по лицу, приговаривая: „не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!“ Меня такъ это обидѣло, что я разревѣлся отъ злости.

„Какъ!—говорилъ я самъ себѣ, прохаживаясь по залу и захлебываясь отъ слезъ:—Наталья Савишна, просто Н а т а л ь я, говоритъ мнѣ ты и еще бьетъ меня по лицу мокрою скатертью, какъ двороваго мальчишку. Нѣтъ, это ужасно!“

Когда Наталья Савишна увидала, что я распустилъ слюни, она

тотчасъ же убѣжала, а я, продолжая прохаживаться, разсуждалъ о томъ, какъ бы отплатить дерзкой Натальѣ за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

Черезъ нѣсколько минутъ Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мнѣ и начала увѣщевать:

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня, дуру... я виновата... ужъ вы меня простите, мой голубчикъ... вотъ вамъ.

Она вынула изъ-подъ платка корнетъ, сдѣланный изъ красной бумаги, въ которомъ были двѣ карамельки и одна винная ягода, и дрожащею рукой подала его мнѣ. У меня недоставало силъ взглянуть въ лицо доброй старушкѣ; я, отвернувшись, принялъ подарокъ, и слезы потекли еще обильнѣе, но уже не отъ злости, а отъ любви и стыда.

Что вы помните о своей нянѣ? Разскажите.

*

52. Къ нянѣ.

Стихотвореніе *А. С. Пушкина.*

Подруга дней моихъ суровыхъ,
голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
давно, давно ты ждешь меня.

Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
горюешь, будто на часахъ,
и медлятъ поминутно спицы
въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.

Глядишь въ забытыя вороты,
на черный, отдаленный путь:
тоска, предчувствіе, заботы
тѣснятъ твою всечасно грудь...

Свѣтлица, свѣтелка—горница съ красными (не волоковыми, черезъ которыя выходитъ дымъ) окнами; чистая свѣтлая комната. Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ бѣлой пеленою (Жуковскій „Свѣтлана“).—Дверь тихонько заскрипѣла и въ свѣтлицу входитъ царь, стороны той государь (Пушкинъ „Сказка о царѣ Салтанѣ“).—

Сидитъ панъ Данило за столомъ въ своей свѣтлицѣ, подпершись локтемъ и думаетъ (Гоголь „Страшная месть“).—Цѣлый день не выходила изъ свѣтлицы своей молодая жена (Гоголь „Майская ночь“).

Спица — 1, заостренная палочка. Китайцы ѣдятъ деревянными или костяными спицами; 2, вязальная или чулочная игла; 3, въ колесѣ — палочки, вдолбленныя въ ступицу и въ ободъ. *Невелика (послѣдняя) спица въ колесницѣ,* про кого говорится? Отсюда **спичка**.

Тѣснить — 1, сдѣлать тѣснымъ, загромождать. Деревья густо насажены, только другъ друга тѣснятъ.—Сапогъ ногу тѣснитъ; 2, жать, давить, гнести. Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью (Пушкинъ).—Въ минуту жизни трудную, тѣснится ль въ сердце грусть: одну молитву чудную твержу я наизусть (Лермонтовъ). Что значитъ: **вытѣснить, стѣснить, притѣснять, оттѣснить, потѣсниться, стѣсняться?**

✻

53. Смерть Натальи Савишны.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество“.

После нашего отъѣзда, какъ мнѣ потомъ разсказывали люди, оставшіеся въ деревнѣ, она очень скучала отъ бездѣлья. Хотя всѣ сундуки были еще на ея рукахъ и она не переставала рыться въ нихъ, перекладывать, развѣшивать, раскладывать, но ей недоставало шуму и суетливости барскаго, обитаемаго господами, деревенскаго дома, къ которымъ она съ дѣтства привыкла. Горе, перемѣна образа жизни и отсутствіе хлопотъ скоро развили въ ней старческую болѣзнь, къ которой она имѣла склонность. Ровно черезъ годъ послѣ кончины матушки у нея открылась водяная, и она слегла въ постель.

Тяжело, я думаю, было Натальѣ Савишнѣ жить и еще тяжелѣе умирать одной, въ большомъ пустомъ Петровскомъ домѣ, безъ родныхъ, безъ друзей. Всѣ въ домѣ любили и уважали Наталью Савишну; но она ни съ кѣмъ не имѣла дружбы и гордилась этимъ. Она полагала, что въ ея положеніи — экономки, пользующейся довѣренностью своихъ господъ и имѣющей на рукахъ столько сундуковъ со всякимъ добромъ, дружба съ кѣмъ-нибудь непремѣнно повела бы ее къ лицепріятію и преступной снисходительности; поэтому или, можетъ быть, потому, что не имѣла ничего общаго съ другими слугами, она удалялась отъ всѣхъ и говорила, что у нея въ домѣ нѣтъ ни кумовьевъ, ни сватовъ и что за барское добро она никому потачки не дастъ.

Повѣряя Богу въ теплой молитвѣ свои чувства, она искала и находила утѣшеніе; но иногда, въ минуту слабости, которымъ всѣ подвержены, когда лучшее утѣшеніе для человѣка доставляютъ слезы и участіе живого существа, она клала себѣ на постель свою собаченку моську (которая лизала ея руки, уставивъ на нее свои желтые глаза), говорила съ ней и тихо плакала, лаская ее. Когда моська начинала жалобно выть, она старалась успокоить ее и говорила: „полно, я и безъ тебя знаю, что скоро умру".

За мѣсяцъ до своей смерти она достала изъ своего сундука бѣлаго коленкору, бѣлой кисеи и розовыхъ лентъ; съ помощью своей дѣвушки сшила себѣ бѣлое платье, чепчикъ и до малѣйшихъ подробностей распорядилась всѣмъ, что нужно было для ея похоронъ. Она тоже разобрала барскіе сундуки и съ величайшей отчетливостью, по описи, передала ихъ приказчицѣ; потомъ достала два шелковыхъ платья, старинную шаль, подаренныя ей когда-то бабушкой, дѣдушкинъ военный мундиръ, шитый золотомъ, тоже отданный въ ея полную собственность. Благодаря ея заботливости, шитье и галуны на мундирѣ были совершенно свѣжи и сукно не тронуто молью.

Передъ кончиной она изъявила желаніе, чтобы одно изъ этихъ платьевъ — розовое было отдано Володѣ на халатъ или бешметъ, другое — пюсовое, въ клѣткахъ — мнѣ, для того же употребленія, а шаль—Любочкѣ. Мундиръ она завѣщала тому изъ насъ, кто прежде будетъ офицеромъ. Все остальное имущество и деньги, исключая сорока рублей, которые она отложила на погребеніе и поминовеніе, она предоставила получить своему брату. Братъ ея, еще давно отпущенный на волю, проживалъ въ какой-то дальней губерніи и велъ жизнь самую распутную; поэтому при жизни своей она не имѣла съ нимъ никакихъ сношеній.

Когда братъ Натальи Савишны явился для полученія наслѣдства и всего имущества покойной оказалось на двадцать пять рублей ассигнаціями, онъ не хотѣлъ вѣрить этому и говорилъ, что не можетъ быть, чтобы старуха, которая шестьдесятъ лѣтъ жила въ богатомъ домѣ, все на рукахъ имѣла, весь свой вѣкъ жила скупо и надъ всякою тряпкой тряслась,—чтобы она ничего̀ не оставила. Но это дѣйствительно было такъ.

Наталья Савишна два мѣсяца страдала отъ своей болѣзни и переносила страданія съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ: не ворчала, не жаловалась, а только, по своей привычкѣ, безпрестанно

поминала Бога. За часъ передъ смертью она съ тихою радостью исповѣдалась, причастилась и соборовалась масломъ.

У всѣхъ домашнихъ она просила прощенія за обиды, которыя могла причинить имъ, и просила духовника своего, отца Василія, передать всѣмъ намъ, что не знаетъ, какъ брагодарить насъ за наши милости, и проситъ насъ простить ее, если по глупости своей огорчила кого-нибудь, „но воровкой никогда не была и могу сказать, что барскою ниткой не поживилась". Это было одно качество, которое она цѣнила въ себѣ.

Надѣвъ приготовленный капотъ и чепчикъ и облокотившись на подушки, она до самаго конца не переставала разговаривать со священникомъ, вспомнила, что ничего не оставила бѣднымъ, достала десять рублей и попросила его раздать ихъ въ приходѣ; потомъ перекрестилась, легла и въ послѣдній разъ вздохнула, съ радостной улыбкой произнося имя Божіе.

Она оставляла жизнь безъ сожалѣнія, не боялась смерти и приняла ее какъ благо. Часто это говорятъ, но какъ рѣдко дѣйствительно бываетъ! Наталья Савишна могла не бояться смерти, потому что она умирала съ непоколебимою вѣрой и исполнивъ законъ Евангелія. Вся жизнь ея была чистая, безкорыстная любовь и самоотверженіе.

Она совершила лучшее и величайшее дѣло въ этой жизни: умерла безъ сожалѣнія и страха.

Ее похоронили, по ея желанію, недалеко отъ часовни, которая стоитъ на могилѣ матушки. Заросшій крапивой и репейникомъ бугорокъ, подъ которымъ она лежитъ, огороженъ черною рѣшеткою, и я никогда не забываю изъ часовни подойти къ этой рѣшеткѣ и положить земной поклонъ.

Иногда я молча останавливаюсь между часовней и черною рѣшеткой. Въ душѣ моей вдругъ пробуждаются тяжелыя воспоминанія. Мнѣ приходитъ мысль: неужели Провидѣніе для того только соединило меня съ этими двумя существами, чтобы вѣчно заставить сожалѣть о нихъ?...

Безкорыстный—чуждый корысти, заботы о своей пользѣ или выгодѣ. Безкорыстный человѣкъ. А что значитъ безкорыстный трудъ?— Слабый, мягкій... Тихонъ склонялся въ прахъ передъ безбоязненнымъ и безкорыстнымъ Пантелеемъ (Тургеневъ „Записки охотника").

Захлебываться, захлебнуться—1, задыхаться отъ попавшей въ дыхательное горло жидкости; поперхнуться питьемъ. Захлебнулся виномъ и насилу прокашлялся.— Да ты выпьешь эту чару—захлебнешься (Былина).—Трезорка же, захлебнув-

шись, торопливо возвращается назадъ (Л. Толстой „Метель“).—Говорить, захлебываясь (торопясь); 2, о лодкѣ: зачерпнуть водой. Супротивъ волны не плыви—захлебнешься (Погосскій); 3, задыхаться. Человѣкъ этотъ судорожно рыдалъ и захлебывался (Л. Толстой „Война и миръ“); 4, испытывать стѣсненіе въ дыханіи отъ полноты чувствъ. И вотъ стали мы разбирать свое прошлое—и чуть не захлебнулись отъ ужаса (Салтыковъ „Современная идиллія“).—Я на досугѣ пишу новую поэму: Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью (Пушкинъ).

Чуйка—длинный суконный кафтанъ, халатнаго покроя. На немъ была простая синяя чуйка, росту онъ былъ средняго и довольно плотенъ (Тургеневъ „Странная исторія“). Говорится еще въ смыслѣ: мѣщанинъ, человѣкъ изъ простонародья.

Приступать къ чему — 1, подходить, приближаться. Приступать къ работѣ; 2, неотступно требовать. Что ты приступаешь, какъ съ ножомъ къ горлу! 3, о времени. Пора жатвы приступаетъ. Сравн. со словомъ **преступать**.

Лицепріятіе—пристрастіе, предпочтеніе одного лица другому не по достоинству, а по личнымъ отношеніямъ.

Потачка—послабленіе, потворство, поблажка. Отъ гл. **потакать** (пусть такъ)—потворствовать, давать повадку. Дуракъ дураку и потакаетъ. — И то сказать, я вѣдь потачки не дамъ: онъ вороватъ, да и я узловатъ (Григоровичъ „Рыбаки“).

Соборовать—совершать надъ тяжело больнымъ или умирающимъ таинство елеосвященія. Отсюда **соборованіе**. Больному была дана глухая исповѣдь и причастіе; дѣлали приготовленія для соборованія (Л. Толстой „Война и миръ“).

54. Сонъ и дрема.

Ходитъ сонъ близъ оконъ,
бродитъ дрёма возлѣ дома
и глядятъ — всѣ ли спятъ?
Вотъ измученный, въ постели,
весь въ жару, лежитъ больной.
Безъ надежды и безъ цѣли
онъ глядитъ передъ собой...
Но тихохонько, съ любовью
дрёма къ бѣдному идетъ
и садится къ изголовью,
сонъ же за руку ведетъ...
Вѣки нѣжно закрываетъ
и тихонько напѣваетъ:
„Спи, мой бѣдный! Сонъ и ночь
„гонятъ прочь недугъ блѣдный!
„Спи, усни! Отъ волненій,
„отъ мученій отдохни!“

Ходитъ сонъ близъ оконъ,
бродитъ дрёма возлѣ дома
и глядятъ — всѣ ли спятъ?
Истомленная, худая,
надъ шитьемъ не спитъ швея,
силъ остатокъ убивая,
чтобъ сыта была семья...
Но неслышною стопою
входитъ къ труженицѣ сонъ,
надъ усталой головою
сновидѣнья сыплетъ онъ,
вѣки нѣжно закрываетъ
и тихонько напѣваетъ:
„Спи, бѣдняжка, сонъ пришелъ...
„Трудъ тяжелъ, горе тяжко!..
„Спи жъ, усни, отъ работы,
„отъ заботы отдохни!“

Ходитъ сонъ близъ оконъ,
бродитъ дрёма возлѣ дома
и глядятъ — всѣ ли спятъ?
Вотъ не спитъ еще ребенокъ,
хоть давно пора ужъ спать;
онъ во снѣ ума, силенокъ,
роста долженъ набирать.
И его съ улыбкой нѣжной
дрёма за руку беретъ
и къ постелькѣ бѣлоснѣжной
съ поцѣлуями ведетъ;
вѣки нѣжно закрываетъ
и тихонько напѣваетъ:
„Спи, мой милый, ужъ пора!
„Для добра нужны силы;
„спи жъ, усни и въ покоѣ
„силы вдвое почерпни!“

Дрема — склонность ко сну, состояніе легкаго забытья, предшествующее сну. Еще Марія сладко дышитъ, дремой объятая (Пушкинъ „Полтава“). — Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ, и меня уже дрема клонитъ (Пушкинъ „Капитанская дочка“). Иногда дрема олицетворяется: Не всѣ скоро заснули;

у всякаго своя дума была. Ни сонъ, ни дрема что-то не ходятъ по сѣнямъ Потапа Максимыча (Печерскій „Въ лѣсахъ“). — Раздѣлся, легъ — ни сонъ нейдетъ, ни дрема не беретъ (Печерскій „Въ лѣсахъ“). — Сонъ да дрема по новымъ сѣнямъ брели (Народная пѣсня).

Изголовье—часть постели, куда ложатся головой. Женщина стояла, наклонясь, возлѣ самаго моего изголовья (Тургеневъ „Призраки“). Заснулъ ли? — Приникнетъ геній хранитель къ изголовью и усладитъ печальный сонъ (Батюшковъ). Противоположное, рѣдко употребляемое выраженіе, изножье.

Недугъ—нездоровье, болѣзнь, преимущественно продолжительная или даже прирожденная. А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума“).

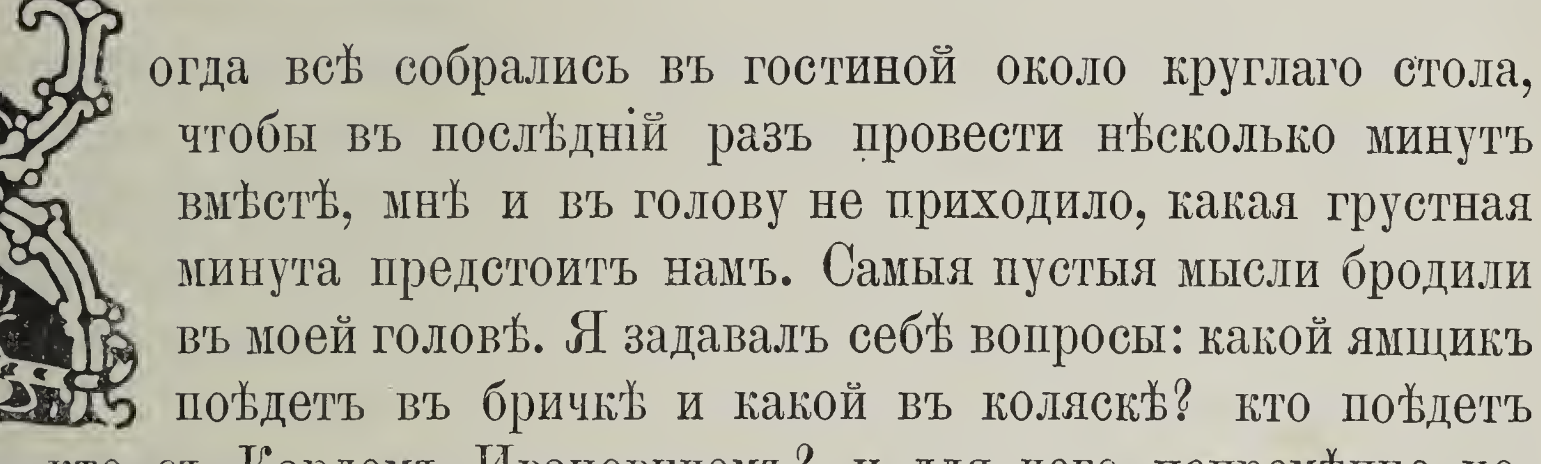
Стопа—1, нижняя часть ноги, ступня, употребляется часто вмѣсто слова нога. И садъ я помню надъ рѣкою, гдѣ мы въ вечерній, поздній часъ бродили тихою стопою.—Идти по стопамъ чьимъ — слѣдомъ за кѣмъ-нибудь, подражать кому. Припадать къ стопамъ—кланяться въ ноги, униженно просить; 2, (старин.) чаша для питья крѣпкихъ напитковъ. Наливай-ка чару зелена вина, ты не малую стопу да полтора ведра (Былина). А что значитъ стопа бумаги?

Почерпать, почерпнуть—употребляется чаще въ переносномъ смыслѣ. Почерпать въ чемъ-ниб. силу, вѣру, знанія. — Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ временъ очаковскихъ и покоренья Крыма (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума“).

*

55. Разлука.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество“.

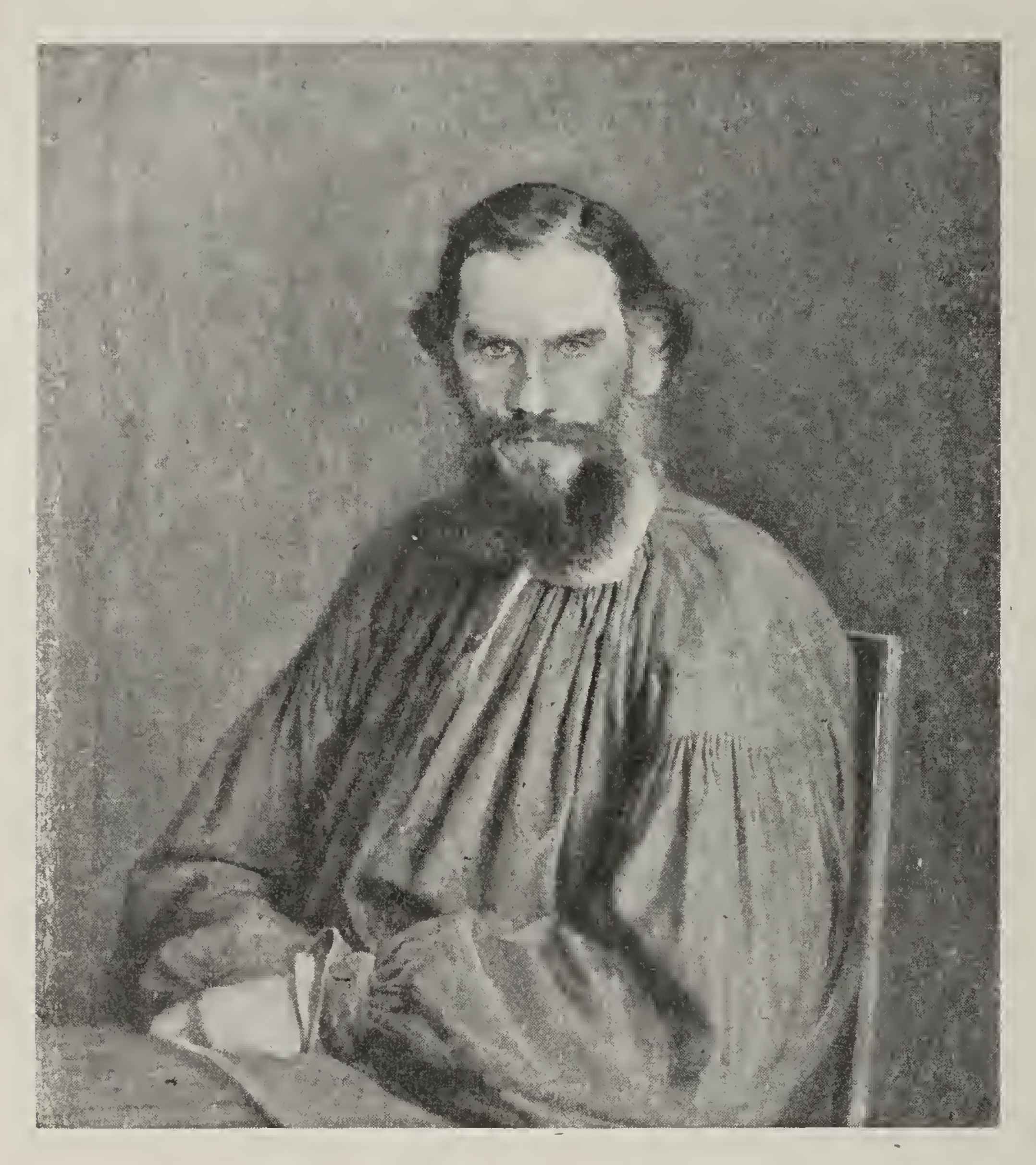
Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей головѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ямщикъ поѣдетъ въ бричкѣ и какой въ коляскѣ? кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Ивановичемъ? и для чего непремѣнно хотятъ меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку?

„Что я за нѣженка? авось не замерзну. Хоть бы поскорѣе все это кончилось: сѣсть бы и ѣхать“.

— Кому прикажете записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать? — сказала вошедшая съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ Наталья Савишна, обращаясь къ maman.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лицо платкомъ и, махнувъ рукой, вышла изъ комнаты. У меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидалъ это движеніе; но нетерпѣніе ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совер-

Левъ Николаевичъ Толстой.
(1828—1910).

шенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой. Они говорили о вещахъ, которыя замѣтно не интересовали ни того, ни другого: что нужно купить для дома? что сказать княжнѣ Sophie и madame Julie? и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ: „кушать готово“, остановившись у притолоки, сказалъ: „лошади готовы“. Я замѣтилъ, что maman вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ извѣстіи, какъ будто оно было для нея неожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло: „какъ будто всѣ спрятались отъ кого-нибудь“.

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула, но только что онъ это сдѣлалъ, дверь скрипнула, и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Савишна и, не поднимая глазъ, пріютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ теперь вижу я плѣшивую голову, морщинистое, неподвижное лицо Фоки и сгорбленную, добрую фигурку въ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ, и имъ обоимъ неловко.

Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ, всѣ встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ maman и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Полно, мой дружокъ! — сказалъ папа: — вѣдь не на вѣкъ разстаемся.

— Все-таки грустно! — сказала maman дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услыхалъ этотъ голосъ, увидалъ ея дрожащія губы

и глаза, полные слезъ, я забылъ про все, и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я понялъ въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами.

Она столько разъ принималась цѣловать и крестить Володю, что, полагая, что она теперь обратится ко мнѣ, я совался впередъ, но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди. Наконецъ, я обнялъ ее и, прильнувъ къ ней, плакалъ, плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя.

Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ „пожалуйте ручку-съ“, звучные поцѣлуи въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ огорченію у людей раздражительныхъ. Подъ вліяніемъ этого чувства я чрезвычайно холодно поцѣловалъ въ чепецъ Наталью Савишну, когда она вся въ слезахъ прощалась со мною.

Странно то, что я, какъ теперь, вижу всѣ лица дворовыхъ и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями; но лицо и положеніе maman рѣшительно ускользаютъ изъ моего воображенія,—можетъ быть оттого, что во все это время я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что, если бъ я это сдѣлалъ, ея и моя горесть должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ.

Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За поднятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что maman еще здѣсь.

„Посмотрѣть ли на нее еще или нѣтъ?.. Ну, въ послѣдній разъ!“—сказалъ я самъ себѣ и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время maman, съ тою же мыслью, подошла съ противоположной стороны коляски и позвала меня по имени. Услыхавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы столкнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко, крѣпко поцѣловала меня въ послѣдній разъ.

Когда мы отъѣхали нѣсколько саженъ, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лицо руками, она медленно всходила на крыльцо. Фока поддерживалъ ее.

Папа сидѣлъ со мной рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ, и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что

я боялся задохнуться... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движенiе немного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляла мнѣ удовольствiе и отраду.

Отъѣхавъ съ версту, я усѣлся покойнѣе и съ упорнымъ вниманiемъ сталъ смотрѣть на ближайшiй предметъ передъ глазами— заднюю часть пристяжной, которая бѣжала съ моей стороны... Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ эта пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетеный кнутъ ямщика и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея и на шлеѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующiяся поля спѣлой ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись соха, мужикъ, лошадь съ жеребенкомъ, на верстовые столбы, заглянулъ даже на козлы, чтобъ узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ; и еще лицо мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которой я разстался можетъ быть навсегда. Но всякое воспоминанiе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ наканунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили — кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали, прощаясь съ нами.

Жалко ихъ, и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими — и ту жалко. Все, все жалко. А бѣдная maman?.. И слезы опять навертывались на глаза, но не надолго.

Не случалось ли вамъ переживать разлуку съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ? Опишите такой случай.

Докучный—докучливый, надоѣдливый, скучный, наводящiй скуку своимъ присутствiемъ, безпокоящiй частыми просьбами. Умолкъ докучный крикъ погони (Лермонтовъ „Измаилъ-бей"). **Докучать**—вгонять въ скуку, причинять неудовольствiе. Деревня той порой невольно докучаетъ взору однообразной наготой (Пушкинъ „Евгенiй Онѣгинъ").

Паръ—паровое поле, оставляемое на одно лѣто не засѣяннымъ. Черный паръ, не заросшiй травой. Зеленый паръ, служащiй мѣстомъ выгона для скота.

❊

56. Отлетъ.

Стихотвореніе *Германова.*

Чей голосъ счастливый, какъ смѣхъ шаловливый,
струится съ небесныхъ высотъ?
То ласточекъ стая, на югъ улетая,
прощальный привѣтъ намъ свой шлетъ.
Ихъ крылья такъ быстры. Проворнѣй, чѣмъ искры,
мелькаютъ ряды въ вышинѣ.
Купаются въ свѣтѣ, безпечнѣй, чѣмъ дѣти,
всѣ вмѣстѣ щебечутъ онѣ:
„Прощайте, Богъ съ вами! Какъ знаете сами,
живите подъ властью зимы!
Ужъ близко морозы, ужъ блекнутъ березы...
На югъ собираемся мы...
Весной у васъ голодъ, а осенью холодъ,
печальные дремлютъ луга.
Зимой у васъ горе... Не ждите насъ вскорѣ,
пока не растаютъ снѣга.
Летимъ мы безпечно въ тѣ страны, гдѣ вѣчно
лазурью блестятъ небеса;
тамъ вѣчная нѣга, ни стужи, ни снѣга
не знаютъ поля и лѣса...
Мелькая и рѣя, скорѣй и скорѣе,
умчимся мы весело въ даль
на поиски счастья, покинувъ ненастье
и вашу покинувъ печаль“.

57. Отъѣздъ въ Сѣчь.

Изъ повѣсти *Н. В. Гоголя* „Тарасъ Бульба“.

„Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель; мы будемъ спать на дворѣ“.

Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей. Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собой. — „Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?“ говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку юности. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, — все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда!

Кто знаетъ, можетъ быть при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: „Авось-либо, Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ, можетъ быть онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ“.

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера. „Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара̀? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою.) Живѣе, стара̀, готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!“

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно, къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапогъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоро-

вый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками, съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! Она какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

„Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать!“ произнесъ, наконецъ, Бульба. „Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть“.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

„Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!“ сказалъ Бульба: „моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то— пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ!“

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. „Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...“ Далѣе она не могла говорить.

„Ну, пойдемъ, дѣти!“ сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прильнула къ сѣдлу его и, съ отчаяніемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ тоже нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый, зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ: хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ

землю, только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазали, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла.—Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

Горячка—1, общее воспаленіе крови въ организмѣ, жаръ. Занемочь горячкой.—Лежать въ горячкѣ. Встарину горячка называлась огневицею; 2, пылъ, увлеченіе, вспыльчивость, гнѣвливость. Горячка онъ былъ страшный (Тургеневъ „Чертопхановъ“).—Умѣрь свою горячку; 3, отсюда пороть горячку, сгоряча говорить, черезчуръ горячиться; лихорадочно спѣшить, торопиться.

Колоритъ—способъ сочетанія красокъ въ живописи, оттѣнокъ иногда характеръ, отпечатокъ.

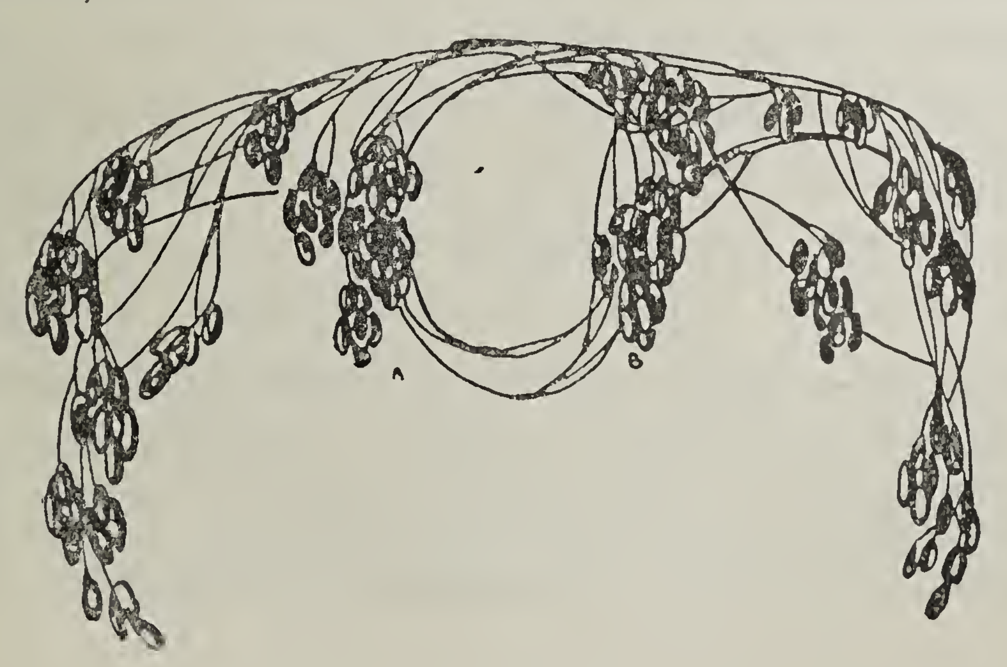
Бурьянъ—травянистое сорное растеніе. Онъ примѣтилъ за плетнемъ маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурьяномъ (Гоголь „Вій“).—За плетнемъ,.. шелъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ который, казалось, никто не любопытствовалъ заглядывать, и коса разлетѣлась бы вдребезги, если бы захотѣла коснуться лезвеемъ своимъ одеревянѣвшихъ толстыхъ стеблей его (Гоголь „Вій“).

Бурсакъ (лат.)—воспитанникъ бурсы; такъ назывались духовныя училища, семинаріи. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмечки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака (Гоголь „Тарасъ Бульба“).

Сборы—1, складки въ одеждѣ; сборки; 2, приготовленія къ чему. *Мои сборы—онучи да оборы.—Маланьины сборы,* долгіе, безтолковые.

Очкуръ—поясъ на брюкахъ; шароварная опояска, съ застежкой. Очкурныя шаровары.

Казакинъ (малор.)—1, полукафтанъ съ прямымъ воротникомъ, безъ пуговицъ, на крючкахъ. Изъ дверей выскочилъ, потряхивая волосами, молодой человѣкъ... въ синемъ красивомъ казакинѣ, застегнутомъ на крючки, и нанковыхъ, непомѣрно широкихъ, шароварахъ (Григоровичъ „Переселенцы“); 2, женское верхнее платье; родъ поддевки у крестьянокъ. На ней былъ короткій, спереди раскрытый казакинъ съ серебряными круглыми рѣзными пуговицами и широкими рукавами (Тургеневъ).

58. Чуденъ Днѣпръ.

Изъ повѣсти *Н. В. Гоголя* „Страшная месть".

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру.

Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отсвѣтиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетаетъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ въ небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею—напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня; виденъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ, — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ и плачутъ, и заливаются вдали.

Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку, а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Рѣять — плавно стремиться; быстро нестись, летѣть; парить. Въ страну... гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы и тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ (Одоевскій „Журавли“).—Стрижи и бѣлогрудыя ласточки... рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самой грудью лошадей (Л. Толстой „Дѣтство и отрочество“).

Зракъ — видъ, образъ, обликъ, изображеніе. Отсюда невзрачный, призракъ. Воображеніе рѣетъ и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами (Тургеневъ „Записки охотника“).

Унизывать, унизать — усаживать (напр., бусами), убирать, украшать низаньемъ. Травы степныя унизаны влагой вечерней (Фетъ „Мелодія“). — Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена, какъ головка у щуки унизанная! (Народная пѣсня.)— Я подарю тебѣ поясъ, унизанный жемчугомъ (Гоголь „Майская ночь“).—Кокошникъ, унизанный жемчугомъ.—Всѣ листочки унизаны росинками.

⁂

59. Степь.

Изъ повѣсти *Н. В. Гоголя* „Тарасъ Бульба“.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно или сонно было на душѣ у казаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Ничего въ природѣ не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили синіе и лиловые волосики; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ.

Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ полонъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ свои глаза въ траву. Крикъ

Сиверко *И Остроуховъ.*

двигавшейся тучи дикихъ гусей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ далекомъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ черною точкой! Вотъ она перевернулась и блеснула передъ солнцемъ!..

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками мелкія прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрагивался до щекъ.

Вся музыка, звучавшая днемъ, утихла и смѣнилась другою. Пестрые суслики выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и становили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился въ воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву: весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ воздухѣ и убаюкивало дремлющій слухъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Дрокъ—растеніе. Красильный дрокъ, желтая краска. Отовсюду пахло свѣжимъ дрокомъ, лѣсомъ, травою, сиренью (Тургеневъ „Дворянское гнѣздо").

Шнырять—суетливо метаться, соваться; бѣгать и развѣдывать; подъ рукой высма-

тривать, выспрашивать. Вдоль и поперекъ шпыряетъ (муха) межъ людей (Крыловъ).

Амбра—1, благовоніе. Тамъ амбра куреній восходитъ къ эѳиру (Некрасовъ); 2, смолистое благовонное вещество.

Куриться—обдаваться дымомъ, дымиться. Куриться туманомъ, испареніями.

Наляпать отъ **ляпать**—бросать что-либо мягкое, мокрое; дѣлать грубо, аляповато; говорить грубо, глупо, некстати.

Кулишъ, кулешъ—каша-размазня, гороховая похлебка.

⁂

60. * * *

Стихотвореніе *гр. А. К. Толстого.*

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
гдѣ рѣки льются чище серебра,
гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
среди садовъ деревья гнутся долу,
и до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?

Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
и чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
и къ облакамъ, клубяся надъ водою,
бѣжитъ дымокъ, синѣющей струею?

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
о старинѣ поетъ слѣпой Грицкò,
и парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
взрываютъ пыль веселою присядкой.

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
испещрены лазурью васильковъ,
среди степей курганъ временъ Батыя,
вдали стада пасущихся воловъ,
обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи
и вы, чубы, остатки славной Сѣчи?

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
когда росой подсолнечникъ блеститъ,
такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
стада блеятъ, а колоколъ гудитъ,
и въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
идутъ казачки пестрыми толпами?

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
густой травой давно заросшій входъ?
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою?
Туда, туда стремлюся я душою!

Пожня—сжатая нива съ остатками соломы на корню, жнивье; остатки сорныхъ травъ по жнивью, пастбище.

Курганъ — насыпной холмъ; древняя могила. И если курганъ твой высокій сравнялся бы съ полемъ пустымъ, то слава, разлившись далеко, была бы курганомъ твоимъ (А. Толстой).

Чубъ—хохолъ, вихоръ, отрощенный клокъ волосъ; косма волосъ на темени или на лбу. Первый, кто попался имъ навстрѣчу, это былъ запорожецъ, спавшій на самой серединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги... запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ; закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли; шаровары алаго, дорогого сукна были запачканы дегтемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія (Гоголь „Тарасъ Бульба“).

Сѣчь—1, (въ XVII в.) казацкій укрѣпленный лагерь-городъ на днѣпровскомъ Запорожьѣ (сначала на Чертомлыкѣ, затѣмъ на Подпольной); 2, (въ XVI в.) временный лагерь украинскихъ казаковъ, приходившихъ на время отъ весны до осени на днѣпровскій „Низъ“ для промысловъ и набѣговъ; 3, лѣсная вырубка, росчисть въ лѣсу (первыя поселенія запорожскихъ казаковъ ставились на поросшихъ лѣсомъ островахъ Днѣпра).

Булава—1, палица, дубина съ шишкой на верхнемъ концѣ. У дома ихъ стоялъ швейцаръ съ огромной булавою (Некрасовъ); 2, булава съ бунчукомъ служила знакомъ власти малороссійскихъ гетмановъ. **Бунчукъ** — лошадиный хвостъ на знамени, поспомомъ передъ малороссійскими гетманами. Она любила конный строй и бранный звонъ литавръ, и клики предъ бунчукомъ и булавой малороссійскаго владыки (Пушкинъ „Полтава“).

61. ****

Изъ „Записокъ охотника“ *И. С. Тургенева.*

Я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки.

Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень. Гдѣ-нибудь, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плёса, какъ-будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ.

Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя, круглыя облака, — и вотъ, вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, облитые солнцемъ — все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимается свѣжее, трепещущее лепетанье, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби.

Вы не двигаетесь—вы глядите: и нельзя выразить словами, какъ радостно, и тихо, и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите: — та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку; какъ облака по небу, и какъ-будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вере-

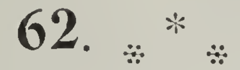
ницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше, и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную, сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины...

Сквозить — 1, быть прозрачнымъ, просвѣчивать. Листовое золото сквозитъ зеленью, зеленымъ свѣтомъ; 2, видѣться сквозь что. Свѣтъ сквозитъ въ щелку.— Читай между строкъ, тутъ умыселъ другой сквозитъ; 3, проникать насквозь. Тутъ сквозитъ, дуетъ. — Пуля просквозила медвѣдя, прошла навылетъ. — *Слово не стрѣла, а сердце сквозитъ,* ранитъ.

Заструиться — 1, начать литься, течь струей. Боже мой!—внутренно простоналъ онъ,—а горячій потъ обильнѣе прежняго заструился по его членамъ (Тургеневъ „Новь“).—Воздухъ заструился на мгновеніе; по небу сверкнула огненная полоска; звѣзда покатилась (Тургеневъ „Первая любовь“); 2, переносно: разлиться, прійти въ движеніе. Опять забилось это сердце надеждами, опять заструились онѣ, какъ новая жизнь, по всему существу ея (Лажечниковъ „Ледяной домъ“).

Бездна — 1, неизмѣримая глубина; пропасть, безпредѣльное пространство. Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна (Ломоносовъ).—Всѣ звѣздами, всѣ огнями бездны синія горятъ (Хомяковъ). — И нѣтъ у нея (деревни) никуда выхода, кромѣ какъ въ эту зіяющую бездну полей (Салтыковъ „Сказки“); 2, морская пучина. Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой въ ту бездну прыгнетъ съ вышины (Жуковскій „Кубокъ“); 3, неизмѣримое и неисчислимое множество; тьма. Бездна хлопотъ. — И этихъ въ васъ особенностей бездна (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума“).—Эти миріады насѣкомыхъ такъ шли къ этой дикой, до безобразія богатой растительности, къ этой безднѣ звѣрей и птицъ, наполняющихъ лѣсъ (Толстой „Казаки“).—Остапу и Андрею казалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчь бездна народу и хоть бы кто-нибудь спросилъ: откуда эти люди? (Гоголь „Тарасъ Бульба“.)

62. * * *

Стихотвореніе *гр. А. Голенищева-Кутузова.*

Онъ смерть нашелъ въ краю чужомъ,
въ краю чужомъ, въ бою съ врагомъ;
но врагъ друзьями побѣжденъ;
друзья ликуютъ, только онъ
на полѣ битвы позабытъ,
одинъ лежитъ.

И между тѣмъ, какъ жадный вранъ
пьетъ кровь его изъ свѣжихъ ранъ
и точитъ незакрытый глазъ,
грозившій смертью въ смерти часъ,
и насладившись, пьянъ и сытъ,
долой летитъ,—

далёко тамъ, въ краю родномъ,
мать кормитъ сына подъ окномъ:
„Агу... агу!— не плачь, сынокъ;
вернется тятя, пирожокъ
тогда, на радостяхъ, дружку
я испеку...“ А тотъ забытъ,
одинъ лежитъ.

Первенецъ. *И. Пелевинъ.*

✽

Ликовать—торжествовать, шумно радоваться, веселиться. Ликуетъ буйный Римъ (Лермонтовъ „Умирающій гладіаторъ“).—*Какъ ни ликовать, а бѣды не миновать.*

Точить—1, острить лезвее на брускѣ, камнѣ, оселкѣ, точилѣ и т. д. Я топоръ велю наточить-навострить (Лермонтовъ „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“); 2, обдѣлывать вещь на токарномъ станкѣ; 3, исподволь переѣдать, грызть, просверливать. Моль одежду точитъ.—Червь точитъ яблоко; 4, лить, проливать. Точить слезы. Въ переносномъ значеніи: 1, бранить, журить. Онъ день и ночь меня точитъ; 2, точить лясы—говорить, болтать вздоръ, пустяки.

✻

63. Внимая ужасамъ войны...

Стихотвореніе *Н. А. Некрасова.*

Внимая ужасамъ войны,
при каждой новой жертвѣ боя
мнѣ жаль не друга, не жены,
мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
и друга лучшій другъ забудетъ;
но гдѣ-то есть душа одна—
она до гроба помнить будетъ.
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
и всякой пошлости, и прозы,
однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
святыя, искреннія слезы—

то слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
погибшихъ на кровавой нивѣ,
какъ не поднять плакучей ивѣ
своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Лицемѣрный—притворный, гдѣ зло скрывается подъ личиною добра, порокъ подъ видомъ добродѣтели. На рыцаря Делоржа съ лицемѣрной и колкою улыбкою глядитъ его красавица (Жуковскій „Перчатка“). — Лицемѣріе, хитрость слабодушныхъ заслуживаетъ единственно хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ (Карамзинъ).

Пошлость—свойство пошлаго человѣка. **Пошлый**—1, избитый, надоѣвшій своей обыденностью, грубый, простой, низкопробный. Пошлыя шутки, пошлые романы, пошлыя рѣчи.—Пушкинъ... мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка (Гоголь).—Вглядитесь въ пошлость поглубже, и вы навѣрное увидите на днѣ ея цѣлый мартирологъ (Салтыковъ). Мартирологъ (греч.)—сборникъ повѣствованія о христіанскихъ мученикахъ и исповѣдникахъ, претерпѣвшихъ страданія отъ язычниковъ; 2, (старинное выраженіе) давній, что изстари ведется, испоконный. Пошлое, что давно пошло. Пошлая дорога, торная, битая.

Проза—1, буквально: обыкновенная, неразмѣренная рѣчь, въ противоположность стихамъ; 2, въ переносномъ значеніи: обыденщина, будничность съ ея мелкими, часто низменными интересами. Проза жизни, жизнь повседневная, холодная, скупая, безъ увлеченій и пищи для души. — Житейская проза. — Въ тѣ беззаботные года не знали мы житейской прозы; какъ хороши тогда, какъ свѣжи были розы

(К. Р. „Розы“). — И томительно тянутся скучные дни пошлой прозы, тоски и обмана (Надсонъ). — Какъ разъ по горло провалиться въ прозу, въ самую скучную прозу (Тургеневъ). — Насъ проза жизни одолѣла. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ (Островскій „Таланты и поклонники“). — Я живу только поэзіей, самой поэзіей. Что такое ужинъ? *Проза.* Вотъ луна, звѣзды... (Островскій „Послѣдняя жертва“).

Неутѣшное горе. *И. Крамской.*

64. На могилѣ сына.

Изъ романа *И. С. Тургенева* „Отцы и дѣти“.

Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи.

Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими когда-то крашеными крышами; каменныя плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два-три ощипанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ...

Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обоимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней, изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка — мужъ съ женою. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго, и горько плачутъ, и долго, и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ...

Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна?

Являть, явить—дѣлать виднымъ, обнаруживать, показывать. Яви намъ, Господи, милость Твою!—Тутъ соловей являть свое искусство сталъ (Крыловъ).—Ступай, мой князь, во храмъ, яви себя въ народѣ (Сумароковъ).—Яви божескую милость, матушка, заставь за себя вѣчно Бога молить,—вставъ съ лавки и низко кланяясь, сказала Таисея (Печерскій „Въ лѣсахъ“).

Скудный—убогій, бѣдный; малый количествомъ, въ чемъ нуждаются, чего мало. Скудный урожай.—Скотъ тощаетъ отъ скудной пищи.—Скудная растительность.—Скудная природа.—Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ, и пошли они, солнцемъ палимы (Некрасовъ).

Безвозбранный — невозбраняемый, безпрепятственный, дозволенный. **Возбранять** — запрещать, препятствовать, не допускать. Мнѣ путь на родную страну возбраненъ (Дельвигъ).

На могилѣ сына. *В. Г. Перовъ.*

II Отдѣлъ.

Зимой въ лѣсу. *Переплетчиковъ.*

65. Мѣдный всадникъ.

Петербургская повѣсть *А. С. Пушкина.*

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
и вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
рѣка неслася; бѣдный челнъ
по ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
чернѣли избы здѣсь и тамъ,
пріютъ убогаго чухонца;
и лѣсъ, невѣдомый лучамъ
въ туманѣ спрятаннаго солнца,
кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
„отсель грозить мы будемъ шведу;
здѣсь будетъ городъ заложенъ,
на зло надменному сосѣду;
природой здѣсь намъ суждено

въ Европу прорубить окно,
ногою твердой стать при морѣ;
сюда, по новымъ имъ волнамъ,
всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,—
и запируемъ на просторѣ“.

Прошло сто лѣтъ,—и юный градъ,
полнощныхъ странъ краса и диво,
изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
вознесся пышно, горделиво:
гдѣ прежде финскій рыболовъ,
печальный пасынокъ природы,
одинъ у низкихъ береговъ
бросалъ въ невѣдомыя воды
свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
по оживленнымъ берегамъ
громады стройныя тѣснятся
дворцовъ и башенъ; корабли
толпой со всѣхъ концовъ земли
къ богатымъ пристанямъ стремятся
въ гранитъ одѣлася Нева;
мосты повисли надъ водами;
темнозелеными садами
ея покрылись острова,—
и передъ младшею столицей
главой склонилася Москва,
какъ передъ новою царицей
порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
береговой ея гранитъ,
твоихъ оградъ узоръ чугунный,
твоихъ задумчивыхъ ночей
прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
когда я въ комнатѣ моей
пишу, читаю безъ лампады,
и ясны спящія громады
пустынныхъ улицъ, и свѣтла
адмиралтейская игла,

и, не пуская тьму ночную
на золотыя небеса,
одна заря смѣнить другую
спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
люблю зимы твоей жестокой
недвижный воздухъ и морозъ,
бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
дѣвичьи лица ярче розъ,
и блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
а въ часъ пирушки холостой —
шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
и пунша пламень голубой;
люблю воинственную живость
потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
пѣхотныхъ ратей и коней
однообразную красивость;
въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
насквозь прострѣленныхъ въ бою;
люблю, военная столица,
твоей твердыни дымъ и громъ,
когда полнощная царица
даруетъ сына въ царскій домъ
или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
и, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
и побѣжденная стихія:
вражду и плѣнъ старинный свой
пусть волны финскія забудутъ
и тщетной злобою не будутъ
тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора:
объ ней свѣжо воспоминанье...

Объ ней, друзья мои, для васъ
начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
плеская шумною волной
въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
въ своей постели безпокойной.
Ужъ было поздно и темно;
сердито бился дождь въ окно,
и вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
пришелъ Евгеній молодой...
Мы будемъ нашего героя
звать этимъ именемъ. Оно
звучитъ пріятно; съ нимъ давно
мое перо ужъ какъ-то дружно;
прозванья намъ его не нужно,—
хотя въ минувши времена
оно, быть можетъ, и блистало,
и подъ перомъ Карамзина
въ родныхъ преданьяхъ прозвучало,
но нынѣ свѣтомъ и молвой
оно забыто. Нашъ герой
живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ,
дичится знатныхъ и не тужитъ
ни о покойницѣ роднѣ,
ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгеній
стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ—
но долго онъ заснуть не могъ
въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,

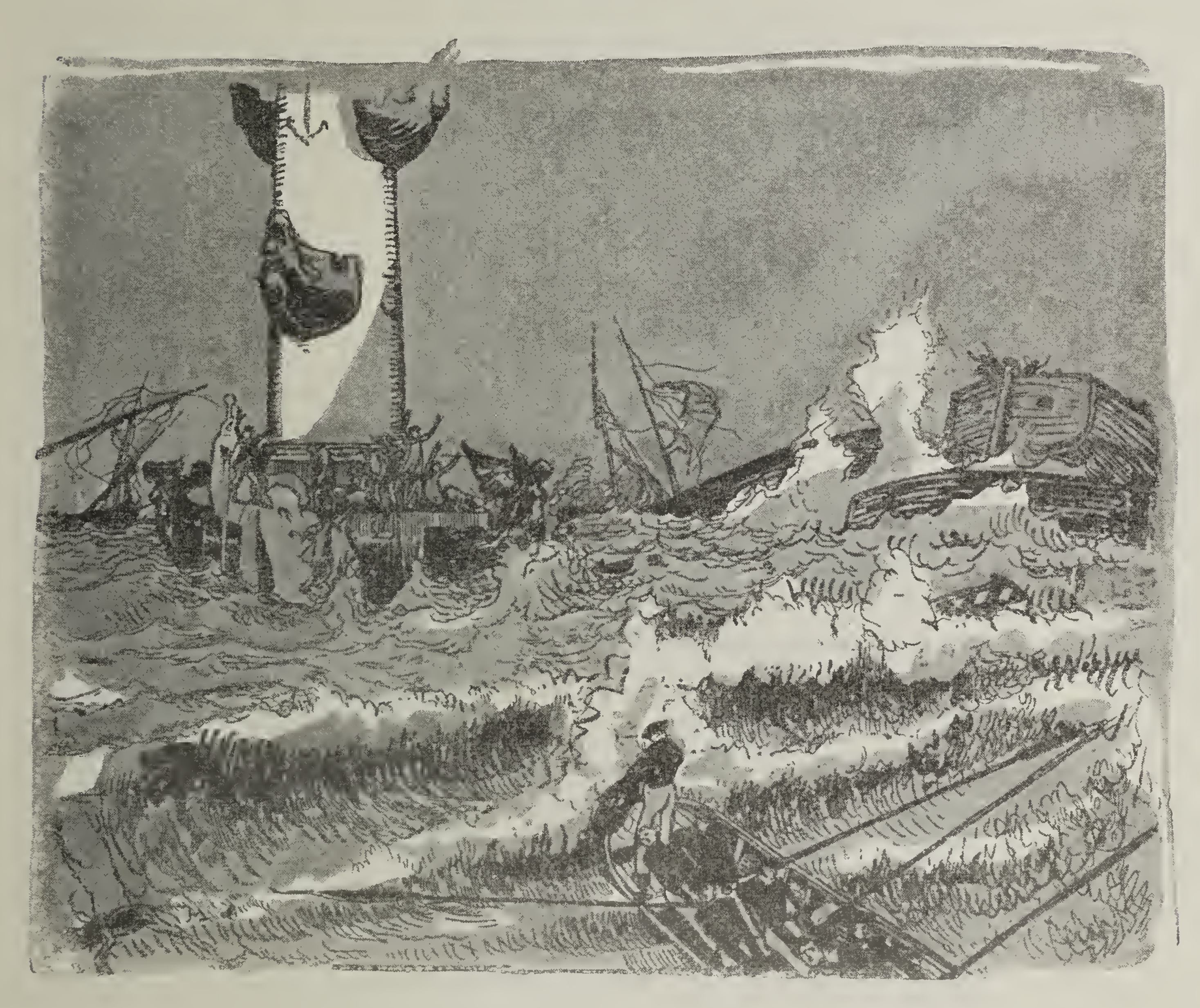
что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
онъ долженъ былъ себѣ доставить
и независимость и честь;
что могъ бы Богъ ему прибавить
ума и денегъ; что, вѣдь, есть
такіе праздные счастливцы,
ума недальняго, лѣнивцы,
которымъ жизнь куда легка!
что служитъ онъ всего два года...
Онъ также думалъ, что погода

не унималась; что рѣка
все прибывала; что едва ли
съ Невы мостовъ уже не сняли,
и что съ Парашей будетъ онъ
дня на два, на три разлученъ.
Такъ онъ мечталъ. И грустно было
ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
чтобъ вѣтеръ выл не такъ уныло
и чтобы дождь въ окно стучалъ
не такъ сердито...
Сонны очи
онъ, наконецъ, закрылъ. И вотъ
рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,

и блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
рвалася къ морю противъ бури,
не одолѣвъ ихъ буйной дури...
и спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
тѣснился кучами народъ,
любуясь брызгами, горами
и пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
перегражденная Нева
обратно шла гнѣвна, бурлива
и затопляла острова;
погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
котломъ клокоча и клубясь—
и вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
на городъ кинулась. Предъ нею
все побѣжало, все вокругъ
вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
втекли въ подземные подвалы;
къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
и всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
по поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! Злыя волны,
какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
садки подъ мокрой пеленой,
обломки хижинъ, бревна, кровли,
товаръ запасливой торговли,
пожитки блѣдной нищеты,
грозой снесенные мосты,
гроба съ размытаго кладбища
плывутъ по улицамъ!
Народъ
зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ; кровъ и пища;
гдѣ будетъ взять?

Въ тотъ грозный годъ
покойный царь еще Россіей
со славой правилъ. На балконъ
печаленъ, смутенъ вышелъ онъ.
И молвилъ: „съ Божіей стихіей
царямъ не совладать“. Онъ сѣлъ
и въ думѣ скорбными очами
на злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,

и въ нихъ широкими рѣками
вливались улицы. Дворецъ
казался островомъ печальнымъ...
Царь молвилъ,—изъ конца въ конецъ,
по ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
въ опасный путь средь бурныхъ водъ
его пустились генералы
спасать и страхомъ обуялый
и дома тонущій народъ.
Тогда на площади Петровой—
гдѣ домъ въ углу вознесся новый,

гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
съ подъятой лапой, какъ живые,
стоятъ два льва сторожевые—
на звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, бѣдный,
не за себя. Онъ не слыхалъ,
какъ подымался жадный валъ,
ему подошвы подмывая,
какъ дождь ему въ лицо хлесталъ,
какъ вѣтеръ, буйно завывая,
съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
на край одинъ наведены
недвижно были. Словно горы,
изъ возмущенной глубины
вставали волны тамъ и злились,
тамъ буря выла, тамъ носились
обломки... Боже, Боже! тамъ—
увы! близехонько къ волнамъ,
почти у самаго залива—
заборъ некрашеный, да ива
и ветхій домикъ: тамъ онѣ,—
вдова и дочь, его Параша,
его мечта... Или во снѣ
онъ это видитъ? Иль вся наша
и жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будто околдованъ,
какъ будто къ мрамору прикованъ,
сойти не можетъ. Вкругъ него
вода—и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
въ неколебимой вышинѣ
надъ возмущенною Невою
сидитъ съ простертою рукою
гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытясь разрушеньемъ
и наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
своимъ любуясь возмущеньемъ
и покидая съ небреженьемъ
свою добычу. Такъ злодѣй,
съ свирѣпой шайкою своей
въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежомъ отягощенны,
боясь погони, утомленны,
добычу на пути роняя.
Вода сбыла, и мостовая
открылась. И Евгеній мой
спѣшитъ, душою замирая,
въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но торжествомъ побѣды полны,
еще кипѣли злобно волны,
какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
еще ихъ пѣна покрывала,
и тяжело Нева дышала,
какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ, видитъ лодку;
онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
онъ перевозчика зоветъ,—
и перевозчикъ беззаботный
его за гривенникъ охотно
чрезъ волны страшныя везетъ.
И долго съ бурными волнами
боролся опытный гребецъ,
и скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
всечасно съ дерзкими пловцами
готовъ былъ челнъ,—и наконецъ
достигъ онъ берега.

Несчастный
знакомой улицей бѣжитъ
въ мѣста знакомыя. Глядитъ...
Узнать не можетъ: видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
что брошено, что снесено;
скривились домики; другіе
совсѣмъ обрушились; иные
волнами сдвинуты; кругомъ,
какъ будто въ полѣ боевомъ,
тѣла валяются. Евгеній
стремглавъ, не помня ничего,
изнемогая отъ мученій,
бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ, бѣжитъ онъ ужъ предмѣстьемъ,
и вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Что жъ это?
Онъ остановился;
пошелъ назадъ—и воротился.
Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
вотъ ива. Были здѣсь ворота;
снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И, полонъ сумрачной заботы,
все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
толкуетъ громко самъ съ собою—
и вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
захохоталъ...
Ночная мгла
на городъ трепетный сошла;
но долго жители не спали
и межъ собою толковали
о днѣ минувшемъ.
Утра лучъ
изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
блеснулъ надъ тихою столицей—
и не нашелъ уже слѣдовъ

бѣды вчерашней. Багряницей
уже покрыто было зло,—
въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
ходилъ народъ. Чиновный людъ,
покинувъ свой ночной пріютъ,
на службу шелъ. Торгашъ отважный,
не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
сбираясь свой убытокъ важный
на ближнемъ выместить. Съ дворовъ
свозили лодки...
Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній...
Увы! его смятенный умъ
противъ ужасныхъ потрясеній
не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
безмолвно полонъ, онъ скитался;
его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ,—онъ
къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
не приходилъ. Онъ скоро свѣту
сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
а спалъ на пристани; питался
въ окошко поданнымъ кускомъ;
одежда ветхая на немъ
рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
бросали камни вслѣдъ ему;
нерѣдко кучерскія плети
его стегали, потому
что онъ не разбиралъ дороги
ужъ никогда; казалось, онъ
не примѣчалъ. Онъ оглушенъ

былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
влачилъ—ни звѣрь, ни человѣкъ,
ни то, ни се—ни житель свѣта,
ни призракъ мервый...
Разъ онъ спалъ
у невской пристани. Дни лѣта
клонились къ осени. Дышалъ
ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
плескалъ на пристань, ропща пени

и бьясь о гладкія ступени,
какъ челобитчикъ у дверей
ему не внемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся, мрачно было;
дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло,—
и съ нимъ въ дали, во тьмѣ ночной,
перекликался часовой...
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
онъ прошлый ужасъ; торопливо
онъ всталъ, пошелъ бродить,—и вдругъ

остановился и вокругъ
тихонько сталъ водить очами,
съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
большого дома. На крыльцѣ
съ подъятой лапой, какъ живые,
стояли львы сторожевые,
и прямо въ темной вышинѣ,
надъ огражденною скалою,
гигантъ съ простертою рукою
сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.
Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
и мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
гдѣ волны хищныя толпились,
бунтуя злобно вкругъ него,
и львовъ, и площадь, и того,
кто неподвижно возвышался
во мракѣ мѣдною главой,
того, чьей волей роковой
надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
и гдѣ опустишь ты копыта?
Кругомъ подножія кумира
безумецъ бѣдный обошелъ
и взоры дикіе навелъ
на ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
глаза подернулись туманомъ,
по сердцу пламень пробѣжалъ,
вскипѣла кровь; онъ мрачно сталъ
предъ горделивымъ истуканомъ,—
и, зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
какъ обуянный силой черной:

„Добро, строитель чудотворный!“
шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
„ужо тебѣ!..“ И вдругъ стремглавъ
бѣжать пустился. Показалось
ему, что грознаго царя,
мгновенно гнѣвомъ возгоря,
лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
бѣжитъ и слышитъ за собой,
какъ будто грома грохотанье,
тяжело-мѣрное скаканье,

и, озаренъ луною блѣдной,
простерши руку къ вышинѣ,
за нимъ несется всадникъ мѣдный
на звонко-скачущемъ конѣ.
И во всю ночь безумецъ бѣдный
куда стопы ни обращалъ,
за нимъ повсюду всадникъ мѣдный
съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.
И съ той поры, когда случалось
идти той площадью ему,
въ его лицѣ изображалось
смятенье; къ сердцу своему
онъ прижималъ поспѣшно руку,
какъ бы его смиряя муку,

картузъ изношенный снималъ,
смущенныхъ глазъ не подымалъ
и шелъ сторонкой.
Островъ малый
на взморьѣ виденъ. Иногда
причалитъ съ неводомъ туда
рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
и бѣдный ужинъ свой варитъ;
или чиновникъ посѣтитъ,
гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,

пустынный островъ. Не взросло
тамъ ни былинки. Наводненье
туда, играя, занесло
домишко ветхій. Надъ водою
остался онъ, какъ черный кустъ.
Его прошедшею весною
свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
и весь разрушенъ. У порога
нашли безумца моего...
И тутъ же хладный трупъ его
похоронили, ради Бога.

Полный—1, содержащій столько, сколько можно вмѣстить. Домъ полная чаша.— Полны руки хлопотъ. — Хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ (Крыловъ); 2, содержащій въ себѣ, сколько требуется по вѣсу, мѣрѣ и т. д. Полный рубль.—Онъ не въ полномъ умѣ, не въ полной памяти.—Полная луна.—Идти полнымъ вѣтромъ.— *Вѣкъ дологъ, всѣмъ полонъ;* 3, объемистый. *Полнѣе скроить, подолѣ носить;* 4, неограничен-

ный. Онъ полный хозяинъ. — Полная воля. — Полное право. — Полная довѣренность.

Надменный отъ гл. **надмиться, надмеваться, надуваться**—раздуваться, возноситься гордостью, спесью.

Полнощный, полночный (отъ сл. **полнощ(ч)ье**—полночь). — Въ часъ полночный, близъ потока, ты взгляни на небеса (Хомяковъ „Звѣзды"). —Полнощная страна, южная; въ противоположность полуденной—сѣверной.

Пасынокъ—1, не родной одному изъ супруговъ сынъ. *Пасынокъ не сынъ, чужая боль не своя;* 2, нелюбимый, обойденный судьбой. *Жить—что пасынку.*

Порфироносный—несущій порфиру, т.-е. бархатную, подбитую горностаемъ, мантію, служащую верхней одеждой государей въ торжественныхъ случаяхъ.

Державный—1, имѣющій верховную власть. О царь державный! (Державинъ); 2, сильный, могущественный. Предъ нимъ (Терекомъ) паритъ орелъ державный (Пушкинъ). — И въ дрожи зыбкой державныя уста змѣилися улыбкой (А. Толстой „Старицкій воевода"). — Кто придалъ мощно бѣгъ державный кормѣ родного корабля (Пушкинъ „Моя родословная"). — Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ народы робко клонятъ взоръ (Хомяковъ „Россія"). — Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать! (А. Толстой „Князь Репнинъ.)

Громада—1, предметъ огромнаго объема. Взглянувъ вверхъ, можно было съ трудомъ различать, какъ неслись въ мракѣ тяжелыя, безобразныя громады (Короленко „Очерки сибирскаго туриста"). — Борисъ... рѣшился... двинуть всю громаду нашихъ силъ къ берегамъ Оки (Карамзинъ); 2, зданіе или сооруженіе огромныхъ размѣровъ. Громады скалъ, горъ. — Громада кораблей вспылала, и палъ впервые Наваринъ (Пушкинъ „Моя родословная"). — Тѣснятъ его (Терекъ) грозно нѣмыя громады (Пушкинъ „Кавказъ"); 3, собраніе казацкаго общества, мірская сходка. Предъ громадой войсковой онъ (Кочубей) долженъ быть казненъ сегодня (Пушкинъ).

Потѣшный (отъ сл. **потѣха**—забава, увеселенье, зрѣлище)—употребляется въ разныхъ значеніяхъ: потѣшный человѣкъ — забавный; потѣшный дворъ — мѣсто для всякаго рода зрѣлищъ. Потѣшные огни (стар.)—фейерверкъ; потѣшные балаганы, потѣшныя хоромы; потѣшный приказъ; потѣшная палата для комедійныхъ дѣйствъ; потѣшный полкъ—при Петрѣ набирался изъ дворянъ для обученья и потѣхи.

Рать — 1, ссора, война. *Другъ познается на рати да при бѣдѣ;* 2, войско, армія. Рать подымается—неисчислимая, сила въ ней скажется несокрушимая (Некрасовъ „Русь"). —*На рать сѣна не накосишься.* Что значитъ **ратный, ратникъ, ратовать?**

Зыблемый (отъ гл. **зыбиться, зыблиться**—колебаться)—легко приходящій въ колебаніе. Чаще употребляется съ отрицаніемъ: **незыблемый.**—Вдали я видѣлъ, сквозь туманъ... сѣдой незыблемый Кавказъ (Лермонтовъ „Мцыри").

Твердыня (стар.)—укрѣпленіе, крѣпкое мѣсто, крѣпость. Богъ—твердыня наша.

Умирять, умирить—умиротворять, примирять, улаживать ссору; утишать, успокоивать. Умирить край.

Стихія — силы природы, напр.: вѣтеръ, громъ, молнія и т. д.; у древнихъ грековъ начала міра, которыми признавались: огонь, воздухъ, вода и земля. Все спало вкругъ меня, подъ кровомъ тишины стихіи грозныя казалися безмолвны (Батюшковъ „Тѣнь друга").

Неколебимый—то же, что непоколебимый: прочный, твердый, надежный, постоянный.

Тщетный—напрасный, безуспѣшный, суетный; относящійся къ земному, временному, преходящему. Тщетное старанье. — Тщетный трудъ. — Тщетная просьба. — Тщетная надежда. Какіе оттѣнки значенія этого слова можно отмѣтить въ перечисленныхъ выраженіяхъ? **Тще, вотще** (нарѣч.) — тщетно, напрасно, суетно, попусту. Вотще брега трепещутъ, вотще грохочетъ громъ (Пушкинъ). — Вотще воображенье вокругъ меня товарищей зоветъ (Пушкинъ). Вспомните, что значитъ **тщедушный, тщеславный?**

Повѣствованіе, повѣсть (отъ гл. **повѣдать**)—разсказъ о быломъ.

Обратите вниманіе на окончаніе въ сл. **безпокойной**: къ какому слову оно относится, а на самомъ дѣлѣ должно относиться?

Прозванье—именованье, фамилія человѣка; иногда обозначаетъ добавочную кличку, шуточное **прозвище.** Держиморда, Степанъ Пробка, Неуважай-Корыто, Мичманъ Дырка, Иванъ Павловичъ Яичница (Гоголь). — И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь (Гоголь „Женитьба").

Дичиться—бояться людей, общества; быть нелюдимымъ, застѣнчивымъ. Ни съ кѣмъ не разговариваетъ, дичится (Тургеневъ „Записки охотника").—Съ которыхъ поръ (Софья) меня дичится какъ чужого? (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума".) — И дичится людей, и молчитъ (Жуковскій).

Въ стихѣ: „не одолѣвъ ихъ буйной бури" представляется не совсѣмъ понятнымъ слово „ихъ"; вѣроятно, оно относится къ морю и къ бурѣ.

Преградить что—перегораживать, ставить поперекъ пути. Преграждать путь. Преградить воду, отрѣзать или отвести. Сюда же относятся **преграда, перегородка.**

Петрополь (греч.)—городъ Петра, т.-е. Петербургъ.

Тритонъ (греч.)—миѳологическій морской богъ, изображавшійся въ видѣ человѣка съ рыбьимъ хвостомъ.

Садокъ—всякое устройство для содержанія въ неволѣ животныхъ. Садокъ на гусей, на утокъ—клѣтка съ отгородками, куда сажаютъ птицу на откормъ. Садокъ рыбный, живорыбный—ящикъ, срубъ или продыренная лодка въ водѣ для держанья живой рыбы. *Не рыба въ рѣкѣ, а рыба въ садкѣ.*

Запасливый—1, имѣющій свойство, обыкновеніе запасать. *Не будь гостю запасливъ, а будь ему радъ;* 2, содержащій что-либо въ запасѣ, изобиліи. Изба была чистая, свѣтлая и все въ ней глядѣло запасливо (Салтыковъ).—Счету нѣтъ твоимъ стрѣламъ въ твоемъ запасливомъ колчанѣ (Вяземскій).

Совладать, совладѣвать—справиться, управиться, сладить, одолѣть, подчинить себѣ. Онъ отъ рукъ отбился, съ нимъ не совладаешь. — *Не совладавъ съ коровой, хвать подойникъ о земь.*

Стогна (употребляется чаще во множ. числѣ)—площадь, улицы въ городѣ. Тогда великій градъ Петровъ въ едину стогну умѣстился (Ломоносовъ). — Когда... умолкнетъ шумный день и на нѣмыя стогны града полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь (Пушкинъ „Воспоминаніе").

Обуялый (вмѣсто обуянный) отъ гл. **обуять**—лишить ума, разсудка, подчиниться силѣ страстей. Корысть его обуяла.—Обуянный страхомъ, потерялся.

Рокъ—судьба, неминучее, суженое. Слѣпой рокъ.—*Рокъ головы ищетъ.—Рокъ виноватаго найдетъ.—Рока не минуешь.* — Неотразимый рокъ настигъ (Тютчевъ „Безсонница"). Что значитъ роковой день?

Насытить, насыщать—кормить досыта. Человѣкъ зажимаетъ носъ и старается не дышать... когда вступаетъ въ область, насыщенную праздпословіемъ и пошлостью (Салтыковъ „Господа Головлевы").—*Жаднаго не насытишь.* **Насытить, насычать**—подслащать, напр., медомъ, сытою (**сыта**—разварной медъ на водѣ; отсюда—меда сыченые).

Небреженье—нерадѣнье, безпечность, беззаботность о чемъ-либо. **Небрежный**—нерадивый. Небрежная работа.—Небрежное отношеніе. **Небрежность**—свойство небрежнаго. Эти слова происходятъ отъ гл. **небречь** (не беречь); чаще употребляется **пренебрегать, пренебречь.**

Багряница — 1, торжественная пурпуровая одежда, какъ знакъ верховной власти; порфира. Отираетъ багряницей слезы бѣдный царь съ ланитъ (Жуковскій „Ахиллъ"); 2, ткань, пряжа багрянаго цвѣта. **Багряный** — пурпуровый, червленый. Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ (Пушкинъ). **Багрянецъ.**—Кругомъ вечерняя заря разгоралась внезапнымъ и нѣжнымъ багрянцемъ (Тургеневъ „Переписка").—Багрянецъ воздуха давно исчезъ, краски потемнѣли и прекратилась заколдованная тишина (Тургеневъ „Призраки"). **Багрецъ.** — Багрецомъ подернулись щеки, поблѣднѣли алыя губы, заблестѣли очи искрами палючими и слезинки, что росинки, засверкали на длинныхъ рѣсницахъ (Печерскій „Въ лѣсахъ").

Выместить, вымещать—отомщать, отплачивать за обиду. Всю досаду, нако-

пленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымещаетъ на (станціонномъ) смотрителѣ (Пушкинъ). — Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему по-своему (Крыловъ). — Крестьянинъ на спинѣ ослиной убытокъ выместилъ дубиной (Крыловъ).

Смятенный отъ неупотребительнаго глагола **смятати, смясти**—приводить въ безпорядокъ, смятеніе, замѣшательство; смущать, озадачивать, ставить втупикъ.

Потрясеніе — нарушеніе порядка, покоя, душевная тревога. Душевное, нравственное потрясеніе.—Онъ не перенесъ этого потрясенія.

Влачить — волочить, тащить, вести насильно. Влачить жизнь, вести несчастную, тягостную для себя жизнь. Влачить заботъ и скуки бремя онъ въ настоящемъ осужденъ (Жуковскій).

Пеня — упрекъ, укоръ, изъявленіе неудовольствія, а также денежное взысканіе, штрафъ. Увы, въ душѣ моей для бѣдной, легковѣрной тѣни, для сладкой памяти невозвратимыхъ дней, не нахожу ни слезъ, ни пени (Пушкинъ).

Роптать—ворчать, брюзжать, выражать неудовольствіе, обижаться чѣмъ. Обратите вниманіе на необычное выраженіе: „ропща пени“ (вин. п. мн. ч.)—выражая свое неудовольствіе, жалобы.

Челобитчикъ—проситель. **Бить челомъ**—просить.

Кумиръ (финск.)—1, изображеніе, изваяніе языческаго божества, идолъ, истуканъ. Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ и бѣлые среди деревъ кумиры (Пушкинъ); 2, предметъ слѣпой привязанности, какъ бы поклоненія. Созрѣвшихъ барышень кумиръ... пріѣхалъ ротный командиръ (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ“).— Такъ храмъ оставленный — все храмъ, кумиръ поверженный — все Богъ (Лермонтовъ). — Лишь бы силы мнѣ не измѣнили, лишь бы кумиръ мой не оказался бездушнымъ и нѣмымъ идоломъ (Тургеневъ „Переписка“).

Истуканъ—грубо изваянное изображенье языческаго бога, идолъ, болванъ, кумиръ. Стремянный стоялъ неподвижно, какъ истуканъ (Загоскинъ „Рославлевъ“).

Черный — употребляется здѣсь въ значеніи нечистый. Черная наука, черныя книги, черная сила.

Взморье — морское прибрежье, близкая къ берегу часть моря. Я бы на взморье ушелъ, гдѣ волна за волною шумитъ (Надсонъ).

Раздѣлите повѣсть на нѣсколько частей, давъ каждой свое заглавіе.

Составьте описаніе „Наводненія въ С.-Петербургѣ“, воспользовавшись прочитанной повѣстью.

Составьте разсказъ: жизнь Евгенія по „Мѣдному всаднику“.

66. Цыганскій таборъ.

Изъ поэмы *А. С. Пушкина* „Цыганы“.

Цыганы шумною толпой по Бессарабіи кочуютъ. Они сегодня надъ рѣкой въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.

Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ и мирный сонъ подъ небесами. Между колесами телѣгъ, полузавѣшенныхъ коврами, горитъ огонь; семья кругомъ готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ пасутся кони; за шатромъ ручной медвѣдь лежитъ на волѣ. Все живо по-

среди степей: заботы мирныя семей, готовыхъ съ утромъ въ путь недальній, и пѣсни женъ, и крикъ дѣтей, и звонъ походной наковальни.

Но вотъ на таборъ кочевой нисходитъ сонное молчанье, и слышны въ тишинѣ степной лишь лай собакъ да коней ржанье. Огни вездѣ погашены; спокойно все; луна сіяетъ одна съ небесной вышины и тихій таборъ озаряетъ.

И съ шумомъ высыпалъ народъ; шатры разобраны; телѣги готовы двинуться въ походъ. Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.

Ослы въ перекидныхъ корзинахъ дѣтей играющихъ несутъ; мужья и братья, жены, дѣвы—и старъ и младъ вослѣдъ идутъ; крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы, медвѣдя ревъ, его цѣпей нетерпѣливое бряцанье, лохмотьевъ яркихъ пестрота, дѣтей и старцевъ нагота, собакъ и лай, и завыванье, волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,—все скудно, дико, все нестройно, но все такъ живо, непокойно...

Таборъ (турецк.)—шатры бродячаго народа, привалъ кочевниковъ, станъ, лагерь. Всѣ таборы его знали или слыхали о немъ... Нашъ таборъ ночевалъ въ то время въ Буковинѣ (М. Горькій „Макаръ Чудра").

Шатеръ—холщевая, рогожная, войлочная палатка, разборная и складная. *Раскинутъ шатеръ—ни столба, ни кола* (небо).

Вольность—1, свобода, независимость. Но вольность, вольность для героя милѣй отчизны и покоя (Лермонтовъ „Измаилъ-бей"). Вольность въ обращеніи—излишняя свобода, развязность, безцеремонность. Послушай, вольности ты лишней не бери (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума"); 2, иногда вольнодумство. Онъ вольность хочетъ проповѣдать (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума").

Наковальня—желѣзная подставка, на которой куютъ. *Кому до чего, а кузнецу до наковальни.*

Нисходить—спускаться внизъ. Пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ, гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ (Пушкинъ). Употребляется и въ переносномъ значеніи: нисходить къ нуждамъ ближняго.

Перекидной—переброшенный, перевѣшенный черезъ плечо, черезъ сѣдло вьючнаго животнаго. Перекидная, переметная сума.

Бряцанье—звукъ, происходящій отъ удара по струнамъ или по какому-нибудь металлическому предмету. Бряцаньемъ тихимъ утомленный (Державинъ). — Бряцанье оружіемъ.

Волынка—духовой инструментъ: телячій мѣхъ, наполненный воздухомъ, наглухо зашитый, къ которому проведены двѣ игральныя трубки; играющій держитъ его подъ мышкой.

67. ***

Изъ поэмы *А. С. Пушкина* „Полтава“.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ
(1799—1837).

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
и пышныхъ гетмановъ сады
и старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
окованъ, Кочубей сидитъ
и мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни
онъ мыслитъ объ ужасной казни;
о жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
какъ безсловесное созданье,
царемъ быть отдану во власть
врагу царя на поруганье,
утратить жизнь и съ нею честь,
друзей съ собой на плаху весть,
надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
ложась безвиннымъ подъ топоръ,
врага веселый встрѣтить взоръ
и смерти кинуться въ объятья,

не завѣщая никому
вражды къ злодѣю своему!..
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
обычный кругъ семьи, друзей,
минувшихъ дней богатство, славу
и пѣсни дочери своей,
и старый домъ, гдѣ онъ родился,
гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
и все, чѣмъ въ жизни насладился,
что добровольно бросилъ онъ,
и для чего?

Превозмогать, превозмочь кого, что—одолѣть, преодолѣть, осилить, побороть, брать верхъ. Усилія человѣка все превозмогаютъ.

Гетманъ (нѣмецк. Hauptmann) — главный начальникъ малороссійскаго казацкаго войска; гетманы были и въ Польшѣ. Старый гетманъ сидѣлъ на ворономъ конѣ; блестѣла въ рукѣ булава... по сторонамъ шевелилось красное море запорожцевъ (Гоголь „Страшная месть").

Оковать — 1, сковать, заковать, наложить кандалы; 2, обить желѣзомъ или инымъ металломъ для красы или для укрѣпы. Окованный сундукъ; 3, стѣснить, лишить свободы дѣйствія. Рѣки окованы льдами. — Я стоялъ окованный ужасомъ.

Долить — одолѣвать. „Ахъ, какъ мы просты! и нѣмецъ насъ одолѣлъ! Да, нѣмецъ. Долитъ нѣмецъ, да и шабашъ!"—вопіютъ въ одинъ голосъ всѣ кабатчики (Салтыковъ).

Безсловесный—1, неумѣющій говорить. Безсловесное животное; 2, еще не научившійся говорить. Младенецъ безсловесный; 3, безмолвный; чаще въ переносномъ значеніи. Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума").

Поруганье—безчестіе, позоръ, оскорбленіе.

68. Встрѣча Руслана съ головой.

Изъ поэмы *А. С. Пушкина* „Русланъ и Людмила".

Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
предъ нимъ открылся долъ широкій
при блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь поневолѣ:
онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
желтѣютъ кости; по холмамъ
разбросаны колчаны, латы;

гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
травой обросъ тамъ шлемъ косматый,
и старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
богатыря тамъ остовъ цѣлый
съ его поверженнымъ конемъ
лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
въ сырую землю вонзены,
и мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
пустыни сей не возмущаетъ,
и солнце съ ясной вышины
долину смерти озаряетъ.
Со вздохомъ витязь вкругъ себя
взираетъ грустными очами.
„О, поле, поле, кто тебя
усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
въ послѣднiй часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ,
чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
и поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
поставятъ тихiй гробъ Руслановъ,
и струны громкiя баяновъ
не будутъ говорить о немъ“.
Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
надъ усыпленною землей;
дымятся синiе туманы,
и всходитъ мѣсяцъ золотой;
померкла степь. Тропою темной
задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ
и видитъ: сквозь ночной туманъ
вдали чернѣетъ холмъ огромный,
и что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:

чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
безтрепетно, съ покойнымъ духомъ,
но, шевеля пугливымъ ухомъ,
конь упирается, дрожитъ,
трясетъ упрямой головою,
и грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
въ туманѣ блѣдно озарясь,
яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь —
и чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова:
огромны очи сномъ объяты;
храпитъ, качаясь, шлемъ пернатый,
и перья въ темной высотѣ
какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
надъ мрачной степью возвышаясь,
безмолвіемъ окружена,
пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньѣ хочетъ онъ
таинственный разрушить сонъ;
вблизи осматривая диво,
объѣхалъ голову кругомъ
и, ставъ предъ носомъ молчаливо,
щекотитъ ноздри копіемъ.
И, сморщась, голова зѣвнула,
глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
взвилася пыль съ рѣсницъ, съ усовъ,
съ бровей слетѣла стая совъ;
проснулись рощи молчаливы,
чихнуло эхо — конь ретивый
заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
едва самъ витязь усидѣлъ;
и вслѣдъ раздался голосъ шумный:

„Куда ты, витязь неразумный?
ступай назадъ; я не шучу!

какъ разъ нахала проглочу!“
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,

браздами удержалъ коня
и съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
„Чего ты хочешь отъ меня?“
нахмурясь, голова вскричала:
„вотъ гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
прощай!“ Но витязь знаменитый,
услыша грубыя слова,
воскликнулъ съ важностью сердитой:
„молчи, пустая голова!“
Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
стѣсненной злобой пламенѣя,
надулась голова; какъ жаръ,
кровавы очи засверкали;
напѣнясь, зубы задрожали;
изъ устъ, ушей поднялся паръ,
и вдругъ она, что было мочи,
навстрѣчу князю стала дуть...
Напрасно конь, зажмуря очи,
склонивъ главу, натужа грудь,
сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
невѣрный продолжаетъ путь,—
объятый страхомъ, ослѣпленный,
онъ мчится прочь изнеможенный,
далече въ поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
какъ сумасшедшая, хохочетъ,
гремитъ: „ай, витязь! ай, герой!
куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ,
не трусь, наѣздникъ, и меня
порадуй хоть однимъ ударомъ,
пока не заморилъ коня“.

Колчанъ—чехолъ, кобура для стрѣлъ. Стрѣла выходитъ изъ колчана, взвилась—и падаетъ казакъ съ окровавленнаго кургана (Пушкинъ).—Жажда луки

съ тетивами изсушила въ ихъ рукахъ, и печаль колчанъ съ стрѣлами заложила на плечахъ (Козловъ „Плачъ Ярославны“).

Латы—металлическая одежда, служившая прежде во время сраженій для защиты воина. Цимисхій! крѣпокъ ли твой щитъ? Не тонки ль кованыя латы? (Языковъ.)

Заржавый—покрытый ржавчиной. И вотъ визжитъ замокъ заржавый, визжитъ предательская дверь (Пушкинъ).—Изъ заржавой желѣзной трубки по камнямъ падала вода (Пушкинъ).—Но ключъ въ заржавомъ замкѣ гремитъ (Пушкинъ „Полтава“). — Стоитъ свой посохъ упирая, въ заржавый (здѣсь въ смыслѣ „побурѣлый“) мохъ могильныхъ плитъ (Полонскій). Болѣе употребительно сл. заржавленный.

Остовъ—скелетъ, костяная основа животнаго тѣла. По всему полю онъ (коняга) разбрелся, и тамъ, и тутъ одинаково вытягивается всѣмъ своимъ жалкимъ остовомъ (Салтыковъ „Сказки“).

Возмущать, возмутить—1, дѣлать мутнымъ, приводить жидкость въ движеніе. Ибо Ангелъ Господенъ по временамъ сходилъ въ купальню и возмущалъ воду (Еванг.).—Словно горы, изъ возмущенной глубины вставали волны тамъ и злились (Пушкинъ „Мѣдный всадникъ“); 2, тревожить, нарушать спокойное состояніе, приводить въ негодованіе. Его поступокъ возмутилъ насъ всѣхъ до глубины души.—Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ еще Мазепа возмущаетъ? (Пушкинъ „Полтава“.)—Кто въ сей день безумнымъ возмутитъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь (Пушкинъ „Наполеонъ“).—Мучительный, ужасный крикъ ночное возмутилъ молчанье (Лермонтовъ „Демонъ“); 3, призывать къ ропоту, къ мятежу.

Баянъ—древнерусскій пѣвецъ. См. стр. 58.—Баянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеся мыслію по древу („Слово о полку Игоревѣ“).

Отразить, отражать—имѣетъ нѣсколько значеній. Опредѣлите ихъ по слѣдующимъ примѣрамъ: отразить нападеніе непріятеля; отразить доводы противника; отразить обвиненіе товарища; зеркало отражаетъ предметы; гладь озера отражаетъ лучи солнца.—Ударъ отражается ударомъ; деревья отражаются въ рѣкѣ; отраженный свѣтъ. Отсюда **неотразимый.**

Усыпить, усыплять—наводить сонъ, заставить спать. Лицо его приняло повелительное и свирѣпое выраженіе, обнаружившее весь необузданный его характеръ, усыпленный только на время горестью (Гоголь „Вій“). — Скука усыпляетъ, наводитъ дремоту. А что значитъ въ переносномъ значеніи: онъ усыпилъ его подозрѣнія ложными увѣреніями.

Витязь (старинное слово)—доблестный воинъ, герой, богатырь. О, витязь, дѣлами твоими гордится великій народъ! Твое громоносное имя столѣтія всѣ перейдетъ (А. Толстой „Курганъ“).—Въ честь витязя тризну свершали, дружина дралася три дня, жрецы ему разомъ заклали всѣхъ женъ и любимца коня (А. Толстой „Курганъ“).

69. Метель.

Изъ разсказа *гр. Л. Н. Толстого* „Метель“.

Метель становилась сильнѣе и сильнѣе, и сверху снѣгъ шелъ сухой и мелкій; казалось, начинало подмораживать: носъ и щеки сильнѣе зябли, чаще пробѣгала подъ шубу струйка холоднаго воздуха, и надо было запахиваться. Изрѣдка сани постукивали по голому, обледенѣлому черепку, съ котораго снѣгъ сметало. Такъ какъ я, не

ночуя, ѣхалъ уже шестую сотню верстъ, несмотря на то, что меня очень интересовалъ исходъ нашего плутанья, я невольно закрывалъ глаза и задремывалъ. Разъ, когда я открылъ глаза, меня поразилъ, какъ мнѣ показалось въ первую минуту, яркій свѣтъ, освѣщавшій бѣлую равнину. Горизонтъ значительно расширился, черное, низкое небо вдругъ исчезло, со всѣхъ сторонъ видны были бѣлыя косыя линіи падающаго снѣга, фигуры передовыхъ троекъ виднѣлись яснѣе, и, когда я посмотрѣлъ вверхъ, мнѣ показалось въ первую минуту, что тучи разошлись и что только падающій снѣгъ застилаетъ небо. Въ то время, какъ я вздремнулъ, взошла луна и бросала сквозь неплотныя тучи и падающій снѣгъ свой холодный и яркій свѣтъ. Одно, что я видѣлъ ясно, это были мои сани, лошади, ямщикъ и три тройки, ѣхавшія впереди: первая — курьерская, въ которой все такъ же на облучкѣ сидѣлъ одинъ ямщикъ и гналъ крупною рысью; вторая, въ которой, бросивъ вожжи и сдѣлавъ себѣ изъ армяка *затишку*, сидѣли двое и, не переставая, курили трубочку, что видно было по искрамъ, блестѣвшихъ оттуда, и третья, въ которой никого не видно было и, предположительно, ямщикъ спалъ въ серединѣ.

Передовой ямщикъ однако, когда я проснулся, изрѣдка сталъ останавливать лошадей и искать дороги. Тогда, только что мы останавливались, слышнѣе становилось завываніе вѣтра и виднѣе поразительно огромное количество снѣга, носящагося въ воздухѣ. Мнѣ видно было, какъ при лунномъ, застилаемомъ метелью, свѣтѣ невысокая фигура ямщика съ кнутовищемъ въ рукѣ, которымъ онъ ощупывалъ снѣгъ впереди себя, двигалась взадъ и впередъ въ свѣтлой мглѣ, снова подходила къ санямъ, вскакивала бочкомъ на передокъ, и слышались снова среди однообразнаго свистѣнія вѣтра—ловкое, звучное покрякиванье и звучаніе колокольчиковъ.

Долго послѣ этого мы ѣхали, не останавливаясь, по бѣлой пустынѣ, въ холодномъ, прозрачномъ и колеблющемся свѣтѣ метели. Откроешь глаза—та же неуклюжая шапка и спина, занесенная снѣгомъ, торчатъ передо мной, та же невысокая дуга, подъ которой между натянутыми ременными поводками узды поматывается, все въ одномъ разстояніи, голова коренной съ черною гривой, мѣрно подбиваемая въ одну сторону вѣтромъ; виднѣется изъ-за спины та же гнѣденькая пристяжная направо съ коротко подвязаннымъ хвостомъ и валькомъ, изрѣдка постукивающимъ о лубокъ саней.

Посмотришь внизъ—тотъ же сыпучій снѣгъ разрываютъ полозья, и вѣтеръ упорно поднимаетъ и уноситъ все въ одну сторону. Впереди,

на одномъ же разстояніи убѣгаютъ передовыя тройки; справа, слѣва все бѣлѣетъ и мерещится. Напрасно глазъ ищетъ новаго предмета: ни столба, ни стога, ни забора—ничего не видно. Вездѣ все бѣло, бѣло и подвижно: то горизонтъ кажется необъятно-далекимъ, то сжатымъ на два шага во всѣ стороны, то вдругъ бѣлая высокая стѣна выростаетъ справа и бѣжитъ вдоль саней, то вдругъ исчезаетъ и выростаетъ спереди, чтобы убѣгать дальше и дальше и опять исчезнуть. Посмотришь ли наверхъ—покажется свѣтло въ первую минуту, кажется, сквозь туманъ видишь звѣздочки; но звѣздочки убѣгаютъ отъ взора выше и выше, и только видишь снѣгъ, который мимо глазъ падаетъ на лицо и воротникъ шубы; небо вездѣ одинаково свѣтло, одинаково бѣло, безцвѣтно, однообразно и постоянно подвижно. Вѣтеръ какъ-будто измѣняется: то дуетъ навстрѣчу и лѣпитъ глаза снѣгомъ, то сбоку досадно закидываетъ воротникъ шубы на голову и насмѣшливо треплетъ меня имъ по лицу, то сзади гудитъ въ какую-нибудь скважину.

Слышно слабое, неумолкаемое хрустѣніе копытъ и полозьевъ по снѣгу и замирающее, когда мы ѣдемъ по глубокому снѣгу, звяканье колокольчиковъ. Только изрѣдка, когда мы ѣдемъ противъ вѣтра и по голому намерзлому черепку, ясно долетаютъ до слуха энергическое посвистыванье передового ямщика и заливистый звонъ колокольчика, съ отзывающеюся дребезжащею квинтой, и звуки эти вдругъ отрадно нарушаютъ унылый характеръ пустыни и потомъ снова звучатъ однообразно съ несносною вѣрностью наигрывая все тотъ же самый мотивъ, который невольно я воображаю себѣ.

Одна нога начинала у меня зябнуть, и, когда я поворачивался, чтобы лучше закрыться, снѣгъ, насыпавшійся на воротникъ и шапку, проскакивалъ за шею и заставлялъ меня вздрагивать, но мнѣ было вообще еще тепло въ обогрѣтой шубѣ и дремота клонила меня.

Черепокъ, черепъ—наморозь, гололедица; ледяной слой по землѣ, подъ снѣгомъ; образуется когда сильный морозъ ударитъ по оттепели. *По черепу ѣздить—на острошипъ ковать.*

Застилать—1, заволакивать, скрывать отъ глазъ, застить. Была уже совсѣмъ ночь—на небѣ были звѣзды и свѣтился изрѣдка застилаемый дымомъ молодой мѣсяцъ (Толстой „Война и миръ“).—Стадо гонятъ домой—его застилаетъ громадное облако пыли (Салтыковъ „Пошехонская старина“).—Ужасъ застлалъ ему глаза (Толстой „Казаки“); 2, (о звукѣ) заглушать. Но недолго слышался стукъ его копытъ. Поднявшійся вѣтеръ мѣшалъ и застилалъ всѣ звуки (Тургеневъ „Записки охотника“); 3, затемнять, омрачать. Когда дремота все гуще застилала его сознаніе (Короленко „Слѣпой музыкантъ“); 4, устилать, укладывать чѣмъ-либо сплошь. Потомъ полъ опять застлали, и слѣдъ погребенія исчезъ навсегда (Лѣсковъ); 5, сплошь постилать что-либо. Взбивали пуховики и подушки,

застилали чистыя простыни (Крестовскій „Дѣды"); 6, закрывать, покрывать чѣмъ-либо. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать (сидѣніе въ перекладной), хотя бы коврикомъ (Гоголь „Ревизоръ").

Затишка—навѣсецъ, защита; укромное, спокойное мѣсто.

Лубокъ—кора, подкорье. Содранная съ дерева кора липы; въ видѣ сухого лубка она идетъ на покрышку крышъ деревенскихъ строеній, а также на обшивку саней, телѣгъ.

Мерещиться—казаться, видѣться, неясно представляться вдали, впотьмахъ во снѣ или на яву. Мнѣ мерещатся странные сны (Полонскій „Зимній путь").—Мнѣ померещилось, будто кто вошелъ.

Квинта—1, интерваль, разстояніе двухъ звуковъ на 3½ тона; 2, первая, тончайшая струна скрипки.

70. Зимняя ночь.

Изъ стихотворенія *А. С. Пушкина* „Опричникъ".

Какая ночь! Морозъ трескучій,
на небѣ ни единой тучи;
какъ шитый пологъ, синій сводъ
пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
утихъ и шумъ, и крикъ торговый;
лишь только лаетъ песъ дворовый,
да цѣпью звонкою гремитъ.

Пологъ — завѣса, занавѣсъ у постели; рѣденькое покрывало надъ ложемъ. Въ одномъ углу возвышалась кроватка подъ кисейнымъ пологомъ, рядомъ съ кованымъ сундукомъ съ круглой крышкой (Тургеневъ „Отцы и дѣти"). — Крашеныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ и кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ (Мей „Хозяинъ"). Употребляется также какъ образное выраженіе. Сквозь пологъ темный широкихъ липъ украдкою звѣзда блеснетъ и скроется (Тургеневъ „Параша").

Затворъ — 1, засовъ, задвижка, запоръ. И между тѣмъ тамъ, за этими толстыми желѣзными затворами, въ этихъ каменныхъ стѣнахъ... (Салтыковъ „Губернскіе очерки"). — А зачѣмъ нѣтъ у забора ни собаки, ни затвора? (Пушкинъ „Воевода"); 2, подвижная часть двери, воротъ; ставень у окна; люкъ на рѣчныхъ судахъ; 3, шлюзъ. Запертая по случаю праздника вода (на мельницѣ) глухо шумѣла внизу, пробираясь сквозь щели затвора (Слѣпцовъ „Трудное время").

❊

71.

Басня *И. А. Крылова.*

Зимой, ранехонько, близъ жила
лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ оплошность ли, судьба ль (не въ этомъ сила),
но кончикъ хвостика лисица замочила,
и ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
рвануться только посильнѣй
и волосковъ хотя десятка два оставить,
но до людей
домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать,—вѣдь спитъ еще народъ,
а между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ.
Глядитъ — и день свѣтаетъ,

народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя лиса
туда, сюда метаться;
но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, волкъ бѣжитъ.—„Другъ милый! кумъ! отецъ!“
кричитъ лиса: „спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!“—
Вотъ кумъ остановился
и въ спасенье лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,
ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.
Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей:
щепотки волосковъ лиса не пожалѣй,
остался бъ хвостъ у ней.

Жило—жилье, жилище; поселенье. Не доѣхали до жила, ночевали въ лѣсу.—Изба жиломъ (жилымъ, жильемъ) пахнетъ.

Оплошность отъ гл. **оплошать** — дать маху, прозѣвать, упустить пору, случай; не догадаться, не сдѣлать во-время нужнаго. *Кто въ чемъ оплошаетъ, за то и отвѣчаетъ.—Противъ умнаго остережешься, а противъ глупаго оплошаешь.—На Бога надѣйся, а самъ не плошай.*

Въ выраженіи до людей (до, прежде появленія людей) обратите вниманіе на предлогъ **до** въ отношеніи ко времени; **до** часто означаетъ то же, что прежде, передъ. До Петра Великаго Россія не имѣла флота.

Обратите вниманіе на суффиксъ **ист** въ словахъ: пушистый, раскидистый и золотистый. Какой оттѣнокъ значенія онъ имъ придаетъ?

Повтореніе глагола, какъ, напр., **ждать-пождать**—служитъ для обозначенія продолжительности дѣйствія. *Ждемъ-пождемъ, авось и мы свое найдемъ.* Назовите другія такія же выраженія, какъ, напр., **глянь-поглянь.**

Опредѣлите различныя значенія слова **пріемъ** по слѣдующимъ примѣрамъ: Пріемъ гостей. — Пріемъ больныхъ. — Работу кончили въ два пріема. — Во всякомъ дѣлѣ есть свои пріемы. Что такое: Пріемный отецъ?

✻

72. Прохожій.

Изъ разсказа *Д. В. Григоровича.*

I.

Да, поистинѣ, это была страшная ночь! Старики говорили правду: такая ночь могла выпасть на долю Васильеву вечеру. И въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ и каждому чудилось что-то недоброе въ суровомъ непреклонномъ голосѣ бури.

Посреди свиста и завыванія вѣтра внятно слышались дикіе голоса и стоны, то пѣвучіе и какъ будто терявшіеся въ отдаленіи за гумнами, то отрывчатые, пронзительные, раздававшіеся у самыхъ воротъ и оконъ и забравшіеся даже въ трубы и запечья. Выходитъ ли кто на улицу—передъ нимъ носились незнакомые, чужіе образы; изъ мрака и вихрей возникали то и дѣло страшные, никому невѣдомые лики... Да, старики говорили правду; когда, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ реву метели, утверждали они, что буря бурѣ рознь и что шишига, или вѣдьма, или нечистая сила (что все одно) играла теперь свадьбу, возвращаясь съ гулянокъ. Но хорошо имъ было такъ-то разговаривать, сидя на горячей печкѣ. Что имъ дѣлалось посреди веселья, криковъ ребятъ и шумнаго говора гостей, наполнившихъ избу! (Въ Васильевъ вечеръ, какъ вѣдомо, одна только буря злится да хмурится.) Студеный вѣтеръ не проникалъ ихъ до костей нестерпимымъ ознобомъ, снѣжныя хлопья не залипали имъ очи, шипящіе вихри не рвали на части ихъ одежды, не опрокидывали ихъ въ снѣжные наметы... какъ это дѣйствительно было съ однимъ бѣднякомъ, прохожимъ, брошеннымъ въ эту ночь посреди поля, далеко отъ жилья и голоса человѣческаго.

Много грозныхъ ночей застигало прохожаго, много вьюгъ и непогодъ вынесла сѣдая голова его,—но такой ночи онъ никогда еще не видывалъ. Затерянный посреди сугробовъ, по колѣна въ снѣгу, онъ тщетно озирался по сторонамъ или ощупывалъ костылемъ дорогу; метель и сумракъ сливали небо съ землею, снѣжныя горы, взрываемыя могучимъ вѣтромъ, двигались какъ волны морскія и то разсыпались въ обледенѣломъ воздухѣ, то застилали дорогу; гулъ, ревъ и смятеніе наполняли окрестность. Напрасно также силился онъ подать голосъ: крикъ застывалъ на губахъ его и не достигалъ ни до чьего слуха; грозный ревъ бури одинъ подавалъ о себѣ вѣсть въ мрачной

пустынѣ. Отчаяніе начинало уже проникать въ душу путника, страшныя думы бродили въ головѣ его и воплощались въ видѣнія: на-дняхъ знакомый мужичекъ, застигнутый такою же точно погодой, сбился съ пути на собственномъ гумнѣ своемъ и на другой день, объ утро, нашли его замерзшаго подъ плетнемъ собственнаго огорода; третьяго дня постигла такая же участь бабу, которая не могла найти околицы, вечоръ еще посреди самой улицы нашли мертвую калику-перехожую, которая за метелью не различила избушекъ...

Такъ думалъ прохожій, а вьюга, между тѣмъ, съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, поднялась хребтомъ на пригоркѣ, закрутилась вихремъ, пронеслась надъ головой путника, загудѣла въ поляхъ и ударила на деревню. Вздрогнули бѣдныя лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной холодной ночи; замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ, закутались доверху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вихря. Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ, разомъ со всѣхъ сторонъ, нападаетъ на лачужки, всползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ въ стропилахъ, ломаетъ тамъ сучья, срываетъ воробьиныя гнѣзда, сверлитъ кровлю и, выхвативъ клокъ соломы, бросается на кровлю, силясь сбросить пѣтушка или конька на макушкѣ; и тогда какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы и, не найдя тамъ, вѣроятно, ничего кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубкомъ подъ рогожей... Но вотъ вихрь прилегъ наземь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкою подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросился на улицу, присоединился къ другому, третьему, и снова грозный ревъ наполняетъ окрестность...

Но что до этого! По всему крещеному міру не было все-таки бѣдной избенки, не было такого скромнаго уголка, гдѣ бы не раздавались веселыя пѣсни, гдѣ бы не было тепло и пріятно! Тамъ— шумная толпа ребятишекъ рѣзво прыгаетъ по лавкамъ и нарамъ, выбрасывая изъ рукава нарочно припасенныя про случай хлѣбныя зерна и звонко распѣвая: „Уроди, Боже, всякаго хлѣбца, по закорму, что по закорму, да по великому, а и стало бы того хлѣбушка на весь міръ крещеный!..“ Между тѣмъ, старшая хозяйка дома, — мать или тетка, — отбиваясь одной рукою отъ колючихъ иглъ овса и гречи,

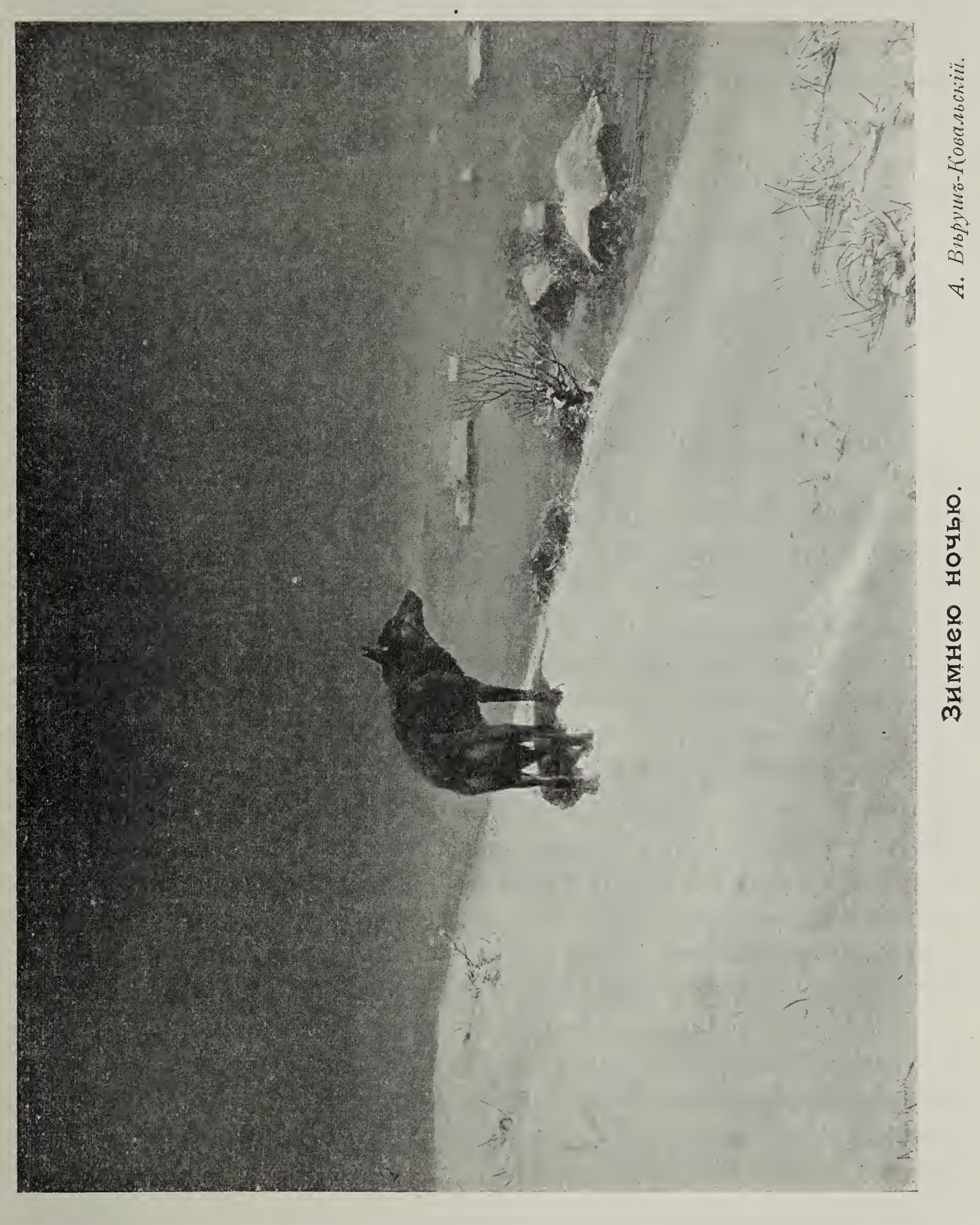
пущенныхъ въ нее какъ бы нечаянно шаловливымъ парнемъ, другою приподнявъ надъ головою зажженную лучину, суетливо ходитъ взадъ и впередъ и набожно подбираетъ зерна въ лукошко для будущаго посѣва. Остальные члены семьи, кто усѣвшись подъ иконы, кто стоя въ углу, молча, но весело глядитъ на совершеніе обряда; даже старая подслѣповатая бабушка, много лѣтъ не сходившая съ печки, свѣсилась на перекладину поглядѣть на внучекъ—на семейную радость!

Въ другой избѣ крики и хохотъ раздаются еще громче. Рой молодыхъ дѣвокъ натискался въ избу. Двери плотно заперты; окно на улицу завѣшено прорванной паневой. Одна изъ дѣвокъ — самая вострая—стоитъ на-слуху въ сѣнечкахъ: не идетъ ли кто. Остальныя заняты дѣломъ: кто повязываетъ на голову войлокъ, обвитый вокругъ палки, кто натягиваетъ армякъ или покрываетъ маленькую головку неуклюжей шапкой, обтыканной по краямъ, ради смѣха, льняными прядями, обсыпанными мукою; кто прикутывается въ овчину, вывороченную наизнанку,—это ряженые! Хохотъ, визгъ, шушуканье, пискъ не прерываются ни на минуту. Надо же весело справить послѣдній день Васильева вечера! въ третьей избѣ громкій говоръ и восклицанія смѣнились на минуту молчанкою. Ребята, бабы, большіе и малые, всѣ пришипились. Тамъ, подъ сладкій шумокъ веретена и прялки, тянутся мѣрныя розсказни старика-дѣда. Семейка сѣла въ кружокъ и, пригнувшись къ одной лучинѣ, не пропускаетъ ни одного звука, ни одного движенія разсказчика. Разсказъ, прерываемый трескомъ мороза, который стучитъ въ углы и заборы, благополучно дотянулся, однакожъ, за полночь. Лучина скоро́ угаснетъ. И тогда вся семья, женатые и холостые, большіе и малые, заползутъ на печку и предадутся мирному отдыху, нимало не заботясь, что вьюга реветъ и завываетъ въ полѣ и вокругъ дома...

О! счастливъ, сто разъ счастливъ тотъ, у кого въ такую ночь родной кровъ, родная семья и теплая печка!.. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ... но не до того, впрочемъ, было прохожему, чтобы умомъ раскидывать! Отчаянье уже давно завладѣло его душою. И если какія-нибудь мысли и приходили ему въ голову, — имъ все-таки не время теперь было опредѣляться въ ясную думу; онѣ мелькали передъ нимъ такъ же быстро, какъ снѣжныя хлопья, несомыя лютою метелью, посреди которой стоялъ онъ съ обнаженною сѣдою головою и замирающимъ сердцемъ,—и такъ же быстро уносились и смѣнялись другими мыслями, какъ одинъ вихрь смѣнялся другими вихрями...

Силы начинали покидать его. Онъ провелъ окоченѣвшею ладонью

по мерзлымъ волосамъ, окинулъ мутными глазами окрестность и крикнулъ еще разъ. Но крикъ снова замеръ на помертвѣлыхъ устахъ его.

Зимнею ночью.

А. Вѣрущъ-Ковальскій.

Прохожій медленно опустился въ сугробъ и трепетною рукою сотворилъ крестное знаменіе. Буря, между тѣмъ, пронеслась мимо: все какъ будто на минуту стихло... и вдругъ нежданно, въ сторонѣ,

послышался лай собаки... Нѣтъ, это не обманъ—лай повторился въ другой и третій разъ... Застывшее сердце старика встрепенулось; онъ рванулся впередъ, простеръ руки и пошелъ на-слухъ... Немного погодя, ощупалъ онъ сараи, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ.

II.

За дубовы столы,
за набраные,
на сосновыхъ скамьяхъ,
сѣли званые.
На столахъ—куръ, гусей
много жареныхъ,
пироговъ, ветчины
блюда полныя!

А. В. Кольцовъ.

Между тѣмъ, пирушка у Савелія шла на славу; народу всякаго, званаго и незванаго, набралось къ нему такое множество, что, кажись, пришелъ бы еще одинъ человѣкъ, такъ и мѣста бы ему недостало. Даже подъ самымъ потолкомъ торчали головы; послѣднія, впрочемъ, принадлежали большею частью малолѣтнимъ парнишкамъ и дѣвчонкамъ, которые, будучи изгоняемы отовсюду, рѣшительно не знали уже, куда приткнуться. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть дома, когда у сосѣда вечеринка, да еще въ какое время—въ святки? Того и смотри нагрянутъ ряженые, пойдутъ пляски, пѣсни... деревенскимъ ребятамъ все въ диковинку! И вотъ, томимые любопытствомъ, пробираются они сквозь перекрестный огонь пинковъ и подзатыльниковъ, карабкаются на лавки, вползаютъ на печку и полати, мостятся другъ на дружку, лишь бы поглядѣть на веселье. Между ними попадаются такіе бойкіе, которые, не зная, куда дѣвать маленькаго братишку, заснувшаго у нихъ на рукахъ, забрались вмѣстѣ съ нимъ на зыбкую перекладину и висятъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало!

Въ избѣ жарко какъ на полкѣ; никто, однакожъ, не думаетъ отступать къ двери; каждый, напротивъ того, норовитъ изо всей мочи какъ бы протискаться впередъ, къ красному углу, гдѣ происходитъ угощеніе. Тамъ, за столомъ, покрытымъ рядномъ, обложеннымъ по краямъ ложками и обломками пироговъ и хлѣба, сидѣли гости званые и почетные. На самомъ первомъ мѣстѣ подъ образами, въ которыхъ дробился свѣтъ восковой свѣчки вмѣстѣ со свѣтомъ сальнаго огарка, воздвигнутаго на столѣ, бросался прежде всего въ глаза мельникъ и жена его, оба толстые, оба красные, какъ очищенная свекла. Подлѣ

нихъ, по правую руку, сидѣлъ понамарь изъ чужой вотчины, долговязый, рябой какъ кукушка, косой какъ заяцъ, съ вострымъ обточеннымъ носомъ и коротенькой взъерошенной косичкой на затылкѣ; жаръ дѣйствовалъ на него совсѣмъ иначе, чѣмъ на мельника: онъ, казалось, сушилъ и коробилъ его, какъ щепку. Подлѣ понамаря сидѣлъ сотскій,—крошечный, мозглявый старикашка лѣтъ семидесяти пяти, но живой и вертлявый, щупавшій поминутно то медаль на груди форменной инвалидной шинели, то дергавшій себя за кончики сѣдыхъ волосъ, изрѣдка торчавшихъ по обѣимъ сторонамъ лысины; слезливые глаза его щурились постоянно, тогда какъ ротъ, украшенный однѣми деснами, былъ постоянно открытъ и сохранялъ такое выраженіе, какъ будто сотскаго парилъ кто-то сзади наижесточайшимъ образомъ самымъ жгучимъ вѣникомъ. По лѣвую руку мельника находился староста и рядомъ съ нимъ хозяинъ дома—рыжій, плечистый мужикъ, такой же толстый почти, какъ мельничиха. Съ обоихъ потъ катилъ градомъ, но оба не замѣчали этого и, казалось, были очень довольны сосѣдствомъ другъ друга, потому что то и дѣло обнимались. По обѣимъ сторонамъ описанныхъ лицъ, на лавочкахъ, подлѣ стола и немного поодаль, сидѣли еще гости, тоже званые, но менѣе почетные. Тутъ были старики и молодые, и бабы съ ихъ ребятами; всѣ они расположились семьями: гдѣ мужъ съ женой, гдѣ старуха со снохой. Каждая семья явилась въ гости съ своей чашкой и ложкой; радушіе хозяевъ ограничивалось снабженіемъ съѣстного, и такъ какъ хозяйка приготовила кисленькаго и солененькаго вволю, а хозяинъ припасъ чѣмъ и ротъ прополоснуть, то гости были очень довольны. Немолчный говоръ, восклицанія, хохотъ, раздававшіеся вокругъ стола, свидѣтельствовали о довольствѣ присутствующихъ. Но всѣхъ довольнѣе былъ, повидимому, все-таки самъ хозяинъ.

— Александръ Елисѣичъ, сватъ! кумушка Матрена Алексѣевна! Кондратій Захарычъ! еще стаканчикъ, милости просимъ, понатужьтесь маленько...—кричалъ Савелій, приподнимаясь поминутно со штофомъ въ одной рукѣ, со стаканомъ въ другой и кланяясь поочередно каждому изъ гостей своихъ.—Александръ Елисѣичъ, что жъ ты, откушай, полно тебѣ отнѣкиваться, ну, хошь пригубь,—прибавилъ онъ, обращаясь настойчивѣе къ мельнику, который пыхтѣлъ, какъ быкъ, взбирающійся на гору.

— О-охъ! не много ли, примѣрно, будетъ, Савелій Трофимычъ,—отвѣчалъ гость, но взялъ, однакожъ, стаканъ, тягостно возвелъ къ потолку тусклые, водянистые глаза свои, испустилъ страдальческій

вздохъ и, проговоривъ: „Господи, прости намъ прегрѣшенія наши“, выпилъ все до капельки.

— Гости дорогіе, милости просимъ! Данила Левонычъ, ты что? Аль боишься уста опорочить? Пей да подноси сосѣду, — продолжалъ Савелій, передавая штофъ старостѣ и подмигивая на понамаря, который сидѣлъ, раскрывъ ротъ, какъ птица, умирающая отъ жажды.

— Эй, Кондратій Захарычъ, о чемъ вы тутъ толмачите?—заключилъ Савелій, махнувъ рукою и поворачиваясь къ понамарю, который разговаривалъ съ мельникомъ.

— А вотъ Александръ Елисѣичъ разсказывалъ, какой случай вышелъ съ шушеловскимъ мужикомъ, Кирилой Власовымъ; небось ты его знаешь?

— Трафилось видѣть. А что за случай такой?

— Да не сегодня, такъ завтра помретъ, за попомъ посылали...

— Ой ли? да съ чего такъ?..—спросило нѣсколько голосовъ.

— А вотъ что, — началъ мельникъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, чтобы перевести одышку, — недѣли три тому будетъ, пошелъ какъ-то Кирила на Каменскую мельницу; дѣло было къ вечеру, гораздо ужъ смеркалось; взялъ, примѣрно, шапку, пошелъ. Пришелъ, примѣрно, на мельницу, помолотился, взялъ мѣшокъ съ мукой и идетъ домой. Время стояло, какъ нынче, метель, примѣрно, такая буря, зги не видать, — продолжалъ Александръ Елисѣичъ, посматривая то на того, то на другого, тогда какъ присутствующіе, подстрекаемые любопытствомъ, двигались къ нему и вытягивали шеи. — Вотъ сталъ онъ подходить къ лѣсу, миновалъ было половину, вдругъ слышитъ, кто-то кликнулъ его по имени. „Кирила Власовъ!“ зоветъ, примѣрно, какъ словно какой знакомый человѣкъ либо сродственникъ... Онъ глядь— никого... Въ другой разъ, онъ опять остановился, — опять никого... „Кто тамъ?“ крикнулъ. Никто, примѣрно, не откликается... Чтой-то за диво!.. Вотъ онъ опять пошелъ; что ни шагъ ступитъ, зоветъ его кто-то по имени да и полно!.. Вотъ приходитъ онъ домой, сѣлъ, поѣлъ, легъ на печку — не спится... словно, говоритъ, мутитъ меня стало... Ну, нечего дѣлать, всталъ это онъ, сѣлъ на лавку и сталъ, примѣрно, сумлѣваться... Кто, говоритъ, звалъ меня въ лѣсу?.. Сталъ это онъ такъ-то сумлѣваться, вдругъ слышитъ — стучатъ въ окно... Кто? говоритъ — кого надыть?.. „Пусти, Власычъ, пусти, примѣрно, переночевать!“ отозвалось за окномъ. Какъ услыхалъ, говоритъ, такъ

индо по закожью меня и дернуло, вся кровь, говоритъ, запечаталась во мнѣ... слышу, говоритъ, тотъ же голосъ, что звалъ меня въ лѣсу...

— Подлинно диковинное дѣло и всякаго любопытствія достойно!— произнесъ со вздохомъ понамарь, обращая оба глаза на сосѣдку. Но только что успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ оба глаза его вмѣстѣ съ глазами мельника и всѣхъ присутствующихъ устремились въ одно мгновеніе на уличное окно.

Въ окнѣ послышался стукъ. Всѣ оглянулись и невольно попятились назадъ. Стукъ въ окнѣ повторился.

— Ну, чего, вы?—крикнулъ Савелій, обращаясь къ бабамъ, которыя съ визгомъ побросались въ стороны.—Кума! Матрена Алексѣевна! полно тебѣ!—присовокупилъ онъ, вставъ съ мѣста и подталкивая мельничиху, которая повалилась всею тяжестью на сотскаго и притиснула долговязыя ноги понамаря, успѣвшаго уже прыгнуть на лавку.—Ну, чего вы! экъ! ишь ихъ! (Тутъ Савелій повернулся назадъ къ двери, гдѣ происходила какая-то каша, въ которой все двигалось, кричало и тискалось.) Куда вы? стойте, я погляжу пойду!..

Савелій сдѣлалъ шагъ къ окну, но стукъ раздался снова, сопровождаемый на этотъ разъ голосомъ, отъ котораго вздрогнули въ самыхъ дальнихъ углахъ избы.

— О-охъ! касатикъ, Савелій Трофимычъ, не ходи! съ нами крестная сила! — проговорила хозяйка, вцѣпившись въ мужнину рубаху.

— Кто тамъ?—крикнулъ, что есть мочи, Савелій.

— Про-хо-жій...—отвѣчалъ дрожащій, прерывающійся голосъ.

— Чего надыть?—гаркнулъ Савелій.

— Пусти... перено... чевать... озябъ...—отвѣчалъ голосъ, заглушаемый ревомъ метели.

— Ступай, ступай! коли ты добрый человѣкъ,—сердито отозвался Савелій, дѣлая шагъ къ окну.—Ступай, по добру, по здорову, много васъ шляется; проваливай, проваливай... здѣсь не мѣсто, ступай!.. Эй, Александръ Елисѣичъ, Данило! кума! гости дорогіе! что жъ вы, аль не слышите? чего всполохнулись! это, должно быть, какой-нибудь христарадникъ, а вы и взаправду подумали... садитесь, милости просимъ... ишь нашелъ время таскаться да грызть окна...

— Да ты, касатикъ, посмотри въ окно!—сказала хозяйка, робко выглядывая изъ толпы.

— Чего смотрѣть! говорятъ тебѣ толкомъ—нищенка!

— Охъ, нѣтъ, родной, нѣтъ, Савелій Трофимычъ, обойди-ка

вокругъ двора, оно вѣрнѣе, обойди, касатикъ! — раздалось въ толпѣ бабъ.

— Ну, пошли... съ вами не столкуешь!.. Эй, Александръ Елисѣичъ, сватъ Данило, Кондратій Захарычъ, полно вамъ; куда, Матрена Алексѣевна, просимъ покорно, просимъ не сумлѣваться, чего вы взаправду переполошились, садитесь!—говорилъ Савелій, усаживая гостей, которые, не слыша болѣе шума за окномъ, начинали мало-по-малу ободряться.—Авдотья, давай перемѣну!..

Гости, ободренные окончательно тишиною, водворившеюся за окномъ, усѣлись попрежнему на свои мѣста, и веселая вечеринка, прерванная на время, продолжалась на славу радушнымъ хозяевамъ.

III.

Мы ходили, мы искали
коляду, коляду,
по всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ,
нашли коляду
у Василисина двора.
Здравствуй, хозяинъ съ хозяюшкой,
на долги вѣка, на многи лѣта!

Народная пѣсня.

Избенка Алексѣя была крошечная: стѣны ея, перекосившіяся во многихъ мѣстахъ и прокопченныя дымомъ, были такъ черны, что даже съ помощью лучины едва-едва можно было различить что-нибудь въ углахъ. Но, несмотря на то, вездѣ, куда только проникалъ глазъ, виднѣлись слѣды заботливости и строгаго порядка; все показывало, что старушка Василиса была добрая, радѣтельная хозяйка. Ничто не валялось зря, гдѣ ни попало, все было прибрано къ мѣсту, земляной полъ былъ чисто-начисто выметенъ; и хотя во всемъ виднѣлась страшная бѣдность, но все-таки лачужка глядѣла какъ-то уютнѣе, привѣтливѣе, теплѣе многихъ сосѣднихъ избъ. Наружность самой хозяйки соотвѣтствовала какъ нельзя лучше ея жилищу: это была крошечная, тщедушная старушонка, съ вдавленною грудью, прикрытою толстой, заплатанной, но чистой рубахой. Голова ея, повязанная ветхимъ платкомъ съ длинными концами назади, склонялась постоянно на бокъ,—ни дать ни взять, какъ кровля ея избенки. Лицо Василисы было желто и покрыто, какъ паутина, морщинами, но столько еще веселости отражалось въ ея свѣтлыхъ глазахъ, столько добродушія проглядывало въ потускнѣвшихъ чертахъ ея лица, что нельзя было не полюбить ее сразу.

Заложивъ въ свѣтецъ лучину, она тотчасъ же подошла къ сыну.

— Алеша, погляди-ка-сь на меня... ты словно, касатикъ, не веселъ?..

— Нѣтъ, матушка, право, ничего,—отвѣчалъ парень, отходя къ печкѣ и принимаясь развѣшивать на шесткѣ вымокшую овчину.

— Полно, родной, я вижу... не тотъ ты былъ, какъ вышелъ изъ дому; ужъ не прилучилось ли чего?—вымолвила старушка преслѣдуя сына и устремляя на него пытливый взглядъ.

— Взаправду ничего,—сказалъ Алексѣй, стараясь засмѣяться,—ходилъ съ ребятами по сосѣдямъ, вездѣ пиръ такой, веселье... съ чего, кажись, быть не веселу!..

— То-то, то-то, касатикъ, съ чего тебѣ кручиниться... а я такъ-то сижу да думаю: куда, молъ, думаю, запропастился...

— Я, признаться, матушка, не чаялъ, что ты станешь меня дожидаться...

— Ахъ ты, голова, голова!.. а то какъ же?.. Такъ-таки лечь мнѣ да махнуть рукой?.. Вспомни-ка, какой нынче вечеръ!.. Развѣ ты запамятовалъ, что было у насъ прошлаго года?.. Нутка-сь, ну, раскинь-ка умомъ,—весело прибавила она, качая головою и не отрывая глазъ отъ парня.

— Не помню, матушка,—отвѣчалъ Алексѣй, разглаживая волосы.

— Не помнишь?.. Ахъ ты, голова, голова, а я-то жду да жду его...

— Что жъ такое матушка?.. Видитъ Богъ, не запомню...

— Ну, молчи только, молчи, коли такъ,—сказала она, лукаво подмигивая однимъ глазомъ.—Ставь скорѣе свѣтецъ къ столу да засвѣти новую лучину.

Старушка поправила платокъ на головѣ, повернулась къ сыну спиною и торопливо подошла къ печкѣ.

— А! знаю, знаю!..—воскликнулъ Алексѣй, слѣдившій съ любопытствомъ за всѣми движеніями матери.—Знаю, ты, какъ въ прошломъ году, хочешь кашу вынимать!—промолвилъ онъ, дѣлая шагъ къ старушкѣ, которая неожиданно показалась изъ-за печки съ полновѣснымъ горшкомъ въ рукахъ.

— Молчи только, молчи,—вымолвила она, отклоняя сына локтями и заботливо ставя горшокъ на столъ.—Ну, теперь садись да смотри, что-то пошлетъ намъ Господь... Ахъ, родной!.. погляди-ка, погляди, какой полный!.. постой... нѣтъ, и не треснулъ нигдѣ, какъ есть нигдѣ!..—радостно говорила она, ощупывая горшокъ, между тѣмъ, какъ сынъ разсѣянно и какъ-то принужденно глядѣлъ на все происходившее.—А ну-ка-сь, ну, посмотримъ, что-то скажется...

Тутъ Василиса бережно сняла пѣнку.

— Вотъ не чаяла, не гадала! Ахти, касатикъ, родной ты мой!— воскликнула она, всплеснувъ руками и взглянувъ на сына, который обнаружилъ тотчасъ же веселость.—Погляди-ка, красная какая! да разсыпчатая какая!.. Ахти, родные вы мои, да и полная-полная,— словно и не кипѣла... А ну, дай-то Господи, кабы сбылось!..

— Что жъ, по-твоему, матушка, чему же быть?—спросилъ сынъ.

— А быть, родной ты мой, дѣлу хорошему... Ахъ, кабы Господь подсобилъ намъ!—отвѣчала старушка, творя крестъ.—Слышь, коли такъ-то,—прибавила она, указывая на горшокъ,—люди добрые, дѣды наши сказывали: быть благополучію всему дому, будущій урожай и... и... и талантливую дочку!..

Алексѣй недовѣрчиво улыбнулся. Въ самую эту минуту кто-то постучался въ окно.

— Слышалъ, Алеша?—спросила старушка, оглядываясь въ ту сторону.

— Никакъ стукнули въ окно,—отвѣчалъ парень, приподнимаясь съ лавки.

— Погоди, Алеша... Охъ, съ нами святая сила!..—сказала старушка, удерживая сына.

— Ничего, матушка, должно-быть, изъ сосѣдей кто; можетъ-статься, нужда какая; постой-ка, погляжу... Кто тамъ?—крикнулъ онъ, прикладывая лицо свое къ окну и стараясь разглядѣть сквозь снѣговое узорочье стекла.

Съ минуту продолжалось молчаніе, прерываемое визгомъ метели, которая люто завывала вокругъ избушки.

— Кто тамъ?—повторилъ Алексѣй.

— Прохожій...—отвѣчалъ трепещущій, вздрагивающій голосъ,— пусти... во имя Христово...—прибавилъ голосъ, дѣлавшій явныя усилія, чтобы внятно произносить слова.

— Слышь?—сказалъ Алексѣй, поворачиваясь къ матери.—Вѣрно съ пути сбился за метелью; пущай его обогрѣется.

— Охъ, касатикъ,—вымолвила старушка, нерѣшительно взглядывая на окно.

— А что жъ, вѣдь не убудетъ у насъ... къ тому же, не помирать ему взаправду на улицѣ.

— Вѣстимо, родной, не убудетъ... Ну, Господь съ тобою, какъ знаешь, такъ и дѣлай... покличь его.

— Дядя! а дядя, ступай на дворъ!—крикнулъ Алексѣй, стукнувъ

въ окно.—Погоди, матушка, я выйду на дворъ, провожу его, а то и не найдетъ, пожалуй...

Алексѣй набросилъ на плечи овчину и вышелъ на крылечко.

— Дядя! гдѣ ты? сюда ступай! — крикнулъ онъ, поворачиваясь къ воротамъ.

Метель ревѣла попрежнему, снѣжныя хлопья, валившія со всѣхъ сторонъ, усиливали темноту и безъ того уже мрачной ночи; на дворѣ нельзя было различить собственной руки.

— Сюда, дѣдушка!.. ступай на голосъ! — продолжалъ кричать парень.

Глухой стонъ отозвался гдѣ-то въ сторонѣ, и минуту спустя неровные шаги зазвучали на шаткихъ ступеняхъ крылечка.

— Сюда, дѣдушка, сюда... — сказалъ Алексѣй, входя въ сѣни и отворяя дверь избы, чтобы виднѣе было куда идти,—пойди, отогрѣйся...

Прохожій вошелъ въ избу. Алексѣй взглянулъ на него при свѣтѣ лучины и невольно отступилъ къ матери, которая попятилась къ образамъ и перекрестилась. Передъ ними стоялъ, едва держась на ногахъ, сѣдой старикъ, лѣтъ семидесяти, блѣдный и растрепанный, похожій скорѣе на пришельца съ того свѣта, чѣмъ на живого человѣка. Страшная худоба изнеможеннаго лица его и блѣдные, совсѣмъ почти бѣлые зрачки, глядѣвшіе мутно и безжизненно, довершали это сходство. Онъ дрожалъ всѣми своими членами; зубы его щелкали; холщевая сума, висѣвшая за его спиною, и мерзлыя лохмотья рубища, прикрывавшія тощую его грудь, плечи и ноги, тряслись въ свою очередь, слѣдуя движеніямъ закутаннаго въ нихъ тѣла. Онъ медленно поднялъ окоченѣвшія свои руки, провелъ ими по головѣ, сдѣлавъ шагъ впередъ, хотѣлъ что-то сказать, но рѣчь его вышла нескладна. Онъ глубоко вздохнулъ, ощупалъ невѣрными руками стѣну и опустился въ изнеможеніи на лавочку.

— Что ты, дѣдушка, аль прозябъ добре? посиди, отогрѣйся; изба у насъ теплая,—сказалъ Алексѣй, въ которомъ страхъ смѣнился жалостливымъ участіемъ. Онъ подошелъ къ старику.

— Вѣстимо, касатикъ; да ты бы къ печкѣ-то сѣлъ...—проговорила Василиса, слѣдуя за сыномъ.

Бѣлые зрачки старика устремились какъ-то неопредѣленно на хозяевъ лачужки; онъ снова хотѣлъ что-то сказать, и снова дрожащія губы не повиновались ему; онъ опустилъ голову и принялся ощупывать края лавки и рубище.

— Погоди, дѣдушка, я подсоблю, руки-то у тебя окоченѣли.

ничего съ ними не сдѣлаешь...—произнесъ Алексѣй, видя, что старикъ хотѣлъ освободиться отъ сумы, которая перетягивала ему грудь и плечи,—положи ее на лавочку... ладно; тебѣ бы лучше разуться, право-ну, скорѣй бы отогрѣлъ ноги.

— Вѣстимо, касатикъ, разуться, ишь застылъ какъ, — перебила Василиса, качая головою, — разуйся да подь къ столу, я чай, съ пути-то поснѣдать хочешь...

И, не дожидаясь отвѣта, она придвинула къ столу лучину и начала хлопотать подлѣ горшковъ.

— Ну, дядя, вставай, повечеряй поди, — сказалъ Алексѣй.

— Ась?..

— Повечеряй поди!—крикнулъ парень, наклонясь къ его уху,— съ дороги-то, я чай, проголодался.

— Нѣтъ... охъ... спасибо, касатикъ... спасибо, — простоналъ старикъ, останавливаясь на каждомъ словѣ.

Онъ замоталъ какъ-то безсильно головою, ухватился руками за края лавки, закрылъ глаза и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Что жъ ты, родной, аль недужится?.. — спросила Василиса подходя къ прохожему и стараясь вглядѣться ему въ лицо, — знамо, въ такую-то пору, безъ одежи... тебѣ, родной, попариться бы надыть, да время-то вишь позднее...

Старикъ приложилъ изрытую ладонь къ тощей груди своей и закашлялся; кашлю этому, казалось, конца не было.

— Спасибо... — проговорилъ онъ, переводя одышку и подымая глаза на хозяйку, — спасибо вамъ... что пустили...

— И-и-и... касатикъ, Господь съ тобою! сиди, обогрѣйся... да ты бы, право, поснѣдалъ чего: кашки, а нето и киселекъ есть у насъ...

— Нѣтъ... спасибо... охъ!.. вотъ кабы парень-то твой... пособилъ... силъ моихъ нѣтъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но слова замерли въ его горлѣ; онъ ощупалъ вокругъ себя мѣсто, придвинулъ суму и медленно сталъ опускаться на лавку.

— Не нудь себя, дѣдушка, не нудь,—вымолвилъ Алексѣй, подсобляя старику растянуться на лавкѣ и подкладывая ему подъ голову сумку.—Ну, дѣдушка, ладно, что ли?

— Ладно, ладно, спасибо... родной... охъ! — проговорилъ старикъ, сжимая губы, чтобы удержать стоны и щелканье зубовъ.

— Ладно, такъ и Христосъ съ тобой; спи, авось ночью переможешься, объ утро легче станетъ... Я чай, и намъ пора, матушка,—

промолвилъ парень, обратясь къ матери; но, увидя, что она молилась передъ образами, онъ взобрался на печку и началъ раздѣваться.

Немного погодя, старушка затушила лучину и присоединилась къ сыну.

Въ избушкѣ стало тихо... Ревъ вѣтра, то глухой, какъ похоронное причитанье, то свирѣпый и пронзительный, какъ дикая разгульная пѣсня, загудѣлъ снова на дворахъ и въ навѣсахъ. Иной разъ весь этотъ грохотъ метели падалъ, какъ бы сломанный внезапно на пути своемъ вражескою силой, — воцарялось мертвое молчаніе... И вдругъ, откуда ни возьмись, летѣли новые вихри, росли, подымались хребтами, вторгались со всѣхъ сторонъ въ проулки, потрясали ворота, навѣсы и дико рвались вокругъ лачужекъ, какъ бы желая срыть ихъ съ основанія.

Но сколько ни надрывалась буря, сколько ни разсылала она вихрей,—все было напрасно; грозный ревъ не доходилъ, по крайней мѣрѣ, до слуха Василисы; утомленная дневными хлопотами и заботами, старушка не успѣла перекрестить изголовье, какъ уже голова ея склонилась и сладкій сонъ оковалъ ея усталые члены. Что жъ касается до Алексѣя, ему также нипочемъ былъ голосъ вьюги: онъ лежалъ, не смыкая глазъ, и ничего не слышалъ... Глухой стонъ, раздавшійся на лавкѣ подъ образами, вывелъ его, однакожъ, изъ забывчивости: онъ вспомнилъ присутствіе прохожаго и насторожилъ слухъ.

Стонъ повторился еще протяжнѣе.

— Дѣдушка, что ты?—спросилъ парень, приподымаясь на локтѣ.

— Подь сюда...

Голосъ, съ какимъ были произнесены эти слова, отозвался почему-то въ самомъ сердцѣ молодого парня; онъ проворно соскочилъ съ печки, зажегъ лучину и подошелъ къ лавкѣ.

Старикъ лежалъ попрежнему врастяжку; члены его, однакожъ, перестали трястись, и только бѣлые зрачки его блуждали съ безпокойствомъ вокругъ.

— Что съ тобой, дѣдушка? прихватило, что ли? — вымолвилъ Алексѣй, нагибаясь къ блѣдному, заостренному лицу старика.

— Гдѣ старуха-то... я ее не вижу... она тебѣ мать?—произнесъ больной.

— Мать, а что?..—спросилъ Алексѣй, котораго невольно начиналъ пронимать страхъ.

— Позови ее сюда... — отвѣчалъ старикъ едва внятно.

Алексѣй заложилъ въ свѣтецъ лучину, разбудилъ мать, и, минуту спустя, оба очутились подлѣ лавки.

— Тетушка, — сказалъ старикъ, обращая тусклый взоръ на Василису, — пришелъ, видно, мой часъ помирать... ты и парень твой... не отогнали меня... пустили какъ родного... Богъ васъ не оставитъ...

— И-и-и, касатикъ, что ты, опомнись... старѣе да хворѣе тебя живутъ... полно, Богъ милостивъ!..

— Нѣтъ, тетка, чую—смерть пришла... спасибо вамъ... охъ... не дали помереть на улицѣ... будьте же до конца родными мнѣ... никого у меня нѣтъ... все мое... добро...

Онъ отвелъ глаза отъ старухи и остановился.

— И-и-и, касатикъ, на что намъ добро твое, мы не изъ корысти какой пустили тебя; мы, касатикъ, и своимъ довольны, благодаримъ Царя Небеснаго!..

Больной снова устремилъ потухающій взоръ на старуху, хотѣлъ что-то сказать, но снова остановился. Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія для Василисы и ея сына, которые стояли, прикованные страхомъ, и не сводили глазъ со старика. Едва слышный стонъ вырвался, наконецъ, изъ груди его; онъ приподнялъ длинныя сухія руки, вперилъ полуоткрытые глаза на старуху и произнесъ отрывисто:

— Пошли... сына въ село Аблезино... тамъ за рощей... подлѣ громоваго колодца... дупло... зарыта ку... кубышка... двадцать лѣтъ копилъ!.. никому только... не сказывай... — продолжалъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ. — Вы меня... призрѣли... возьмите... за добро ваше... Господи! прости прегрѣшенія... охъ!..

— Касатикъ, дѣдушка! что ты, очнись! Христосъ съ тобой, кормилецъ! слышь, не сбѣгать ли парню за попомъ?..—крикнули въ одно время Василиса и сынъ ея.

Старикъ скрестилъ руки на груди, потянулся и закрылъ глаза.

Василиса и сынъ ея бросились къ лучинѣ.

Когда они вернулись къ лавкѣ и взглянули, при трепетномъ свѣтѣ угасающей лучины, въ лицо прохожему, — онъ былъ уже мертвъ.

Васильевъ вечеръ—канунъ Новаго года.

Непреклонный—непреклоняющійся, стоящій твердо, неколебимый, стойкій въ намѣреніяхъ. Т а к о в а м о я н е п р е к л о н н а я в о л я.

Наметъ—то, что наметано, накидано, насыпь, снѣжный сугробъ. Солнце не могло пробиться сквозь высокій наметъ сосновыхъ вѣтвей (Тургеневъ „Поѣздка въ Полѣсье“).

Околица—1, мѣстность у самой деревни, до полей; выгонъ, пастбище при селѣ. Изба Антона стояла у самой околицы и завершала собою правую линію села (Григоровичъ „Антонъ Горемыка); 2, улица, окольная (окружная) дорога въ сторонѣ отъ жилья; 3, изгородь, плетень, заборъ.

Калика перехожая и перехожій—1, паломникъ, странникъ, богатырь въ смиреніи, въ убожествѣ, въ богоугодныхъ дѣлахъ. Приходили калики перехожія, они крестъ кладутъ по-писаному, поклонъ ведутъ по-ученому (Былина); 2, нищій, просящій милостыню пѣніемъ различныхъ псалмовъ и духовныхъ пѣсней; нищій вообще (калѣка). Подайте убогому! Подайте каликѣ перехожему, Христа ради (А. Толстой).

На-слуху быть—слушать, сторожить во всѣ уши. Весной заяцъ на-слуху, вдали вскакиваетъ. Сравни: быть начеку.

Молчанка—безмолвіе, молчаніе. Что значитъ: Играть въ молчанку.

Рядно, рѣдно—грубый деревенскій холстъ, полотнище. Накрыть мокрымъ ряднomъ, застать врасплохъ. На дворѣ лежало на землѣ множество ряденъ съ пшеницей, просомъ и ячменемъ, сушившимися на солнцѣ (Гоголь „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька“).

Пригубить—отвѣдать питія, вина, приложить губы. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ приставаній и просьбъ честная мать игуменья согласилась пригубить (Печерскій „Въ лѣсахъ“).

Конекъ—1, гребень крыши. *На избномъ конькѣ пестра подушка лежитъ?* (звѣзды); 2, слабость, страсть. У каждаго свой конекъ; 3, кузнечикъ—конекъ; рыбка—конекъ; 4, конекъ для бѣга по льду.

Закормъ то же, что **закромъ (кромѣ, кромить**—отдѣлять)—въ хлѣбныхъ амбарахъ отгородка для ссыпанія зерна; засѣкъ, сусѣкъ. Уроди же, Боже, всякаго жита по закрому на весь крещеный міръ (Максимовъ „Куль хлѣба“).—На гумнѣ ни снопа, въ закромахъ ни зерна (Кольцовъ).

Панева—шерстяная, полосатая юбка. На ней была чистая, шитая на рукавахъ и воротникѣ, рубаха, такая же занавѣска, новая панева, коты, бусы и, вышитая красною бумагой и блестками, четвероугольная, щегольская кичка (головной уборъ) (Толстой „Утро помѣщика“).

Пришипиться—притаиться, присмирѣть.

Нагрянуть—явиться внезапно, застигнуть врасплохъ. Гости нагрянули.—*Съ чѣмъ нагрянулъ, съ тѣмъ и отпрянулъ.*

Мостить—застилать чѣмъ-либо улицу, дорогу. *Люди мостили—люди и ходятъ.*—Ѣхали бояре, сосенку срубили, дощечки пилили, мосточекъ мостили. Моститься—быть мостиму, мостить свой участокъ, подыматься куда-либо при помощи подмостковъ, лѣсовъ. *Къ добру мостись, а отъ худа пяться.—Мостится мостъ безъ досокъ, безъ топора и безъ клина* (дорога по льду). Что значитъ: **взмоститься, примоститься?**

Перекрестный—пересѣкающійся крестомъ, накрестъ. Перекрестный огонь, перекрещивающіеся выстрѣлы. Часто употребляется въ переносномъ значеніи. Свидѣтель былъ подвергнутъ перекрестному допросу.—Вотъ четыре спорящія фигуры заняли середину комнаты и одновременно пропекаютъ другъ друга на перекрестномъ огнѣ восклицаній (Салтыковъ „Благонамѣренныя рѣчи“).

Зыбкій, зыбучій—валкій, упругій, уступчивый подъ тяжестью; что склонно колыхаться, качаться. Зыбкій челнъ.—Зыбкій прутъ.—Выводы его покоятся на весьма зыбкомъ основаніи.

Полокъ—помостъ со ступенями въ банѣ, гдѣ парятся. *Полокъ мягче перины.*

Дробить—1, дѣлить на части, крошить, мельчить, сокрушать, раздроблять. Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ (Пушкинъ „Полтава“); 2, падать мелкими и частыми каплями съ шумомъ. Во мракѣ дождикъ дробилъ по листамъ. (Полонскій „Мельникъ“).

Понамарь, пономарь—причетникъ, церковнослужитель, который зажигаетъ свѣчи въ

церкви, звонитъ въ колокола, вообще прислуживаетъ въ церкви.—Что значитъ: читаетъ, какъ пономарь.—Читай, не такъ, какъ пономарь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума").

Вотчина—родовое недвижимое имѣніе.

Долговязый—1, высокій ростомъ, но худой и нескладный. Чтобы его долговязая фигура не вертѣлась тутъ же между гостями (Тургеневъ „Записки охотника"); 2, длинный, тянущійся на большое разстояніе. То съ грузомъ тяжкія суда, то долговязые плоты ты (рѣка) носишь (Крыловъ „Прудъ и рѣка").

Сотскій—родъ полицейскаго надзирателя въ деревняхъ, по выбору крестьянъ.

Мозглявый—слабый, хилый, тщедушный. Мозглявая, мозглая погода, мокрая, слякоть и дождь.

Сноха—жена сына.

Толмачить—объяснять разсказывать, заставить понять, толковать; переводить съ одного языка на другой. Отсюда **толмачъ**—переводчикъ.

Трафиться (нѣмецк.)—случаться, попадаться, встрѣчаться.

Всполохнуться то же, что **всполошиться**—засуетиться отъ неожиданной внѣшней причины. При имени Лаврецкаго Марья Дмитріевна вся всполошилась (Тургеневъ „Дворянское гнѣздо").

Христарадникъ—нищій, просящій милостыни именемъ Христа.

Грызть окна—просить подаянія. *Лучше подать въ окно, чѣмъ стоять подъ окномъ.*

Радѣтельный—старательный, усердный, заботливый, ревностный. **Радѣть**—заботиться о комъ, хлопотать о комъ. Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума").

Запропаститься—дѣваться, уйти неизвѣстно куда, исчезнуть, затеряться. „Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги", сказалъ онъ (Плюшкинъ), „да не знаю, куда запропастилась" (Гоголь).—Куда жъ, это, въ самомъ дѣлѣ, запропастился кузнецъ? (Гоголь „Ночь передъ Рождествомъ".)

Запамятовать—забыть. Фамилію даже называли, только запамятовалъ-съ (Тургеневъ „Странная исторія").

Запомнить—1, удерживать, сохранять въ памяти. Запомни же нынѣ ты слово мое (Пушкинъ „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ").—Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова (Лермонтовъ „Герой нашего времени"); 2, забывать. Виновата, запомнила-съ, завтра скажу (Лѣсковъ „Некуда"); 3, припоминать, вспоминать о чемъ-либо: Ей Богу! такого никто не запомнитъ городничаго! (Гоголь „Ревизоръ".)—У насъ цѣлыя деревни пойдутъ въ работы: безхлѣбье такое, что и не запомнимъ (Гоголь „Мертвыя души").

Довершать—1, оканчивать, додѣлывать, приводить къ совершенію. Довершить начатое дѣло.—Ахъ, матушка, не довершай удара! (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума"); 2, довести до верха, до вершины. Довершить стогъ сѣна.

Вечерять—проводить вечеръ, ужинать. Вечеромъ, немного можетъ быть раньше теперешняго, усѣлись вечерять (Гоголь „Майская ночь").

Причитанье—припѣвъ съ плачемъ, напр., по покойникѣ, по сынѣ, котораго отдаютъ въ солдаты, по дѣвушкѣ, выходящей замужъ. Нарядила Никитична подводу верстъ за сорокъ... звать-позывать знаменитую „плачею"... что по всему Заволжью славилась плачами, причитаньями и свадебными пѣснями (Печерскій „Въ лѣсахъ").—Слышитъ голосистыя, за душу тянущія причитанья вопленницъ (Печерскій „Въ лѣсахъ").

Насторожить—ставить для стороженья; поимки. Насторожить уши, слухъ, чутко прислушиваться. Дверь грозно распахнулась настежь. Мы всѣ встрепенулись и насторожили слухъ и зрѣніе (Лѣсковъ „Смѣхъ и горе").

Кубышка—кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, съ раздутыми боками; также ларецъ для денегъ. Кубышку набить, накопить денегъ.—*Не мудра голова, да кубышка полна.*—А если деньжонокъ малую толику скопитъ (заволжскій тысячникъ), не въ банкъ кладетъ ее, не въ акціи, а въ родительску кубышку да въ подпольѣ и зароетъ (Печерскій „Въ лѣсахъ").

73. Съ работы.

Стихотвореніе *Н. А. Некрасова.*

Здравствуй, хозяюшка! Здравствуйте, дѣтки!
Выпить бы. Эки стоятъ холода!
„Инъ ты забылъ, что намедни послѣдки
выпилъ съ десятникомъ?“
— Ну, не бѣда!
И безъ вина отогрѣюсь я, грѣшный,
ты обряди-ка савраску, жена;
поголодалъ онъ весною, сердечный,
какъ подобрались сѣна.
Экъ я умаялся!.. что, обрядила?
Дай-ка горяченькихъ щецъ.
„Печи я нынче, родной, не топила,
не было, знаешь, дровецъ!“
— Ну, и безъ щей поснѣдаю я, грѣшный.
Ты овсеца бы савраскѣ дала, —
въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердечный,
пашни четыре тягла.
Трудно и нынче намъ съ бревнами было,
портится путь... Инъ и хлѣбушка нѣтъ?..
„Вышелъ, родной... У сосѣдей просила,
завтра сулили чѣмъ свѣтъ!“
— Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный,
кинь подъ савраску соломки, жена!
Въ зиму-то вывезъ онъ, вывезъ, сердечный,
триста четыре бревна...

Инъ—такъ, пожалуй или ладно. *Сватъ, такъ сватъ, а не сватъ, инъ добрый человѣкъ.—Сулилъ панъ шубу, да не далъ—инъ слово его тепло.*

Десятникъ — 1, имѣющій въ своемъ вѣдѣніи десять человѣкъ или десять домовъ; 2, надсмотрщикъ, старшій надъ рабочими при подрядахъ. Грабили насъ грамотеи десятники (Некрасовъ „Желѣзная дорога“); 2, надсмотрщикъ, указчикъ.

Обрядить, обряжать—убирать, оправлять, приводить въ должный видъ. Хозяинъ домъ обряжаетъ, снабжаетъ. — Хозяйка домъ обряжаетъ, хозяйничаетъ. — Обрядить невѣсту, убрать, одѣть, нарядить къ вѣнцу.

Подбираться, подобраться — 1, (о запасахъ) расходоваться, издерживаться, приходить къ концу, быть на исходѣ. Хлѣбъ подбирается, выходитъ.—Капуста подобралась у насъ до сроку; 2, подкрадываться къ чему, подъ кого; подходить украдкой;

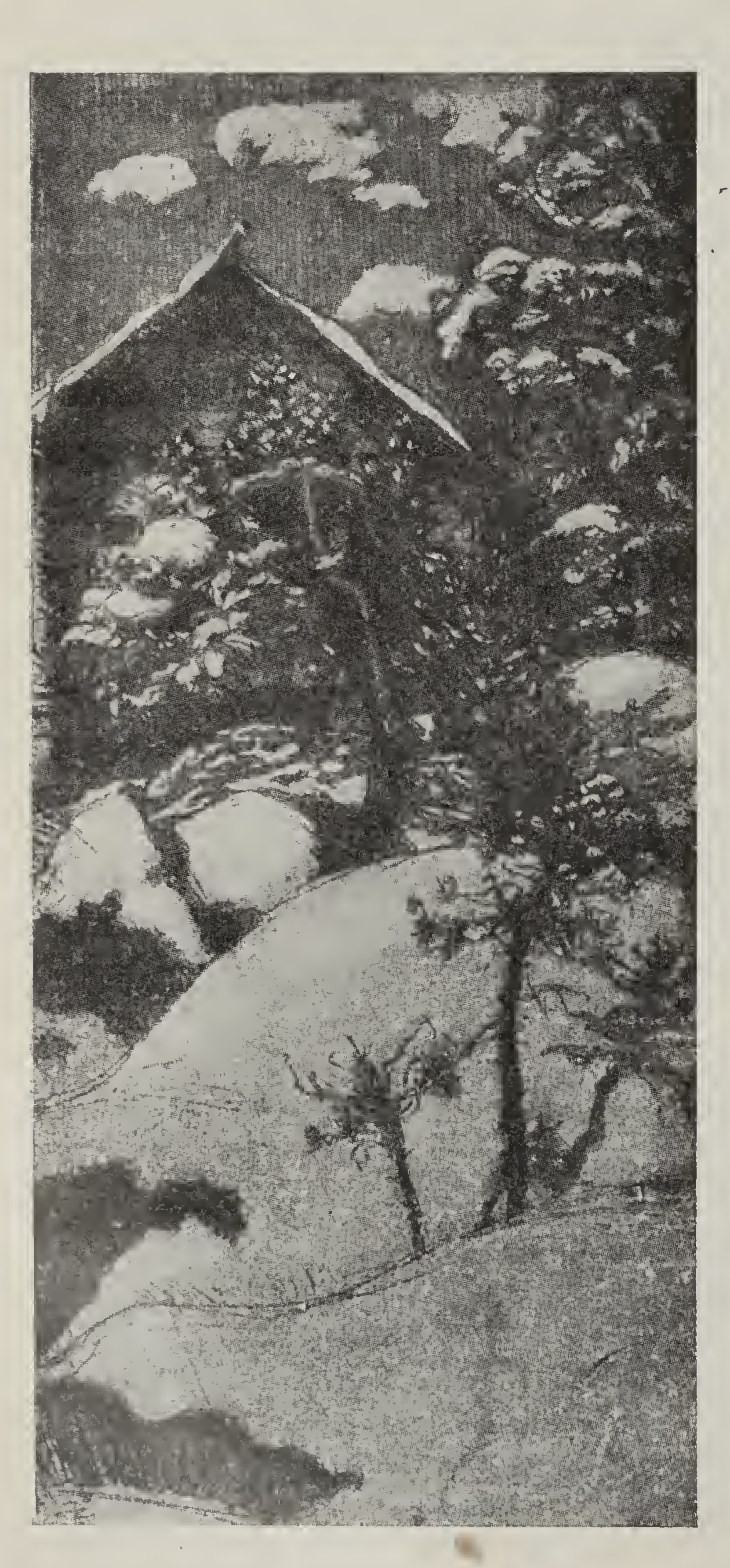
замышлять на что, стараться овладѣть хитростью. Кошка подбирается къ воробью.— Онъ подъ него подбирается.

Снѣдать, снѣсти—1, съѣдать, употреблять въ пищу. Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой; 2, разорять, губить, сокрушать. Снѣдаемый печалью, нуждою, болѣзнью.

Тягло—совокупность прямыхъ налоговъ, т.-е. повинностей, которыми въ Московской Руси облагалась недвижимость крестьянская и посадская въ пользу государства. Тянуть тягло, платить подати государю. Въ XVIII в. у крѣпостныхъ крестьянъ господствовала тягольная разверстка земли между членами общины, причемъ въ составъ одного тягла входили всего чаще мужъ и жена. Тягловый возрастъ считался съ 15 до 60 лѣтъ. А мнѣ ужъ работа не въ мочь... ужъ мнѣ давно съ тягла въ старики пора (Толстой „Утро помѣщика").

Сулить—обѣщать, обнадеживать, предлагать. *Не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки.—Тонулъ, топоръ сулилъ, а какъ вытащили, и топорища жаль стало.—Онъ ему золотыя горы сулитъ.—Суленый кусъ не въ зубахъ.*—Но сонъ зловѣщій ей сулитъ печальныхъ много приключеній (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ").

74. Зимній вечеръ.

Стихотвореніе *А. С. Пушкина.*

Буря мглою небо кроетъ,
вихри снѣжные крутя:
то какъ звѣрь она завоетъ,
то заплачетъ какъ дитя,
то по кровлѣ обветшалой
вдругъ соломой зашумитъ,
то какъ путникъ запоздалый
къ намъ въ окошко застучитъ
    Наша ветхая лачужка
    и печальна и темна.
    Что же ты, моя старушка,
    пріумолкла у окна?
    Или бури завываньемъ
    ты, мой другъ, утомлена?
    или дремлешь подъ жужжанье
    своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка
бѣдной юности моей,
выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
тихо за моремъ жила;

спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
за водой поутру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
вихри снѣжные крутя:
то какъ звѣрь она завоетъ,
то заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
бѣдной юности моей,
выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
сердцу будетъ веселѣй!

Лачужка, лачуга—хижина, плохая избенка, убогое жилище. Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ, богатырь въ безысходной бѣдѣ (Никитинъ „Нищій“).

Пріумолкнуть, пріумолкать—умолкнуть на время, притихнуть; въ томъ же значеніи и **примолкнуть.** Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли? что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли? (Пушкинъ.) **Пріумолчать** о чемъ—не досказать, умолчать съ намѣреніемъ.

Веретено—ручное орудіе, на которое навивается пряжа, при верченіи его обращающаяся въ нить. *Знай, баба, свое кривое веретено,* свое дѣло.—*Не веретеномъ въ бокъ,* терпѣть можно. — *Не веретеномъ трясти,* не легко сдѣлать. — *Смиренъ топоръ, да веретено бодливо,* о мужикѣ и бабѣ. — Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно пошло плясать веретено (Крыловъ „Госпожа и двѣ служанки“). — Нитка напряглася, жужжитъ веретёнце (Бенедиктовъ). —Станетъ, вытянется... брякнетъ подковами и пустится! Да вѣдь какъ пустится: ноги отплясываютъ, словно веретено въ бабьихъ рукахъ; что вихорь дернетъ рукой по всѣмъ струнамъ бандуры и тутъ же, подпершися ею въ боки, несется въ присядку; зальется пѣсней — душа гуляетъ (Гоголь „Пропавшая грамота“). — Веретено мое прыгаетъ, вертится, въ полъ ударяется (Некрасовъ „Морозъ красный носъ“).

75. Крестьянинъ и смерть.

Басня *И. А. Крылова*

Набравъ валежнику, порой холодной, зимней
старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
остановился,
на землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой:
„куда я бѣденъ, Боже мой!

нуждаюся во всемъ; къ тому жена и дѣти,
а тамъ подушное, боярщина, оброкъ...
И выдался ль когда на свѣтѣ
хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?“
Въ такомъ унынiи, на свой пеняя рокъ,
зоветъ онъ смерть; она у насъ не за горами,

а за плечами:
явилась вмигъ
и говоритъ: „зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?“
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
„я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку“.

Изъ басни сей
намъ видѣть можно,
что какъ бываетъ жить ни тошно,
а умирать еще тошнѣй.

Валежникъ—упавшіе или поваленные вѣтромъ сучья и деревья. Я на голосъ бѣжать по хворосту, по кочкамъ... валежникомъ всѣ ноги исколола (Мей „Псковитянка“).

Боярщина, барщина — подневольная работа крѣпостного крестьянина на землевладѣльца; встарину она называлась также издѣльемъ или боярскимъ дѣломъ. Весь большой лугъ, который при барщинѣ кашивали два дня въ тридцать косъ, былъ уже скошенъ (Толстой „Анна Каренина“).—Недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки—все одна! Дѣло наше одинокое! (Толстой „Утро помѣщика“.)—Ни на себя, ни на барщину,—все какъ черезъ пень-колоду валитъ (Толстой „Утро помѣщика“).

Оброкъ—подать, которую платили помѣщикамъ крѣпостные крестьяне, отпущенные на заработокъ или посаженные на пашню. Яремъ (ярмо, иго, бремя, гнетъ) онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ“).—Коли бы милость Ваша была ребятъ на оброкъ отпустить, такъ... може что бы и заработали (Толстой „Утро помѣщика“).

Подушное—подать, которая со времени Петра вносилась податнымъ сословіемъ въ казну съ каждой души мужского пола. Тутъ подушныя прибавили, столовый запасъ тоже сбирать больше стали, а земель меньше стало, и хлѣбъ рожать пересталъ (Толстой „Утро помѣщика“).

Пенять—упрекать, укорять, винить, выговаривать, изъявлять неудовольствіе. *Пеняй, не пеняй, а лямку надѣвай.*

76. Жена ямщика.

Стихотвореніе *И. С. Никитина.*

Жгучъ морозъ трескучій,
на дворѣ темно;
серебристый иней
запушилъ окно.

Тяжело и скучно,
тишина въ избѣ;
только вѣтеръ воетъ
жалобно въ трубѣ.

И горитъ лучина,
издавая трескъ,
на полати, стѣны
разливая блескъ.

Дремлетъ подлѣ печки,
прислонясь къ стѣнѣ,
мальчуганъ кудрявый
въ старомъ зипунѣ.

Слабо освѣщаетъ
блѣдный огонекъ
дѣтскую головку
и румянецъ щекъ.

Тѣнь его головки
на стѣнѣ лежитъ;
на скамьѣ, за прялкой
мать его сидитъ.

Ей не даромъ снился
страшный сонъ вчера:
вся душа изныла
съ ранняго утра.
Пятая недѣля
вотъ къ концу идетъ,
мужъ что въ воду канулъ,
вѣсточки не шлетъ.
„Ну, Господь помилуй,
если съ мужикомъ
грѣхъ какой случился
на пути глухомъ!
„Дѣло мое бабье,
цѣлый вѣкъ больна,
что я буду дѣлать
одиной-одна.
„Сынъ еще ребенокъ,
скоро ль подрастетъ?
Бѣдный!.. все гостинца
отъ отца онъ ждетъ!..“
И глядитъ на сына
горемыка-мать:
„ты бы легъ, касатикъ,
перестань дремать“.
— „А зачѣмъ же, мама,
ты сама не спишь,
и вечоръ все пряла,
и теперь сидишь?“
— „Охъ, мой ненаглядный,
прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!“
— „Полно плакать, мама!“
мальчуганъ сказалъ
и къ плечу родимой
головой припалъ.
— „Я не стану плакать.
Лягъ, усни, дружокъ;
я тебѣ соломки
принесу снопокъ,
„постелю постельку,
и Господь пошлетъ —
твой отецъ гостинецъ
скоро привезетъ;
„новыя салазки
сдѣлаетъ опять,
будетъ въ нихъ сыночка
по двору катать...“
И дитя забылось,
ночь длинна-длинна...
Мѣрно раздается
звукъ веретена.
Дымная лучина
чуть въ свѣтцѣ горитъ,
только вьюга какъ-то
жалобнѣй шумитъ.
Мнится, будто стонетъ
кто-то у крыльца,
словно провожаютъ
съ плачемъ мертвеца...
И на память пряхѣ
молодость пришла,
вотъ и мать-старушка,
мнится, ожила.
Сѣла на лежанку
и на дочь глядитъ;
„сохнешь ты, родная,
сохнешь, говоритъ;
„гдѣ тебѣ, голубкѣ,
за мужемъ-то жить,
трудъ, порой рабочей,
въ полѣ выносить.
„И въ кого родилась
ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры
кровь, вѣдь, съ молокомъ;
„и разгульны, правда,
нечего сказать,

У харчевни. *П. Соколовъ.*

да зато имъ шутка
молотить и жать,
„а тебя за разумъ
хвалитъ вся семья,
да любить-то... любитъ
только мать твоя".
Вотъ въ сѣняхъ избушки
кто-то застучалъ.
„Батюшка пріѣхалъ!"
мальчуганъ сказалъ
и вскочилъ съ постели,
щеки ярче розъ:
„батюшка пріѣхалъ,
калачей привезъ!.."
— „Вишь морозъ какъ крѣпко
дверь-то прихватилъ!"
грубо гость знакомый
вдругъ заговорилъ...
И мужикъ плечистый
сильно дверь рванулъ,
на порогѣ съ шапки
иней отряхнулъ,
осѣнилъ три раза
грудь свою крестомъ,
почесалъ затылокъ
и сказалъ потомъ:
— „Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?
Экая погодка,
въ полѣ слѣду нѣтъ.
„Ну, не съ доброй вѣстью
я къ тебѣ пришелъ:
я лошадокъ вашихъ
изъ Москвы привелъ".
— „А мой мужъ?" спросила
ямщика жена,
и бѣлѣе снѣга
сдѣлалась она.
— „Да, въ Москву пріѣхавъ,
вдругъ онъ захворалъ,
и Господь бѣднягѣ
по душу послалъ".—
Вѣсть, какъ громъ, упала...
И, едва жива,
перевесть дыханья
не могла вдова;
опустивъ ручонки,
сынъ дрожалъ, какъ листъ...
За стѣной избушки
былъ и плачъ и свистъ.
— „Вишь, какая притча"
разсуждалъ мужикъ:
„вѣрно, я не впору
развязалъ языкъ.
„А, вѣдь, жалко бабу,
что и говорить.
Скоро ей придется
по міру ходить.
„Полно горевать-то",
онъ вдовѣ сказалъ,
„стало, неча дѣлать,
Богъ, знать, наказалъ.
„Ну, прощай покуда,
мнѣ домой пора;
лошади-то ваши
тутъ вотъ у двора.
„Да... вѣдь, эка память,
все сталъ забывать:
вотъ отецъ сынишкѣ
крестъ велѣлъ отдать.
„Самъ онъ черезъ силу
съ шеи его снялъ,
въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
въ руки и сказалъ:
„вотъ благословенье
„сыну моему;
„пусть не забываетъ
„мать, скажи ему".

„А тебя-то, видно, крѣпко онъ любилъ: по-смерть твое имя, бѣдный, онъ твердилъ“.

Палати, полати—помостъ, настилка (для спанья) въ крестьянской избѣ (встарину и въ боярскихъ хоромахъ) отъ печи до противоположной стѣны. *На палатяхъ лежать, такъ и ломтя* (хлѣба) *не видать.* — *Много храбрыхъ на полатяхъ лежучи.* — Съ полатей съ любопытствомъ поглядывали внизъ, на барина, бѣлокурыя головки двухъ парнишекъ и дѣвочки, забравшихся туда въ ожиданіи обѣда (Толстой „Утро помѣщика“).

Зипунъ—крестьянскій рабочій кафтанъ съ короткой спиной. *Ѣстъ орѣхи, а на зипунѣ прорѣхи.* — Войдя въ избу, старикъ еще разъ поклонился, смахнулъ полой зипуна съ лавки передняго угла и, улыбаясь, спросилъ (Толстой „Утро помѣщика“).—Сидѣли и стояли старики, въ сѣрыхъ и черныхъ степенныхъ зипунахъ, безъ галуновъ и украшеній (Толстой „Казаки“).—Лукашка не отвѣчалъ, вышелъ въ сѣни, перекинувъ черезъ плечо сумки, подоткнулъ зипунъ, взялъ ружье и остановился на порогѣ (Толстой „Казаки“).—Зипуны доставать, добывать (встарину), грабить, идти на казачій промыселъ.

Кануть въ воду—пропасть, исчезнуть. Скажи на милость, нѣтъ парома: словно въ воду канулъ (Чеховъ „Святою ночью“).

Грѣхъ—1, бѣда, несчастье, напасть. На грѣхъ.—*Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ.*—Да вотъ что грѣхъ: она (невѣста) была спесива (Крыловъ „Разборчивая невѣста“); 2, нарушеніе Божескаго закона, вина передъ Богомъ. Впасть въ грѣхъ.—Закоснѣть въ грѣхахъ. — *Грѣхи любезны доводятъ до бездны.*—Живемъ по-маленьку, покуда Богъ грѣхамъ терпитъ.—Грѣхъ попуталъ; 3, вообще вина, проступокъ, ошибка, погрѣшность. Съ грѣхомъ пополамъ.—Есть тотъ грѣхъ.—*На грѣхъ мастера нѣтъ.*—По грѣхамъ, заслуженно.—Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ (Крыловъ „Хозяинъ и мыши“).

Прялка—снарядъ для пряденья безъ веретена: одна рука тянетъ нитку изъ кудели (изготовленнаго для пряжи пучка льну, пеньки), а нога обращаетъ подножкой колесо. *Двѣ косы и рядомъ, и въ кучкѣ, а двѣ прялки—никакъ.*

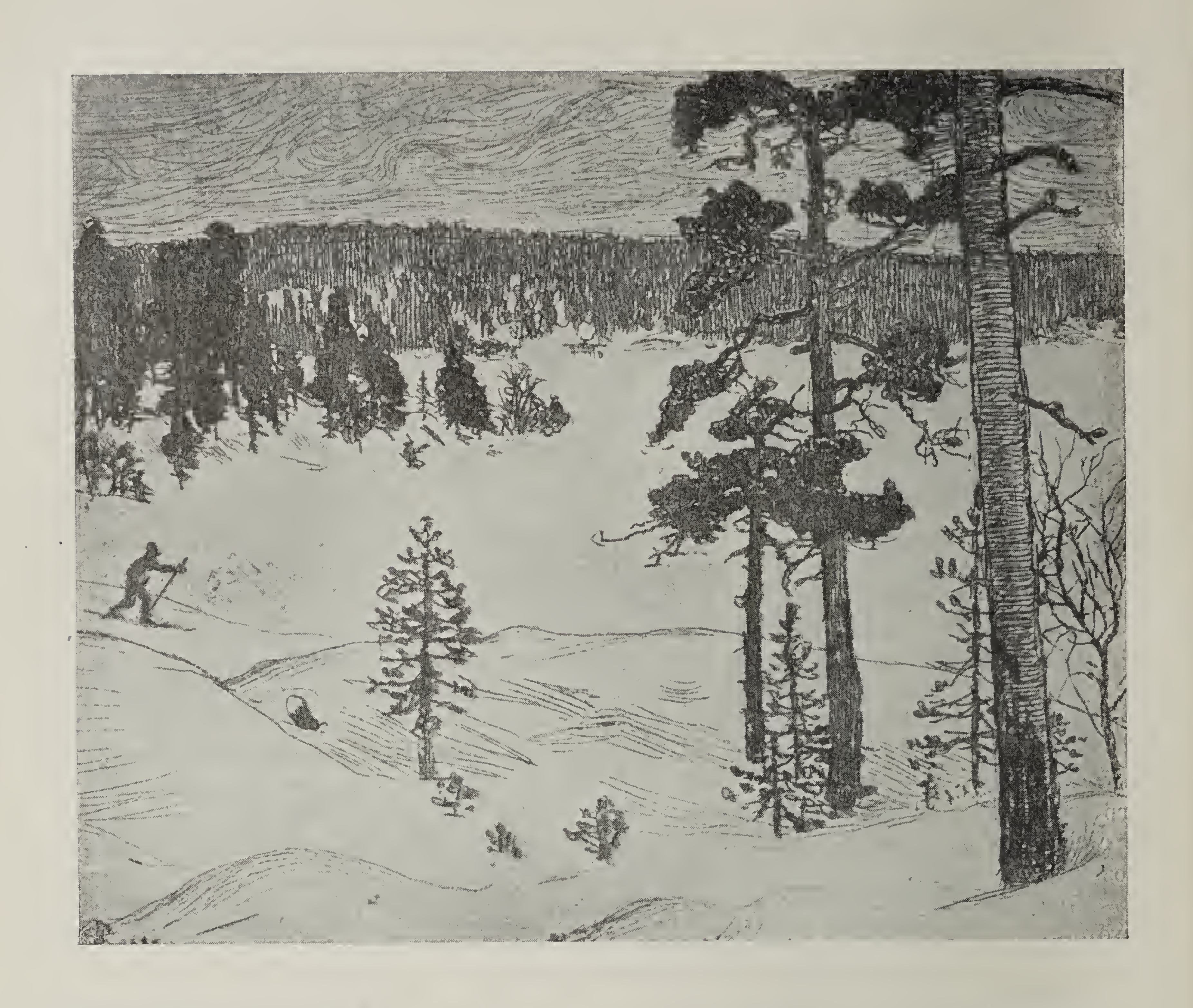
Свѣтецъ—желѣзный или деревянный треножникъ съ разсошкой для вложенія горящей лучины.

Мниться—1, (безлично) казаться, представляться. Кого недугъ, кого печали свели во мракъ земли сырой — и всѣхъ мы братски поминали. И, мнится, очередь за мной (Пушкинъ); 2, воображать себя, казаться себѣ самому. Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ, въ небытную ересь прельщенный (А. Толстой „Василій Шибановъ“). **Мнить, мнѣть** — думать, предполагать. Встань, бѣдный самозванецъ! Не мнишь ли ты колѣнопреклоненіемъ... тщеславное мнѣ сердце умилить? (Пушкинъ „Борисъ Годуновъ“.)

Притча—1, несчастный, непредвидѣнный случай, бѣда; несообразность, нелегкая. „Что за притча тутъ такая?“ спальникъ думаетъ, вздыхая: „ужъ не ходитъ ли, постой, къ намъ проказникъ-домовой?“ (Ершовъ „Конекъ-Горбунокъ“); 2, иносказаніе, поученіе въ примѣрѣ, басня, мудрое слово.

Развязать языкъ—дать волю говорить. Вино языкъ развяжетъ. Также и обратно: привяжи язычекъ!—Смерть всякому языкъ привяжетъ (Дмитріевъ).—Развязать кому руки, дать полную свободу дѣйствій.—Развязывай мошну, готовься къ расходамъ. Что значитъ развязный, развязность?

Грамотка (простонар.; уменьшительное отъ грамота)—1, письмецо. Я получилъ отъ него грамотку. — *Пишетъ грамотки, да проситъ памятки.* — Досталъ онъ изъ столика желѣзные, круглые очки, надѣлъ себѣ на носъ, прочелъ грамотку да черезъ очки опять на меня посмотрѣлъ (Тургеневъ „Собака“); 2, бумага дѣловая и вообще бумага, даже не писаная. Здѣсь, очевидно, разумѣется не письмо, а бумага, въ которую оно завернуто.

77. Морозъ красный носъ.

Изъ стихотворенія *Н. А. Некрасова.*

Въ селѣ, за четыре версты,
у церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
подбитые бурей кресты,
мѣстечко старикъ выбираетъ;

усталъ онъ, работа трудна,
тутъ тоже сноровка нужна —
чтобъ крестъ было видно съ дороги,
чтобъ солнце играло кругомъ.

Въ снѣгу до колѣнъ его ноги.
въ рукахъ его заступъ и ломъ,
вся въ инеѣ шапка большая,
усы, борода въ серебрѣ.

Недвижно стоитъ, размышляя,
старикъ на высокомъ бугрѣ.

Рѣшился. Крестомъ обозначилъ,
гдѣ будетъ могилу копать,
крестомъ осѣнился и началъ
лопатою снѣгъ разгребать.

Согнувъ свою старую спину,

онъ долго прилежно копалъ,
и желтую мерзлую глину
тотчасъ же снѣжокъ застилалъ.

Ворона къ нему подлетѣла,
потыкала носомъ, прошлась.
Земля какъ желѣзо звенѣла,
ворона ни съ чѣмъ убралась...

Могила на славу готова, —
„не мнѣ бъ эту яму копать!“
(у стараго вырвалось слово),
„не Проклу бы въ ней почивать,

не Проклу!..“ Старикъ оступился:
изъ рукъ его выскользнулъ ломъ
и въ бѣлую яму скатился,
старикъ его вынулъ съ трудомъ.

Пошелъ... по дорогѣ шагаетъ...
Нѣтъ солнца, луна не взошла...
Какъ будто весь міръ умираетъ:
затишье, снѣжокъ, полумгла...

⁂

Сурово метелица выла
и снѣгомъ кидала въ окно,
не весело солнце всходило:
въ то утро свидѣтелемъ было
печальной картины оно.

Савраска, запряженный въ сани,
понуро стоялъ у воротъ;
безъ лишнихъ рѣчей, безъ рыданій
покойника вынесъ народъ.

Ну, трогай, Саврасушка, трогай
натягивай крѣпче гужи!
служилъ ты хозяину много,
въ послѣдній разокъ послужи!..

Чу! два похоронныхъ удара!
Попы ожидаютъ, — иди!..
Убитая, скорбная пара,
шли мать и отецъ впереди.

Ребята съ покойникомъ оба
сидѣли, не смѣя рыдать,
и, правя Савраской, у гроба
съ вожжами ихъ бѣдная мать
шагала......

⁂

... Дарья домой воротилась —
прибраться, дѣтей накормить.
Ай-ай, какъ изба настудилась!
Торопится печь затопить,

анъ глянь — ни полѣна дровишекъ...
Задумалась бѣдная мать:
покинуть ей жаль ребятишекъ,
хотѣлось бы ихъ приласкать,

да времени нѣту на ласки.
Къ сосѣдкѣ свела ихъ вдова
и тотчасъ на томъ же Савраскѣ
поѣхала въ лѣсъ по дрова.

Окончивъ привычное дѣло,
на дровни сложила дрова,
за вожжи взялась и хотѣла
пуститься въ дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
топоръ машинально взяла

Похороны.

В. Перовъ.

и тихо, прерывисто воя,
къ высокой соснѣ подошла.

Едва ее ноги держали,
душа истомилась тоской,
настало затишье печали —
невольный и страшный покой!..

Стоитъ подъ сосной чуть живая,
безъ думы, безъ стона, безъ
слезъ.
Въ лѣсу тишина гробовая —
день свѣтелъ, крѣпчаетъ мо-
розъ.

⁂

Не вѣтеръ бушуетъ надъ бо-
ромъ,
не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
обходитъ владѣнья свои.

Глядитъ—хорошо ли метели
лѣсныя тропы занесли
и нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
и нѣтъ ли гдѣ голой земли?

Пушисты ли сосенъ вершины,
красивъ ли узоръ на дубахъ
и крѣпко ли скованы льдины
въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
трещитъ по замерзлой водѣ,
и яркое солнце играетъ
въ косматой его бородѣ.

Дорога вездѣ чародѣю.
Чу! ближе подходитъ, сѣдой,
и вдругъ очутился надъ нею,
надъ самой ея головой!

Забравшись на сосну большую,
по вѣточкамъ палицей бьетъ
и самъ про себя удалую,
хвастливую пѣсню поетъ:

„вглядись, молодица, смѣлѣе,
каковъ воевода Морозъ!
наврядъ тебѣ парня сильнѣе
и краше видать привелось?

Метели, снѣга и туманы
покорны морозу всегда;
пойду на моря-океаны —
построю дворцы изо льда.

Задумаю—рѣки большія
надолго упрячу подъ гнетъ,
построю мосты ледяные,
какихъ не построитъ народъ.

Гдѣ быстрыя, шумныя воды
недавно свободно текли,—
сегодня прошли пѣшеходы,
обозы съ товаромъ прошли.

Богатъ я, казны не считаю,
а все не скудѣетъ добро;
я царство мое убираю
въ алмазы, жемчугъ, серебро.

⁂

„Тепло ли тебѣ, молодица?“
съ высокой сосны ей кричитъ.
— Тепло! отвѣчаетъ вдовица,
сама холодѣетъ, дрожитъ.

Морозко спустился пониже,
опять помахалъ булавой
и шепчетъ ей ласковѣй, тише:
„Тепло ли?..“—Тепло, золотой!—

Тепло,—а сама коченѣетъ.
Морозко коснулся ее:
въ лицо ей дыханіемъ вѣетъ
и иглы колючія сѣетъ
съ сѣдой бороды на нее.

Въ сверкающій иней одѣта,
стоитъ, холодѣетъ она,
и снится ей жаркое лѣто—
не вся еще рожь свезена,

но сжата,—полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
а Дарья картофель копала
съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.

Свекровь ея тутъ же, старушка,
трудилась; на полномъ мѣшкѣ
красивая Маша, рѣзвушка,
сидѣла съ морковкой въ рукѣ.

Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ—
Савраска глядитъ на своихъ,
и Проклушка крупно шагаетъ
за возомъ сноповъ золотыхъ.

— Богъ помочь! А гдѣ же
Гришуха?
отецъ мимоходомъ сказалъ.
„Въ горохахъ", сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ,

на небо взглянулъ. — Чай, не
рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
и Проклу изъ бѣлаго жбана
напиться кваску подаетъ.

Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
горохомъ опутанъ кругомъ,
проворный мальчуга казался
бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.

— Бѣжитъ!.. у!... бѣжитъ,
пострѣленокъ,
горитъ подъ ногами трава!—
Гришуха черенъ, какъ галчо-
нокъ,
бѣла лишь одна голова.

Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(на шеѣ горохъ хомутомъ).
Попотчевалъ бабушку, матку,
сестренку—вертится вьюномъ!

Отъ матери молодцу ласка,
отецъ мальчугана щипнулъ;
межъ тѣмъ не дремалъ и
Савраска:
онъ шею тянулъ да тянулъ,

добрался, оскаливши зубы,
горохъ аппетитно жуетъ,
и въ мягкія добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...

Чу, пѣсня! знакомые звуки!
Хорошъ голосокъ у пѣвца...
Послѣдніе признаки муки
у Дарьи исчезли съ лица;

душой улетая за пѣсней,
она отдалась ей вполнѣ...
Нѣтъ въ мірѣ той пѣсни
прелестнѣй,
которую слышимъ во снѣ!

Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
какой посылаетъ намъ лѣсъ,
недвижно, безтрепетно стоя,
подъ холодомъ зимнихъ небесъ.

Нигдѣ такъ глубоко и вольно
не дышитъ усталая грудь,
и ежели жить намъ довольно,
намъ слаще нигдѣ не уснуть!

Ни звука! И видишь ты синій
сводъ неба да солнце, да лѣсъ,
въ серебряно-матовый иней
наряженный, полный чудесъ,

влекущій невѣдомой тайной,
глубоко-безстрастный... Но вотъ
послышался шорохъ слу-
чайный—
вершинами бѣлка идетъ.

Комъ снѣга она уронила
на Дарью, прыгнувъ по соснѣ.

А Дарья стояла и стыла
въ своемъ заколдованномъ снѣ.

Подбить что, чѣмъ, подо что—подколачивать; прибить, прикрѣпить снизу. Подбить сапоги.—Шуба подбита бѣличьимъ мѣхомъ.—Подбить птицу, подстрѣлить, ранить.—Подбить одежду, положить на подкладку.—Подбить морозомъ, повредить.—Онъ ходитъ съ подбитымъ глазомъ.—Лодку подбило подъ барку.—Онъ подбилъ его подъ ножку. А что значитъ: вѣтромъ подбито? **Подбивать** кого на что—подстрекать, наущать. Онъ подбилъ меня на это дѣло.

Сноровка—умѣнье, ловкость въ тѣлѣ, навыкъ. У всякаго своя сноровка.

Почивать, почить—спать, отдыхать, покоиться, умереть, лежать въ могилѣ. Спи, почивай, угомонъ возьми (Колыбельная пѣсня).—И почилъ Богъ въ день седьмый отъ трудовъ своихъ.—Въ Бозѣ почившій.—Почивать на лаврахъ.

Понурый—наклонный, потупленный, обращенный долу. Понурая лошадь, съ повислою головою.—Онъ понуро глядитъ.

Гужъ — толстая веревка или ремень, употребляемый всего чаще для утвержденія оглобли и дуги. Гужи ослабли. — *Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ.* — Смотри, баринъ, взялся за гужъ, не отставать! сказалъ онъ, и Левинъ услыхалъ сдержанный смѣхъ между косцами (Толстой „Анна Каренина“). **Гужомъ**—1, на возахъ, извозомъ. Привозится яшма водой и гужомъ (А. Толстой „Пѣсня о походѣ Владиміра“); 2, возъ за возомъ, гуськомъ, вереницей. Изъ села гужомъ въ пору выѣхать (Кольцовъ).

Прибрать, прибирать—1, убрать то, что стоитъ не на мѣстѣ, мѣшаетъ; привести въ порядокъ. Прибрать комнату.—Прибрать голову, волосы.—Новая свѣтелка чисто прибрана (Мей); 2, подбирать, пріискивать что впору, въ мѣру. Прибрать ключъ къ замку. — Дерево къ дереву не приберешь. — Прибрать подъ цвѣтъ, подъ масть, подъ стать. Что значитъ: прибрать кого къ рукамъ или въ руки. — Прибрать что къ рукамъ.—Богъ прибралъ. — Это стойлице коровье, а коровку Богъ прибралъ (Некрасовъ).

Палица — трость, дубинка. Учинилася бой-драка великая: они тяжкими палицами ударились, у нихъ тяжкія палицы разгоралися (Былина).

Скудѣть—оскудѣвать, нищать, умаляться въ количествѣ. Ѣдоковъ много, работниковъ не стало, и хозяйство скудѣетъ.

Свекровь—мать мужа. *Свекоръ—гроза, а свекровь выѣстъ глаза.*—Ахъ, вечоръ меня больно свекоръ билъ, а свекровь, ходя, похваляется: „хорошо учить чужихъ дѣтей“ (Народная пѣсня).

Жбанъ—сосудъ въ видѣ кувшина съ навѣшенной крышкой, для кваса, браги или меду. Попивали медъ изъ жбана (Ершовъ „Конекъ Горбунокъ“).—Ведерный жбанъ сладимой ячной браги поставь на столъ, такъ будешь другъ (Островскій „Снѣгурочка“).—Домна приноситъ медъ въ жбанѣ и стопку на оловянной тарелкѣ (Островскій „Козьма Мининъ“).

В. Шухаевъ.

78. Дорога.

Изъ поэмы *Н. В. Гоголя* „Мертвыя души“.

Какое страшное и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ дорога! и какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... Покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижаться къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся и „Не бѣлы снѣги“, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся—пять станцій убѣжало назадъ; луна, невѣдомый городъ; церкви съ старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ — будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ-одинешенекъ развѣ гдѣ-нибудь въ

окошкѣ брезжитъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ—что до нихъ? А ночь... небесныя силы! Какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое тамъ въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышетъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься и храпишь—и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся—и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ. Покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчекъ—и опять проснулся. На вершинѣ неба—солнце. „Полегче! легче!“ слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ...

Боже! какъ ты хороша подчасъ, далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній.

Манить—звать знакомъ руки, глазъ; привлекать, завлекать; звать лестью, посулами; обнадеживать, обѣщать; дразнить, обманывать. И пальма та жива ль понынѣ? Все такъ же ль манитъ въ лѣтній зной (Лермонтовъ „Вѣтка Палестины“).—Онѣ (липы) какъ будто манили подъ свою густую сѣнь (Тургеневъ „Три встрѣчи“).—А впереди деревья гуще, чаще, темнѣй, темнѣе — такъ къ себѣ и манятъ (Мей „Псковитянка“).

Прохватить — 1, проникать, пронимать, донимать. Морозъ прохватилъ меня; 2, хватить насквозь, пропороть. Ястребъ прохватилъ когтями цыпленка.—Собака прохватила сапогъ, прокусила.—Прохватить одѣяло, простегать.

Смежить — сблизить, соединить края; сомкнуть, закрыть. Клонитъ дрема, смежаются вѣжды. — Предстало — и старецъ великій смежилъ орлиныя очи въ покоѣ (Баратынскій „На смерть Гёте“).—День съ ночью смежился.

Брезжить—начинать свѣтать, слабо свѣтиться, мерцать. Въ слѣдующую ночь заря чуть-чуть брезжила (Тургеневъ „Новь“).—И звѣздочки въ дали небесной брезжатъ (Жуковскій).—Брезжитъ въ полѣ огонекъ (Жуковскій „Свѣтлана“).

Тачать—шить тачкой, швомъ, строчкой на оба лица. Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ (Крыловъ „Щука и котъ“).—*Какъ знаемъ, такъ и тачаемъ.*

Пустырь—опустѣвшее или незастроенное мѣсто.

Заниматься — 1, (о зарѣ) загораться, появляться. Когда занялася заря, поспѣло, ему на отраду, посланіе, полное яду (А. Толстой „Василій Шибановъ“).— Бѣлый день занялся надъ столицей (Некрасовъ „Маша“); 2, (объ огнѣ). Занялся хворостъ, разгорѣлся костеръ (Толстой „Крестникъ“).—Кругомъ занимался пожаръ, и никто не могъ предвидѣть, куда онъ пойдетъ, гдѣ остановится (Тургеневъ „Наканунѣ“).

Круча, кручь, круть—обрывъ, отвѣсная стѣна, скала. Нависшій на край кручи сугробъ, растревоженный паденіемъ Никиты, насыпался на него и засыпалъ ему снѣгу за шиворотъ (Толстой „Хозяинъ и работникъ“). — *Крутью* (безтолковой строгостью) *ничего не сдѣлать.*

Выносить — 1, выводить изъ затрудненія. *Куда кривая не вынесетъ.* — Скакунъ лихой, ты господина изъ боя вынесъ какъ стрѣла (Лермонтовъ „Демонъ“).—Не прошло и трехъ минутъ, какъ лошади изъ пылающаго лѣса вынесли погибавшихъ въ обширное моховое болото (Печерскій „Въ лѣсахъ“); 2, сносить, терпѣть. Вынести болѣзнь. — Выносить жаръ, холодъ. — Чьего презрительнаго взора не выносилъ никто вовѣкъ (Некрасовъ); 3, Много Владычицѣ было почету: старый и малый бросали работу, изъ деревень шли за ней. Къ ней выносили больныхъ и убогихъ (Некрасовъ „Морозъ Красный Носъ“). — *Выносить соръ изъ избы,* пересказывать худое изъ своего дома. — Выносить приговоръ, объявлять рѣшеніе. — Выносить дѣло на своихъ плечахъ, поддерживать что своими только силами; 4, выносить голосомъ, тянуть протяжно одинъ звукъ. Запѣвала заводитъ, подголоски подхватываютъ, одинъ выноситъ (Гоголь „Мертвыя души“).

79. Утро въ горахъ.

Изъ поэмы *М. Ю. Лермонтова* „Хаджи-Абрекъ“.

Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
на небосклонѣ голубомъ
главы гранитныхъ великановъ
встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
какъ парусъ розовый надулось
и пронеслось по вышинѣ.
Все дышетъ утромъ. За оврагомъ,
по косогору ѣдетъ шагомъ
черкесъ на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ надъ путемъ
склонился дикій виноградникъ;
его серебрянымъ дождемъ

Дарьяльское ущелье. *М. Судковскій.*

осыпанъ часто конь и всадникъ.
Небрежно бросивъ повода,
красивой плеткой онъ махаетъ
и пѣсню дѣдовъ иногда,
склонясь на гриву, запѣваетъ;
и дальній отзвукъ за горой
уныло вторитъ пѣснѣ той.

❊

80. Вечеръ.

Изъ поэмы *М. Ю. Лермонтова* „Хаджи-Абрекъ".

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно,
сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
ползутъ, какъ змѣи, облака:
игру безсвязную заводятъ;
въ провалы душные заходятъ,
задѣвъ колючіе кусты,
бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится, мутный, сѣрый;
въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы
и блещетъ сквозь туманъ пещеры,
какъ очи мертвой головы.

А. Прокофьевъ

81. Бѣлая тронулась.

Отрывокъ *С. Аксакова.*

Съ наступленіемъ весны проснулась во мнѣ горячая любовь къ природѣ. Великимъ моимъ удовольствіемъ было смотрѣть, какъ бѣгутъ по косогору мутные и шумные потоки весенней воды мимо нашего высокаго крыльца, а еще большимъ наслажденіемъ, которое мнѣ не часто дозволялось,—прочищать палочкой весенніе ручейки. Съ крыльца нашего была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется. И, наконецъ, пришелъ этотъ желанный день и часъ! Торопливо заглянулъ Евсеичъ въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ голосомъ сказалъ: „Бѣлая тронулась". Въ одну минуту, тепло одѣтый, я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда. Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая-то несчастная черная корова бѣгала по ней, какъ безумная, отъ одного берега до другого. Стоявшія около меня женщины и дѣвушки сопровождали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго, ревъ котораго долеталъ до моихъ ушей, и мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась

за крутой утесъ, и скрылась за нимъ дорога и бѣгающая по ней черная корова.

Вдругъ двѣ собаки показались на льду; но ихъ суетливые прыжки возбудили не жалость, а смѣхъ въ окружающихъ меня людяхъ; всѣ были увѣрены, что собаки не утонутъ, а перепрыгнутъ или переплывутъ на берегъ. Я охотно этому вѣрилъ и, позабывъ бѣдную корову, самъ смѣялся вмѣстѣ съ другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожиданіе и скоро перебрались на берегъ. Ледъ все еще шелъ крѣпкою, сплошною, неразрывною, безконечною глыбою. Евсеичъ, опасаясь сильнаго и холоднаго вѣтра, сказалъ мнѣ: „Пойдемъ, соколикъ, въ горницу; рѣка еще не скоро изломается, а ты прозябнешь; лучше я тебѣ скажу, когда ледъ начнетъ трескаться". Я очень неохотно послушался...

Въ самомъ дѣлѣ, не ближе какъ черезъ часъ Евсеичъ пришелъ сказать мнѣ, что ледъ на рѣкѣ ломается. Одѣвшись еще теплѣе, я вышелъ и увидалъ новую, тоже невиданную мною, картину: ледъ трескался, ломался на отдѣльныя глыбы, вода всплескивалась между ними; онѣ набѣгали одна на другую, большая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчался сильный упоръ, то поднималась однимъ краемъ вверхъ, иногда долго плыла въ такомъ положеніи; иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду. Глухой шумъ, похожій по временамъ на скрипъ или отдаленный стонъ, явственно долеталъ до на́шихъ ушей.

Полюбовавшись нѣсколько времени этимъ величественнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ, я воротился къ матери и долго съ жаромъ разсказывалъ ей все, что видѣлъ. Пріѣхалъ отецъ, и я принялся описывать и ему, какъ прошла Бѣлая, и разсказывалъ ему долѣе, еще горячѣе, потому что онъ слушалъ меня какъ-то охотнѣе.

Съ этого дня Бѣлая сдѣлалась постояннымъ предметомъ моихъ наблюденій. Рѣка начала выступать изъ береговъ и затоплять луговую сторону. Каждый день картина измѣнялась, и, наконецъ, разливъ воды, простиравшійся слишкомъ на восемь верстъ, слился съ облаками. Налѣво виднѣлась необозримая водяная поверхность, чистая и гладкая, какъ стекло, а прямо противъ нашего дома вся она была точно усѣяна верхушками деревъ, а иногда до половины затопленными огромными дубами, вязами, вышина которыхъ только тогда вполнѣ обозначилась; они были похожи на мелкіе, какъ будто плавающіе островки. Долго не сбывала полая вода.

Суетливый—1, (о человѣкѣ) кто безъ толку торопится, спѣшитъ. *Суетливъ, заботливъ: обувшись парится,* не помня, что дѣлаетъ.—*Суетливъ воробей, а пива не сваритъ*; 2, (о дѣлѣ) тревожный, хлопотливый, безпокойный.

Оправдать, оправдывать—1, признать правымъ, очистить отъ вины. Обвиняемаго оправдали.—*Оправдываютъ не слова, а дѣла.—Обвинился передъ людьми, оправдался передъ Богомъ*; 2, подтвердить что-нибудь на дѣлѣ, показать истину чего-либо по послѣдствіямъ. Погода оправдала мои предсказанія.—Всѣ мои предчувствія оправдываются.—Ты не оправдалъ моихъ ожиданій; 3, объяснять, извинять. Его поступки оправдываются его болѣзненнымъ состояніемъ.

Глыба—плотная масса земли, глины, камня и т. п. Глыба льду.—Глыба гранита.—На солнцѣ искрами блистая, спадаетъ глыба снѣговая (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ“).

Упоръ—1, укрѣпа, подставка, поддержка; 2, преграда. Что значитъ стрѣлять въ упоръ.—Смотрѣть въ упоръ.—Идти упоромъ, на шестахъ, баграхъ, въ лодкѣ.—Упоры подъ судномъ.—Плотина для упора воды.

Не случалось ли вамъ самимъ наблюдать, какъ ломается ледъ на рѣкѣ? Составьте разсказъ.

82. Весна.

Стихотвореніе *Н. М. Языкова.*

Великолѣпный день!

На мягкой муравѣ лежу; ни облачка въ небесной синевѣ. Цвѣтетъ зеленый лугъ, чистѣйшій воздухъ горный прохладой сладостной и нѣгой животворной струится въ грудь мою, и полонъ я весной!

И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надо мной, и звуки надо мной веселые летаютъ... И чувство дивное тѣ звуки навѣваютъ мнѣ въ душу; отдаюсь невольно забытью волшебному, глаза невольно закрываю.

Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю, летаю и пою, летаю и пою!

Животворный—способный возстановить жизненныя силы, животворящій, оживляющій. Животворная теплота солнечныхъ лучей.—Позволь мнѣ сномъ животворнымъ хоть нѣсколько въ домѣ твоемъ насладиться (Гнѣдичъ „Иліада“).—Какъ животворно на вершинѣ бѣжитъ воздушная струя (Тютчевъ).

83. Сватовство.

Гр. А. К. Толстого.

По вешнему по складу
мы пѣсню завели,
ой, ладо, диди-ладо,
ой, ладо, лель-люли!

Повѣдай, пѣсня наша,
на весь на русскій край,
что мѣсяцевъ всѣхъ краше
веселый мѣсяцъ май!

Въ лѣсахъ, въ поляхъ отрада,
всѣ вербы расцвѣли,
ой, ладо, диди-ладо,
ой, ладо, лель-люли!

Затѣмъ такъ бодръ и веселъ
Владиміръ, старый князь,
на подлокотни креселъ
сидитъ облокотясь.

И съ нимъ, блестя нарядомъ,
въ красѣ сѣдыхъ кудрей,
сидитъ княгиня рядомъ
за пряжей за своей.

Кружась, жужжитъ и пляшетъ
ея веретено,
черемухою пашетъ
въ открытое окно.

И тутъ же молодыя,
потупившія взглядъ,
двѣ дочери княжія
за пяльцами сидятъ.

Сидятъ онѣ такъ тихо,
и взоры въ ткань ушли,
въ груди жъ поется лихо:
ой, ладо, лель-люли!

И вовсе имъ не шьется,
хоть иглы изломай!
Такъ сильно сердце бьется
въ веселый мѣсяцъ май!

Когда жъ беретъ изъ мочки
княгиня волокно,
украдкой обѣ дочки
косятся на окно.

Но вотъ, забывъ о пряжѣ,
княгиня молвитъ вдругъ:
— Смотри, два гостя, княже,
подъѣхали самъ-другъ;

съ коней спрыгнули смѣло
у самаго крыльца —
узнать я не успѣла
ни платья ни лица.

А князь смѣется:—Знаю!
Пусть входятъ молодцы;
не дальняго, чай, краю
залетные птенцы!

И вотъ ихъ входитъ двое,
въ лохмотьяхъ и тряпьяхъ.
Съ пеньковой бородою,
въ пеньковыхъ волосахъ.

Вошедши, на икону
крестятся въ красный кутъ,
а послѣ по поклону
хозяевамъ кладутъ.

Князь проситъ ихъ садиться,
онъ хитрость ихъ проникъ,
заранѣ веселится
обману ихъ старикъ.

Веселый мѣсяцъ Май. *И. Я. Билибинъ.*

Но онъ обычай знаетъ
и рѣчь заводитъ самъ:
— Отколѣ, — вопрошаетъ: —
пожаловали къ намъ?

— Мы, княже-господине,
мы съ моря рыбаки;
сейчасъ завязли въ тинѣ
среди Днѣпра-рѣки;

двухъ рыбокъ златопёрыхъ
хотѣли мы поймать,
да спрятались въ кокорахъ,
пришлося подождать.

Но князь на это: — Братья,
неправда, ей же ей!
Не мокры ваши платья,
и съ вами нѣтъ сѣтей!

Днѣпра жъ свѣтлы стремнины,
чиста его вода,
не видано въ немъ тины
отъ вѣку никогда!

На это гости: — Княже,
коль мы не рыбаки,
пожалуй, скажемъ глаже:
мы брынскіе стрѣлки!

Стрѣляемъ звѣрь да птицы
по дебрямъ по лѣснымъ,
а нонѣ двѣ куницы
пушистыя слѣдимъ;

трущобой шли да дромомъ,
досель удачи нѣтъ,
но насъ къ твоимъ хоромамъ
двойной приводитъ слѣдъ!

А князь на это: — Что̀ вы!
Трущобой вы не шли,
лохмотья ваши новы
и даже не въ пыли!

Куницъ же бьютъ зимою,
а нонѣ мѣсяцъ май,
за звѣрью за иною
пришли ко мнѣ вы, чай!

— Ну, княже, — молвятъ гости: —
тебя не обмануть!
Такъ скажемъ ужъ по-прости,
кто мы такіе суть:

мы бѣдные калики,
мы старцы-гусляры,
но пѣть не горемыки,
гдѣ только есть пиры;

мы скрозь отъ Новаграда
сюда съ припѣвомъ шли:
— Ой, ладо, диди-ладо,
ой, ладо, лель-люли!

И если бы двѣ свадьбы
затѣялъ ты сыграть,
мы стали распѣвать бы
да струны разбирать!

— Вотъ это, — князь отвѣтилъ: —
другой выходитъ стихъ:
но гуслей не замѣтилъ
при васъ я никакихъ!

А что съ припѣвомъ шли вы
сквозь цѣлый русскій край,
оно теперь не диво,
въ веселый мѣсяцъ май!

Теперь въ вѣтвяхъ березы
поютъ и соловьи,
въ лугахъ поютъ стрекозы,
въ поляхъ поютъ ручьи,

и много, въ небѣ рѣя,
поетъ пернатыхъ стай —
всѣхъ мѣсяцевъ звончѣе
веселый мѣсяцъ май!

Но строй гуслярный, други,
наврядъ ли вамъ знакомъ:
вы носите кольчуги,
вы рубитесь мечомъ!

Въ мѣшкѣ не спрятать шила!
Васъ выдалъ рѣчи звукъ:
Пленковичъ ты, Чурило.
а ты Степанычъ Дюкъ!

Тутъ съ нихъ лохмотья спали,
и, свѣтлы какъ заря,
два славные предстали
предъ нимъ богатыря;

ихъ бороды упали,
смѣются ихъ уста —
подобная едва ли
встрѣчалась красота!

Ихъ кровь, отъ силъ избытка,
играетъ горячо,
корсунская накидка
надѣта на плечо,

коты изъ аксамита
съ каменіемъ цвѣтнымъ,
а бёрца вкрестъ обвиты
оборомъ золотнымъ;

орлинымъ мечутъ окомъ
не взоры, но лучи!
На поясѣ широкомъ
крыжатые мечи.

Съ притворнымъ со смущеньемъ
глядятъ на нихъ княжны,
какъ будто превращеньемъ
и впрямь удивлены;

и взоры тотчасъ тихо
склонили до земли,
а сердце скачетъ лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

Княгиня жъ молвитъ: — Знала
я это напередъ,
недаромъ куковала
кукушка у воротъ,

и снилось мнѣ съ полночи,
что, голову поднявъ
и въ лѣсъ уставя очи,
нашъ лаетъ волкодавъ.

Но, видъ принявъ суровый,
пришельцамъ молвитъ князь:
— Отвѣтствуйте, по что вы
вернулись, не спросясь?

Указанъ былъ отселѣ
вамъ путь на девять лѣтъ —
какимъ же дѣломъ смѣли
забыть вы мой запретъ?

— Не будь, о, княже, гнѣвенъ,
твой дворъ, чтобъ видѣть вновь,
армянскихъ двухъ царевенъ
отвергли мы любовь;

занѐ твоихъ издавна
мы любимъ дочерей —
отдай же ихъ, державный,
за насъ, богатырей!

Но, видъ храня суровый,
а самъ въ душѣ смѣясь:
— Мнѣ эта вѣсть не нова, —
отвѣтилъ старый князь: —

От҄ русской я державы
велѣлъ вамъ быть вдали,
а вы ко мнѣ лукаво
на промыселъ пришли!

Но, рыбъ чтобъ вы не смѣли
ловить въ моемъ Днѣпру,
всѣ глуби я и мели
оцѣпами запру!

Чтобъ впредь вы не дерзали
слѣдить моихъ куницъ,
ограду я изъ стали
поставлю кругъ границъ!

Ни неводомъ вамъ болѣ
ни сѣтью не ловить —
но будетъ въ вашей волѣ
добромъ ихъ приманить:

коль быть хотятъ за вами,
никто имъ не мѣшай!
Пускай рѣшаютъ сами
въ веселый мѣсяцъ май!

Услыша слово это,
съ Чурилой славный Дюкъ
отъ дочекъ ждутъ отвѣта,
сердецъ ихъ слышенъ стукъ...

Что дочки имъ сказали,
кто можетъ, отгадай —
мы словъ ихъ не слыхали,
въ веселый мѣсяцъ май!

Мы словъ ихъ не слыхали,
намъ свистъ мѣшалъ дроздовъ,
намъ иволги мѣшали
и рокотъ соловьевъ;

и звонко такъ въ болотѣ
кричали журавли,
что мы, при всей охотѣ,
разслышать не могли!

Такая намъ досада!
Разслышать не могли!
Ой, ладо, диди-ладо,
ой, ладо, лель-люли!

Складъ—1, послѣдовательность звуковъ, образующихъ напѣвъ. *Складъ лучше пѣсни.*—Скласть пѣсню, сказку, сочинить, выдумать, сложить; 2, мѣсто гдѣ что-либо складывается. Складъ товаровъ; 3, сложенье, ростъ, соразмѣрность членовъ. Конь хорошъ складомъ, статями; 4, нравъ, сложившіеся взгляды. Не того складу онъ человѣкъ; 5, строй, связь, смыслъ, толкъ въ рѣчи. Красно говоритъ, а складу мало.—*Складно говорено, дай Богъ сдѣлано.* — *Ни складу, ни ладу.*—Словъ много, да складу нѣтъ; 6, слогъ, часть слова съ гласной. Читать по складамъ. А что значитъ складъ ума?

Ладо—1, солнечное божество у восточныхъ славянъ; означаетъ также свѣтъ, красоту, любовь, радость; 2, мужъ, супругъ; одинъ изъ четы; милый, сердечный, возлюбленный; первообразомъ супруговъ была небесная чета Ладо (солнце) и Лада (луна). Ладо употреблялось какъ ласкательное „мой свѣтъ!“

Диди (литовск. didis, великій)—дѣдъ, дядя, родоначальникъ.

Лель, леля, люль (латышск. lels, великій)—дѣдъ, отецъ, родоначальникъ.

Пахать, пахивать—дуть, навѣвать махая, давать воздуху теченіе. Изъ печи такъ и пашетъ жаромъ. — Не паши на меня. — Изъ погреба пашетъ холодомъ.— Вешній вѣтерокъ пашетъ. Въ этомъ значеніи говорится и **пахнуть.** Знать, пахнуло на насъ невзгодье.—Послѣ стрижки Господь на овечекъ тепломъ пахнетъ.— Пахнулъ холодными волнами осенній вѣтеръ мнѣ въ лицо (Фофановъ).—Вдру гъ

смолистымъ дымомъ пахнуло... стаями понеслись горящія лапы, осыпая дождемъ искръ весь поѣздъ (Печерскій „Въ лѣсахъ").

Пяльцы—приборъ для натягиванія суконъ, шкуръ; рама для вписанія ткани, по которой шьютъ. *Женихъ на дворъ—и пяльцы на столъ.*—Ея изнѣженные пальцы не знали иглъ; склонясь на пяльцы, узоромъ шелковымъ она не оживляла полотна (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ"). **Пялить**—растягивать, туго натягивать, распинать, ширить. Пялить глаза, таращить глаза.—Пялить глотку, кричать во все горло.—*На чужой кусокъ, не пяль ротокъ, а свои припаси, да и въ ротъ понеси.*—*Что пялится, то и тянется,* поддается.

Мочка—кудель, куделя: вычесанный, свернутый и перевязанный пучокъ льну, пеньки, изготовленный для пряжи; свертокъ, свитокъ избитой шерсти. Мочка льна, поскони.

Волокно—1, непряденая, невитая нить; отрепанный и вычесанный ленъ на тонкую пряжу и полотно; тонкая прядь. Волокно льняное, паутинное, шелковое.—*Каково волокно, таково и полотно*; 2, нитеобразный мускулъ въ животномъ тѣлѣ. Волокно мышечное, нервное.

Самъ-другъ (нескл.)—самъ-другой, вдвоемъ, самъ-два. *Урожай самъ-другъ.*

Кутъ, покутъ—уголъ, закоулокъ, тупикъ. Не въ томъ куту сидишь, не тѣ пѣсни поешь.—Красный кутъ, уголъ съ образами.—Подъ самымъ покутомъ, на почетномъ мѣстѣ сидѣлъ гость (Гоголь „Майская ночь").

Отколѣ, отколь—откуда. *Отколь вредъ, оттоль и нелюбовь; откуда милость, туда и сердце лежитъ.*—Отколѣ помню себя, съ какой поры.—Отколѣ умная бредешь ты, голова? лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила (Крыловъ „Лисица и оселъ").—Отколѣ ни возьмись, навстрѣчу моська имъ (Крыловъ „Слонъ и моська").—Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ: отколь у всѣхъ взялися ноги? (Крыловъ „Левъ и комаръ").

Кокора—1, растеніе; 2, дерево съ корнемъ клюкою, бревно съ корневищемъ, пень съ корнями.

Стремнина—1, рѣчная быстрина, бурное теченіе, стремительный потокъ воды, рѣки; 2, круча, обрывъ, отвѣсная скала, утесъ; 3, глубина, пропасть, бездна. Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ, среди полуночной прохлады сильнѣе пахнетъ дикій тминъ, гремятъ слышнѣе водопады (А. Толстой).—И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ (Пушкинъ „Кавказъ").—Одинъ въ вышинѣ стою надъ снѣгами у края стремнины (Пушкинъ „Кавказъ").

Дромъ—лѣсная чаща съ валежникомъ и буреломомъ, трущоба; сушь, хворостъ. Дромъ-буреломъ непролазный.—Ужъ очень сильный шелъ отъ него духъ; землей отдавало отъ него, лѣснымъ дромомъ, тиной болотной (Тургеневъ „Степной король Лиръ").

Гусли—народный музыкальный инструментъ, родъ лежачей арфы; играющій перебираетъ пальцами мѣдныя струны. Но вдругъ раздался гласъ пріятный и звонкихъ гуслей бѣглый звукъ (Пушкинъ „Русланъ и Людмила").—А прежде у Садка имущества не было: однѣ были гусельки яровчаты (изъ дерева-явора). (Былина). **Гусляръ**—играющій на гусляхъ и поющій подъ звуки ихъ.

Диво—чудо. Дался я диву, удивился.—Что за диво! Экое диво, нечему удивляться.—*Чудо-чудное, диво-дивное.*—Въ диво, на диво, на удивленіе.—Не въ диво, не въ диковину.—Такъ настряпала, что не жуй, не глотай, только съ диву брови подымай (Печерскій „Въ лѣсахъ").—Изстари хмель въ ней родится на диво (Некрасовъ „Дѣдушка Мазай").—Тамъ насмотрѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что стало ему надолго послѣ того разсказывать (Гоголь „Пропавшая грамота").

Кольчуга—броня, кольчатая рубаха, стальная сѣтка на тѣло. Позади въ чешуйчатыхъ кольчугахъ стражниковъ колеблющійся строй (Полонскій „Казиміръ Великій").

Спадать—1, срываясь падать, обрушиваться, сваливаться. Листья спадаютъ.—Шерсть спадаетъ весною съ овецъ, линяютъ.—Всѣ яблоки спадали, попадали.—Снѣгъ спалъ, стаялъ; 2, умаляться, убывать. Вода спадаетъ, идетъ на убыль.—Жара спала, вечерѣетъ.—Цѣна скоро спадетъ, понизится.—Спасть съ лица, поху-

дѣть.—Спасть съ голоса, утратить пѣвчій голосъ.—Съ него спала спесь, смирился, сталъ скромнѣе.

Коты—обувь, родъ полусапожекъ, берестяные лапти съ оборами. Молодая баба... поклонилась... и, стараясь рукавомъ вышитой рубашки скрыть легкую улыбку, постукивая котами, взбѣжала на сходцы (Толстой „Утро помѣщика“).

Аксамитъ (греч.)—бархатная или атласная парча, золотая или серебряная ткань, ворсистая, какъ бархатъ. На ней былъ голубой аксамитный лѣтникъ (женская легкая одежда) съ яхонтовыми пуговицами (А. Толстой „Князь Серебряный“).

Берцо (вмѣсто **бедрецо**)—средняя часть ноги, между колѣномъ и стопою. Берцовая кость, голень.

Оборъ, обора—длинныя привязки у лаптей, которыми вкрестъ обвивается нога до колѣна. *Всѣ мои сборы - лапти да оборы.—Лапти дырявы, да оборы долги.—Долги оборы у лѣниваго.—Лѣнивый обувается, до обѣда оборы мотаетъ.*

Метать око — бѣгло и рѣзко останавливать на чемъ-либо взоръ. — Метать петли, обшивать ихъ.—Метать сѣно, складывать въ стогъ.—Метать паръ, вспахивать яровое поле.—Метать жребій.—Рыба мечетъ икру.—Пристяжная мечетъ грязью, закидываетъ.

Крыжатый отъ **крыжъ**—крестъ. Крыжатый мечъ, съ крестообразной рукоятью.

Занѐ (церк.-сл.)—такъ какъ, потому что, по той причинѣ, поскольку. И всѣ кругомъ объяты были страхомъ, уразумѣвъ небесное видѣнье, зане святый владыка предъ царемъ во храминѣ тогда не находился (Пушкинъ „Борисъ Годуновъ“). — Почилъ безмятежно, зане совершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное (Баратынскій „На смерть Гете“).

Промыселъ—1, всякое занятіе, дающее средство къ жизни. *Не безъ ума, такъ и не безъ промысла.* — Не побрелъ заволжанинъ по бѣлу свѣту плотничать... и дома сумѣлъ онъ приняться за выгодный промыселъ. Вареги (рукавицы) началъ вязать, поярокъ валять, шляпы да сапоги изъ него дѣлать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, вѣсовыя коромысла чуть не на всю Россію дѣлать (Печерскій „Въ лѣсахъ“).—Народъ тысячами каждый годъ въ отхожіе промысла расходится: кто въ лоцмана, кто въ Астрахань на вонючія рыбныя ватаги, кто въ Сибирь на золотые пріиски, кто въ Самарскія степи пшеницу жать (Печерскій „Въ горахъ“); 2, мѣсто, гдѣ ловятъ рыбу и пушного звѣря. У него два-три промысла, участка со всѣмъ заведеньемъ.

Оцѣпъ—перевѣсъ; жердь, бревно, положенныя рычагомъ для запора заставъ.

Рокотъ отъ **рокотать** — перекатывать звуки; ворчать; (о водѣ) бить ключомъ. Громъ рокочетъ.—Рокочущее море. — Рокотъ и гулъ пальбы. — И долго еще громовые рокоты носились, дрожа, подъ сводами (Гоголь „Тарасъ Бульба“).— Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной куртиной звучно раздавался рокотъ соловьиный (Полонскій „Кузнечикъ музыкантъ“).

84. Весна.

Стихотвореніе *Е. А. Баратынскаго.*

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
слѣпитъ мнѣ очи онъ.

Весна, весна! Какъ высоко
на крыльяхъ вѣтерка,
ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
летаютъ облака!

Шумятъ ручьи, блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
на торжествующемъ хребтѣ
поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,
но въ рощѣ ветхій листъ,
какъ прежде, подъ моей ногой
и шуменъ и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
и, въ яркой вышинѣ
незримый, жаворонокъ поетъ
заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
съ ручьемъ она — ручей,
и съ птичкой—птичка; съ нимъ журчитъ,
летаетъ въ небѣ съ ней!

Взревѣть—поднять ревъ. Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ (Крыловъ).— Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ, взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ (Крыловъ).

Хребетъ — позвоночный столбъ, спина. *Годы хребетъ горбятъ.* Переносно: гребень волны, горъ. Уральскій хребетъ.

Гимнъ (греч.) — хвалебная пѣснь, у древнихъ преимущественно въ честь боговъ; у христіанъ духовная пѣснь. Поетъ подъ розою восточный соловей, но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ и подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ (Пушкинъ „Соловей"). — На языкѣ родномъ, роскошномъ какъ лобзанье, восторга гимны пѣлъ (Тургеневъ). Что такое народный гимнъ?

Заздравный — содержащій въ себѣ пожеланіе кому-либо здравія, многолѣтія. Заздравный молебенъ.—Заздравная просфора.—Никогда не забывалъ принести барынѣ просфору съ вынутымъ заздравнымъ (Тургеневъ „Постоялый дворъ").— Иль ковшей то звонъ заздравный? (А. Толстой „Алеша Поповичъ".)

85. * * *

Изъ „Записокъ охотника" *И. С. Тургенева.*

Погода прекрасная; кротко синѣетъ майское небо; гладкіе, молодые листья ракитъ блестятъ словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; направо и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленьи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки, торчатъ на глыбочкахъ; грачи на дорогѣ останавливаются, глядятъ на васъ, приникаютъ къ землѣ, даютъ вамъ проѣхать и, подпрыгнувъ раза два, тяжко отлетаютъ въ сторону; на горѣ, за оврагомъ, мужикъ пашетъ; пѣгій жеребенокъ, съ куцымъ хвостикомъ и взъерошенной гривкой, бѣжитъ на невѣрныхъ ножкахъ вслѣдъ за матерью; слышится его тонкое ржанье.

Зыбать, зыбить, зыбнуть — колебать, качать, покачивать, колыхать. Отсюда: зыбкій, зыбь, незыблемый.

Взъерошить — всклочивать, взбивать, вздымать въ безпорядкѣ. Взъерошенные волосы.—Но вдругъ сугробъ зашевелился, и кто жъ изъ-подъ него явился?—Большой взъерошенный медвѣдь (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ").

※

86. Пѣсня пахаря.

Стихотвореніе *А. В. Кольцова.*

Ну, тащися, сивка,
пашней-десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
о сырую землю.
Красавица зорька
въ небѣ загорѣлась;
изъ большого лѣса
солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ...
Ну, тащися, сивка!
я самъ-другъ съ тобою,
слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
борону и соху,
телѣгу готовлю,
зерна насыпаю.

Весело гляжу я
на гумно, на скирды,
молочу и вѣю;
ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
съ сивкою распашемъ,
зернышку сготовимъ
колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
мать-земля сырая;
выйдетъ въ полѣ травка—
ну, тащися, сивка!
выйдетъ въ полѣ травка—
выростетъ и колосъ,
станетъ спѣть, рядиться
въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
зазвенятъ здѣсь косы;
сладокъ будетъ отдыхъ
на снопахъ тяжелыхъ!
Ну, тащися, сивка!
накормлю досыта,
напою водою,
водой ключевою.
Съ тихою молитвой
я вспашу, посѣю:
уроди мнѣ, Боже,
хлѣбъ—мое богатство!

Десятина—1, мѣра земли; 2, подать, взимавшаяся въ видѣ десятой доли съ произведеній земледѣльческихъ или промышленныхъ въ пользу духовенства или церкви. Десятинная церковь.

Ладить—1) приноравливать, пригонять, приводить въ порядокъ. *Ладь соху, скоро пахать.—Ладила баба въ Ладогу, а попала въ Тихвинъ. — Ладилъ мужикъ челнокъ, а свелъ на уховертку.*—Приладь полку; 2, ладить съ кѣмъ, жить мирно, не ссориться, быть въ ладахъ.—Поладилъ ли съ сосѣдомъ? — Подъ него не подладишься. — Съ нимъ не сладишь. Что значитъ **заладить?** *Заладила сорока Якова одно про всякаго.*

Гумно — огороженное мѣсто, гдѣ ставятъ въ скирды убранный съ поля хлѣбъ и строятъ ригу для молотьбы, а иногда овинъ для сушенія его; также расчищенное мѣсто или токъ, гдѣ молотятъ. На гумнѣ ни снопа, въ закромахъ ни зерна (Кольцовъ „Что ты спишь").—На гумнахъ вездѣ, какъ князья, скирды широко сидятъ (Кольцовъ „Урожай").

Вѣять—1, очищать зерна отъ пыли и мякины, ручнымъ способомъ или при помощи вѣялки. Вѣять рожь, овесъ, пшеницу; 2, о вѣтрѣ, дуть. Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйные. — Навѣвать прохладу. — Развѣять печаль. — Сквозь открытыя окна вѣяло осенней свѣжестью и запахомъ яблоковъ (Тургеневъ „Записки охотника"); 3, двигаться, пролетать подобно вѣтру. Вѣютъ бѣлые султаны, какъ степной ковыль (Лермонтовъ „Споръ").

Рядиться—1, красиво одѣваться, наряжаться. Наряжаться о святкахъ; 2, договариваться, уславливаться въ цѣнѣ. *Рядись не торопись, а послѣ не вертись. — Рядись, не стыдись, а работай, не лѣнись;* 3, снаряжаться, собираться. Рядись въ дорогу.—Рядись гостей встрѣчать.

87. Дурачекъ.

Изъ разсказа Н. С. Лѣскова.

Кого надо считать дуракомъ? Кажется, будто это всякій знаетъ, а если начать свѣрять, какъ это кто понимаетъ, то и выйдетъ, что всѣ понимаютъ о дуракѣ неодинаково. По академическому словарю, гдѣ каждое слово растолковано въ его значеніи, изъяснено такъ, что „дуракъ—слабоумный человѣкъ, глупый, лишенный разсудка, безумный, шутъ“... Въ подкрѣпленіе такого толкованія приведенъ словесный примѣръ: „Онъ былъ и будетъ дуракъ-дуракомъ“. „Дурачекъ—смягченіе слова дуракъ“. Ученѣе этого объясненія и искать нечего, а между тѣмъ въ жизни случается встрѣчать такихъ дураковъ или дурачковъ, которымъ эта кличка дана, но они между тѣмъ не безумны, не глупы и ничего шутовского изъ себя не представляютъ... Это люди любопытные, и про одного такого я здѣсь и разскажу.

Былъ у насъ въ деревнѣ безродный крѣпостной мальчикъ Панька. Росъ онъ при господскомъ дворѣ, ходилъ въ томъ, что ему давали, а ѣлъ на застольщинѣ вмѣстѣ съ коровницей и съ ея дѣтьми. Должность у него была такая, чтобы „всѣмъ помогать“; это значило, что всѣ должностные люди въ усадьбѣ имѣли право заставлять Паньку дѣлать за нихъ всякую работу, а онъ, бывало, безпрестанно работаетъ. Какъ сейчасъ это помню: бывало, зимой—у насъ зимы бываютъ лютыя — когда мы встанемъ и подбѣжимъ къ окнамъ, Панька уже везетъ на себѣ, изогнувшись, большія салазки съ вязанками сѣна, соломы и съ плетушками колоса и другого мелкаго корма для скотины и птицъ... Мы встаемъ, а онъ уже наработался, и рѣдко увидишь его, что онъ присядетъ въ скотной избѣ и ѣстъ краюшку хлѣба, а запиваетъ водой изъ деревяннаго ковшика.

Спросишь его, бывало:

— Что ты, Паня, одинъ сухой хлѣбъ жуешь?

А онъ шутя отвѣчаетъ:

— Какъ такъ „съ ухой“? — онъ, гляди-ко съ чистой водицею.

— А ты бы еще чего-нибудь попросилъ: капустки, огурца или картошечки!

А Паня головой мотнетъ и отвѣчаетъ:

— Ну, вотъ еще чего!.. Я и такъ наѣлся,—слава те, Господи·

Подпояшется и опять на дворъ идетъ таскать то одно, то другое. Работа у него никогда не переводилася, потому что всѣ его заставляли помогать себѣ. Онъ и конюшни и хлѣва чистилъ, и скоту кормъ задавалъ, и овецъ на водопой гонялъ, а вечеромъ, бывало, еще и себѣ и другимъ лапти плететъ, и ложился онъ, бывало, позже всѣхъ, а вставалъ раньше всѣхъ, до свѣта, и одѣтъ былъ всегда очень плохо и скаредно. И его, бывало, никто не жалѣетъ, и всѣ говорятъ:

— Ему вѣдь ничего, онъ—дурачекъ.

— А чѣмъ же онъ дурачекъ?

— Да всѣмъ...

— А напримѣръ?

— Да что за примѣръ! Вонъ коровница-то всѣ огурцы и картошки своимъ дѣтямъ отдаетъ, а онъ, хоть бы что ему... и не проситъ у нихъ, и на нихъ не жалуется. Дуракъ!

Мы, дѣти, не могли хорошо въ этомъ разобраться, и хоть глупостей отъ Паньки не слыхали и даже видѣли отъ него ласку, потому что онъ дѣлалъ намъ игрушечныя мельницы и туезочки изъ бересты,—однако и мы, какъ всѣ въ домѣ, одинаково говорили, что Панька дурачекъ, и никто противъ этого не спорилъ, а скоро вышелъ такой случай, что противъ этого и нельзя стало спорить.

Былъ у насъ нанятъ строгій-престрогій управитель, и любилъ онъ за всякую вину человѣка наказывать. Ѣдетъ, бывало, на бѣговыхъ дрожкахъ и по всѣмъ сторонамъ смотритъ: нѣтъ ли гдѣ какой неисправности? И если замѣтитъ что-нибудь въ безпорядкѣ—сейчасъ же остановится, подзоветъ виновнаго и приказываетъ:

— Ступай сейчасъ въ контору и скажи моимъ именемъ старостѣ, чтобы дали тебѣ 25 розогъ, а если слукавишь, я тебѣ вечеромъ при себѣ велю вдвое дать.

Прощенья у него ужъ не смѣли просить, потому что онъ этого терпѣть не могъ и еще прибавлялъ наказанія.

Вотъ разъ лѣтомъ ѣдетъ этотъ управляющій и видитъ, что въ молодыхъ хлѣбахъ жеребята ходятъ и не столько зелени рвутъ, сколько ее топчутъ и копытами съ корнями выколупываютъ...

Управитель и расшумѣлся.

А жеребятъ въ этотъ годъ былъ приставленъ стеречь мальчикъ Петрушка, — сынъ той самой Арины-коровницы, которая Панькѣ картошекъ жалѣла, а все своимъ дѣтямъ отдавала. Петруша тотъ имѣлъ въ ту пору лѣтъ двѣнадцать и былъ тѣломъ много помельче

Паньки и понѣжнѣе, за это его и дразнили „творожничкомъ“,— словомъ, онъ былъ мальчикъ у матери избалованный и на работу слабый, а на расправу жидкій. Выгналъ онъ жеребятъ рано утромъ „на росу“, и стало его знобить, а онъ сѣлъ да укрылся свиткой, и какъ согрѣлся, то на него нашелъ сонъ—онъ и заснулъ, а жеребятки въ это время въ хлѣбъ пошли.

— Пусть Панька пока за своимъ и за твоимъ дѣломъ посмотритъ, а ты сейчасъ иди въ разрядную контору и скажи выборному, чтобы онъ тебѣ 20 розогъ далъ, а если это до моего возвращенія не исполнишь, то я при себѣ тебѣ тогда вдвое дамъ...

Сказалъ это и уѣхалъ.

А Петрушка такъ и залился слезами. Весь трясется, потому его еще никогда розгами не наказывали, и говоритъ онъ Панькѣ·

— Братъ, милый, Панюшка, очень страшно мнѣ.. скажи, какъ мнѣ быть?

А Панька его по головкѣ гладитъ и говоритъ:

— И мнѣ тоже страшно было... Что съ этимъ дѣлать-то... Христа били.

А Петрушка еще горьче плачетъ и говоритъ:

— Боюсь я идти и боюсь не идти... Лучше я въ воду кинуся.

А Панька его уговаривалъ, уговаривалъ, а потомъ сказалъ:

— Ну, постой же, ты оставайся здѣсь и смотри за своимъ и за моимъ дѣломъ, а я скорѣе сбѣгаю, за тебя постараюсь,—авось тебя Богъ помилуетъ. Видишь, ты трусъ какой.

Петрушка спрашиваетъ:

— А какъ же ты, Панюшка, постараешься?

— Да ужъ я штуку выдумалъ—постараюся!

И побѣжалъ Панька черезъ поле въ усадьбу рѣзвенько, а черезъ часъ назадъ идетъ, улыбается.

— Не робѣй,—говоритъ,—Петька, все сдѣлано; и не ходи никуда—съ тебя наказаніе избавлено...

Петька думаетъ:

„Все равно: надо вѣрить ему“,—и не пошелъ; а вечеромъ управляющій спрашиваетъ у выборнаго въ разрядной избѣ:

— Что пастушокъ утромъ приходилъ сѣчься?

— Какъ же,—говорятъ,—приходилъ, ваша милость.

— Взбрызнули его?

— Да,—говорятъ,—взбрызнули.

— И хорошо?

— Хорошо, постаралися.

Дѣло и успокоилось, а потомъ узнали, что высѣкли-то пастушонка, да не того, котораго было назначено, не Петра, а Паньку, и пошло это по усадьбѣ и по деревнѣ, и всѣ надъ Панькой смѣялись, а Петю уже не стали сѣчь.

— Что же,—говорили,—ужъ если дуракъ его выручилъ, нехорошо за одну вину двухъ разомъ наказывать.

Ну, не дуракъ ли взаправду нашъ Панька былъ?

Безродный — не имѣющій родныхъ, сирый; человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія. Жилъ нѣкто, человѣкъ безродный, одинокій (Крыловъ „Пустынникъ и медвѣдь").

Застольщина — то же, что застольня, общій столъ отъ барина или хозяина. — По обѣимъ сторонамъ забора выстроены были длинныя застольни (Загоскинъ „Юрій Милославскій").

Туезочекъ отъ **туезъ, туесъ** — бурачокъ, берестяная кубышка съ тугой крышкой и дужкой въ ней. Они (парни) безъ плетюхъ, безъ туесовъ — ихъ дѣло не грибы сбирать (Печерскій „Въ лѣсахъ").

Выколупывать, выколупнуть—ковырять, вынимать ногтемъ или какимъ-нибудь орудіемъ. Выколупывать орѣхъ изъ скорлупы, медъ изъ крынки, камень изъ перстня.

Свитка, свита—верхняя широкая и длинная запашная одежда. На ярмаркѣ случилось странное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась „красная свитка" (Гоголь „Сорочинская ярмарка"). — Направо отъ двери сидѣлъ за столомъ какой-то мужичекъ въ узкой, изношенной свитѣ съ огромной дырой на плечѣ (Тургеневъ „Записки охотника").

Скаредный (польск.)—грязный, гнусный, бѣдный, чрезвычайно скупой. У нихъ и корка зря не валяется: надѣлаютъ сухариковъ да съ пивомъ выпьютъ! Захаръ даже сквозь зубы плюнулъ, разсуждая о такомъ скаредномъ житьѣ (Гончаровъ „Обломовъ"). — Вѣдь это скаредное дѣло! выговорилъ Серебряный и подумалъ, что, смягчивъ голосъ, онъ скрасилъ свое выраженіе (А. Толстой „Князь Серебряный").

*

88. Петька на дачѣ.

Разсказъ *Л. Н. Андреева.*

Осипъ Абрамовичъ, парикмахеръ, поправилъ на груди посѣтителя грязную простынку, заткнулъ ее пальцами за воротъ и крикнулъ отрывисто и рѣзко:

— Мальчикъ, воды!

Мальчикъ, на котораго чаще всего кричали, назывался Петькой и былъ самымъ маленькимъ изъ всѣхъ служащихъ въ заведеніи. Петькѣ было десять лѣтъ. Когда не было посѣтителей и Прокопій,

днемъ спотыкавшійся отъ желанія спать, приваливался въ темномъ углу за перегородкой, Петька и Николка бесѣдовали. Послѣдній всегда становился добрѣе, оставаясь вдвоемъ, и объяснялъ „мальчику", что значитъ стричь подъ польку, бобрикомъ или съ проборомъ.

Петькины дни тянулись удивительно однообразно и похоже одинъ на другой, какъ два родные брата.

И зимою и лѣтомъ онъ видѣлъ все тѣ же зеркала, изъ которыхъ одно было съ трещиной, а другое было кривое и потѣшное. И утромъ, и вечеромъ, и весь Божій день надъ Петькой висѣлъ одинъ и тотъ же отрывистый крикъ: „Мальчикъ, воды!" и онъ все подавалъ ее, все подавалъ. Праздниковъ не было. По воскресеньямъ, когда улицу переставали освѣщать окна магазиновъ и лавокъ, парикмахерская до поздней ночи бросала на мостовую яркій снопъ свѣта, и прохожій видѣлъ маленькую, худую фигурку, сгорбившуюся въ углу на своемъ стулѣ и погруженную не то въ думы, не то въ тяжелую дремоту. Петька спалъ много, но ему почему-то не хотѣлось спать, и часто казалось, что все вокругъ него не правда, а длинный непріятный сонъ. Онъ часто разливалъ воду или не слышалъ рѣзкаго крика „Мальчикъ, воды", и все худѣлъ, а на стриженой головѣ у него пошли нехорошіе струпья. Даже нетребовательные посѣтители съ брезгливостью смотрѣли на этого худенькаго, веснушчатаго мальчика, у котораго глаза всегда сонные, ротъ полуоткрытый и грязныя-прегрязныя руки и шея. Около глазъ и подъ носомъ у него прорѣзались тоненькія морщинки, точно проведенныя острой иглой, и дѣлали его похожимъ на состарившагося карлика.

Петька не зналъ, скучно ему или весело, но ему хотѣлось въ другое мѣсто, о которомъ онъ ничего не могъ сказать, гдѣ оно и какое оно. Когда его навѣщала мать, кухарка Надежда, онъ лѣниво ѣлъ принесенныя сласти, не жаловался и только просилъ взять его отсюда. Но затѣмъ онъ забывалъ о своей просьбѣ, равнодушно прощался съ матерью и не спрашивалъ, когда она придетъ опять. А Надежда съ горемъ думала, что у нея одинъ сынъ—и тотъ дурачекъ.

Много ли, мало ли жилъ Петька такимъ образомъ, онъ не зналъ. Но вотъ однажды въ обѣдъ пріѣхала мать, поговорила съ Осипомъ Абрамовичемъ и сказала, что его, Петьку, отпускаютъ на дачу въ Царицыно, гдѣ живутъ ея господа. Сперва Петька не понялъ, потомъ лицо его покрылось тонкими морщинками отъ тихаго смѣха, и онъ началъ торопить Надежду. Той нужно было, ради пристойности, поговорить съ Осипомъ Абрамовичемъ о здоровьи его жены, а Петька

С. Святославскій.

тихонько толкалъ ее къ двери и дергалъ за руку. Онъ не зналъ, что такое дача, но полагалъ, что она есть то самое мѣсто, куда онъ такъ стремился.

Вокзалъ съ его разноголосою сутолокою, грохотомъ приходящихъ поѣздовъ, свистками паровозовъ, то густыми и сердитыми, какъ голосъ Осипа Абрамовича, то визгливыми и тоненькими, какъ голосъ его жены, торопливыми пассажирами, которые все идутъ и идутъ, точно имъ и конца нѣту, — впервые предсталъ передъ оторопѣлыми глазами Петьки и наполнилъ его чувствомъ возбужденности и нетерпѣнія. Вмѣстѣ съ матерью онъ боялся опоздать, хотя до отхода дачнаго поѣзда оставалось добрыхъ полчаса; а когда они сѣли въ вагонъ и поѣхали, Петька прилипъ къ окну, и только стриженая голова его вертѣлась на тонкой шеѣ, какъ на металлическомъ стержнѣ.

Онъ родился и выросъ въ городѣ, въ полѣ былъ первый разъ въ своей жизни, и все здѣсь для него было поразительно ново и странно: и то, что можно видѣть такъ далеко, что лѣсъ кажется травкой, и небо, бывшее въ этомъ новомъ мірѣ удивительно яснымъ и широкимъ, точно съ крыши смотришь. Петька видѣлъ его съ своей стороны, а когда оборачивался къ матери, это же небо голубѣло въ противоположномъ окнѣ, и по немъ плыли, какъ ангелочки, бѣленькія радостныя облачка. Петька то вертѣлся у своего окна, то перебѣгалъ на другую сторону вагона, съ довѣрчивостью кладя плохо отмытую рученку на плечи и колѣни незнакомыхъ пассажировъ, отвѣчавшихъ ему улыбками. Но какой-то господинъ, читавшій газету и все время зѣвавшій, то ли отъ чрезмѣрной усталости, то ли отъ скуки, раза два непріязненно покосился на мальчика, и Надежда поспѣшила извиниться:

— Впервой по чугункѣ ѣдетъ,—интересуется...

— Угу!..—пробурчалъ господинъ и уткнулся въ газету.

Надеждѣ очень хотѣлось разсказать ему, что Петька уже три года живетъ у парикмахера, и тотъ обѣщалъ поставить его на ноги, и это будетъ очень хорошо, потому что женщина она одинокая и слабая и другой поддержки на случай болѣзни или старости у нея нѣтъ. Но лицо у господина было злое, и Надежда только подумала все это про себя. Направо отъ пути раскинулась кочковатая равнина, темно-зеленая отъ постоянной сырости, и на краю ея были брошены сѣренькіе домики, похожіе на игрушечные, а на высокой зеленой горѣ, внизу которой блистала серебристая полоска, стояла такая же игрушечная бѣлая церковь. Когда поѣздъ со звонкимъ металлическимъ

лязгомъ, внезапно усилившимся, взлетѣлъ на мостъ и точно повисъ въ воздухѣ надъ зеркальною гладью рѣки, Петька даже вздрогнулъ отъ испуга и неожиданности и отшатнулся отъ окна, но сейчасъ же вернулся къ нему, боясь потерять малѣйшую подробность пути. Глаза Петькины давно уже перестали казаться сонными, и морщинки пропали. Какъ будто по этому лицу кто-нибудь провелъ горячимъ утюгомъ, разгладилъ морщинки и сдѣлалъ его бѣлымъ и блестящимъ.

Въ первые два дня Петькинаго пребыванія на дачѣ, богатство и сила новыхъ впечатлѣній, лившихся на него и сверху и снизу, смяли его маленькую и робкую душонку.

Все здѣсь было для него живымъ, чувствующимъ и имѣющимъ волю. Онъ боялся лѣса, который покойно шумѣлъ надъ его головой и былъ темный, задумчивый и такой страшный въ своей безконечности; полянки, свѣтлыя, зеленыя, веселыя, точно поющія всѣми своими яркими цвѣтами, онъ любилъ и хотѣлъ бы приласкать ихъ какъ сестеръ, а темно-синее небо звало его къ себѣ и смѣялось, какъ мать. Петька волновался, вздрагивалъ и блѣднѣлъ, улыбался чему-то и степенно, какъ старикъ, гулялъ по опушкѣ и лѣсистому берегу пруда. Тутъ онъ, утомленный, задыхающійся, разваливался на густой сыроватой травѣ и утопалъ въ ней; только его маленькій веснушчатый носикъ поднимался надъ зеленой поверхностью. Въ первые дни онъ часто возвращался къ матери, терся возлѣ нея, и когда баринъ спрашивалъ его, хорошо ли на дачѣ,—конфузливо улыбался и отвѣчалъ:

— Хорошо!..

И потомъ снова шелъ къ грозному лѣсу и тихой водѣ и будто допрашивалъ ихъ о чемъ-то.

Но прошло еще два дня, и Петька вступилъ въ полное соглашеніе съ природой. Это произошло при содѣйствіи гимназиста Мити изъ „Стараго Царицына“. У гимназиста Мити лицо было смугложелтымъ, какъ вагонъ второго класса, волосы на макушкѣ стояли торчкомъ и были совсѣмъ бѣлые—такъ выжгло ихъ солнце. Онъ ловилъ въ пруду рыбу, когда Петька увидалъ его, безцеремонно вступилъ съ нимъ въ бесѣду и удивительно скоро сошелся. Онъ далъ Петькѣ подержать одну удочку и потомъ повелъ куда-то далеко купаться. Петька очень боялся идти въ воду, но когда вошелъ, то не хотѣлъ вылѣзать изъ нея и дѣлалъ видъ, что плаваетъ: поднималъ носъ и брови кверху, захлебывался и билъ по водѣ руками, поднимая брызги. Въ эти минуты онъ былъ очень похожъ на щенка, впер-

вые попавшаго въ воду. Когда Петька одѣлся, то былъ синій отъ холода, какъ мертвецъ, и, разговаривая, ляскалъ зубами. По предложенію того же Мити, неистощимаго на выдумки, они изслѣдовали развалины дворца; лазали на заросшую деревьями крышу и бродили среди разрушенныхъ стѣнъ громаднаго зданія. Тамъ было очень хорошо: всюду навалены груды камней, на которые съ трудомъ можно взобраться, и промежъ ихъ растетъ молодая рябина и березки; тишина стоитъ мертвая, и чудится, что вотъ-вотъ выскочитъ кто-нибудь изъ-за угла или въ растрескавшейся амбразурѣ окна покажется страшная-престрашная рожа.

Постепенно Петька почувствовалъ себя на дачѣ какъ дома и совсѣмъ забылъ, что на свѣтѣ существуетъ Осипъ Абрамовичъ и парикмахерская.

— Смотри-ка, растолстѣлъ какъ! Чистый купецъ! — радовалась Надежда, сама толстая и красная отъ кухоннаго жара, какъ мѣдный самоваръ. Она приписывала это тому, что много его кормитъ. Но Петька ѣлъ совсѣмъ мало, не потому, чтобы ему не хотѣлось ѣсть, а некогда было возиться: если бы можно было не жевать, глотать сразу, а то нужно жевать, а въ промежутки болтать ногами, такъ какъ Надежда ѣстъ дьявольски медленно, обгладываетъ кости, утирается передникомъ и разговариваетъ о пустякахъ. А у него дѣла было по горло: нужно пять разъ выкупаться, вырѣзать въ орѣшникѣ удочку, накопать червей,—на все это требуется время. Теперь Петька бѣгалъ босой, и это въ тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ въ сапогахъ съ толстыми подошвами: шершавая земля ласково то жжетъ, то холодитъ ногу. Свою подержанную гимназическую куртку, въ которой онъ казался солиднымъ мастеромъ парикмахерскаго цеха, онъ также снялъ и изумительно помолодѣлъ. Надѣвалъ ее онъ только вечерами, когда ходилъ на плотину смотрѣть, какъ катаются на лодкахъ господа: нарядные, веселые, они со смѣхомъ садятся въ качающуюся лодку, и та медленно разсѣкаетъ зеркальную воду, а отраженныя деревья колеблются, точно по нимъ пробѣжалъ вѣтерокъ.

Въ исходѣ недѣли баринъ привезъ изъ города письмо, адресованное „куфаркѣ Надеждѣ“, и когда прочелъ его адресату, адресатъ заплакалъ и размазалъ по всему лицу сажу, которая была на передникѣ. По отрывочнымъ словамъ, сопровождавшимъ эту операцію, можно было понять, что рѣчь въ письмѣ идетъ о Петькѣ. Это было уже ввечеру. Петька на заднемъ дворѣ игралъ самъ съ собой „въ классики“ и надувалъ щеки, потому что такъ прыгать было значи-

тельно легче. Гимназистъ Митя научилъ этому глупому, но интересному занятію, и теперь Петька, какъ истый спортсменъ, совершенствовался въ одиночку. Вышелъ баринъ и, положивъ руку на плечо, сказалъ:

— Что, братъ, ѣхать надо!

Петька конфузливо улыбался и молчалъ. „Вотъ чудакъ-то!“ подумалъ баринъ.

— Ѣхать, братецъ, надо.

Петька улыбался. Подошла Надежда и со слезами подтвердила:

— Надобно ѣхать, сынокъ!

— Куда?—удивился Петька. Про городъ онъ забылъ, а другое мѣсто, куда ему всегда такъ хотѣлось уйти,—уже найдено.

— Къ хозяину, Осипу Абрамовичу.

Петька продолжалъ не понимать, хотя дѣло было ясно, какъ Божій день. Но во рту у него пересохло, и языкъ двигался съ трудомъ, когда онъ спросилъ:

— А какъ же завтра рыбу ловить? Удочка, вотъ она...

— Что же подѣлаешь!.. Требуетъ. Прокопій, говоритъ, заболѣлъ, въ больницу свезли. Народу, говоритъ, нѣту. Ты не плачь: гляди, опять отпуститъ,—онъ добрый, Осипъ Абрамовичъ.

Но Петька и не думалъ плакать и все не понималъ.

Съ одной стороны, былъ фактъ—удочка, съ другой призракъ—Осипъ Абрамовичъ. Но постепенно мысли Петькины стали проясняться, и произошло странное перемѣщеніе: фактомъ сталъ Осипъ Абрамовичъ, а удочка, еще не успѣвшая высохнуть, превратилась въ призракъ. И тогда Петька удивилъ мать, разстроилъ барыню и барина и удивился бы самъ, если бы былъ способенъ къ самоанализу: онъ не просто заплакалъ, какъ плачутъ городскія дѣти, худыя и истощенныя,—онъ закричалъ громче самаго горластаго мужика и началъ кататься по землѣ. Худая рученка его сжималась въ кулакъ и била по рукѣ матери, по землѣ, по чемъ попало, чувствуя боль отъ острыхъ камешковъ и песчинокъ, но какъ будто стараясь еще усилить ее.

На другой день, съ семичасовымъ утреннимъ поѣздомъ, Петька уже ѣхалъ въ Москву. Опять передъ нимъ мелькали зеленыя поля, сѣдыя отъ ночной росы, но только убѣгали не въ ту сторону, что раньше, а въ противоположную. Подержанная гимназическая курточка облекала его худенькое тѣло, изъ-за ворота ея выставлялся кончикъ бѣлаго бумажнаго воротничка. Петька не вертѣлся и почти не смо-

трѣлъ въ окно, а сидѣлъ такой тихенькій и скромный, и рученки его были благонравно сложены на колѣняхъ. Глаза были сонливы и апатичны, тонкія морщинки, какъ у стараго человѣка, ютились около глазъ и подъ носомъ. Вотъ замелькали у окна столбы и стропила платформы, и поѣздъ остановился. Толкаясь среди торопившихся пассажировъ, они вышли на грохочущую улицу, и большой жадный городъ равнодушно поглотилъ свою маленькую жертву.

— Ты удочку спрячь! — сказалъ Петька, когда мать довела его до порога парикмахерской.

— Спрячу, сынокъ, спрячу! Можетъ, еще пріѣдешь.

И снова въ грязной и душной парикмахерской звучалъ отрывистый: „Мальчикъ, воды!“

Приваливаться, привалиться къ чему-нибудь—прислониться, упереться во что для поддержки. *Мѣста и много, а привалиться негдѣ.*

Струпъ—кора, которой покрывается заживающая рана.

Сутолока—толкотня, суматоха, суета, безпорядокъ.

Стержень—1, торчокъ, на который что-либо надѣвается, насаживается; 2, самая середина чего-нибудь, напр., стержень дерева.

Поставить—имѣетъ различныя значенія, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: Поставить самоваръ.—Поставить ловушку.—Поставить хлѣбъ (замѣсить квашню).—Поставить паруса.—Поставить драму, комедію на сценѣ.—Поставить піявки.—Поставить часы.—Поставить кого-нибудь съ кѣмъ-нибудь на одну доску.—Поставить въ упрекъ.—Поставить себѣ за правило.—Поставить на ноги (кого-нибудь вылѣчить отъ серьезной болѣзни, а также дать кому-нибудь возможность самостоятельно зарабатывать себѣ хлѣбъ).—Поставить товаръ въ срокъ.—Поставить кому памятникъ.—Поставить на своемъ.

Лязгъ—звонъ, стукъ. Отъ **лязгать**—визжать, щелкать. Звучный лязгъ косы раздается за вами (Тургеневъ „Записки охотника“).

Безцеремонно—съ оттѣнкомъ развязности, беззастѣнчивости. Безцеремонное обращеніе. Надо различать два выраженія: безцеремонно и безъ церемоній. **Церемоніи** (франц.)—особыя правила приличій, соблюдаемыя между мало знакомыми людьми. Пожалуйста, безъ церемоній, будьте какъ дома!

Ляскать—щелкать, ударять зубами. Волкъ ляснулъ зубами, выпрыгнулъ задними ногами изъ водомоины и, поджавъ хвостъ, опять отдѣлившись отъ собакъ, двинулся впередъ (Толстой „Война и миръ“).—Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ, зубами ляская и ощетиня шерсть (Крыловъ „Волкъ на псарнѣ“).

Неистощимый—то, чего нельзя истощить, т.-е. израсходовать, истратить до конца. Неистощимыя богатства природы.—Неистощимый разсказчикъ.—Неистощимое воображеніе.

Амбразура (франц.)—оконная впадина въ стѣнѣ.

Цехъ (нѣм.)—общество ремесленниковъ, занимающихся однимъ мастерствомъ.

Подержанный—бывшій въ употребленіи, не новый. Подержанная мебель.—Онъ торгуетъ подержанной одеждой.

Операція (лат.)—1, вообще дѣйствіе; 2, торговое дѣло, хозяйственное предпріятіе; сдѣлка, оборотъ; 3, въ медицинѣ удаленіе поврежденной части тѣла или лѣченіе при помощи хирургическихъ инструментовъ.

Истый—истинный, подлинный, настоящій. *Кто за правду горой, тотъ истый герой.*—Даже бородатые мужики, какъ истые потомки славянъ, улыбались изъ-подъ огромныхъ березовыхъ вѣнковъ (Бунинъ „Руда").

Спортсменъ (англ.)—человѣкъ спорта, т.-е. любитель упражненій и игръ на открытомъ воздухѣ.

Облекать, облачать, облечь — одѣвать, покрывать. Облачать священника въ ризы. (Отсюда—**облаченіе**.)—Облечь кого-нибудь властью значитъ дать право на извѣстныя дѣйствія.—Тучи обоволокли небо.—Небо оболочило (облаками).

Апатичный (греч.)—равнодушный ко всему, вялый.

Ютиться — прятаться, укрываться, имѣть пристанище, примащиваться. Какія вы знаете слова того же корня? Послѣ пожара, этотъ заброшенный человѣкъ пріютился или, какъ говорятъ орловцы, „притулился" у садовника Митрофана (Тургеневъ „Записки охотника").

Платформа (франц.) — длинный помостъ, у котораго останавливаются поѣзда; помостъ передъ караульней; полъ-настилка для установки чего-либо, напр., пушки.

89. Утро.

Стихотвореніе *И. С. Никитина.*

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
   Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
   отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишъ-безлюдье вокругъ.
   Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
   съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщитъ, рябитъ.
   Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
   Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
   А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
   и стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
   за морями ночлегъ свой покинуло;
на поля, на луга, на макушки ракитъ
   золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ,
   по плечу молодцу все тяжелое...

Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

Меркнуть—терять свѣтъ, блескъ, тускнѣть. День меркнетъ, приходитъ ночная пора (А. Толстой „Василій Шибановъ"). **Мерцать** — слабо сверкать, сіять блѣднымъ или дрожащимъ свѣтомъ. Огонекъ едва мерцаетъ. — Звѣзды мерцаютъ во тьмѣ. — Посмотри, въ избѣ, мерцая, свѣтитъ огонекъ (Майковъ).

Рябить—дѣлать пестрымъ, шероховатымъ, шершавымъ. Вѣтерокъ рябитъ озеро— подернулъ струйками, сморщилъ, покрылъ рябью. Употребляется обыкновенно въ безличной формѣ: Рябитъ въ глазахъ, видится не ясно, мелькаетъ, пестритъ.

Шалашъ — наскоро сдѣланный въ лѣсу или въ полѣ пріютъ; палатка, сдѣланная изъ вѣтвей или изъ рогожи. Я подошелъ къ шалашу, заглянулъ подъ соломенный наметъ и увидалъ старика (Тургеневъ „Записки охотника").

Хлынуть — натечь, набѣжать, налетѣть во множествѣ, потокомъ, толпой. Дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. — Тутъ новая толпа хлынула рѣкою изъ поперечной улицы; какъ бурное море шумѣлъ и волновался народъ на городской площади (Загоскинъ „Юрій Милославскій").

По плечу кому-нибудь — по силамъ.

90. Въ гостяхъ у дядюшки.

Изъ романа *гр. Л. Н. Толстого „Война и миръ"*.

Въ вечеру Николай оказался на такомъ далекомъ разстояніи отъ дома, что принялъ предложеніе дядюшки оставить охоту и ночевать у него, у дядюшки, въ его деревенькѣ Михайловкѣ.

— И если бы заѣхали ко мнѣ... чистое дѣло маршъ! — сказалъ дядюшка, — еще бы того лучше; видите, погода мокрая, — говорилъ дядюшка, — отдохнули бы, графинечку бы отвезли въ дрожкахъ. — Предложеніе дядюшки было принято, за дрожками послали охотника въ Отрадное, а Николай съ Наташей и Петей поѣхали къ дядюшкѣ.

Человѣкъ пять, большихъ и малыхъ, дворовыхъ мужчинъ выбѣжало на парадное крыльцо встрѣчать барина. Десятки женщинъ, старыхъ, большихъ и малыхъ, высунулись съ задняго крыльца смотрѣть на подъѣзжавшихъ охотниковъ. Присутствіе Наташи, женщины, барыни верхомъ, довело любопытство дворовыхъ дядюшки до тѣхъ предѣловъ, что многіе, не стѣсняясь ея присутствіемъ, подходили къ ней, заглядывали ей въ глаза и при ней дѣлали о ней свои замѣчанія, какъ о показываемомъ чудѣ, которое не человѣкъ и не можетъ слышать и понимать, что говорятъ о немъ.

— Аринка, глянь-ка, на бочкю сидитъ! Сама сидитъ, а подолъ болтается... Вишь, и рожокъ!

— Батюшки-свѣты, ножикъ-то!..

— Вишь, татарка!

— Какъ же ты не перекувыркнулась-то?—говорила самая смѣлая, прямо ужъ обращаясь къ Наташѣ.

Дядюшка слѣзъ съ лошади у крыльца своего деревяннаго, заросшаго садомъ домика и, оглянувъ своихъ домочадцевъ, крикнулъ повелительно, чтобы лишніе отошли и чтобы было сдѣлано все нужное для пріема гостей и охоты.

Все разбѣжалось. Дядюшка снялъ Наташу съ лошади и за руку повелъ ее по шаткимъ дощатымъ ступенямъ крыльца. Въ домѣ, не оштукатуренномъ, съ бревенчатыми стѣнами, было не очень чисто,— не видно было, чтобы цѣль жившихъ людей состояла въ томъ, чтобы не было пятенъ,—но не было замѣтно запущенности. Въ сѣняхъ пахло свѣжими яблоками и висѣли волчьи и лисьи шкуры.

Черезъ переднюю дядюшка провелъ своихъ гостей въ маленькую залу со складнымъ столомъ и красными стульями, потомъ въ гостиную съ березовымъ круглымъ столомъ и диваномъ, потомъ въ кабинетъ съ оборваннымъ диваномъ, истасканнымъ ковромъ и съ портретами Суворова, отца и матери хозяина и его самого въ военномъ мундирѣ. Въ кабинетѣ слышался сильный запахъ табаку и собакъ. Въ кабинетѣ дядюшка попросилъ гостей сѣсть и расположиться какъ дома, а самъ вышелъ. Ругай съ невычистившеюся спиной вошелъ въ кабинетъ и легъ на диванъ, обчищая себя языкомъ и зубами. Изъ кабинета шелъ коридоръ, въ которомъ виднѣлись ширмы съ прорванными занавѣсками. Изъ-за ширмъ слышался женскій смѣхъ и шопотъ. Наташа, Николай и Петя раздѣлись и сѣли на диванъ. Петя облокотился на руку и тотчасъ же заснулъ; Наташа и Николай сидѣли молча. Лица ихъ горѣли, они были очень голодны и очень веселы. Они поглядѣли другъ на друга (послѣ охоты, въ комнатѣ, Николай уже не считалъ нужнымъ выказывать свое мужское превосходство предъ своею сестрой); Наташа подмигнула брату, и оба удерживались недолго и звонко расхохотались, не успѣвъ еще придумать предлога для своего смѣха.

Немного погодя, дядюшка вошелъ въ казакинѣ, синихъ панталонахъ и маленькихъ сапогахъ. И Наташа почувствовала, что этотъ самый костюмъ, въ которомъ она съ удивленіемъ и насмѣшкой видала дядюшку въ Отрадномъ, былъ настоящій костюмъ, который былъ

ничѣмъ не хуже сюртуковъ и фраковъ. Дядюшка былъ тоже веселъ; онъ не только не обидѣлся смѣху брата и сестры (ему въ голову не могло прійти, чтобы могли смѣяться надъ его жизнью), а самъ присоединился къ ихъ безпричинному смѣху.

— Вотъ такъ графиня молодая — чистое дѣло маршъ! — другой такой не видывалъ...— сказалъ онъ, подавая одну трубку съ длиннымъ чубукомъ Ростову, а другой, короткій, обрѣзанный чубукъ закладывая привычнымъ жестомъ между трехъ пальцевъ. — День отъѣздила, хоть мужчинѣ въ пору, и какъ ни въ чемъ не бывало!

Скоро послѣ дядюшки отворила дверь, по звуку ногъ очевидно босая, дѣвка, и въ дверь съ большимъ уставленнымъ подносомъ въ рукахъ вошла толстая, румяная, красивая женщина, лѣтъ 40, съ двойнымъ подбородкомъ и полными, румяными губами. Она съ гостепріимною представительностью и привлекательностью въ глазахъ и каждомъ движеніи оглянула гостей и съ ласковою улыбкой почтительно поклонилась имъ. Несмотря на толщину больше чѣмъ обыкновенную, женщина эта ступала чрезвычайно легко. Анисья Ѳедоровна подошла къ столу, поставила подносъ и ловко своими бѣлыми, пухлыми руками сняла и разставила по столу бутылки, закуски и угощенья. Окончивъ это, она отошла и съ улыбкой на лицѣ стала у двери. На подносѣ были травникъ, наливки, грибки, лепешечки черной муки на юрагѣ, сотовый медъ, медъ вареный и шипучій, яблоки, орѣхи сырые и каленые и орѣхи въ меду. Потомъ принесено было Анисьей Ѳедоровной и варенье на меду и на сахарѣ, и ветчина, и курица, только что зажаренная.

Все это было хозяйства, сбора и варенья Анисьи Ѳедоровны. Все это и пахло, и отзывалось, и имѣло вкусъ Анисьи Ѳедоровны. Все отзывалось сочностью, чистотой, бѣлизной и пріятною улыбкой.

— Покушайте, барышня - графинюшка, — приговаривала она, подавая Наташѣ то то, то другое. Наташа ѣла все, и ей показалось, что подобныхъ лепешекъ на юрагѣ, съ такимъ букетомъ вареній, на меду орѣховъ и такой курицы никогда она нигдѣ не видала и не ѣдала. Анисья Ѳедоровна вышла. Ростовъ съ дядюшкой, запивая ужинъ вишневою наливкой, разговаривали о прошедшей и о будущей охотѣ, о Ругаѣ и Илагинскихъ собакахъ. Наташа съ блестящими глазами прямо сидѣла на диванѣ, слушая ихъ. Нѣсколько разъ она пыталась разбудить Петю, чтобы дать ему поѣсть чего-нибудь, но онъ говорилъ что-то непонятное, очевидно не просыпаясь. Наташѣ такъ весело было на душѣ, такъ хорошо въ этой новой для нея

обстановкѣ, что она только боялась, что слишкомъ скоро за ней пріѣдутъ дрожки. Послѣ наступившаго случайно молчанія, какъ это почти всегда бываетъ у людей, въ первый разъ принимающихъ въ своемъ домѣ своихъ знакомыхъ, дядюшка сказалъ, отвѣчая на мысль, которая была у его гостей:

— Такъ-то вотъ и доживаю свой вѣкъ... Умрешь — чистое дѣло маршъ!—ничего не останется. Что жъ и грѣшить-то!

Лицо дядюшки было очень значительно и даже красиво, когда онъ говорилъ это. Ростовъ невольно вспомнилъ при этомъ все, что онъ хорошаго слыхалъ отъ отца и сосѣдей о дядюшкѣ. Дядюшка во всемъ околоткѣ губерніи имѣлъ репутацію благороднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго чудака. Его призывали судить семейныя дѣла, его дѣлали душеприказчикомъ, ему повѣряли тайны, его выбирали въ судьи и другія должности, но отъ общественной службы онъ всегда упорно отказывался, осень и весну проводя въ поляхъ на своемъ кауромъ меринѣ, зиму сидя дома, лѣтомъ лежа въ своемъ заросшемъ саду.

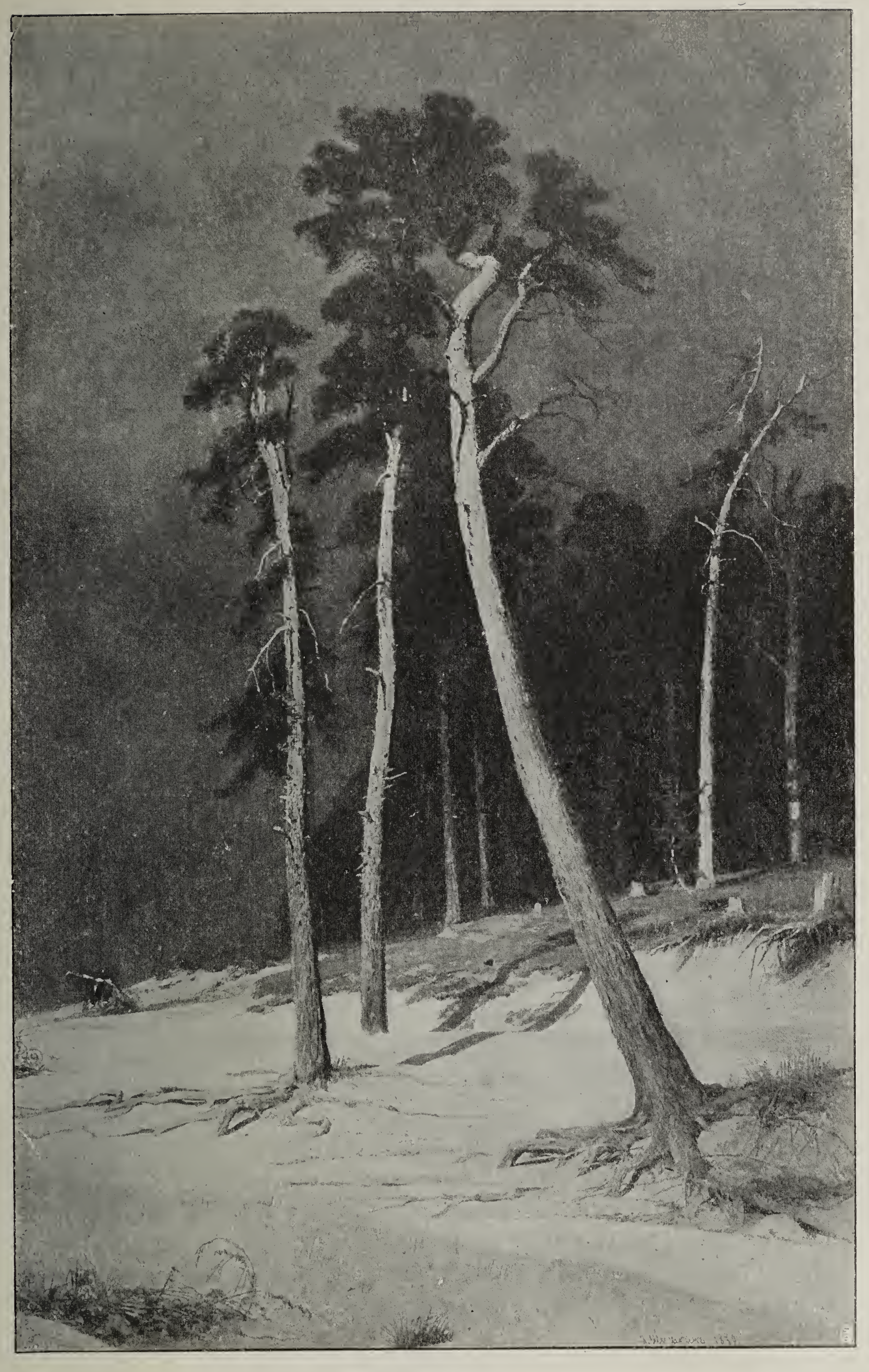
— Что же вы не служите, дядюшка?

— Служилъ, да бросилъ. Не гожусь — чистое дѣло маршъ! — я ничего не разберу. Это ваше дѣло, а у меня ума не хватитъ. Вотъ насчетъ охоты другое дѣло, это чистое дѣло маршъ!.. Отворите-ка дверь-то, — крикнулъ онъ. — Что жъ затворили? — Дверь въ концѣ коридора (который дядюшка называлъ колидоръ) вела въ холостую, охотническую: такъ называлась людская для охотниковъ. Босыя ноги быстро зашлепали, и невидимая рука отворила дверь въ охотническую. Изъ коридора ясно стали слышны звуки балалайки, на которой игралъ очевидно какой-нибудь мастеръ этого дѣла. Наташа уже давно прислушивалась къ этимъ звукамъ и теперь вышла въ коридоръ, чтобы слышать ихъ яснѣе.

— Это у меня мой Митька кучеръ... Я ему купилъ хорошую балалайку, люблю! — сказалъ дядюшка. У дядюшки было заведено, чтобы, когда онъ пріѣзжаетъ съ охоты, въ холостой, охотнической Митька игралъ на балалайкѣ. Дядюшка любилъ слушать эту музыку.

— Какъ хорошо! Право отлично, — сказалъ Николай съ нѣкоторымъ невольнымъ пренебреженіемъ, какъ будто ему совѣстно было признаться въ томъ, что ему очень были пріятны эти звуки.

— Какъ отлично?—съ упрекомъ сказала Наташа, чувствуя тонъ, которымъ сказалъ это братъ.—Не отлично, а это прелесть что такое!— Ей такъ же, какъ грибки, медъ и наливки дядюшки казались лучшими въ мірѣ, такъ и эта пѣсня казалась ей въ эту минуту верхомъ музы-

Гроза. *И. И. Шишкина.*

кальной прелести. — Еще, пожалуйста еще!... — сказала Наташа въ дверь, какъ только замолкла балалайка. Митька настроилъ и опять молодецки задребезжалъ Барыню съ переборами и перехватами. Дядюшка сидѣлъ и слушалъ, склонивъ голову на бокъ, съ чуть замѣтною улыбкой. Мотивъ Барыни повторился разъ сто. Нѣсколько разъ балалайку настраивали, и опять дребезжали тѣ же звуки, а слушателямъ не наскучивало и только хотѣлось еще и еще слышать эту игру. Анисья Ѳедоровна вошла и прислонилась своимъ тучнымъ тѣломъ къ притолкѣ.

— Изволите слушать?—сказала она Наташѣ, съ улыбкой, чрезвычайно похожею на улыбку дядюшки.—Онъ у насъ славно играетъ,—сказала она.

— Вотъ въ этомъ колѣнѣ не то дѣлаетъ, — вдругъ съ энергическимъ жестомъ сказалъ дадюшка. — Тутъ разсыпать надо — чистое дѣло маршъ! -- разсыпать.

— А вы развѣ умѣете? — спросила Наташа.

Дядюшка, не отвѣчая, улыбнулся.

— Посмотри-ка, Анисьюшка, что, струны-то цѣлы, что ль, на гитарѣ-то? Давно ужъ въ руки не бралъ — чистое дѣло маршъ! — забросилъ.

Анисья Ѳедоровна охотно пошла своею легкою поступью исполнить порученіе своего господина и принесла гитару.

Дядюшка, ни на кого не глядя, сдунулъ пыль, костлявыми пальцами стукнулъ по крышкѣ гитары, настроилъ и поправился на креслѣ. Онъ взялъ (нѣсколько театральнымъ жестомъ, отставивъ локоть лѣвой руки) гитару повыше шейки и, подмигнувъ Анисьѣ Ѳедоровнѣ, началъ не Барыню, а взялъ одинъ звучный, чистый аккордъ и мѣрно, спокойно, но твердо началъ весьма тихимъ темпомъ отдѣлывать извѣстную пѣсню: „По у-ли-и-ицѣ мостовой“. Въ разъ, въ тактъ, съ тѣмъ степеннымъ весельемъ (тѣмъ самымъ, которымъ дышало все существо Анисьи Ѳедоровны) запѣлъ въ душѣ у Николая и Наташи мотивъ пѣсни. Анисья Ѳедоровна закраснѣлась и, закрывшись платкомъ, смѣясь, вышла изъ комнаты. Дядюшка продолжалъ чисто, старательно и энергически-твердо отдѣлывать пѣсню, измѣнившимся вдохновеннымъ взглядомъ глядя на то мѣсто, съ котораго ушла Анисья Ѳедоровна. Чуть-чуть что-то смѣялось въ его лицѣ съ одной стороны подъ сѣдымъ усомъ, особенно смѣялось тогда, когда дальше расходилась пѣсня, ускорился тактъ и въ мѣстахъ переборовъ отрывалось что-то.

— Прелесть, прелесть, дядюшка! Еще, еще!—закричала Наташа, какъ только онъ кончилъ. Она, вскочивши съ мѣста, обняла дядюшку и поцѣловала его. — Николенька, Николенька! — говорила она, оглядываясь на брата и какъ бы спрашивая его: что же это такое?

Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. Дядюшка второй разъ заигралъ пѣсню. Улыбающееся лицо Анисьи Ѳедоровны явилось опять въ дверяхъ, и изъ-за ней еще другія лица... „За холодной ключевой, кричитъ дѣвица постой!“ игралъ дядюшка, сдѣлалъ опять ловкій переборъ, оторвалъ и шевельнулъ плечами.

— Ну, ну, голубчикъ дядюшка! — такимъ умоляющимъ голосомъ застонала Наташа, какъ будто жизнь ея зависѣла отъ этого. Дядюшка всталъ и какъ будто въ немъ было два человѣка: одинъ изъ нихъ серьезно улыбнулся надъ весельчакомъ, а весельчакъ сдѣлалъ наивную и аккуратную выходку передъ пляской.

— Ну, племянница! — крикнулъ дядюшка, взмахнувъ къ Наташѣ рукой, оторвавшею аккордъ.

Наташа сбросила съ себя платокъ, который былъ накинутъ на ней, забѣжала впередъ дядюшки и, подперши руки въ боки, сдѣлала движенье плечами и стала.

Гдѣ, какъ, когда всосала въ себя изъ того русскаго воздуха, которымъ она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этотъ духъ, откуда взяла она эти пріемы, которые pas de châle давно бы должны были вытѣснить? Но духъ и пріемы эти были тѣ самые, неподражаемые, неизучаемые, русскіе, которыхъ и ждалъ отъ нея дядюшка. Какъ только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страхъ, который охватилъ было Николая и всѣхъ присутствующихъ, — страхъ, что она не то сдѣлаетъ, — прошелъ и они уже любовались ею.

Она сдѣлала то самое и такъ точно, — такъ вполнѣ точно это сдѣлала, — что Анисья Ѳедоровна, которая тотчасъ подала ей необходимый для ея дѣла платокъ, сквозь смѣхъ прослезилась, глядя на эту тоненькую, граціозную, такую чужую ей, въ шелку и въ бархатѣ воспитанную графиню, которая умѣла понять все то, что было и въ Анисьѣ, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ, и въ матери, и во всякомъ русскомъ человѣкѣ.

— Ну, графинечка, чистое дѣло маршъ! — радостно смѣясь, сказалъ дядюшка, окончивъ пляску.

Дядюшка сыгралъ еще пѣсню и вальсъ; потомъ, помолчавъ прокашлялся и запѣлъ свою любимую охотническую пѣсню:

Какъ со вечера пороша
Выпадала хороша...

Дядюшка пѣлъ такъ, какъ поетъ народъ, съ тѣмъ полнымъ и наивнымъ убѣжденіемъ, что въ пѣснѣ все значеніе заключается только въ словахъ, что напѣвъ самъ собою приходитъ и что отдѣльнаго напѣва не бываетъ, а что напѣвъ — такъ только, для складу. Отъ этого-то этотъ безсознательный напѣвъ, какъ бываетъ напѣвъ птицы, и у дядюшки былъ необыкновенно хорошъ. Наташа была въ восторгѣ отъ пѣнія дядюшки.

Въ десятомъ часу за Наташей и Петей пріѣхали линейка, дрожки и трое верховыхъ, посланныхъ отыскивать ихъ. Графъ и графиня не знали, гдѣ они, и очень безпокоились, какъ сказалъ посланный.

Петю снесли и положили какъ мертвое тѣло въ линейку; Наташа съ Николаемъ сѣли въ дрожки. Дядюшка укутывалъ Наташу и прощался съ ней съ совершенно новою нѣжностью. Онъ пѣшкомъ проводилъ ихъ до моста, который надо было объѣхать въ бродъ, и велѣлъ съ фонарями ѣхать впередъ охотникамъ.

— Прощай, племянница дорогая! — крикнулъ изъ темноты его голосъ, не тотъ, который знала прежде Наташа, а тотъ, который пѣлъ: „Какъ со вечера пороша".

Чубукъ—длинный тонкій стволъ трубки. Пѣтушковъ началъ курить; чубучекъ захрипѣлъ, какъ запаленная лошадь (Тургеневъ).

Юрага—сыворотка; остатки отъ сбитаго и топленаго масла. Юражная каша.

Околотокъ—предмѣстье города, слобода, посадъ; окрестныя селенія.

Душеприказчикъ—тотъ, кому умирающій препоручаетъ исполненіе послѣдней своей воли.

Дребезжать—издавать прерывистый звукъ, подобный звуку, издаваемому треснувшимъ сосудомъ или колоколомъ. Дождь, безъ устали дребезжащій въ окна его кабинета, наводитъ на него полудремоту (Салтыковъ „Господа Головлевы").— „Вставай, вставай!" дребезжала ему на ухо нѣжная супруга (Гоголь „Сорочинская ярмарка").—Другой разъ она позвала Дуняшу, и голосъ ея задребезжалъ (Толстой „Война и миръ").—Телѣга задребезжала и покатилась (Тургеневъ „Отцы и дѣти").

Притолка—верхній брусъ, косякъ въ дверяхъ, въ воротахъ. *О порогъ ногою, о притолку головою,* высокъ ростомъ.

Колѣно—1, переходъ звуковъ, голоса, пѣнія, воя. Пѣсельники въ это время, окончивъ колѣно, переводили духъ (А. Толстой „Князь Серебряный").

Аккордъ (итал.)—соединеніе нѣсколькихъ музыкальныхъ тоновъ, основанное на взаимной гармонической связи. Вдругъ раздался въ домѣ аккордъ, — раздался и прокатился волною (Тургеневъ „Три встрѣчи").

Пороша (гл. **порошить**) — свѣже-выпавшій снѣгъ. — Убродъ, глубокій, рыхлый снѣгъ.—Чиръ, обледенѣвшій сверху тонкой корой снѣгъ.—Настыль, намерзшій толстой корой снѣгъ.—Настъ, окрѣпшій, плотно слежавшійся снѣгъ.

Бродъ—мелкое мѣсто въ рѣкѣ, на озерѣ, на болотѣ. *Не спросясь броду, не суйся въ воду.*—Поищемъ лучше броду (Крыловъ „Лжецъ").

⁂

91. Ночь.

Стихотвореніе *И. С. Никитина.*

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ.
Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ, одна за другой,
и мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ
золотой.

Извивы рѣки серебристой межъ зеленью луга блеснули;
вокругъ тишина и безлюдье: и поле, и берегъ уснули;
лишь мельницы старой колеса, алмазъ разсыпая, шумятъ,
да съ вѣтромъ волнистыя нивы, Богъ знаетъ о чемъ говорятъ.

На кольяхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты мокрыя сѣти;
вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ рѣзвыя дѣти
играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ водяной
улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей волной

Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ караваномъ,
надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ туманомъ,
и, къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь чуткій
прерывистый сонъ,
тростникъ молчаливо внимаетъ таинственной музыкѣ волнъ.

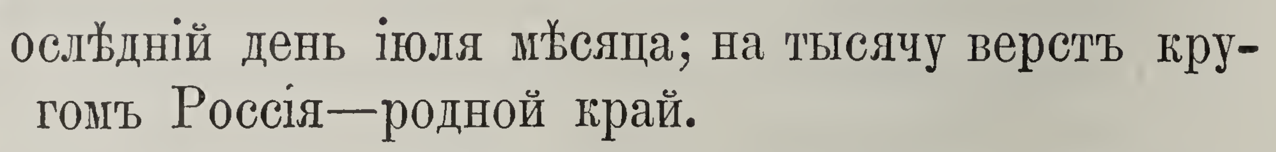
Гряда—1, полоса, рядъ, цѣпь. Гряда острововъ.—Гряда подводныхъ камней.—Волнистыя облака грядой тихонько мимо пробѣгали (Державинъ).—А тамъ вдали грядой нестройной... тянулись горы (Лермонтовъ „Валерикъ“); 2, небольшой горный кряжъ, коса по водѣ, перекатъ подъ водой. Песчаная, каменистая гряда; 3, въ огородахъ и садахъ: взрытая полоса земли, отдѣленная отъ другой бороздою. Тѣсно торчали на грядахъ бурые прутья, перепутанные засохшимъ горохомъ. (Тургеневъ „Записки охотника“).

Караванъ (арабск.)—толпа, сборище путниковъ на ходу. Когда же на западъ умчался туманъ, урочный свой путь совершалъ караванъ (Лермонтовъ „Три пальмы“).—Гусей крикливыхъ караванъ тянулся къ югу (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ“).—Торговый, вьючный караванъ.

❊

92. Деревня.

Стихотвореніе въ прозѣ *И. С. Тургенева.*

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровно синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ — не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ — молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой, и дегтемъ маленько, и маленько кожей. Коноплянники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, книзу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба, синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, насторoживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припекѣ, а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни, въ чистыхъ, низко подпоясанныхъ рубашкахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу, зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха-хозяйка въ новой клѣтчатой панёвѣ, въ новыхъ котахъ.

Крупныя дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ, неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба. „Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!“

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертый теленокъ.

— Ай да овесъ! — слышится голосъ моего кучера...

О, довольство, покой, избытокъ русской вольной жизни! О, тишь и благодать!

Войти въ силу — окрѣпнуть, подняться, вырасти; переносно — получить значеніе, начать дѣйствовать. Законъ вошелъ въ силу. А что значитъ: Войти въ соглашеніе. — Войти въ долги. — Войти въ мысль. — Войти къ кому-нибудь въ милость. — Войти въ славу, въ честь. — Войти въ употребленіе, въ обычай. — Войти въ пословицу. — Войти въ азартъ. — Войти въ лѣта. — Войти съ просьбой. — Войти въ сущность дѣла. — Войти въ чье-либо положеніе. — Войти въ свою роль.

Завалинка — земляная насыпь вокругъ стѣны избы; глиняная лавка. Говорятъ... вполголоса старики, сидя на завалинкахъ и толкуя межъ собой въ лѣтніе вечера (Тургеневъ „Записки охотника“)

Истома отъ гл. **истомлять** — истощать, томить до изнеможенія. Чѣмъ ближе подходилъ день отъѣзда, тѣмъ нервное состояніе ея становилось чувствительнѣе; но не даромъ говорятъ, *истома хуже смерти*... день отъѣзда пришелъ, и Ольга Ѳедоровна встрепенулась (Лѣсковъ „Захудалый родъ“).

Перекидываться, перекинуться — имѣетъ нѣсколько значеній. Опредѣлите ихъ по слѣдующимъ примѣрамъ: Отъ сосѣдей всякій соръ перекидывается къ намъ черезъ заборъ. — Онъ перекинулся къ недругамъ нашимъ. — Бабы перекидывались бранью. — Огонь перекинулся съ одной избы на другую. — Нельзя перекинуться и словечкомъ. — Хмель перекинулся черезъ плетень, черезъ перила балкона. — Черезъ пропасть перекинулся легкій желѣзный мостъ. — Заслышалъ жеребецъ погоню, ударился о сырую землю, перекинулся гончею собакою и побѣжалъ пуще прежняго (Народная сказка).

*

93. Нива.

Стихотвореніе *А. Н. Майкова.*

По нивѣ прохожу я узкою межой,
поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
и колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ
и жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
вонъ — по зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
на пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
нагнувши головы, плечами напирая
и длинной бечевой по влагѣ ударяя...

О, Боже! ты даешь для родины моей
тепло и урожай, дары святые неба,—
но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
тобой посѣяны, повѣяла весна,
и непогодами не сгубленныя зерна
пустили свѣжіе ростки свои проворно...
О, дай намъ солнышка, пошли ты ведра намъ,
чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
прійти на тучныя ихъ нивы подышать
и, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
промолвить: „Господи! какая благодать!“

Межа — граница, раздѣляющая два владѣнія. Обратите вниманіе на гл. **межевать** съ большимъ количествомъ приставокъ. Одно поле вмежевалъ въ межу, замежевалъ намъ, другое вымежевалъ сосѣду.—Мы размежевались.—Домежевались до ссоры.—Я обмежевался кругомъ.—Сосѣдъ подмежевался къ намъ.—Измежевали всѣ луга.—Надо примежевать еще десятину.—Лѣсъ отмежевали отъ насъ.—Хоть бы вѣтеръ перемежилъ, затихъ на время.

Цѣпкій—то, что легко цѣпляется и, ухватившись, крѣпко держится. Цѣпкій хвостъ у обезьяны. — Сѣтью изумрудной покрыла цѣпкая трава сухое дерево (Никитинъ).

Бурлакъ — работникъ на рѣчныхъ судахъ. Почти пригнувшись головой къ ногамъ, обвитымъ бечевой, обутымъ въ лапти, вдоль рѣки ползли гурьбою бурлаки (Некрасовъ „Бурлаки“).

Бечева—веревка, которою тянутъ судно противъ теченія. Идти бечевой.

Опереться—прислониться, подпираться чѣмъ-либо. Опереться на чье-либо мнѣніе, на чей-либо авторитетъ, на какой-либо источникъ.—Опереться на палку

94. Всенощная въ деревнѣ.

Стихотвореніе *И. С. Аксакова.*

День вечерѣлъ. Косая тѣнь
ложилась низко и широко.
Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка...
Приди ты, немощный,
приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
къ молитвѣ благостной!
И звонъ смиряющій
всѣмъ въ душу просится,
окрестъ сзывающій,
въ поляхъ разносится!..
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
есть церковь новая;

воздвигла Божій домъ
сума торговая,
и службы Божія
богато справлены,
иконъ подножія
свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ,
сперва помолится,
поклонъ земной кладетъ,
кругомъ поклонится...
И стройно клирное
несется пѣніе,
и дьяконъ мирное
твердитъ глашеніе:

о благодарственномъ
трудѣ молящихся,
о градѣ царственномъ,
о всѣхъ трудящихся,
о тѣхъ, кому въ удѣлъ
страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
густой отъ ладана.
И заходящими
лучами сильными,
и вкось блестящими
столбами пыльными—
отъ солнца—Божій храмъ
горитъ и свѣтится...

Вѣщій (стар.)—1, предсказывающій, пророческій. Говорило мнѣ вѣщее сердце (Жуковскій); 2, мудрый, вдохновенный, краснорѣчивый. Вѣщій Олегъ.—Вѣщій Баянъ.

Немощный—безсильный, хилый, больной, дряхлый, скорбный. Яма эта будетъ мнѣ могилой; умираю немощный и хилый (Курочкинъ).—Мнѣ что-то неможется, нездоровится.

Благостный—благодѣтельный, милостивый, милосердный, отъ слова **благость**—высшая степень любви и милосердія. Истинная благость безъ всякой мзды добро творить (Крыловъ „Лань и дервишъ").

Смиряющій—умиротворяющій, успокаивающій, примиряющій, устраняющій тревогу, безпокойство.

Справлены отъ **править**—см. стр. 34.

Клирное отъ **клиросъ**—мѣсто въ церкви для пѣвчихъ. Головщикъ (монахъ, стоящій во главѣ хора, обыкновенно басъ) праваго клироса звонкимъ голосомъ поаминилъ и дробно началъ чтеніе канона (Печерскій „Въ лѣсахъ").

Твердить—повторять, говорить, напоминать себѣ и другимъ, заучить, утверждать. Твердить урокъ.—Ужъ сколько разъ твердили міру (Крыловъ „Ворона и лисица"). *Затвердила сорока Якова одно про всякаго.*

Глашеніе то же, что **возглашеніе** отъ гл. **возглашать**—произносить громогласно объявлять во всеуслышаніе.

Благодарственный—заключающій въ себѣ выраженіе благодарности. Благодарственный молебенъ.—Благодарственный адресъ.

Удѣлъ—1, доля, судьба, жребій, рокъ, участь. О, вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ высокій санъ! вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите (Крыловъ).—Тяжелый удѣлъ достался ему на долю; 2, (старинн.) наслѣдственное княжество Черниговскій удѣлъ.—Удѣльный князь.—Удѣльная Русь.

✻

95. Крестьянинъ и работникъ.

Басня *И. А. Крылова.*

Когда у насъ бѣда надъ головой,
то рады мы тому молиться,
кто вздумаетъ за насъ вступиться;
но только съ плечъ бѣда долой,

то избавителю отъ насъ же часто худо:
всѣ взапуски его цѣнятъ;
и если онъ у насъ не виноватъ,
такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ
шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
и повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
и, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ.
Конецъ приходитъ старику!
„Степанушка родной, не выдай, милый!“
изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
что только было въ немъ,
отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
и брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ—
и онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй“, говоритъ: „за что?„—„За что! болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!“

Съ плечъ долой—сбыть, отдѣлаться. Обычай мой такой: подписано, такъ съ плечъ долой! (Грибоѣдовъ „Горе отъ ума“.)

Цѣнить—1, бранить, ругать, поносить, хулить кого; 2, опредѣлять стоимость, цѣну; 3, опредѣлять достоинство, заслуги человѣка.

Батракъ—крестьянинъ, работающій по найму у кого-либо, преимущественно у другого крестьянина. Посмотришь—одинъ я батракъ и хозяинъ (Кольцовъ).—Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ (Пушкинъ „Исторія села Горохина“).

Опредѣлите различныя значенія слова **насѣсть** по слѣдующимъ примѣрамъ: Множество скворцовъ насѣло на иву.—Грязь насѣла на колеса.—Непріятель сильно насѣдаетъ. Какъ можно иначе сказать: медвѣдь насѣлъ?

Геркулесъ—древнегреческій герой, отличавшійся необыкновенной силой.

Отнести—въ данномъ случаѣ значитъ отхватить, отрубить.

Опѣшить—1, стать втупикъ, растеряться, недоумѣвать; 2, лишиться лошади, стать пѣшимъ.

*

96. Саша.

Изъ стихотворенія *Н. А. Некрасова* „Саша".

Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
смуглая Саша въ деревнѣ степной.
Выспится Саша, поднимется рано,
черныя косы завяжетъ у стана
и убѣжитъ, и въ просторѣ полей
сладко и вольно такъ дышится ей.
Та ли, другая предъ нею дорожка,
смѣло ей ввѣрится бойкая ножка;
да и чего побоится она?..
Все такъ спокойно; кругомъ тишина!
Полемъ идешь — все цвѣты да цвѣты;
въ небо глядишь — съ голубой высоты
солнце смѣется... Ликуетъ природа,
всюду приволье, покой и свобода;
только у мельницы злится рѣка;
нѣтъ ей простора... неволя горька!
Бѣдная! какъ она вырваться хочетъ!
брызжется пѣной, бурлитъ и клокочетъ.
Вотъ по распаханной черной полянѣ,

землю взрывая, бредутъ поселяне.
Весело видѣть семью поселянъ,
въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ!
Дорого-любо, кормилица нива,
видѣть, какъ ты колосишься красиво,
какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
гордо стоишь, высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
легкая дружно спорится работа;
вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
словно кричитъ: „Поскорѣй! поскорѣй!“
Саша проснется — бѣжитъ на гумно.
Солнышка нѣтъ — ни свѣтло, ни темно,
только что шумное стадо прогнали.
Какъ на подмерзлой грязи натоптали
лошади, овцы!.. Парнымъ молокомъ
въ воздухѣ пахнетъ. Мотая хвостомъ,
за нагруженной снопами телѣгой
чинно идетъ жеребеночекъ пѣгій;
а на гумнѣ только руки мелькаютъ
да высоко молотила взлетаютъ,
не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь.
Солнце взошло — начинается день...
Въ зимнія сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру въ салазки
Саша садилась, летѣла стрѣлой,
полная счастья, съ горы ледяной.
Нянька кричитъ: „не убейся, родная“.
Саша, салазки свои погоняя,
весело мчится. На полномъ бѣгу
на бокъ салазки — и Саша въ снѣгу!
Выбьются косы, растреплется шубка —
снѣгъ отряхаетъ, смѣется голубка!
Не до ворчанья и нянькѣ сѣдой:
любитъ она ея смѣхъ молодой...
Сашѣ случалось знавать и печали.
Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали,
ей и теперь его жалко до слезъ.
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
красные грозды калины глядѣли,
тамъ поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,
по-низу всякіе звѣри таились.
Вдругъ мужики съ топорами явились —
лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ — и вонъ побѣжалъ,
въ темную нору забилась лисица,
машетъ крыломъ осторожнѣе птица,
въ недоумѣньи тащатъ муравьи,
что ни попало, въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
словно подкошенъ, осинникъ валился,
съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,
старую сосну сперва подрубали,
послѣ арканомъ ее нагибали
и, поваливши, плясали на ней,
чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.
Изъ перерубленной старой березы
градомъ лилися прощальныя слезы
и пропадали одна за другой
данью послѣдней на почвѣ родной.
Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,
и надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
остановилась кругла и ясна —
трупы деревьевъ недвижно лежали;
сучья ломались, скрипѣли, трещали,
жалобно листья шумѣли кругомъ.
Такъ, послѣ битвы, во мракѣ ночномъ
раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ.
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ,
праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ,
низко летали, вились колесомъ

совы, шарахаясь о земь крыломъ;
звонко кукушка вдали куковала,
да, какъ безумная, галка кричала.

Ввѣриться, ввѣряться — полагаться на кого-нибудь или на что-нибудь. Мой милый! смѣлѣе ввѣряйся ты року (Лермонтовъ „Измаилъ-бей").

Брызгать, брызнуть, брызгаться — 1, кропить, окроплять, обдавать каплями жидкости. Вино струится, брызжетъ пѣна (Пушкинъ). — Игриво брызжущій фонтанъ (Жуковскій). — Не для тебя ли по скаламъ бѣгутъ и брызжутъ водопады (А. Толстой); 2, политься, внезапно показаться. Слезы брызнули изъ глазъ его (Пушкинъ „Метель").

Бурлить — 1, бушевать, сильно волноваться. Волны бурлили безъ вѣтра (Жуковскій); 2, шумѣть, браниться. Въ кабакѣ бурлитъ, бахвалится тѣмъ же вечеромъ лѣсникъ (Некрасовъ „Коробейники"). Что значитъ **бурливый?**

Клокотать — волноваться съ шумомъ, кипѣть, взбивая пѣну. Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ... (Жуковскій „Кубокъ").

Спориться — подвигаться, идти впередъ, идти впрокъ, приносить пользу, счастье. Дѣло не спорится. — *Какъ пойдетъ изъ рукъ валиться, ничего не будетъ спориться.*

Молотило — то же, что цѣпъ, чѣмъ вымолачиваютъ хлѣбное зерно. *Были бы руки, а молотило дадутъ. — Ты, Исай, наверхъ ступай; ты, Денисъ, иди на низъ, а ты, Гаврила, подержись за молотило.*

Корчить здѣсь употребляется вмѣсто сл. **корчевать** — съ корнемъ удалять деревья, очищать вырубленный лѣсъ подъ пашню.

Дань — подать, плата покореннаго народа побѣдителю; подарки или иной способъ выраженія любви, уваженія. Наложить дань. — Платить дань. — Нашъ батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ (Крыловъ „Три мужика"). — Пчела за данью полевой летитъ изъ кельи восковой (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ"). — Дань уваженія къ таланту. — И заслужи мнѣ славы дань, кривые толки, шумъ и брань (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ").

97. Одинъ день на полѣ сраженія.

Разсказъ *Ѳ. Тютчева.*

Угрюмый, измученный возвращался Павелъ Савельевъ съ позиціи, съ трудомъ передвигая ноги и опираясь на ружье. Засаленная кепка (фуражка) сползала на затылокъ, потъ струился по тощему, побурѣвшему отъ загара и копоти лицу. Брюки на одной ногѣ, повыше колѣна, были изорваны, и оттуда выглядывала грязная, закорузлая отъ запекшейся крови повязка, сквозь которую время отъ времени просачивались капли свѣжей крови.

Чрезъ каждые пятнадцать-двадцать шаговъ Павелъ Савельевъ останавливался, стаскивалъ съ головы кепку, обтиралъ лобъ, щеки и шею рукавомъ бѣлой холщевой рубахи и, вдохнувъ нѣсколько

разъ глубоко въ себя раскаленный отъ полдневнаго зноя воздухъ, тащился дальше.

До перевязочнаго пункта было всего какихъ-нибудь версты три; раненому Савельеву эти три версты казались десятью. Съ каждымъ шагомъ боль въ ранѣ обострялась, силы быстро покидали Савельева, и онъ съ ужасомъ замѣчалъ за собой, какъ раза два его словно что подхватывало, кружило и несло. Ко всему этому Савельева мучила нестерпимая жажда.

Жара стояла удушливая, воздухъ, казалось, замеръ въ огненныхъ лучахъ южнаго солнца; небо было безоблачное... ни вѣтерка... ни тѣни... Горло пересохло до боли. Савельевъ готовъ былъ отдать все за каплю воды. Дорога свернула вправо. Съ обѣихъ сторонъ потянулись виноградники, окружавшіе покинутую деревушку. Пройдя нѣсколько саженъ, Савельевъ остановился. Ему почудилось, что изъ глубины виноградниковъ раздался чей-то слабый стонъ. Онъ прислушался. Стонъ повторился громче и отчетливѣй.

— Должно быть, раненый,—подумалъ Савельевъ.

Онъ остановился въ раздумьи, идти ли своей дорогой или пойти разыскать раненаго. Но вотъ раздался снова мучительный стонъ, и чей-то голосъ, видимо съ усиліемъ, тоскливо прохрипѣлъ:

— Кто тамъ? помогите Христа ради!

— Свой!—подумалъ Савельевъ и, уже не разсуждая больше, торопливо двинулся въ кустарники, ища глазами стонавшаго. Ему не пришлось долго разыскивать. Не далѣе какъ шагахъ въ десяти отъ тропинки, Савельевъ увидѣлъ трупъ лошади. Около него, лицомъ вверхъ, лежалъ совсѣмъ еще молоденькій, безусый мальчикъ въ юнкерскомъ мундирѣ. Лицо его было блѣдно, какъ у мертвеца, дыханіе съ трудомъ вырывалось вмѣстѣ со стономъ изъ стиснутыхъ губъ. Савельевъ подошелъ къ лежавшему и участливо наклонился надъ нимъ.

— Ишь ты, молодой какой!—подумалъ онъ,—баринъ... Чай, дома папенька съ маменькой не надышались, а тутъ вонъ что... Жаль... Эй, баринъ!—крикнулъ Савельевъ,—тяжело?

Юноша открылъ глаза и устремилъ на Савельева мутный, тоскующій взглядъ.

— Пи-и-ть, уми-ра-ю...—чуть слышно прошепталъ онъ, безпокойно откидывая голову.

— Пить? э, братъ, я и самъ бы напиться не прочь, да гдѣ воды-то взять, милъ человѣкъ?

— На сѣдлѣ... фляга съ виномъ... Христа ради.. достань.

Савельевъ заковылялъ къ убитой лошади.

Тщательно осмотрѣвъ сѣдло, онъ замѣтилъ въ одной изъ кобуръ горлышко плетеной фляжки. Савельевъ вытащилъ ее и встряхнулъ... Въ ту же минуту онъ почувствовалъ приступъ такой невыносимой жажды, что, забывъ все на свѣтѣ, дрожащими руками торопливо сорвалъ пробку и, припавъ къ горлышку фляги воспаленными, потрескавшимися губами, жадно глотнулъ изъ нея. О, какимъ вкуснымъ, освѣжительнымъ напиткомъ показалось ему кисловато-горькое болгарское винцо! Но не успѣлъ онъ проглотить и нѣсколько капель, какъ опомнился, и ему стало невыразимо совѣстно за свой поступокъ.

„Словно разбойникъ, у своего же брата раненаго отнимаю!" мелькнуло у него въ головѣ. Онъ торопливо оторвалъ отъ губъ горлышко соблазнительной фляги и поспѣшно обратился къ раненому. Кряхтя и охая, закусивъ отъ боли губы, опустился Савельевъ на колѣни и, приподнявъ голову юнкера, приложилъ къ его губамъ фляжку. Тотъ жадно приникъ къ ней. Савельевъ слышалъ, какъ булькало вино. Это бульканье еще болѣе усиливало невыносимую жажду. Голова его кружилась. А тотъ все пилъ и пилъ... пилъ не торопясь, то и дѣло переводя духъ, пилъ мучительно долго, довѣрчиво опираясь головой о широкую мозолистую ладонь Савельева. Наконецъ юноша утолилъ свою жажду и отвернулъ голову отъ фляги.

— Можно мнѣ глотнуть, баринъ?—прохрипѣлъ, еле шевеля опаленнымъ языкомъ, Савельевъ, все еще не рѣшаясь самовольно воспользоваться чужимъ добромъ.

— Пей хоть все!—прошепталъ юнкеръ.

Не помня себя, съ помутившимся взоромъ, прижался Савельевъ губами къ флягѣ. Черезъ минуту фляга была пуста.

— Ну, вотъ и отлично!—весело крикнулъ Савельевъ, утирая губы и чувствуя, какъ силы снова вернулись къ нему.—Ну, что жъ батюшка-баринъ,—обратился онъ къ юнкеру,—долго ты лежать думаешь... пора бы и на перевязочный.

— Вторыя сутки лежу... вчера раненъ... силъ нѣтъ двинуться,—прохрипѣлъ юнкеръ.

— Да куда же тебя шибануло-то, милъ человѣкъ?—допытывался Савельевъ, осматривая его и не видя нигдѣ слѣдовъ раны и крови.

— Не знаю... ноги... осколокъ...

Савельевъ еще разъ тщательно осмотрѣлъ раненаго и тутъ только

понялъ, что разорвавшейся гранатой убило лошадь, а осколками тяжело ранило юнкера въ бокъ и грудь.

— Скверны твои дѣла, — проворчалъ Савельевъ, — однако дѣлать-то нечего, надо какъ-нибудь выбираться. Ты вотъ что, обопрись на мое плечо, я какъ-нибудь подниму... вдвоемъ, авось, дотащимся...

— Не могу... силъ нѣтъ...

— Ну, какъ не могу? А ты попробуй; я вонъ тоже раненъ, можетъ, еще тяжелѣе твоего, да иду же... неравно турки придутъ — хуже будетъ.

— А развѣ они близко, могутъ прійти? — вскрикнулъ юнкеръ, и смертельная блѣдность покрыла его и безъ того блѣдныя щеки. Онъ приподнялся и съ искаженнымъ отъ страха лицомъ схватилъ Савельева за руку.

— Ой, больно! ой, не могу! больно! — отчаянно заговорилъ юноша, переступивъ два-три шага.

— Что жъ, братъ, дѣлать! потерпи малость. Вѣстимо, не сладко, — ободрялъ его Савельевъ, самъ забывая свою боль и изо всѣхъ силъ поддерживая раненаго, безпомощно повисшаго у него на плечѣ. — Зато вотъ, Богъ дастъ, доберемся до пункта, тамъ тебя тотчасъ раздѣнутъ, уложатъ, раны обмоютъ, перевяжутъ, — черезъ недѣлю опять молодцомъ будешь.

Утѣшая такимъ образомъ новаго товарища, Савельевъ осторожно подвигался шагъ за шагомъ. А тотъ все стоналъ, порывался лечь и тѣмъ еще больше затруднялъ путь выбивавшемуся изъ силъ Савельеву. Какъ ни крѣпился юнкеръ, слабая натура его не могла вынести той муки, которую онъ терпѣлъ. Силы быстро покидали его, и Савельевъ ясно видѣлъ, что ему не дойти. Къ тому же собственная рана Савельева разболѣлась еще пуще; повязка ослабла, кровь снова засочилась сквозь закорузлыя лохмотья. Боясь, что, свалившись въ виноградникахъ, они останутся долго незамѣченными, Савельевъ поспѣшилъ выбраться на дорогу.

— Авось, санитары попадутся, — надѣялся онъ; но дорога была пустынна.

— Не могу, воля твоя, не могу! — простоналъ юнкеръ, и, раньше чѣмъ Савельевъ успѣлъ удержать его, онъ быстро сдернулъ свою руку съ его плеча и тяжело опустился на землю.

— Ишь ты, оказія какая! — покачалъ головой Савельевъ. — Ну, дѣлать нечего, — обратился онъ къ юношѣ, — если не можешь идти,

Л. Пастернака.

Вѣсти съ родины.

посиди тутъ у канавки, а я побреду, авось, доберусь до санитаровъ. Такъ идти, что ль?

Раненый безпомощно махнулъ рукой, и Савсльевъ побрелъ дальше. Но не прошелъ онъ и двухсотъ шаговъ, какъ почувствовалъ, что повязка ползетъ съ ноги; онъ наклонился, чтобъ поправить ее, но въ ту же минуту голова закружилась, все поплыло мимо... деревья, дорога, даже само голубое, безоблачное небо... Савельевъ тихо ахнулъ и упалъ навзничь.

— Эхъ, голова закружилась, теперь не встану,—мелькнула у него тоскливая мысль, и онъ потерялъ сознанiе.

Долго ли пролежалъ Савельевъ въ безпамятствѣ, онъ не зналъ. Когда онъ очнулся, солнце уже садилось, и въ воздухѣ вѣяло вечерней прохладой...

— Ей, братикъ, живъ?—раздался надъ нимъ чей-то хриплый голосъ.

Савельевъ поднялъ глаза и увидѣлъ подлѣ себя двухъ санитаровъ съ носилками. Одинъ изъ нихъ, бородатый, загорѣлый, наклонился надъ нимъ и взялъ его за плечо.

— Ложись, братъ,—участливо произнесъ онъ,—снесемъ; мы вотъ только что офицера снесли, назадъ идемъ, ложись.

Савельевъ охотно принялъ предложенiе санитара и даже перекрестился отъ радости, что вотъ его нашли и сейчасъ унесутъ съ поля; но въ эту минуту онъ вспомнилъ объ юнкерѣ.

— Стойте-ка, братцы,—заговорилъ онъ взявшимся было за него санитарамъ,—не троньте... тутъ вотъ недалече, у канавки, юнкеръ такой молоденькiй... лежитъ... Вы сходите, посмотрите... если онъ тамъ еще, такъ вы лучше сперва его снесите, а послѣ ужъ и меня... онъ слабѣе...

Санитары переглянулись.

— Что скажешь?—спросилъ одинъ.

— Что же, пойдемъ, посмотримъ; може и взаправду еще тамъ.

И, поднявъ носилки, санитары пошли дальше, а Савельевъ снова остался лежать одинъ, озаряемый послѣдними лучами догорающаго солнца. Пыль и песокъ, попавъ въ рану, причиняли нестерпимую боль; онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ такую слабость, что едва могъ шевельнуться; онъ лежалъ, закрывъ глаза и чутко прислушиваясь. Раздались шаги: это возвращались санитары. Они несли кого-то и, подойдя къ Савельеву, окликнули его.

— Тотъ, что ли?—спросилъ одинъ изъ санитаровъ, опуская носилки вровень съ лицомъ приподнявшагося Савельева.

Савельевъ заглянулъ и увидѣлъ вытянутое во всю длину, повидимому, безжизненное тѣло молодого гусара. Глаза его были закрыты, лицо бѣло, какъ полотно рубахи; онъ, казалось, не дышалъ.

— Живъ еще?

— Живъ!—увѣренно отвѣчалъ санитаръ,—только обезпамятовалъ. Ну, такъ мы понесемъ.

— Несите, несите,—заторопилъ Савельевъ,—только, братцы, ради Бога, осторожнѣе, въ ногу,—не трясите... Да вотъ что, про меня-то, голубчики, не забудьте, пожалуйста; оченно ужъ мнѣ не въ моготу становится... приходите скорѣе... изнылъ я весь...

— Ладно, придемъ; духомъ обработаемъ!—успокоили его санитары и двинулись дальше.

Опять остался одинъ Савельевъ. Стемнѣло. Тихо такъ кругомъ, словно умерло. Медленно плывутъ по глубокой синевѣ ночного неба обрывки темныхъ тучекъ; то тамъ, то сямъ, какъ волшебные огоньки, вспыхиваютъ золотыя звѣздочки. Заглядѣлся Савельевъ на небо, и легче ему стало; задумался... Слышитъ онъ, ноетъ его рана, но онъ какъ бы забылъ о ней.

— Что-то тамъ?—думаетъ онъ, глядя во всѣ глаза на мигающія звѣзды...—А что, если я умру?—подумалъ Савельевъ, и мысль эта нисколько не испугала его. И вспоминаетъ Савельевъ слова священника, учившаго ихъ въ ротной школѣ, что душа безтѣлесна—духъ, что видѣть ее нельзя; и силится понять Савельевъ, что такое духъ и куда онъ послѣ дѣнется...

Отъ усиленнаго думанія голова его кружится, и онъ чувствуетъ, какъ словно волны подхватили его и несутъ куда-то... Тихо-тихо звенитъ вдали что-то, колокольчикъ не колокольчикъ, а только что-то нѣжное, ласкающее слухъ. Старается прислушаться Савельевъ, а звонъ то усиливается, какъ бы приближается, то снова удаляется и звонитъ откуда-то издалека... Чувствуетъ Савельевъ, что что-то теплое, липкое течетъ по ногамъ...—Должно, кровь опять потекла,—подумалъ онъ, но это его нисколько не безпокоитъ; ему хорошо, такъ хорошо, какъ никогда хорошо не было, легко такъ...

— Подымай, что ли?—слышится надъ нимъ чей-то голосъ.

— Кажись, померъ!—отзывается другой.

— Померъ и есть. Ну, все равно, тащи на перевязочный, тамъ разберутъ.

Трупъ Савельева положили на носилки, голова его откинулась. Казалось, онъ и мертвый все не хотѣлъ оторваться мутнымъ помертвѣлымъ взоромъ отъ темно-синей глубины ночного неба, усыпаннаго тысячами ласково мигающихъ звѣздъ.

Засаливать—замасливать, замарывать, замазывать саломъ; занашивать одежду до пріобрѣтенія ею невзрачнаго вида. Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій (Гоголь „Мертвыя души"). — Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи, гдѣ такъ изволилъ засалиться (Гоголь „Мертвыя души").

Закорузлый, заскорузлый отъ гл. **закорузнуть**—зачерствѣть, засохнуть, затвердѣть, загрубѣть. Мужики принимались смѣяться, закрывая, впрочемъ, свои рты широкими и закорузлыми ладонями (Левитовъ „Мое дѣтство").

Запекаться, запечься—зажариваться; о крови: сгущаться, свертываться, засыхать (излившись наружу). Далече раскинутся чубатыя головы, съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами (Гоголь „Тарасъ Бульба"). Синеватая, свѣже-выбритая круглая голова, съ запекшеюся раной съ боку, была откинута (Толстой „Казаки").

Перевязочный пунктъ—мѣсто на полѣ сраженія, куда свозятъ раненыхъ для перевязки.

Надышаться—подышать въ волю. Воздухъ такъ свѣжъ и душистъ, не могу надышаться. Переносно: любить кого-нибудь чрезмѣрно. Она имъ не надышется.

Фляга, фляжка (нѣм.)—плоская дорожная бутылка.

Кобура (тат.)—жесткій чехолъ или футляръ изъ твердой кожи для пистолетовъ или для съѣстныхъ припасовъ (пристегивается къ сѣдлу).

Соблазнительный—влекущій, манящій, смущающій, склоняющій къ чему-нибудь (чаще къ худому).

Опалить—обжечь снаружи. *Взглянетъ, что огнемъ опалитъ, а слово молвитъ, рублемъ подаритъ.—Пожаромъ опалило яблони.*

Шибануть—бросать, швырять, метать; угодить во что-нибудь, швыряя. Шибануть по бабкамъ.—*Хорошъ квасокъ, коли шибаетъ въ носокъ.*

Допытываться, допытаться—стараться узнать что-либо разспросами, угрозами. *О чемъ не сказываютъ, о томъ не допытывайся.* Матушка не была въ этомъ отношеніи спесива и не допытывалась, откуда и на какія средства появлялся на столѣ обѣдъ (Салтыковъ „Пошехонская старина").—Потомъ и пошла допытываться, гдѣ онъ, чему и какъ учился (Писемскій „Тюфякъ").

Осколокъ—отколотая или отломанная часть чего-либо. Его ранило осколкомъ гранаты.

Исказить, искажать—портить, повреждать, уродовать; извращать, переиначивая Исказить чьи-либо слова.—Исказить чье-либо сочиненіе въ плохомъ переводѣ. Что значитъ: лицо его исказилось?

Санитаръ (латинск.)—служитель при госпиталяхъ на войнѣ; одна изъ обязанностей санитара подбирать раненыхъ съ поля сраженія.

Духомъ—разомъ, мигомъ, залпомъ. Лошади у меня хорошія: сомчатъ духомъ (Тургеневъ „Новь"). — Ермолай привсталъ, перекрестился и выпилъ духомъ (вино) (Тургеневъ „Записки охотника").

❀

М. Судковскій.

98. Пловецъ.

Стихотвореніе *Н. М. Языкова.*

Нелюдимо наше море,
день и ночь шумитъ оно;
въ роковомъ его просторѣ
много бѣдъ погребено.
Смѣло, братья! Вѣтромъ полный,
парусъ мой направилъ я:
полетитъ на скользки волны
быстрокрылая ладья.
Облака бѣгутъ надъ моремъ,
крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,—
будетъ буря: мы поспоримъ
и помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
закипитъ громада водъ,—
выше валъ сердитый встанетъ,
глубже бездна упадетъ.
Тамъ за далью непогоды
есть блаженная страна:
не темнѣютъ неба своды,
не проходитъ тишина.
Но туда выносятъ волны
только сильнаго душой!..
Смѣло, братья! Бурей полный,
прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Нелюдимо—въ данномъ случаѣ: мрачно, сурово, безлюдно. Нелюдимый человѣкъ, склонный къ одиночеству, избѣгающій общества людей, угрюмый, молчаливый.

Ладья—старинное названіе лодки. *Гдѣ ладья ни рыщетъ, а у якоря будетъ.* Стоймя на ладьяхъ неподвижно плывутъ (А. Толстой).—Тамъ вверхъ по Днѣпру, по широкой водѣ плывутъ ихъ ладей вереницы (А. Толстой).—Въ ладьяхъ отовсюду къ шатрамъ парчевымъ причалили вѣщіе скальды (А. Толстой „Пѣсня о Гаральдѣ").

Мужествовать—стойко состязаться, подвизаться въ борьбѣ (тѣлесной или духовной), стоять доблестно. Бояре и воеводы съ княземъ мужествовали во браняхъ.

99. Пѣсенка земли.

Сказка *Кота-Мурлыки (Н. П. Вагнера).*

Солнце такъ сильно грѣетъ. Отъ земли идетъ паръ. Куда летитъ онъ выше и выше? Вонъ, смотри: вѣдь это онъ сталъ облачкомъ бѣлымъ, блестящимъ, и облачко уходитъ вглубь, таетъ въ голубомъ небѣ. Оно совсѣмъ улетѣло далеко... Можетъ быть, опять вернется.

А какая славная травка! Маленькая, чистая, зеленая. Ей только всего три дня. Назадъ тому три дня вездѣ была голая земля, но она вскормила, вспоила зерно. Она напоила всѣ корешки всѣхъ травокъ, кустовъ, деревьевъ, вспоила ихъ чистой водой изъ снѣга, изъ

теплаго весеннаго дождичка, и все пошло расти, зеленѣть — травка, кусты, деревья.

А птицы!? Посмотри, сколько прилетѣло большихъ птицъ и маленькихъ птичекъ. Вотъ ходятъ по пашнѣ грачи съ бѣлыми носами. Они кричатъ карр... карр... и роются въ черной землѣ. Вотъ летитъ и щебечетъ ласточка, хорошенькая ласточка. Она прилетѣла къ намъ изъ далекихъ земель, изъ заморскихъ странъ. Вездѣ по кустамъ и лугамъ налетѣло множество веселыхъ маленькихъ птичекъ, зеленыхъ чижей и желтыхъ овсянокъ, красногрудыхъ чечетокъ и пестрыхъ скворцовъ. Ахъ, какъ всѣ они свистятъ, пищатъ, чирикаютъ! И всѣ веселы, всѣ радуются и порхаютъ на солнцѣ.

А тамъ, вонъ высоко, высоко изъ самой синей глубины синяго неба летятъ къ намъ журавли и звонко курлычутъ. А тамъ, ужъ неизвѣстно откуда, какъ будто отъ самаго солнца, несутся звонкія, веселыя пѣсни и трели.

Вонъ, посмотри, изъ домика вывели маленькую хорошенькую дѣвочку. Бѣдная дѣвочка больная! Ее за руку ведетъ няня, ея прежняя кормилица, подлѣ нея идетъ мама.

И садятъ маленькую дѣвочку на теплый коверъ, на лужайку.

— Мама, — говоритъ она, — какъ хорошо здѣсь мнѣ на чистомъ воздухѣ, подъ теплымъ солнышкомъ. Какъ все здѣсь весело! Свѣтлыя облачка плывутъ въ голубомъ небѣ. Вездѣ такая отличная бархатная зеленая травка и бѣлые цвѣты. Ахъ! не рви ихъ, милая мама. Они такъ весело смотрятъ на солнце, а солнце на нихъ. А сколько маленькихъ птичекъ! И какъ онѣ всѣ поютъ и щебечутъ! Милыя птички! Но отчего это, скажи мнѣ, милая мама, отчего я слышу, какъ будто отовсюду, и съ неба, и съ луговъ, и съ цвѣтовъ, кто-то поетъ чудную пѣсню? И въ моей больной груди такъ сильно раздается эта прекрасная пѣсня.

— Это земля,—говоритъ мама,—это земля поетъ свою пѣсенку!

И дѣвочка наклоняется къ землѣ и слушаетъ, а маленькое сердце у ней бьется въ груди. И слышитъ дѣвочка, какъ говоритъ ей земля:

— Ты моя! маленькая, хорошенькая дѣвочка, ты моя! Я вскормила, вспоила тебя. Я дала твоей кормилицѣ и травъ, и кореньевъ, и хлѣба, и мяса, и всякихъ плодовъ. Все, что она ѣла, все я дала ей, и все она отдала тебѣ въ своемъ молокѣ. Я всѣхъ кормлю, когда солнце меня грѣетъ. И мнѣ такъ тепло, такъ хорошо подъ теплымъ солнышкомъ. Ты моя, маленькая, хорошенькая дѣвочка!

Крѣпко задумалась дѣвочка надъ тѣмъ, что сказала ей земля. Долго думала она. Наконецъ, мама говоритъ ей:

— Пойдемъ въ комнаты, тебѣ нельзя быть долго на воздухѣ: онъ вреденъ тебѣ—этотъ весенній воздухъ.

И увели маленькую дѣвочку.

* * *

А дни шли за днями и становились все длиннѣе и длиннѣе. Только что смеркнется и не погаснетъ еще вечерняя зорька, а съ другой стороны неба занимается уже новая зорька и снова всходитъ красное солнышко.

И жарче и ярче свѣтитъ и грѣетъ оно, свѣтлое солнце. Вся земля точно принарядилась и убралась зеленью и цвѣтами.

Маленькая дѣвочка какъ будто совсѣмъ выздоровѣла. Она бѣгаетъ веселая, розовая по лугамъ и рощамъ. Она слушаетъ, какъ громко поютъ соловьи и кукуютъ кукушки. Сколько всякихъ цвѣтовъ цвѣтетъ по полямъ и лугамъ! И высокая рожь качаетъ свои колосья, точно кланяется маленькой дѣвочкѣ.

И бѣгутъ по небу синія тучки, все выше и выше, синѣе и темнѣе становятся онѣ, и вотъ блеснула молнія, и ударилъ, загремѣлъ, загрохоталъ громъ. А какой дождикъ полился, запрыгалъ, забарабанилъ по крышѣ, по листьямъ, по лужамъ!

Пронеслась тучка, снова выглянуло солнце, и заблестѣла яркая, разноцвѣтная радуга. Лѣсъ и луга умылись. Листки такъ весело сверкаютъ на солнцѣ, и птички, маленькія птички снова запорхали, запѣли, защебетали. Все блеститъ, свѣтитъ, сіяетъ, радуется.

— Мама,—говоритъ дѣвочка,—это земля поетъ свою пѣсенку!

— Я дала дождь,—говоритъ земля,—солнце нагрѣло меня, и пошелъ отъ меня паръ въ небо, и онъ сталъ облаками, а облака стали тучей: и она пролилась дождемъ. Что я даю, то опять получаю.

* * *

Устало, наконецъ, свѣтить солнышко, рано оно ложится спать, поздно встаетъ, короче становятся дни и длиннѣе холодныя, темныя ночки.

Сколько зато ягодъ въ лѣсу, сколько всякихъ грибовъ! Поспѣли яблоки, вишни и груши. Созрѣли арбузы и дыни.

Холодно и сыро на дворѣ, холодно въ комнатѣ. Опять стала

больна бѣдная маленькая дѣвочка и не выходитъ уже больше изъ комнаты.

Солнце прячется въ сѣрыя тучи, а онѣ все ближе и ближе опускаются къ землѣ. И дождь, дождь безъ конца: онъ стучитъ въ окна, и они горько плачутъ; слезы бѣгутъ, бѣгутъ по нимъ въ три ручья. А вѣтеръ такъ и злится, холодный вѣтеръ. Онъ свиститъ, гудитъ, плачетъ и воетъ и вихремъ несется по опустѣлымъ полямъ, по голымъ лѣсамъ.

И чутко прислушивается дѣвочка къ гулу вѣтра, и слышится въ немъ голосъ земли.—Я лечу, я несусь на невидимыхъ крыльяхъ, на крыльяхъ могучихъ. Я лечу и кружусь въ пустыняхъ безграничныхъ. Я стремлюсь... Куда?.. Сама я не знаю. Ночь и день, зима и лѣто, горе и радость, жизнь и смерть—все мелькаетъ на мнѣ въ быстромъ круговоротѣ, все летитъ мимо, мимо, и остается только то, что не можетъ исчезнуть.

— Мама,—говоритъ дѣвочка,—слышишь, какъ что-то ноетъ и плачетъ у меня въ груди?

— Это земля поетъ свою пѣсенку!

* * *

Вездѣ бѣлый иней опушилъ всѣ деревья. Побѣлѣла, озябла земля. Ужъ не грѣетъ ее холодное солнце.

— Мама,— говоритъ дѣвочка,— мнѣ легче теперь, я совсѣмъ выздоравливаю.

— Хорошо, мой другъ!—говоритъ мама и крѣпко цѣлуетъ дѣвочку, а сама горько плачетъ. Она знаетъ, хорошо знаетъ, что не выздоровѣетъ ея бѣдная дѣвочка, что она умретъ непремѣнно и скоро умретъ.

А маленькая дѣвочка сидитъ, улыбаясь, на большомъ зеленомъ креслѣ, положивъ голову на подушку. Ей хорошо и покойно, какъ въ маленькой люлькѣ, какъ будто кто-то качаетъ ее и поетъ надъ нею колыбельную пѣсенку. И кажется дѣвочкѣ, что кругомъ нея зеленая, молодая травка, ей только три дня. Вонъ летитъ бѣлый паръ и становится чистымъ, свѣтлымъ облакомъ, а облако таетъ въ голубомъ небѣ, улетаетъ далеко. Вернется ли оно снова къ намъ? А птички поютъ, поютъ и щебечутъ. Веселыя птички!

— Полетимъ со мной!— говоритъ бѣлый паръ дѣвочкѣ. И они полетѣли.

Вотъ зеленые луга и рощи, бѣлые цвѣты. Ахъ, не рви ихъ, милая мама!

Мимо! Мимо!

Вонъ черные грачи роются въ землѣ и тучи скворцовъ несутся на пашню. Щебечетъ быстрая ласточка.

Мимо! Мимо!

Вонъ бѣлыя, блестящія облачка, точно барашки.

Мимо! Мимо!

Вотъ синее небо, и ничего нѣтъ кромѣ чистаго синяго неба, а бѣлый паръ улетѣлъ; дѣвочка одна, совсѣмъ одна, въ широкомъ, широкомъ синемъ небѣ. Она вся вздрагиваетъ и открываетъ глаза.

— Мама,—говоритъ она,—милая мама! У меня голова кружится, и я полетѣла туда высоко, высоко! Мнѣ такъ было хорошо! Скажи, милая мама, вѣдь опять будетъ тепло, и земля запоетъ свою веселую пѣсенку, и я увижу бѣлые цвѣты и голубое небо, быструю ласточку и маленькихъ птичекъ!

— Да ты все увидишь, — говоритъ мама, — ты, можетъ быть, больше увидишь!

И дѣвочка смотритъ въ темную залу, а вьюга колотитъ снѣгомъ окно. И вспоминаетъ дѣвочка, что такъ же колотила она въ окна, когда въ этой залѣ стояла нарядная елка. Смотритъ дѣвочка, и кажется ей, что стоитъ она передъ этой елкой, убранной хорошенькими игрушками, конфетами, и вся блеститъ и горитъ высокая елка веселыми огоньками.

„Что тамъ на самомъ верху?“ — думаетъ дѣвочка.

И кажется ей, что она тихо поднимается отъ полу и летитъ, летитъ кверху. Мелькаютъ передъ ней конфеты, игрушки и огоньки, огоньки безъ конца. Выше и выше несется дѣвочка, исчезли огоньки, не видать елки, она одна, одна, маленькая дѣвочка, въ темномъ холодномъ небѣ, а вьюга свиститъ и воетъ вокругъ нея. Вздрагиваетъ дѣвочка и открываетъ глаза.

— Мама,—шепчетъ она,—мнѣ такъ хорошо и страшно! Я все летаю высоко, высоко! Мама, принеси мнѣ маленькую свѣчку отъ елки, мнѣ такъ хочется посмотрѣть, какъ она будетъ горѣть.

И мама отыскала маленькую восковую свѣчку съ прежней елки, свѣчку съ розовой ленточкой, завязанной бантикомъ. Она ставитъ свѣчку на столикъ передъ дѣвочкой и зажигаетъ ее.

Но дѣвочка уже не смотритъ на свѣчку, она лежитъ безъ движенія, она умираетъ. И стоятъ подлѣ ея кресла мать и кормилица.

Онѣ горько плачутъ, навзрыдъ, но не слышитъ ихъ маленькая дѣвочка, а свѣчка ярко и скоро горитъ.

Потускли глазки бѣдной дѣвочки, голубые, умные глазки, которые такъ ласково блестѣли: они ничего ужъ не видятъ. И только дышетъ она тяжело всей больной грудью, полной нестерпимой боли. Она съ жадностью старается глотать воздухъ и не можетъ. Она задыхается.

А свѣчка таетъ, плыветъ, догораетъ, но не хочется огоньку потухнуть. Онъ вспыхиваетъ, вспыхиваетъ изъ послѣднихъ силъ и, наконецъ, тихо погасаетъ.

Потухла свѣчка! Умерла хорошенькая дѣвочка!

Со стономъ наклоняется надъ нею мама и цѣлуетъ ее въ высокій холодный лобикъ. Стоитъ передъ ней на колѣняхъ ея кормилица и, рыдая, цѣлуетъ маленькія, худенькія ручки мертвой дѣвочки.

И если бы не было этихъ слезъ и рыданій, то еще тяжелѣе было бы мамѣ и кормилицѣ.

И вотъ одѣваютъ дѣвочку въ бѣлое платьице, подпоясываютъ ее розовой лентой и кладутъ въ маленькій гробикъ — и лежитъ въ немъ она какъ маленькая восковая свѣчечка, перевязанная розовой ленточкой.

— Истаяла ты, моя ненаглядная крошечка,—плачетъ надъ ней кормилица,—истаяла и потухла, моя ясная свѣчечка!

И берутъ маленькій гробикъ, берутъ и несутъ далеко, далеко, и вѣтеръ свиститъ и бьетъ, и рветъ со всѣхъ платки и шубы и всѣхъ торопитъ: скорѣе, скорѣе!

Тамъ ждетъ глубокая могила въ холодной замерзлой землѣ. Тамъ ждетъ земля свою хорошенькую дѣвочку.

Священникъ читаетъ надъ гробомъ молитвы, онъ говоритъ: „отъ земли ты взята и въ землю обратилась!“...

И опускаютъ, наконецъ, гробъ въ землю. Рыдая, бросаетъ на него горсть земли кормилица, забрасываетъ его землей могильщикъ.

И земля съ грохотомъ падаетъ на маленькій гробикъ. „Ты моя, ты моя!“—глухо повторяетъ она.—„Ты моя и скоро возвратилась ко мнѣ, потому что на мнѣ не можетъ жить слабое и больное: оно умираетъ, и я строю изъ него сильное и крѣпкое“.

Ушли всѣ. Осталась одна могилка подъ маленькой зеленой елкой и заноситъ могилку снѣгомъ. Онъ идетъ, идетъ, летитъ безъ конца, а вѣтеръ злится и воетъ, хохочетъ и стонетъ. Въ его звукахъ горе и радость, смѣхъ и слезы. Въ нихъ все смѣшано въ свободномъ

безразличномъ просторѣ, все, что выше и шире всего, что есть въ человѣкѣ.

Это земля поетъ свою пѣсенку!

Гулъ—глухой звукъ, доходящій издали, отголосокъ, эхо. Гулъ подземныхъ ударовъ.—Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани ужасный гулъ не умолкалъ (Пушкинъ „Цыгане"); гулкій—способный громко отражать звуки; издающій громкій гулъ. Гулкое мѣсто.—А подо мной весенней дрожью ходила гулкая земля (Фетъ „Вечерніе огни").—Но лишь гулкія метели въ снѣжномъ полѣ заревутъ (Хомяковъ).

Потускнѣть—утратить блескъ, помрачиться, потемнѣть. Серебро потускнѣло.—Стекла потускнѣли отъ копоти.—На картинѣ потускнѣли краски.—Глаза потускнѣли.—Зрѣніе потускло.—Ржавый мечъ потускъ.

100. Колыбельная пѣсня.

Стихотвореніе *К. Д. Бальмонта.*

Легкій вѣтеръ присмирѣлъ,
вечеръ блѣдный догорѣлъ,
съ неба звѣздные огни
говорятъ тебѣ: усни!
Не страшись передъ судьбой,
я, какъ няня, здѣсь съ тобой;
я, какъ няня, здѣсь пою:
„баю-баюшки-баю".

Тотъ, кто знаетъ скорби гнетъ,
темной ночью отдохнетъ;
все, что дышетъ на землѣ,
сладко спитъ въ полночной мглѣ,
дремлютъ птички и цвѣты,
отдохни, усни и ты,
я всю ночь здѣсь пропою:
„баю-баюшки-баю".

Гнетъ—1, тяжелая вещь, накладываемая на другую для давленія. Капуста долго была подъ гнетомъ; 2, тяжесть, иго. Страдать подъ гнетомъ нужды, насилія. **Гнести**—жать, давить, тѣснить, подавлять, обижать, притѣснять. Забота гнететъ его.—Жаль мнѣ тѣхъ, чья гибнетъ сила подъ гнетущимъ игомъ зла (Плещеевъ).

101. Утро на берегу озера.

Стихотвореніе *И. С. Никитина.*

Ясно утро. Тихо вѣетъ
теплый вѣтерокъ;
лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
молодыхъ ракитъ,
разноцвѣтными огнями
озеро блеститъ.

Тишинѣ и солнцу радо,
по равнинѣ водъ
лебедей ручное стадо
медленно плыветъ.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
крыльями, — и вдругъ
влага брызнула игриво
жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку,
мужички вдвоемъ,
близъ осоки, втихомолку,
тянутъ сѣть съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
скачутъ босикомъ
два мальчишка загорѣлыхъ
на прутахъ верхомъ;
крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
и лицо горитъ;
звучно смѣхъ ихъ раздается,
голосокъ звенитъ.

„Ну катай наперегонки".
А на шалуновъ
съ тайной завистью дѣвчонка
смотритъ изъ кустовъ.

„Тянутъ, тянутъ!" закричали
ребятишки вдругъ:
„вдоволь, чай, теперь поймали
и линей и щукъ".

Вотъ на берегу отлогомъ
показалась сѣть.
— „Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ —
нечего глядѣть".

Такъ сказалъ старикъ высокій,
весь, какъ лунь, сѣдой,
съ грудью выпукло-широкой,
съ длинной бородой.

Сѣть намокшую подняли
дружно рыбаки;
на пескѣ затрепетали
окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
„будетъ на денекъ!"
и на корточки присѣли
рыбу класть въ мѣшокъ.

Окаймить, окаймлять—обнести, очертить, обвести каймой, т.-е. полоской по краю чего-либо. Облако окаймлено золотистой полосой

Осока—болотная колосистая трава.

Корточки—положеніе человѣка, сидящаго съ поджатыми подъ себя ногами и поднятыми колѣнями, опершись ступнями въ землю. Вотъ Мишенька, не говоря ни слова, увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ, присѣлъ на корточки, не переводитъ духу (Крыловъ „Пустынникъ и медвѣдь").

❊

102. Въ дурномъ обществѣ.

Изъ разсказа *В. Г. Короленко* „Дѣти подземелья“.

Моя мать умерла, когда мнѣ было пять лѣтъ. Отецъ, весь отдавшись своему горю, какъ будто совсѣмъ забылъ о моемъ существованіи. Порой онъ ласкалъ мою маленькую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что въ ней были черты матери. Я же росъ какъ дикое деревцо въ полѣ; никто не окружалъ меня особенной заботливостью, но никто и не стѣснялъ моей свободы.

Мѣстечко, гдѣ мы жили, называлось Княжье-вѣно или, проще, Княжъ-городокъ. Оно принадлежало одному разорившемуся, но гордому польскому роду и напоминало любой изъ мелкихъ городовъ юго-западныхъ губерній.

Если вы подъѣзжаете къ мѣстечку съ востока, вамъ, прежде всего, бросается въ глаза тюрьма — лучшее архитектурное украшеніе города. Самый городокъ раскинулся внизу надъ сонными заплѣснѣвшими прудами, и къ нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному заставой. Вѣчно заспанный солдатъ-инвалидъ лѣниво поднимаетъ шлагбаумъ, и вы въ городѣ, хотя, быть можетъ, не замѣчаете этого сразу. Сѣрые заборы, пустыри съ кучками разнаго хлама понемногу перемежаются съ подслѣповатыми, ушедшими въ землю хатками. Далѣе широкая площадь перерѣзана въ разныхъ мѣстахъ темными воротами еврейскихъ „заѣзжихъ домовъ“; казенныя зданія наводятъ уныніе своими бѣлыми стѣнами и казарменно-ровными линіями. Деревянный мостъ, перекинутый черезъ узкую рѣчонку, кряхтитъ, вздрагивая подъ колесами, и шатается, точно дряхлый старикъ. За мостомъ потянулась еврейская улица съ магазинами, лавками, лавчонками, столами евреевъ-мѣнялъ, сидящихъ подъ зонтами на тротуарахъ и съ навѣсами калачницъ. Вонь, грязь, кучи ребятъ, ползающихъ въ уличной пыли. Но вотъ еще минута—и вы уже за городомъ. Тихо шепчутся березы надъ могилами кладбища, да вѣтеръ волнуетъ хлѣба на нивахъ и звенитъ унылой, безконечной пѣсней въ проволокахъ придорожнаго телеграфа.

Рѣчка, чрезъ которую перекинутъ упомянутый мостъ, вытекала изъ пруда и впадала въ другой прудъ. Такимъ образомъ, съ сѣвера и юга городокъ ограждался широкими водяными гладями и топями.

Пруды годъ отъ году мелѣли, зарастали зеленью, а высокіе густые камыши волновались какъ море на громадныхъ болотахъ. По срединѣ одного изъ прудовъ находился островъ; на островѣ — старый полузаброшенный замокъ.

Я помню, съ какимъ страхомъ смотрѣлъ я на это величавое, дряхлое зданіе. О немъ ходили преданія и разсказы, одинъ другого страшнѣе. Говорили, что островъ насыпанъ искусственно руками плѣнныхъ турокъ. „На костяхъ человѣческихъ стоитъ старое замчище", передавали старожили, и мое дѣтское испуганное воображеніе рисовало подъ землей тысячи русскихъ скелетовъ, поддерживающихъ костлявыми руками островъ съ его высокими пирамидальными тополями и старымъ замкомъ. Отъ этого, понятно, замокъ казался еще страшнѣе, и даже въ ясные дни, когда, бывало, ободренные свѣтомъ и громкими голосами птицъ, мы подходили къ нему поближе, онъ нерѣдко наводилъ на насъ припадки паническаго ужаса: такъ страшно глядѣли на насъ черныя впадины давно выбитыхъ оконъ; въ пустыхъ залахъ ходилъ таинственный шорохъ, камешки и штукатурка, отрываясь, падали внизъ, будя гулкое эхо, и мы бѣжали безъ оглядки, а за нами долго еще стояли стукъ и топотъ, и гоготанье.

Было время, когда старый замокъ служилъ даровымъ убѣжищемъ всякому бѣдняку. Все, что не находило себѣ мѣста въ городѣ или потеряло возможность, по той или другой причинѣ, платить хотя бы и жалкіе гроши за кровъ и уголъ на ночь и въ непогоду,—все это тянулось на островъ и тамъ, среди мрачныхъ, грозившихъ паденіемъ развалинъ, преклоняло свои побѣдныя головушки, платя за гостепріимство лишь рискомъ быть погребенными подъ грудами стараго мусора. „Живетъ въ замкѣ"—вотъ фраза, которая употреблялась у насъ, обыкновенно, для выраженія крайней степени нищеты. Старый замокъ радушно принималъ и покрывалъ и временно обнищавшаго писца, и сиротливыхъ старушекъ, и безродныхъ бродягъ. Всѣ эти бѣдняки терзали внутренности дряхлаго замка, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чѣмъ-то питались.

Но вдругъ среди общества, ютившагося подъ кровомъ сѣдыхъ руинъ, пошли раздоры и произошелъ ужаснѣйшій переворотъ. Старый Янушъ, бывшій однимъ изъ мелкихъ служащихъ у послѣдняго изъ владѣтелей замка, престарѣлаго графа, выпросилъ себѣ нѣчто въ родѣ званія управляющаго и разомъ вымелъ цѣлую толпу бездомныхъ нищихъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ подпольяхъ и на

чердакахъ полуразвалившагося замка. Нѣсколько дней сряду на островѣ стоялъ такой шумъ, раздавались такіе вопли, что по временамъ казалось, ужъ не турки ли вырвались изъ подземныхъ темницъ, чтобы отомстить утѣснителямъ-панамъ. Янушъ оставилъ въ замкѣ только „добрыхъ христіанъ“, т.-е. католиковъ, и притомъ, преимущественно, бывшихъ слугъ или потомковъ слугъ графскаго рода.

Самая замѣчательная личность изъ толпы не ужившихся въ старомъ замкѣ бѣдняковъ, командовавшая ими, какъ вѣрнымъ своимъ войскомъ, былъ панъ Тыбурцій Драбъ, образъ котораго живо запечатлѣлся въ моемъ дѣтскомъ воображеніи. Въ наружности его не было ничего аристократическаго: роста онъ былъ высокаго, словно сутуловатый, и съ крупными, грубо-выразительными чертами лица; короткіе, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкій лобъ, нѣсколько выдававшаяся впередъ нижняя челюсть, сильная подвижность личныхъ мускуловъ придавали всей физіономіи что-то обезьянье; но глаза, сверкавшіе изъ-подъ нависшихъ бровей, смотрѣли какъ-то упорно и мрачно, и въ нихъ свѣтились, вмѣстѣ съ лукавствомъ, острая проницательность, энергія и недюжинный умъ. Въ то время, когда лицо его выдѣлывало уморительныя гримасы, глаза сохраняли постоянно одно выраженіе, и мнѣ, ребенку, безотчетно жутко бывало смотрѣть на шутовство этого страннаго человѣка.

Тайна, окружавшая происхожденіе пана Тыбурція, сдѣлала то, что онъ даже въ окрестностяхъ нашего мѣстечка прослылъ за колдуна. Вѣроятно, самъ онъ отъ души смѣялся надъ людской глупостью, но если его приглашали поколдовать, онъ не отказывался и, вмѣсто заклинаній, произносилъ отрывки изъ сочиненій Тита Ливія.

Были у пана Тыбурція и дѣти, свои или чужія—никто не могъ объяснить; но онъ привелъ ихъ откуда-то, и они жили вмѣстѣ съ нимъ на горѣ, около часовни, въ подземельи. Мальчику было лѣтъ семь, дѣвочкѣ — три года. Мальчикъ, по имени Валекъ, высокій, тонкій, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу безъ всякаго дѣла, заложивъ руки въ карманы и кидая по сторонамъ взгляды, смущавшіе калачницъ. Дѣвочку видѣли одинъ или два раза на рукахъ пана Тыбурція, а затѣмъ она куда-то исчезала, и гдѣ находилась — никто этого не зналъ.

Гора близъ часовни, изрытая могилами, пользовалась дурной

славой. На старомъ кладбищѣ, во время осеннихъ ночей, загорались синіе огни, а въ часовнѣ сычи кричали такъ пронзительно и громко, что отъ крика проклятой птицы даже у безстрашнаго кузнеца сжималось сердце.

Съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя мать, а сумрачное лицо отца стало еще мрачнѣе, меня очень рѣдко видѣли дома. Въ поздніе лѣтніе вечера я прокрадывался по саду, какъ молодой волченокъ, избѣгая встрѣчи съ отцомъ, отворялъ посредствомъ особыхъ приспособленій свое окно, полузакрытое густой зеленью сирени, и тихо ложился въ постель. Если маленькая сестренка еще не спала въ своей качалкѣ въ сосѣдней комнатѣ, я подходилъ къ ней, и мы тихо ласкали другъ друга и играли, стараясь не потревожить сонъ ворчливой старой няньки. А утромъ, чуть свѣтъ, когда въ домѣ всѣ еще спали, я уже прокладывалъ росистый слѣдъ по густой высокой травѣ сада, перелѣзалъ черезъ заборъ и шелъ къ пруду, гдѣ меня ждали съ удочками такіе же сорванцы-товарищи, или къ мельницѣ, гдѣ сонный мельникъ только что отодвинулъ шлюзы, и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась въ „лотоки“ и бодро принималась за дневную работу.

Тогда я шелъ далѣе. Мнѣ нравилось встрѣчать пробужденіе природы: я бывалъ радъ, когда мнѣ удавалось вспугнуть заспавшагося жаворонка или выгнать изъ борозды трусливаго зайца. Капли росы падали съ трясунки-осины, съ головокъ луговыхъ цвѣтовъ, когда я пробирался полями къ загородной рощѣ. Деревья встрѣчали меня шопотомъ лѣнивой дремоты.

Я успѣвалъ совершить дальній обходъ, а все же въ городѣ то и дѣло встрѣчались мнѣ заспанныя фигуры, отворявшія ставни домовъ. Но вотъ солнце поднялось уже надъ горой, изъ-за прудовъ слышится крикливый звонокъ, сзывающій гимназистовъ, и голодъ заставляетъ меня отправиться домой къ утреннему чаю.

Вообще меня звали бродягой, злымъ, негоднымъ мальчишкой, и такъ часто это повторяли, что я, наконецъ, самъ пришелъ къ убѣжденію, что это правда. Отецъ также повѣрилъ этому и дѣлалъ иногда попытки заняться моимъ воспитаніемъ; но попытки его всегда кончались неудачей. При видѣ строгаго и угрюмаго лица, на которомъ лежала суровая печать неизлѣчимаго горя, я робѣлъ и замыкался въ себѣ. Я стоялъ передъ нимъ, переминаясь, теребя

свои штанишки и озираясь. По временамъ что-то какъ будто поднималось у меня въ груди: мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ обнялъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни и приласкалъ. Тогда я прильнулъ бы къ его груди, и, быть можетъ, мы вмѣстѣ заплакали бы — ребенокъ и суровый мужчина — о нашей общей утратѣ. Но онъ смотрѣлъ на меня своими отуманенными глазами, какъ будто устремленными поверхъ моей головы, и я весь сжимался подъ этимъ непонятнымъ для меня взглядомъ.

— Ты помнишь матушку?..—спрашивалъ отецъ.

Помнилъ ли я ее? О, да! я помнилъ ее! Я помнилъ, какъ, бывало, просыпаясь ночью, я искалъ въ темнотѣ ея нѣжныя руки и крѣпко прижимался къ нимъ, покрывая ихъ поцѣлуями. Я помнилъ ее, когда она сидѣла больная передъ открытымъ окномъ и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь съ нею въ послѣдній годъ своей жизни. О, да! я помнилъ ее! Когда она, вся покрытая цвѣтами, молодая и прекрасная лежала съ печатью смерти на блѣдномъ лицѣ, я, какъ звѣрекъ, забился въ уголъ и смотрѣлъ на нее горящими глазами, передъ которыми впервые открылся весь ужасъ таинственной загадки жизни и смерти. А потомъ, когда ее унесли въ толпѣ незнакомыхъ людей, не мои ли рыданія звучали сдавленнымъ тономъ въ сумракѣ первой ночи моего сиротства?

Но на вопросъ отца я молчалъ, весь съеживался и старался поскорѣе вырвать свои рученки изъ его рукъ.

Ему наговорили со всѣхъ сторонъ, что я дурной, испорченный мальчикъ, и онъ все болѣе и болѣе сторонился меня, мучаясь сознаніемъ, что онъ долженъ любить меня и не можетъ. А я это чувствовалъ. Порой, спрятавшись въ кустахъ, я наблюдалъ за нимъ; я видѣлъ, какъ онъ шагалъ по аллеямъ, все ускоряя походку, и глухо стоналъ отъ нестерпимой душевной муки. Тогда мое сердце сжималось жалостью и сочувствіемъ. Одинъ разъ, когда, сжавъ руками голову, онъ присѣлъ на скамейку и зарыдалъ, я не вытерпѣлъ и выбѣжалъ изъ кустовъ на дорожку, повинуясь пламенному желанію кинуться на шею отцу. Но, услыхавъ мои шаги, онъ поднялъ голову, сурово взглянулъ на меня и осадилъ холоднымъ вопросомъ.

— Что нужно?

Мнѣ ничего не было нужно. Я быстро повернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобы отецъ не прочелъ его на моемъ сму-

щенномъ лицѣ. Убѣжавъ въ чащу сада, я упалъ въ траву лицомъ и горько заплакалъ отъ досады и боли.

Въ восемь лѣтъ я испыталъ уже весь ужасъ одиночества. Сестрѣ Сонѣ было четыре года. Я пламенно любилъ ее, и она платила мнѣ такою же любовью; но общій установившійся взглядъ на меня, какъ на отпѣтаго маленькаго разбойника, успѣлъ поставить между нами высокую преграду. Всякій разъ, когда я начиналъ играть съ нею по-своему шумно и рѣзво, старая нянька, вѣчно сонная и вѣчно дравшая съ закрытыми глазами куриныя перья для подушекъ, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила къ себѣ, кидая на меня сердитые взгляды; въ такихъ случаяхъ она всегда напоминала мнѣ всклокоченную насѣдку; самъ я сравнивалъ себя съ хищнымъ коршуномъ, а Соню—съ маленькимъ цыпленкомъ. Мнѣ становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что я скоро прекратилъ всякія попытки занимать Соню моими шумными играми, а черезъ нѣсколько времени мнѣ стало душно, тѣсно у насъ въ домѣ и въ садикѣ, гдѣ я не встрѣчалъ ни въ комъ привѣта и ласки. Я началъ бродяжничать, притерпѣлся къ упрекамъ и выносилъ ихъ такъ же равнодушно, какъ внезапно разражавшійся ливень или солнечный зной.

Когда всѣ углы города сдѣлались мнѣ извѣстны до послѣднихъ грязныхъ закоулковъ, тогда я сталъ заглядываться на виднѣвшуюся вдали на горѣ часовню. Сначала я, какъ пугливый звѣрекъ, подходилъ къ ней съ разныхъ сторонъ, все не рѣшаясь подняться на гору, пользовавшуюся дурной славой. Но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ мѣстностью, передо мною выступали только могилы и разрушенные кресты. Тамъ не было видно признаковъ какого-либо жилья или человѣческаго присутствія, все было какъ-то смиренно, тихо, заброшено, пусто. Только самая часовня глядѣла, насупившись, пустыми окнами, точно думала какую-то грустную думу. Мнѣ захотѣлось осмотрѣть ее, взглянуть внутрь, чтобы убѣдиться окончательно, что и тамъ нѣтъ ничего кромѣ пыли. Но такъ какъ одному было бы и страшно и неудобно пускаться въ такое предпріятіе, то я навербовалъ на улицахъ города небольшой отрядъ изъ двухъ сорванцевъ, обѣщая имъ въ награду булокъ и яблокъ изъ нашего сада.

Мы отправились тотчасъ послѣ обѣда и, подойдя къ горѣ, стали подыматься по глинистымъ обваламъ, изрытымъ лопатами и весенними

потоками. Обвалы обнажали склоны горы, и кое-гдѣ виднѣлись высунувшіяся изъ глины бѣлыя, истлѣвшія кости.

Наконецъ, помогая другъ другу, мы торопливо взобрались на гору изъ послѣдняго обрыва. Солнце начинало склоняться къ закату. Косвенные лучи мягко золотили зеленую мураву стараго кладбища, играли на старыхъ покосившихся крестахъ, переливались въ уцѣлѣвшихъ окнахъ часовни. Было тихо; вѣяло спокойствіемъ и глубокимъ миромъ брошеннаго кладбища.

Мы были одни; только воробьи весело возились кругомъ да ласточки безшумно влетали и вылетали въ окна старой часовни, которая стояла, какъ-то грустно понурясь, среди поросшихъ травою могилъ, скромныхъ крестовъ и полуразрушенныхъ гробницъ, устланныхъ густою зеленью, гдѣ пестрѣли разноцвѣтныя головки лютиковъ, кашки и фіалокъ.

— Нѣтъ никого,—сказалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.

— Солнце заходитъ,—замѣтилъ другой, глядя на солнце, которое не заходило еще, а стояло надъ горой.

Дверь часовни была крѣпко заколочена; окна были высоко надъ землей; однако, при помощи товарищей, я надѣялся взобраться на нихъ и заглянуть внутрь часовни.

— Не надо!—крикнулъ одинъ изъ нихъ, вдругъ потерявшій всю храбрость, и схватилъ меня за руку.

— Пошелъ прочь, баба!—вскрикнулъ на него старшій изъ нашей арміи, съ готовностью подставляя мнѣ спину.

Я храбро взобрался на нее; потомъ онъ выпрямился, и я всталъ на его плечи. Въ такомъ положеніи я безъ труда досталъ рукой раму и, убѣдясь въ ея крѣпости, поднялся къ окну и сѣлъ на него.

— Ну, что же тамъ?—спрашивали меня снизу съ живѣйшимъ интересомъ.

Я молчалъ. Перегнувшись черезъ косякъ, я заглянулъ внутрь часовни: оттуда на меня пахнуло торжественной тишиной заброшеннаго храма. Внутренность этого высокаго, узкаго зданія была лишена всякаго украшенія. Лучи вечерняго солнца, свободно вливаясь въ открытыя окна, разрисовывали яркимъ золотомъ старыя, ободранныя стѣны. Я увидѣлъ внутреннюю сторону запертой двери, провалившіеся хоры, старыя истлѣвшія колонны, какъ бы покачнувшіяся подъ непосильною тяжестью. Углы были затканы паутиной, и тамъ было темно, какъ обыкновенно бываетъ въ углахъ старыхъ зданій. Отъ окна до полу казалось гораздо дальше, чѣмъ отъ травы сна-

ружи. Я смотрѣлъ точно въ яму и сначала никакъ не могъ разглядѣть, какіе это странные предметы валяются на полу.

Между тѣмъ, моимъ товарищамъ надоѣло стоять внизу, ожидая отъ меня извѣстій; тогда одинъ изъ нихъ, продѣлавъ ту же самую процедуру, которую продѣлалъ я раньше, повисъ рядомъ со мной, держась за оконную раму.

— Престолъ, — сказалъ онъ, вглядѣвшись въ странный предметъ на полу.

— И паникадило.

— Столикъ для Евангелія.

— А вонъ, тамъ что такое? — съ любопытствомъ указалъ онъ на темный предметъ, виднѣвшійся рядомъ съ престоломъ.

— Поповская шапка.

— Нѣтъ, ведро.

— Зачѣмъ же тутъ ведро?

— Можетъ быть, въ немъ когда-то были угли для кадила.

— Нѣтъ, это, дѣйствительно, шапка. Впрочемъ, можно посмотрѣть. Давай, привяжемъ къ рамѣ поясъ, и ты по немъ спустишься.

— Да, какъ же! Такъ и спущусь. Полѣзай самъ, если хочешь.

— Ну, что жъ! Думаешь, не полѣзу?

— И полѣзай!

Дѣйствительно, по первому побужденію, я крѣпко связалъ два ремня, задѣлъ ихъ за раму и, отдавъ одинъ конецъ товарищу, самъ повисъ на другомъ.

Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнулъ; но взглядъ на участливо склонившуюся ко мнѣ рожицу моего пріятеля возстановилъ мою храбрость, и я храбро ступилъ на полъ. Стукъ каблука зазвенѣлъ подъ потолкомъ, отдался въ пустотѣ часовни, въ темныхъ углахъ. Нѣсколько воробьевъ вспорхнули съ насиженныхъ мѣстъ на хорахъ и вылетѣли въ большую прорѣху въ крышѣ. Со стѣны глянуло на меня вдругъ строгое лицо въ терновомъ вѣнцѣ. Это склонялось изъ-подъ самаго потолка гигантское распятіе.

Мнѣ было жутко; глаза моего друга засверкали захватывающимъ духъ любопытствомъ и участіемъ.

— Ты подойдешь? — спросилъ онъ тихо. — Подойду, — отвѣтилъ я также тихо, собираясь съ духомъ. Но въ эту минуту случилось нѣчто до того неожиданное и ужасное, что кровь сразу застыла у меня въ жилахъ.

Сначала послышался стукъ и шумъ обвалившейся на хорахъ

штукатурки. Что-то завозилось вверху, тряхнуло въ воздухѣ тучею пыли, и большая, сѣрая масса, размахнувъ крыльями, поднялась къ прорѣхѣ въ крышѣ. Часовня на мгновеніе какъ будто потемнѣла. Огромная старая сова, обезпокоенная нашей возней, вылетѣла изъ темнаго угла, мелькнула на фонѣ голубого неба въ пролетѣ и шарахнулась вонъ.

Я почувствовалъ приливъ судорожнаго страха.

— Подымай! — крикнулъ я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся! — успокаивалъ онъ, приготовляясь поднять меня на свѣтъ дня и солнца.

Но вдругъ я увидѣлъ, что лицо его исказилось отъ ужаса; онъ вскрикнулъ и мгновенно исчезъ, спрыгнувъ съ окна. Я инстинктивно оглянулся и увидѣлъ странное явленіе, поразившее меня, впрочемъ, больше удивленіемъ, чѣмъ ужасомъ.

Темный предметъ нашего спора — шапка или ведро — оказавшійся въ концѣ концовъ горшкомъ, мелькнулъ въ воздухѣ и на глазахъ моихъ скрылся подъ престоломъ. Я успѣлъ только разглядѣть смутное очертаніе небольшой, какъ будто дѣтской, руки, увлекавшей его въ это убѣжище.

Трудно передать мои ощущенія въ эту минуту. Чувство, которое я испытывалъ, нельзя даже назвать страхомъ. Откуда-то, точно съ другого міра, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ доносился до меня быстрой дробью тревожный топотъ двухъ паръ дѣтскихъ ногъ. Но вскорѣ затихъ и онъ. Я былъ одинъ, точно въ мрачномъ гробу, въ виду какихъ-то странныхъ, необъяснимыхъ явленій.

Времени для меня не существовало, поэтому я не могъ сказать, скоро ли я услышалъ подъ престоломъ сдержанный шопотъ.

— Почему же онъ не лѣзетъ назадъ?

— Видишь, испугался.

Первый голосъ показался мнѣ совсѣмъ дѣтскимъ, второй могъ принадлежать мальчику моего возраста. Мнѣ даже показалось, что въ щели стараго престола сверкнула пара черныхъ глазъ.

— Что жъ онъ теперь будетъ дѣлать? — послышался опять шопотъ.

— А вотъ, погоди, — отвѣтилъ голосъ постарше.

Подъ престоломъ что-то сильно завозилось, онъ даже какъ будто покачнулся, и въ то же мгновеніе изъ-подъ него вынырнула фигура.

Это былъ мальчикъ лѣтъ девяти, больше меня ростомъ, худо-

щавый и тонкій, какъ тростинка. Одѣтъ онъ былъ въ грязной рубашонкѣ, руки держалъ въ карманахъ узкихъ и короткихъ штанишекъ. Темные курчавые волосы лохматились надъ черными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомецъ, явившійся на сцену такимъ неожиданнымъ и страннымъ образомъ, подходилъ ко мнѣ съ тѣмъ безпечнымъ, задорнымъ видомъ, съ какимъ всегда на нашемъ базарѣ подходили другъ къ другу мальчики, готовившіеся вступить въ драку, но все же, увидѣвъ его, я сильно ободрился. Я ободрился еще болѣе, когда изъ-подъ того же престола или, вѣрнѣе, изъ люка въ полу часовни, который онъ покрывалъ, позади мальчика по казалось грязное личико дѣвочки, обрамленное бѣлокурыми волосами, съ устремленными на меня дѣтски-любопытными голубыми глазами.

Я нѣсколько отодвинулся отъ стѣны и, согласно рыцарскимъ правиламъ нашего рынка, тоже положилъ руки въ карманы. Это было признакомъ, что я не боюсь противника и даже, отчасти, намекаю на мое къ нему презрѣніе.

Мы встали другъ противъ друга и обмѣнялись взглядами. Осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ, мальчикъ спросилъ:

— Ты здѣсь зачѣмъ?

— Такъ,—отвѣтилъ я,—а тебѣ какое дѣло?

Мой противникъ повелъ плечомъ, какъ будто намѣреваясь вынуть изъ кармана руки и ударить меня.

Я не моргнулъ и глазомъ.

— Я вотъ тебѣ покажу!—пригрозилъ онъ.

Я выпятился грудью впередъ.

— Ну, ударь!.. Попробуй!

Мгновеніе было критическое; отъ него зависѣлъ характеръ дальнѣйшихъ отношеній. Я ждалъ, но мой противникъ, окинувъ меня тѣмъ же испытующимъ взглядомъ, не шевелился.

— Я, братъ, и самъ... тожѐ...—сказалъ я, но уже болѣе миролюбиво.

Между тѣмъ дѣвочка, опершись маленькими рученками на полъ часовни, старалась тоже выкарабкаться изъ люка. Она падала, вновь поднималась и, наконецъ, направилась нетвердыми шагами къ мальчишкѣ. Подойдя вплоть къ нему, она крѣпко ухватилась за него, прижалась къ нему и устремила на меня удивленный и отчасти испуганный взглядъ.

Это рѣшило исходъ дѣла; стало совершенно ясно, что въ та-

комъ положеніи мальчишка не могъ драться, а я, конечно, тоже былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы воспользоваться его неудобнымъ положеніемъ.

— Какъ твое имя?—спросилъ мальчикъ, гладя рукой бѣлокурую головку дѣвочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я — Валекъ... я тебя знаю; ты живешь въ саду, надъ прудомъ. У васъ большія яблоки.

— Да, это правда: яблоки у насъ хорошія. Не хочешь ли?

Вынувъ изъ кармана два яблока, предназначавшіяся для расплаты съ моей постыдно бѣжавшей арміей, я подалъ одно изъ нихъ Валеку, другое протянулъ дѣвочкѣ. Но она скрыла свое лицо, прижавшись къ Валеку.

— Боится,—сказалъ тотъ, и самъ передалъ яблоко дѣвочкѣ.— Зачѣмъ ты влѣзъ сюда? Развѣ я когда-нибудь лазилъ въ вашъ садъ?—спросилъ онъ затѣмъ.

— Что жъ, приходи! Я буду радъ,—отвѣтилъ я радушно.

Отвѣтъ этотъ озадачилъ Валека; онъ задумался.

— Я тебѣ не компанія,—сказалъ онъ грустно.

— Отчего же?—спросилъ я, сильно огорченный грустнымъ тономъ, какимъ были сказаны эти слова.

— Твой отецъ—панъ судья.

— Такъ что же?—изумился я чистосердечно.—Вѣдь ты будешь играть со мною, не съ отцомъ.

Валекъ покачалъ головой.

— Тыбурцій не пуститъ,—сказалъ онъ и, какъ будто это имя напомнило ему что-то, вдругъ спохватился.— Послушай, ты славный хлопецъ, но все-таки тебѣ лучше уйти. Если Тыбурцій тебя застанетъ, плохо будетъ.

Я согласился, что мнѣ, дѣйствительно, пора уходить. Послѣдніе лучи солнца исчезали уже сквозь окна часовни, а до города было не близко.

— Какъ же мнѣ отсюда выйти?

— Я тебѣ укажу дорогу, мы пойдемъ вмѣстѣ.

— А она?—ткнулъ я пальцемъ въ нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдетъ съ нами.

— Какъ, въ окно?

Валекъ задумался.

— Нѣтъ, вотъ что: я тебѣ помогу взобраться на окно, а сами мы выйдемъ другимъ ходомъ.

Съ помощью моего новаго пріятеля я поднялся къ окну. Отвязавъ ремень, я обвилъ его вокругъ рамы и, держась за оба конца, повисъ въ воздухѣ. Затѣмъ, выпустивъ одинъ конецъ, я спрыгнулъ на землю и выдернулъ ремень. Валекъ и Маруся ждали меня уже подъ стѣной, снаружи.

Солнце недавно еще сѣло за гору. Городъ утонулъ въ лиловотуманной тѣни, и только верхушки высокихъ тополей на островѣ рѣзко выдѣлялись червоннымъ золотомъ, разрисованныя послѣдними лучами заката. Мнѣ казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я явился сюда, на старое кладбище, прошло не менѣе сутокъ, что это было вчера.

— Какъ хорошо! — сказалъ я, охваченный свѣжестью наступившаго вечера и вдыхая полной грудью влажную прохладу.

— Скучно здѣсь,—съ грустью произнесъ Валекъ.

— Вы все здѣсь живете?—спросилъ я, когда мы втроемъ стали спускаться съ горы.

— Здѣсь.

— Гдѣ жъ вашъ домъ?

Я не могъ себѣ представить, чтобы подобныя мнѣ дѣти могли жить безъ дома.

Валекъ усмѣхнулся съ обычнымъ его грустнымъ видомъ и ничего не отвѣтилъ.

Мы миновали крутые обвалы, такъ какъ Валекъ зналъ болѣе удобную дорогу. Пройдя межъ камышей по высохшему болоту и переправившись черезъ ручеекъ по тонкимъ дощечкамъ, мы очутились у подножія горы, на равнинѣ.

Тутъ надо было разстаться. Пожавъ руку моему новому знакомому, я протянулъ ее также и дѣвочкѣ. Она ласково подала мнѣ свою крохотную рученку и, глядя снизу вверхъ голубыми глазами, спросила:

— Ты придешь къ намъ опять?

— Приду, — отвѣчалъ я,—непремѣнно.

— Что жъ? — сказалъ въ раздумьи Валекъ:—приходи, пожалуй, только въ такое время, когда наши будутъ въ городѣ.

— Кто это „ваши“?

— Да наши... всѣ... Тыбурцій... профессоръ...

— Хорошо. Я высмотрю, когда они будутъ въ городѣ, и тогда приду. А пока — прощайте!

— Эй, послушай-ка! — крикнулъ мнѣ Валекъ, когда я отошелъ нѣсколько шаговъ: — а ты болтать не будешь о томъ, что былъ у насъ?

— Никому не скажу, — отвѣтилъ я твердо.

— Ну, вотъ это хорошо! А этимъ твоимъ дуракамъ мальчишкамъ, когда станутъ приставать, скажи, что видѣлъ чорта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай.

— Прощай.

Густыя сумерки залегли надъ Княжьимъ-вѣномъ, когда я приблизился къ забору своего сада. Надъ замкомъ зарисовался тонкій серпъ луны, загорѣлись звѣзды. Я хотѣлъ уже подняться на заборъ, какъ кто-то схватилъ меня за руку.

— Вася, другъ! — заговорилъ взволнованнымъ шопотомъ мой бѣжавшій товарищъ. — Какъ же это ты?.. Голубчикъ!..

— А вотъ, какъ видишь!.. А вы всѣ меня бросили!..

Онъ потупился, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ стыда; онъ спросилъ опять:

— Что же тамъ было?

— Что? — отвѣтилъ я тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія: — разумѣется, черти! А вы трусы...

И, отмахнувшись отъ сконфуженнаго товарища, я полѣзъ на заборъ.

Черезъ четверть часа, я спалъ уже глубокимъ сномъ.

Съ этихъ поръ я весь былъ поглощенъ моимъ новымъ знакомствомъ. Вечеромъ, ложась въ постель, и утромъ, вставая, я только и думалъ о предстоящемъ визитѣ на гору. По улицамъ города я шатался съ единственной цѣлью — подсмотрѣть, тутъ ли панъ Тыбурцій и его компанія, тѣ странныя личности, которыхъ старый Янушъ, управитель замка, характеризовалъ словами „дурное общество“, и которыя, являясь по утрамъ въ городъ, по вечерамъ исчезали безслѣдно. Теперь я зналъ, кого Валекъ разумѣлъ подъ именемъ „нашихъ“ и, замѣтивъ, какъ эти темныя личности шныряютъ по базару, я тотчасъ же бѣгомъ отправлялся черезъ болото на гору, къ часовнѣ, предварительно наполнивъ карманы яблоками, которыя могъ рвать въ саду безъ запрету, и лакомствами, которыя сберегалъ всегда для своихъ новыхъ друзей.

Валекъ, вообще очень солидный, точно взрослый по манерамъ, принималъ эти приношенія просто и, по большей части, откладывалъ куда-нибудь, прибeрегая для сестры; но маленькая Маруся всякій разъ всплескивала ручонками, и глаза ея загорались огонькомъ самаго неподдѣльнаго восторга; блѣдное лицо дѣвочки вспыхивало румянцемъ, она смѣялась, и этотъ смѣхъ нашей маленькой пріятельницы отдавался въ нашихъ сердцахъ, вознаграждая за конфеты, которыя мы жертвовали въ ея пользу.

Это было блѣдное, крошечное созданье, напоминавшее цвѣтокъ, выросшій безъ живительныхъ лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неувѣренно ступая кривыми ножками, и шаталась какъ былинка; руки ея были тонки и прозрачны, головка покачивалась на тонкой шеѣ, какъ головка полевого колокольчика, но глаза смотрѣли порой такъ не по-дѣтски грустно, и улыбка такъ напоминала мнѣ мою мать въ послѣдніе дни ея жизни, когда она, бывало, сидѣла противъ открытаго окна и вѣтеръ шевелилъ ея бѣлокурые волосы,—что мнѣ, при взглядѣ на это дѣтское личико, становилось самому грустно, и слезы подступали къ глазамъ.

Я невольно сравнивалъ ее съ моей сестрой; онѣ были одного возраста, но моя Соня была кругла, какъ пышка, и упруга, какъ мячикъ. Она такъ рѣзво бѣгала, когда, бывало, разыграется, такъ звонко смѣялась, на ней всегда были такія красивыя платья, а въ темныя косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая пріятельница почти никогда не бѣгала и смѣялась очень рѣдко; когда же смѣялась, то смѣхъ ея звучалъ, какъ самый маленькій серебряный колокольчикъ, котораго въ десяти шагахъ уже не слышно. Платье ея было грязно и старо, въ косѣ не было лентъ, но волосы у нея были гораздо длиннѣе и роскошнѣе, чѣмъ у Сони, и Валекъ, къ моему удивленію, очень искусно умѣлъ заплетать ихъ, что и исполнялъ каждое утро.

Я былъ большой сорванецъ. „У этого малаго, — говорили обо мнѣ старшіе, — руки и ноги налиты ртутью“, чему я и самъ вѣрилъ, хоть не представлялъ себѣ ясно, кто и какимъ образомъ произвелъ надо мною эту операцію. Въ первые же дни я внесъ оживленіе и въ общество моихъ новыхъ знакомыхъ. Едва ли эхо старой „каплицы“ (часовни) повторяло когда-нибудь такіе громкіе возгласы, какъ въ то время, когда я старался расшевелить и завлечь въ игры Валека и Марусю. Однако, это удавалось плохо. Валекъ серьезно смотрѣлъ на

меня и на дѣвочку, и разъ, когда я заставлялъ ее бѣгать со мною взапуски, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, она сейчасъ заплачетъ.

Дѣйствительно, когда я растормошилъ ее и заставилъ бѣжать, Маруся, заслышавъ мои шаги за собой, вдругъ повернулась ко мнѣ, поднявъ ручонки надъ головой точно для защиты, посмотрѣла на меня безпомощнымъ взглядомъ пойманной пташки и громко заплакала. Я совсѣмъ растерялся.

— Вотъ видишь,—сказалъ Валекъ,—она не любитъ играть.

Онъ усадилъ ее на траву, нарвалъ цвѣтовъ и кинулъ ей. Маруся перестала плакать и тихо перебирала растенія, что-то говорила, обращаясь къ золотистымъ лепесткамъ и подносила къ губамъ синіе колокольчики. Я тоже присмирѣлъ и легъ рядомъ съ Валекомъ около дѣвочки.

— Отчего она такая?—спросилъ я наконецъ, указывая глазами на Марусю.

— Невеселая?—переспросилъ Валекъ и затѣмъ сказалъ тономъ совершенно убѣжденнаго человѣка:—а это, видишь ли, отъ сѣраго камня...

— Да-а,—повторила дѣвочка, точно слабое эхо:—это отъ сѣраго камня.

— Отъ какого сѣраго камня?—переспросилъ я, не понимая.

— Сѣрый камень высосалъ изъ нея жизнь,—пояснилъ опять Валекъ, попрежнему смотря на небо.—Такъ говоритъ Тыбурцій... Тыбурцій хорошо знаетъ.

— Да-а,—опять повторила тихимъ эхомъ дѣвочка:—Тыбурцій все знаетъ.

Я ничего не понималъ въ этихъ загадочныхъ словахъ, приподнялся на локтѣ и взглянулъ на Марусю. Она сидѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ усадилъ ее Валекъ, и все такъ же перебирала цвѣты. При взглядѣ на эту крохотную грустную фигурку мнѣ стало ясно, что въ словахъ Тыбурція,—хотя я и не понималъ ихъ значенія,—заключается горькая правда. Несомнѣнно, кто-то высасывалъ жизнь изъ этой странной дѣвочки, которая плачетъ тогда, когда другіе на ея мѣстѣ смѣются. Но какъ же можетъ сдѣлать это сѣрый камень? „Должно быть, это бываетъ по ночамъ", думалъ я, и чувство щемящаго до боли сожалѣнія сжимало мнѣ сердце.

Подъ вліяніемъ этого чувства я тоже умѣрилъ свою рѣзвость. Примѣняясь къ тихой солидности нашей дамы, оба мы съ Валекомъ,

усадивъ ее гдѣ-нибудь на травѣ, собирали для нея цвѣты, разноцвѣтные камешки, ловили бабочекъ, иногда дѣлали изъ кирпичей ловушки для воробьевъ. Иногда же, растянувшись около нея на травѣ, смотрѣли въ небо, какъ плывутъ облака высоко надъ лохматой крышей старой „каплицы", разсказывали Марусѣ сказки или бесѣдовали другъ съ другомъ.

Эти бесѣды съ каждымъ днемъ все больше закрѣпляли нашу дружбу съ Валекомъ, которая росла, несмотря на рѣзкую противоположность нашихъ характеровъ. Всегда порывистый, рѣзвый, я невольно подчинялся грустно-солидному тону Валека и, въ особенности, той независимости, съ которой онъ отзывался о старшихъ. Кромѣ того, онъ часто сообщалъ мнѣ много новаго, о чемъ я раньше и не думалъ. Слыша, какъ онъ отзывается о Тыбурціи точно о товарищѣ, я спросилъ:

— Тыбурцій тебѣ отецъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ задумчиво.

— Онъ тебя любитъ?

— Да, любитъ, —сказалъ Валекъ уже гораздо увѣреннѣе.—Онъ постоянно обо мнѣ заботится и, знаешь, иногда онъ цѣлуетъ меня и плачетъ...

— И меня любитъ, и тоже плачетъ,—прибавила Маруся съ выраженіемъ дѣтской гордости.

— А меня отецъ не любитъ, — проговорилъ я грустно. — Онъ никогда не цѣловалъ меня... онъ нехорошій.

— Неправда! неправда!—возразилъ Валекъ.—Ты не понимаешь. Тыбурцій лучше знаетъ. Онъ говоритъ, что судья — самый лучшій человѣкъ въ городѣ и что городу давно бы уже надо провалиться, если бы не твой отецъ, да одинъ священникъ, да еврейскій раввинъ. Вотъ изъ-за нихъ троихъ городъ еще не провалился... Такъ говоритъ Тыбурцій... потому что они всегда за бѣдныхъ людей заступаются... А твой отецъ, говоритъ Тыбурцій, не побоится засудить богатаго, будь онъ хоть самъ графъ, а когда къ нему пришла старая Иваниха съ костылемъ, онъ велѣлъ принести ей стулъ. Вотъ онъ какой.

Все это заставило меня глубоко задуматься. Валекъ указалъ мнѣ моего отца съ такой стороны, съ какой мнѣ никогда не приходило въ голову взглянуть на него; слова Валека задѣли въ моемъ сердцѣ

струну сыновней гордости. Мнѣ было пріятно слушать похвалы моему отцу, высказываемыя отъ имени Тыбурція, который „все знаетъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ дрогнула въ моемъ сердцѣ нота щемящей любви съ горячимъ сознаніемъ, что никогда родной отецъ не полюбитъ меня такъ, какъ Тыбурцій любитъ Валека и Марусю.

Близилась осень. Въ полѣ шла жатва; листья на деревьяхъ стали желтѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ наша Маруся начала что-то прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только все худѣла; лицо ея все больше и больше блѣднѣло, глаза потемнѣли, вѣки приподнимались съ трудомъ.

Теперь я могъ приходить на гору, не стѣсняясь ничѣмъ. Я совершенно свыкся съ Тыбурціемъ и сталъ на горѣ своимъ человѣкомъ.

— Ты славный хлопецъ и когда-нибудь, пожалуй, тоже будешь ученымъ, не хуже меня!—говорилъ панъ Тыбурцій.

Осень все больше вступала въ свои права. Небо все чаще заволакивалось тучами, окрестности тонули въ туманномъ сумракѣ, потоки дождя шумно лились на землю, отдаваясь однообразнымъ и грустнымъ гуломъ въ подземельяхъ.

Мнѣ стоило много труда урываться изъ дома въ такую погоду; впрочемъ, я только старался уйти незамѣченнымъ, когда же возвращался домой весь вымокшій, то самъ развѣшивалъ платье противъ камина и смиренно ложился въ постель, философски отмалчиваясь подъ цѣлымъ градомъ упрековъ, которые лились на меня изъ устъ нянекъ и служанокъ.

Каждый разъ, придя къ своимъ друзьямъ, я замѣчалъ, что Маруся все больше хирѣетъ. Теперь она совсѣмъ уже не выходила на воздухъ, и сѣрый камень—темное, молчаливое чудовище подземелья—продолжалъ безъ перерывовъ свою ужасную работу, высасывая жизнь изъ маленькаго тѣльца. Дѣвочка большую часть времени проводила теперь въ постели, и мы съ Валекомъ изо всѣхъ силъ старались развлечь ее и позабавить, чтобы вызвать тихіе переливы ея слабаго смѣха.

Теперь, когда я окончательно сжился съ „дурнымъ обществомъ“, грустная улыбка Маруси стала мнѣ почти такъ же дорога, какъ улыбка сестры; тутъ никто не ставилъ мнѣ вѣчно на видъ мою испорченность; тутъ не было ворчливой няньки; тутъ я былъ нуженъ, я чув-

ствовалъ, что каждый разъ мое появленіе вызываетъ румянецъ оживленія на щечкахъ дѣвочки.

Валекъ обнималъ меня, какъ брата, и даже Тыбурцій по временамъ смотрѣлъ на насъ троихъ какими-то странными глазами, въ которыхъ что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; съ него сбѣжали тучи, и надъ просыхающей землей, въ послѣдній разъ передъ наступленіемъ зимы, засіяли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверхъ, и здѣсь она смотрѣла вокругъ широко раскрытыми глазами, на щекахъ ея загорался румянецъ; казалось, что вѣтеръ, обдававшій ее своими свѣжими, живительными взмахами, возвращалъ ей частицы жизни, похищенныя сѣрыми камнями подземелья. Но это продолжалось недолго...

Между тѣмъ надъ моей головой тоже стали собираться тучи.

Однажды, когда я по обыкновенію утромъ проходилъ по аллеямъ сада, я увидалъ въ одной изъ нихъ отца, а рядомъ—стараго Януша изъ замка. Старикъ подобострастно кланялся и что-то говорилъ, а отецъ стоялъ съ угрюмымъ видомъ, и на лбу его рѣзко обозначалась складка нетерпѣливаго гнѣва. Наконецъ онъ протянулъ руку, какъ бы отстраняя Януша съ своей дороги, и сказалъ:

— Уходите! Вы, просто, старый сплетникъ!

Я сильно недолюбливалъ стараго филина изъ замка, и теперь сердце мое дрогнуло предчувствіемъ. Я понялъ, что подслушанный мною разговоръ относился къ моимъ друзьямъ и, быть можетъ, также ко мнѣ.

Тыбурцій, которому я разсказалъ объ этомъ случаѣ, скорчилъ ужасную гримасу:

— У-уфъ, малый!.. Какая это непріятная новость!.. О, проклятая старая лисица!

— Отецъ его прогналъ,—замѣтилъ я въ видѣ утѣшенія.

— Твой отецъ, малый, самый лучшій изъ всѣхъ судей, начиная съ Соломона... Онъ не считаетъ нужнымъ травить стараго, беззубаго звѣря въ его послѣдней берлогѣ... Но, малый, какъ бы тебѣ объяснить это?.. Твой отецъ служитъ господину, котораго имя—законъ. У него есть глаза и сердце только до тѣхъ поръ, пока законъ спитъ себѣ на полкахъ; когда же этотъ господинъ сойдетъ оттуда и скажетъ твоему отцу: „а ну-ка, судья, не взяться ли намъ за Тыбурція Драба или какъ тамъ его зовутъ?“ —съ этого момента судья запираетъ свое сердце на ключъ, и тогда у него такія твердыя лапы,

что скорѣе міръ повернется въ другую сторону, чѣмъ панъ Тыбурцій вывернется изъ его рукъ... Понимаешь ты, малый?.. И за это я и всѣ еще больше уважаемъ твоего отца, потому что онъ вѣрный слуга своего господина, а такіе люди рѣдки. Будь у закона все такіе слуги, онъ могъ бы спать себѣ спокойно на своихъ полкахъ и никогда не просыпаться...

Съ этими словами Тыбурцій всталъ, взялъ на руки Марусю и, отойдя съ нею въ дальній уголъ, сталъ цѣловать ее, прижимаясь къ ея маленькой груди. А я остался на мѣстѣ и долго стоялъ въ одномъ положеніи подъ впечатлѣніемъ странныхъ рѣчей.

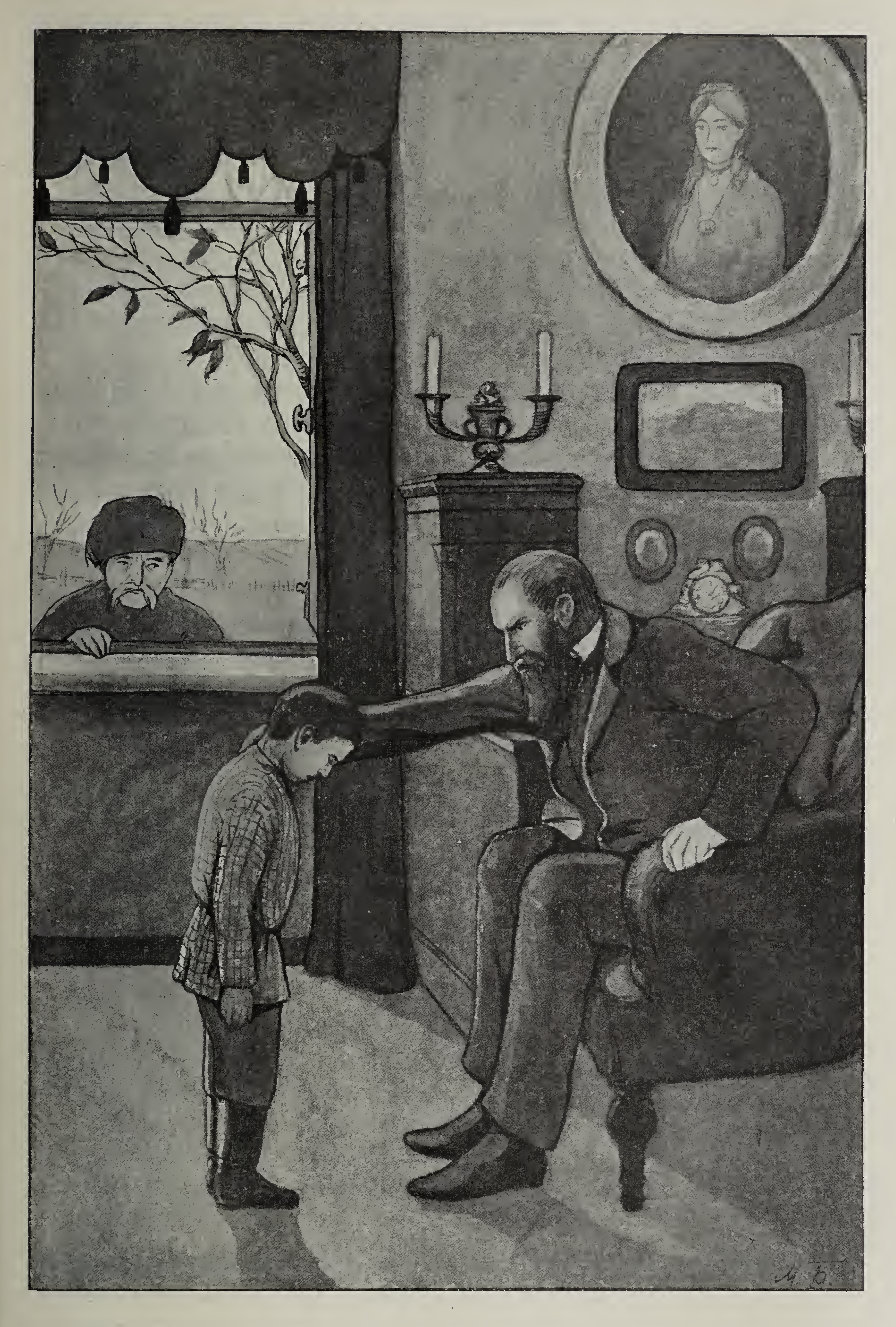
Ясные дни миновали, и Марусѣ опять стало хуже. На всѣ наши ухищренія, съ цѣлью занять ее, она смотрѣла равнодушно своими большими потемнѣвшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали ея смѣха. Я сталъ носить въ подземелье свои игрушки, и онѣ развлекали дѣвочку только на короткое время. Тогда я рѣшился обратиться къ своей сестрѣ Сонѣ.

У Сони была большая кукла съ ярко раскрашеннымъ лицомъ и роскошными льняными волосами — подарокъ покойной матери. На эту куклу я возлагалъ большія надежды и потому, отозвавъ сестру въ боковую аллейку сада, попросилъ дать мнѣ ее на время. Я такъ убѣдительно просилъ ее объ этомъ, такъ живо описалъ ей бѣдную больную дѣвочку, у которой никогда не было своихъ игрушекъ, что Соня, которая сначала только прижимала куклу къ себѣ, отдала мнѣ ее и обѣщала въ теченіе двухъ-трехъ дней играть другими игрушками.

Дѣйствіе этой нарядной фаянсовой барышни на нашу больную превзошло всѣ мои ожиданія.

Маруся, которая увядала, какъ цвѣтокъ осенью, казалось, вдругъ опять ожила. Она такъ крѣпко меня обнимала, такъ звонко смѣялась, разговаривая съ своей новой знакомой... Маленькая кукла сдѣлала почти чудо: Маруся, давно уже не сходившая съ постели, начала ходить, водя за собой свою бѣлокурую дочку, и по временамъ бѣгала даже, попрежнему шлепая по полу слабыми ногами.

Зато мнѣ эта кукла доставила очень много тревожныхъ минутъ. Прежде всего, когда я несъ ее за пазухой, направляясь съ нею на гору, на дорогѣ мнѣ попался старый Янушъ, который долго провожалъ меня глазами и качалъ головой.

Потомъ, дня черезъ два, старушка-нянька замѣтила пропажу и стала соваться по угламъ, вездѣ разыскивая куклу. Соня старалась унять ее, но своими наивными увѣреніями, что ей кукла не нужна, что она ушла гулять и скоро вернется, только вызывала недоумѣніе служанокъ и возбуждала подозрѣніе, что тутъ не простая пропажа. Отецъ ничего еще не зналъ, но къ нему опять приходилъ Янушъ и былъ прогнанъ на этотъ разъ съ еще большимъ гнѣвомъ; однако, въ тотъ же день отецъ остановилъ меня на пути къ садовой калиткѣ и велѣлъ остаться дома. На слѣдующій день повторилось то же, и только черезъ четыре дня я всталъ рано утромъ и махнулъ черезъ заборъ, пока отецъ еще спалъ.

На горѣ дѣла были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало еще хуже; лицо ея горѣло страннымъ румянцемъ, бѣлокурые волосы раскидались по подушкѣ; она никого не узнавала. Рядомъ съ нею лежала злополучная кукла съ розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщилъ Валеку свои опасенія, и мы рѣшили, что куклу необходимо унести обратно, тѣмъ болѣе, что Маруся этого и не замѣтитъ. Но мы ошиблись: какъ только я вынулъ куклу изъ рукъ лежавшей въ забытьи дѣвочки, она открыла глаза, посмотрѣла передъ собой смутнымъ взглядомъ, какъ будто не видя меня, не сознавая, что съ нею происходитъ, и вдругъ заплакала тихо-тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ жалобно, а въ исхудаломъ лицѣ ея подъ покровомъ бреда мелькнуло выраженіе такого глубокаго горя, что я тотчасъ же съ испугомъ положилъ куклу на прежнее мѣсто. Дѣвочка улыбнулась, прижала куклу къ себѣ и успокоилась. Я понялъ, что хотѣлъ лишить моего маленькаго друга первой и послѣдней радости въ ея недолгой жизни.

Валекъ робко посмотрѣлъ на меня.

— Какъ же теперь будетъ?—спросилъ онъ грустно.

Тыбурцій, сидя на лавочкѣ съ печально понуренной головой, также смотрѣлъ на меня вопросительнымъ взглядомъ. Поэтому я постарался придать себѣ видъ по возможности безпечный и сказалъ:

— Ничего! Нянька, навѣрное, ужъ забыла.

Но старуха не забыла. Когда я возвращался на этотъ разъ домой, у калитки мнѣ опять попался Янушъ; Соню я засталъ съ заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющій взглядъ и что-то ворчала беззубымъ, шамкавшимъ ртомъ.

Отецъ спросилъ у меня, куда я ходилъ, и, выслушавъ внима-

тельно обычный отвѣтъ, ограничился тѣмъ, что повторилъ мнѣ приказъ — ни подъ какимъ видомъ не отлучаться изъ дому безъ его позволенія. Приказъ былъ категориченъ и очень рѣшителенъ; ослушаться его я не посмѣлъ, но не посмѣлъ также и обратиться къ нему за позволеніемъ.

Прошло четыре томительныхъ дня. Я грустно ходилъ по саду и съ тоской смотрѣлъ по направленію къ горѣ, ожидая кромѣ того грозы, которая собиралась надъ моей головой. Что будетъ — я не зналъ, но на сердцѣ у меня было тяжело. Меня во всю жизнь никто еще не наказывалъ: отецъ не только не трогалъ меня пальцемъ, но я отъ него не слышалъ никогда ни одного рѣзкаго слова.

Теперь меня томило тяжелое предчувствіе.

Наконецъ меня позвали къ отцу въ его кабинетъ. Я вошелъ и робко остановился у притолки. Въ окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отецъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ передъ портретомъ матери и не поворачивался ко мнѣ. Я слышалъ тревожный стукъ собственнаго сердца.

Но вотъ онъ повернулся. Я поднялъ на него глаза и тотчасъ же опустилъ ихъ въ землю. Лицо отца показалось мнѣ страшнымъ. Прошло около полуминуты, и въ теченіе этого времени я чувствовалъ на себѣ тяжелый и неподвижный, подавляющій взглядъ.

— Ты взялъ у сестры куклу?

Эти слова упали вдругъ на меня такъ отчетливо и рѣзко, что я вздрогнулъ.

— Да,—отвѣтилъ я тихо.

— А знаешь ты, что это—подарокъ матери, которымъ ты долженъ бы дорожить, какъ святыней?.. Ты укралъ ее?..

— Нѣтъ,—сказалъ я, подымая голову.

— Какъ нѣтъ?—вскрикнулъ вдругъ отецъ, отталкивая кресло.— Ты укралъ ее и снесъ... Кому ты снесъ ее?.. Говори!

Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и положилъ мнѣ на плечо тяжелую руку. Я съ усиліемъ поднялъ голову и взглянулъ вверхъ. Лицо отца было блѣдно. Я весь съежился.

Отецъ тяжело перевелъ духъ. Я съежился еще болѣе, горькія слезы жгли мои щеки. Я ждалъ...

— Эге-ге!—раздался вдругъ за открытымъ окномъ рѣзкій голосъ Тыбурція. — Я вижу, — продолжалъ Тыбурцій, входя черезъ двѣ-три секунды въ комнату, — вижу моего молодого друга въ затруднительномъ положеніи.

Отецъ встрѣтилъ его мрачнымъ, угрожающимъ взглядомъ, но Тыбурцій выдержалъ его спокойно. Онъ былъ серьезенъ, не кривлялся, глаза его глядѣли какъ-то особенно грустно.

— Панъ судья! — заговорилъ онъ мягко: — вы человѣкъ справедливый... отпустите ребенка. Видитъ Богъ, онъ не сдѣлалъ дурного дѣла, и если его сердце лежитъ къ моимъ оборваннымъ бѣднягамъ, то, клянусь Богородицей, лучше велите меня повѣсить, но я не допущу, чтобы мальчикъ пострадалъ изъ-за этого. Вотъ твоя кукла, малый!..

Онъ развязалъ узелокъ и вынулъ оттуда куклу.

Рука отца, державшая мое плечо, разжалась. Въ лицѣ виднѣлось изумленіе.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Отпустите мальчика, — повторилъ Тыбурцій, и его широкая рука любовно погладила мою опущенную голову. — Вы ничего не добьетесь отъ него угрозами, а между тѣмъ я охотно разскажу вамъ все, что вы желаете знать... Выйдемъ, панъ судья, въ другую комнату.

Я все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, когда дверь изъ кабинета отворилась, и оба собесѣдника вошли. Я опять почувствовалъ на своей головѣ чью-то руку и вздрогнулъ. То была рука отца, нѣжно гладившаго мои волосы.

Тыбурцій взялъ меня на руки и посадилъ въ присутствіи отца къ себѣ на колѣни.

— Приходи къ намъ, — сказалъ онъ: — отецъ тебя отпустилъ прощаться съ моей дѣвочкой. Она... она умерла.

Голосъ Тыбурція дрогнулъ; онъ странно заморгалъ глазами, но тотчасъ всталъ, поставилъ меня на полъ, выпрямился и быстро ушелъ изъ комнаты.

Я вопросительно поднялъ глаза на отца.

Теперь передо мной стоялъ другой человѣкъ, и въ этомъ именно человѣкѣ я нашелъ что-то родное, чего тщетно искалъ въ немъ прежде. Онъ смотрѣлъ на меня обычнымъ своимъ, слегка затуманеннымъ взглядомъ, но теперь въ этомъ взглядѣ виднѣлись только задумчивость, нѣжность и какъ будто вопросъ.

Я довѣрчиво взялъ его руку и сказалъ:

— Я, вѣдь, не укралъ... Соня дала мнѣ, на время...

— Д-да, — отвѣтилъ онъ задумчиво, — я знаю... Я виноватъ

передъ тобой, мальчикъ, и ты постараешься когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я съ живостью схватилъ его руку и сталъ ее цѣловать. Я зналъ, что теперь никогда уже онъ не будетъ смотрѣть на меня тѣми строгими глазами, какими смотрѣлъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, и долго сдерживаемая любовь невозбранно хлынула цѣлымъ потокомъ. Теперь я уже не боялся его.

— Ты отпустишь меня теперь на гору?—спросилъ я, вспомнивъ вдругъ приглашенiе Тыбурцiя.

— Д-да... Ступай, ступай... мальчикъ, — ласково проговорилъ онъ все еще съ тѣмъ же оттѣнкомъ недоумѣнiя въ голосѣ. — Да, впрочемъ, постой, пожалуйста, мальчикъ, погоди немного.

Онъ ушелъ въ свою спальню и, черезъ минуту выйдя оттуда, сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько бумажекъ.

— Передай это... Тыбурцiю... Скажи, что я покорнѣйше прошу его... понимаешь?.. покорнѣйше прошу взять эти деньги... отъ тебя... Понялъ?.. Теперь ступай, мальчикъ, ступай скорѣе.

Я догналъ Тыбурцiя уже на горѣ и, запыхавшись, нескладно исполнилъ порученiе отца.

— Покорнѣйше проситъ... отецъ...

И я сталъ совать ему въ руку данныя отцомъ деньги. Я не глядѣлъ ему въ лицо. Деньги онъ взялъ.

Въ подземельи, въ темномъ углу, на лавочкѣ лежала Маруся. Слово „смерть“ не имѣетъ еще полнаго значенiя для дѣтскаго слуха, и горькiя слезы только теперь, при видѣ этого безжизненнаго тѣла, сдавили мнѣ горло. Моя маленькая прiятельница лежала серьезная и грустная, съ печально вытянутымъ личикомъ. Закрытые глаза слегка ввалились и еще рѣзче оттѣнились синевой. Ротикъ немного раскрылся, съ выраженiемъ дѣтской печали. Маруся какъ будто отвѣчала этой гримаской на мои слезы.

Кто-то въ углу стучалъ топоромъ, готовя гробикъ изъ старыхъ досокъ, сорванныхъ съ крыши часовни. Марусю убирали осенними цвѣтами.

Гладь — 1, гладкое, ровное мѣсто. Ты (дорога) въ даль протянулась, пряма какъ стрѣла, широкою гладью, что скатерть легла (И. Аксаковъ). — *Тишь да гладь, Божья благодать;* 2, особый вышивной шовъ. Шить гладью.

Топь—топкое, вязкое мѣсто.

Паническiй ужасъ—внезапный, безотчетный, неодолимый страхъ. **Паника** (греч.)—сильный страхъ, переполохъ, охватывающiй толпу.

Терзать—1, рвать на части, раздирать. Волкъ терзаетъ добычу.—Коршунъ

хохлатый, степной нелюдимъ, добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ (Лермонтовъ).—Терзать на себѣ въ отчаяніи одежду, волосы; 2, мучить, томить нравственно. Меня терзаетъ мысль о его несчастной долѣ. — Хладную душу терзаетъ печаль (Пушкинъ).

Ютиться—пріютиться, искать пріюта. Бѣдняки ютятся въ подвалахъ.

Проницательность—острота взгляда, умѣнье глубоко вникать во что-нибудь, предвидѣть, постигнуть.

Энергія (греч.)—настойчивость въ достиженіи какой-либо цѣли; сильная воля, проявляемая человѣкомъ въ дѣятельности.

Недюжинный — буквально: не относящійся къ дюжинѣ; переносно: не простой, не обыкновенный, выходящій изъ ряду, выдающійся.

Калачница, калачникъ—кто печетъ калачи или торгуетъ ими.

Шлюзы (нѣм.) — подвижныя ворота, устраиваемыя у плотинъ для удержанія или спуска воды.

Лотокъ—желобъ, по которому вода бѣжитъ на мельничное колесо.

Замыкаться, замкнуться — запереться; переносно: уйти въ себя, сосредоточиться, прерывать сношенія со всѣмъ міромъ.

Переминаться—находиться въ недоумѣніи, въ нерѣшимости. Переминаться съ ноги на ногу.

Осадить, осаживать—1, подавать назадъ, отодвигать. Осадить лошадей; 2, заставить замолчать или одуматься человѣка, дерзко говорящаго. Онъ его осадилъ при всѣхъ. Что значитъ осадить городъ?

Отпѣтый—буквально: тотъ, котораго отпѣли, т.-е покойникъ. Переносно: человѣкъ, на котораго рукой махнули, потеряли надежду, что изъ него что-нибудь выйдетъ. Передъ нимъ находился давно порѣшенный, давно отпѣтый человѣкъ (Маркевичъ „Бездна“).—Отпѣтая голова.

Насупиться—хмуриться, принимать пасмурный, угрюмый видъ.

Навербовать (нѣм.)—набирать желающихъ, привлекать къ какому-нибудь дѣлу.

Процедура (лат.) — рядъ дѣйствій, необходимыхъ для совершенія какого-нибудь дѣла; порядокъ, обрядъ.

Престолъ—1, священное мѣсто, какъ представительство высшаго, на небесахъ и на землѣ; 2, въ церкви: столъ въ алтарѣ (передъ царскими вратами), на которомъ совершается таинство Евхаристіи; 3, престолъ государя, тронъ; 4, царствованіе, владычество. Престолъ перешелъ къ Николаю Павловичу, черезъ брата его.

Паникадило (греч.)—люстра, висящая подъ сводомъ храма; **кадило**—церковный сосудъ, курильница на цѣпочкахъ, въ которую на угли кладется ладанъ.

Хоры (мн. ч.)—открытая галлерея, переходы вдоль стѣны въ залахъ большихъ зданій, напр., церкви, театрѣ. Хоры для музыкантовъ.—Билеты на хоры всѣ проданы.

Прорѣха—распоротое, разрѣзанное или разорванное мѣсто въ одеждѣ и вообще дыра, отверстіе. *Смолоду прорѣшка, подъ старость дыра.*

Люкъ (голл.) — 1, отверстіе, закрывающееся лежачей дверью; 2, на кораблѣ всякое наружное отверстіе. И молча въ открытые люки чугунныя пушки глядятъ (Лермонтовъ).

Обрамлять, обрамить—вставить въ раму, очертить кругомъ, чертой, каймой.

Намекать, намекнуть—говорить не прямо, обинякам, давать понять. Онъ намекалъ на вчерашнее происшествіе. Отсюда **намекъ**. *Твой намекъ мнѣ невдомекъ.— Умному намекъ, глупому толчокъ.*

Повести, поводить—опредѣлите различныя значенія: Не повело бы это къ худому.—Повести дѣло неумѣло.—*Какъ себя поведешь, такъ и прослывешь.*—Плясунья поводитъ руками и головой. —*Съ кѣмъ повелся, отъ того и занялся.* — Кому какъ поведется.—Такъ повелось уже изстари. Отсюда **поведеніе, поводъ**.

Критическій (греч.) — рѣшительный, опасный. Критическія обстоятельства. А что значитъ: критическое отношеніе къ чему-нибудь?

Озадачить—привести въ затрудненіе, въ недоумѣніе, поставить втупикъ.

Компанія (франц.)—общество, товарищество.

Визитъ (франц.)—посѣщеніе.

Живительный—укрѣпляющій силы, способствующій жизни. Живительный горный воздухъ возвратилъ ей цвѣтъ лица и силы (Лермонтовъ).

Сорванецъ—проказникъ, шалунъ, повѣса.

Растормошить—расшевелить, привести въ безпорядокъ. Весь товаръ растормошили, а ничего не купили.

Щемить, щемнуть, щемлять—давить, сжимать. Сердце щемитъ, ноетъ, болитъ. **(За, при)** ущемить палецъ въ дверяхъ. Что значитъ ущемленное самолюбіе?

Отмолчаться, отмалчиваться—отдѣлаться молчаніемъ, не отвѣчать, не возражать, не оправдываться. Назовите еще глаголы съ приставкой **от** въ томъ же значеніи.

Подобострастный—рабски покорный. Съ подобострастнымъ взоромъ выжидалъ онъ приказаній.

Ухищреніе—хитрость, выдумка.

Категорическій (греч.)—рѣшительный, опредѣленный, безусловный.

Подавлять, подавить что—давить, налегать, губить. Страсть къ наживѣ подавила въ немъ всѣ лучшія чувства. Что значитъ подавляющее большинство?

103. Чумацкія дѣти.

Стихотвореніе *П. С. Сурикова.*

„О вы, дѣтки, мои дѣтки,
горе мое, горе!
На курганъ бѣгите, дѣтки,
поглядите въ поле.
Ѣдетъ полемъ по дорогѣ
чумаковъ не мало;
только вашего все тятьки
нѣтъ, какъ не бывало.
Лѣто красное проходитъ,—
онъ не пріѣзжаетъ;
что-то сердце мое ноетъ,
ноетъ, заныкаетъ.
Иль пути-дороги степью
дождики размыли!
Иль разбойники напали,
чумака убили?
Помолитеся вы, дѣтки,
Господу Святому,
чтобъ здоровымъ воротился
тятька вашъ до дому“.

Поднялись поспѣшно дѣти
и черезъ поляну
побѣжали въ перегонку
къ дальнему кургану.
Прибѣжали и съ кургана
смотрятъ на дорогу;
старшій, ставши на колѣни,
сталъ молиться Богу:
„Боже нашъ, Отецъ Небесный,
смилуйся надъ нами!
Вороти намъ тятьку къ дому
съ сивыми волами.
Пусть не плачетъ тихо ночью
мама, не рыдаетъ;
пусть здоровымъ тятьку въ очи
мама увидаетъ.
А для насъ, для малыхъ дѣтокъ,
просимъ мы немного:
сбереги гостинцы наши
у отца дорогой“.

Жарко молится ребенокъ
Господу Святому,
жарко... „Гей, гей! — слышно
въ полѣ, —
гей, волы, до дому!“
— Тятька, тятька! — закричали
дѣти, суетятся
и бѣгутъ къ нему навстрѣчу,
кубаремъ катятся.
Кто жъ словами радость тятьки
передать возьмется?
Обнимаетъ онъ малютокъ,
плачетъ и смѣется.
„Что? какъ мамка? не хвораетъ?
тятьку поминаетъ?“
А ужъ дѣти на возъ влѣзли,
воловъ погоняютъ.
„Гей, волы вы длиннороги!
Гей, волы, до дому!
Жарко мы за васъ молились
Господу Святому!“
Веселится тятька, глядя:
„Чумаки-ребята!
Возрастить Господь привелъ бы, —
заживемъ богато!“
Заглядѣлся онъ на дѣтокъ,
сердце такъ и бьется...
„Пощадите!“ крикъ батрацкій
сзади раздается.
Оглянулся чумакъ, — горе,
горе повстрѣчало:
удальцовъ степныхъ ватага
на воза напала.
Онъ къ дубинкѣ... „Стой, ни
съ мѣста!
и молись святому,
да деньжонки доставай-ка,
что везешь до дому“.
„Пощадите, люди Божьи,
удалое братство!
Шесть воловъ и есть лишь
только —
все мое богатство“.
Хоть молись, хоть не молися
удальцамъ заклятымъ, —
не спускаютъ на дорогѣ
чумакамъ богатымъ.
— „Ой, берите жъ, все берите,
что есть, до послѣдокъ:
да не дѣлайте лишь только
сиротами дѣтокъ!“
Дѣти, дѣти! — о, какъ много
слово это значитъ!
Кто жъ, отца печаль и горе
видя, не заплачетъ?
„Стойте, стойте! — старшій
крикнулъ, —
ничего не трогай!
Здѣсь добыча, знать, не наша.
Маршъ своей дорогой!“
И разсыпалась ватага,
скрылась за курганы;
радъ чумакъ и повалился
въ ноги атаману.
„Ой, не кланяйся, не надо, —
не нуждаюсь этимъ;
пусть поклонъ твой будетъ
Богу,
да вотъ малымъ дѣтямъ.
Видѣлъ я ихъ на курганѣ,
какъ они стояли,
какъ они за тятьку Бога
жарко умоляли.
И смѣшно сперва мнѣ было,
а потомъ взгрустнулось, —
отъ молитвы дѣтской, жаркой
сердце шевельнулось...
И заплакалъ я, заплакалъ, —

а на сердце тяжко:
и припомнились мнѣ дѣтки
и жена-бѣдняжка.
И меня, быть можетъ, также
дѣтки поджидаютъ,
и о мнѣ, быть можетъ, также
Бога умоляютъ.
Но, знать, мнѣ такая доля
при рожденьи пала,
чтобы дѣтокъ не увидѣть,
сгинуть, какъ попало!
Ну, ступайте жъ вы счаст-
ливо,
къ дому воротитесь;
о душѣ моей погибшей
Богу помолитесь..."

Чумакъ—такъ прежде назывались въ Малороссіи извозчики, перевозившіе на волахъ въ Крымъ хлѣбъ, а оттуда—рыбу и соль. Смотрятъ путники, навстрѣчу ѣдутъ съ рыбой чумаки (Г. Данилевскій).—Замѣтилъ онъ (дѣдъ), что возовъ стояло уже не такъ много, какъ вчера, чумаки, видно, потянулись еще до свѣта.

Братство—1, общество людей, кружокъ, союзъ; 2, братское родство, товарищество, дружба. *Доброе братство милѣе богатства.*—Святому братству вѣренъ я (Пушкинъ „Разлука").

104. Цвѣтокъ.

Стихотвореніе *А. Н. Плещеева.*

Весело цвѣтики въ полѣ пестрѣютъ;
ихъ по ночамъ освѣжаетъ роса;
днемъ ихъ лучи благодатные грѣютъ;
ласково смотрятъ на нихъ небеса.

Съ бабочкой пестрой, съ гудящей пчелою,
съ вѣтромъ имъ любо вести разговоръ;
весело цвѣтикамъ въ полѣ весною,
милъ имъ родимаго поля просторъ.

Вотъ они видятъ: въ окнѣ за рѣшеткой,
тихо качается блѣдный цвѣтокъ...
Солнца не зная, печальный и кроткій,
выросъ онъ въ мрачныхъ стѣнахъ одинокъ.

Цвѣтикамъ жаль его, бѣднаго, стало,
хоромъ они къ себѣ брата зовутъ:
„солнце тебя никогда не ласкало,
брось эти стѣны, зачахнешь ты тутъ".

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ:—хоть весело въ полѣ,
и наряжаетъ васъ ярко весна,
но не завидую вашей я долѣ
и не покину сырого окна.

Пышно цвѣтите! Своей красотою
радуйте, братья, счастливыхъ людей;
я буду цвѣсть для того, кто судьбою
солнца лишенъ и полей.

Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ:
узника я утѣшаю одинъ.
Пусть онъ, взглянувъ на меня, вспоминаетъ
зелень родимыхъ долинъ.

Чахнуть—сохнуть, вянуть, блекнуть, хилѣть, хирѣть, дряхлѣть, слабѣть, худѣть Деревцо чахнетъ, зачахло.—Она чахнетъ съ самой осени, еле ходитъ, исчахла.
Узникъ (отъ **узы**—цѣпи, оковы)—заключенный, лишенный свободы.

⁂

105. * * *

Стихотвореніе *А. Н. Плещеева.*

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки!
Вонъ, вдали соломой крытыя избушки,
и бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку
изъ родного края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя березы, жидкія осины,
пашни да овраги — грустныя картины!
Не пройдешь безъ думы, безъ тяжелой, мимо.
Что же къ нимъ все тянетъ такъ неодолимо?
Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно;
но и тамъ при блескѣ голубого моря
наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ,
ни избушекъ этихъ сѣренькихъ, какъ тучи...
Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило,
и какая манитъ тайная къ нимъ сила?

Неодолимый—кого не осилишь, не одолѣешь. Ты взыгралъ, неодолимый—и стая тонетъ кораблей! (Пушкинъ „Къ морю“.)

⁂

106. На сѣверъ.

Птицы весной пролетали надъ пальмой,
пальма въ раздумьи качала главой:
„Чѣмъ привлекаетъ ихъ сѣверъ печальный?
Чѣмъ имъ не нравится югъ золотой?
Блещетъ всегда красотою могучей
вѣчно цвѣтущій, ликующій югъ...
Южное солнце не прячется въ тучи,
нѣтъ ни морозовъ, ни гибельныхъ вьюгъ...
Что же влечетъ ихъ?..“ А въ небѣ высоко
странницъ отважныхъ звучатъ голоса:
„Въ краѣ ненастномъ, суровомъ, далекомъ
родина наша, родные лѣса“.

107. Старый звонарь.

Разсказъ *В. Г. Короленко.*

Стемнѣло.

Небольшое селеніе, пріютившееся надъ дальнею рѣчкой, въ бору, тонуло въ томъ особенномъ сумракѣ, которымъ полны весеннія звѣздныя ночи, когда тонкій туманъ, подымаясь съ земли, сгущаетъ тѣни лѣсовъ и застилаетъ открытыя пространства серебристо-лазурною дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлетъ.

Убогія хаты чуть выдѣляются темными очертаніями; кое-гдѣ мерцаютъ огни; изрѣдка скрипнутъ ворота, залаетъ чуткая собака и смолкнетъ; порой изъ темной массы тихо шумящаго лѣса выдѣляются фигуры пѣшеходовъ, проѣдетъ всадникъ, проскрипитъ телѣга. То жители одинокихъ лѣсныхъ поселковъ собираются въ свою церковь встрѣчать весенній праздникъ.

Церковь стоитъ на холмикѣ, въ самой серединѣ поселка. Окна ея свѣтятъ огнями. Колокольня — старая, высокая, темная — тонетъ вершиной въ лазури.

Скрипятъ ступени лѣстницы... Старый звонарь Михеичъ подымается на колокольню, и скоро его фонарикъ, точно взлетѣвшая въ воздухѣ звѣзда, повиснетъ въ пространствѣ.

Тяжело старику взбираться по крутой лѣстницѣ. Не служатъ уже старыя ноги, поизносился онъ самъ, плохо видятъ глаза... Пора ужъ, пора старику на покой, да Богъ не шлетъ смерти. Хоронилъ сыновей, хоронилъ внуковъ, провожалъ въ домовину старыхъ, провожалъ молодыхъ, а самъ все еще живъ. Тяжело... Много ужъ разъ встрѣчалъ онъ весенній праздникъ, потерялъ счетъ и тому, сколько разъ ждалъ урочнаго часа на этой самой колокольнѣ. И вотъ привелъ Богъ опять...

Старикъ подошелъ къ пролету колокольни и облокотился на перила. Внизу, вокругъ церкви, маячили въ темнотѣ могилы сельскаго кладбища; старые кресты какъ будто охраняли ихъ распростертыми руками. Кое-гдѣ склонились надъ ними березы, еще не покрытыя листьями... Оттуда, снизу, неслся къ Михеичу ароматный запахъ молодыхъ почекъ и вѣяло грустнымъ спокойствіемъ вѣчнаго сна...

Что-то будетъ съ нимъ черезъ годъ? Взберется ли онъ сюда, на вышку, подъ мѣдный колоколъ, чтобы гулкимъ ударомъ разбудить чутко дремлющую ночь, или будетъ лежать... вонъ тамъ, въ темномъ уголкѣ кладбища, подъ крестомъ? Богъ знаетъ... Онъ готовъ, а пока привелъ Богъ еще разъ встрѣтить праздникъ. „Слава те, Господи!“ шепчутъ старческія уста, и Михеичъ смотритъ вверхъ на горящее милліонами огней звѣздное небо и крестится...

— Михеичъ, а Михеичъ! — зоветъ его снизу дребезжащій, тоже старческій голосъ. Древній годами дьячокъ смотритъ вверхъ на колокольню, даже приставляетъ ладонь къ моргающимъ и слезящимся глазамъ, но все же не видитъ Михеича.

— Что тебѣ? Здѣсь я! — отвѣчаетъ звонарь, склоняясь съ своей колокольни. — Аль не видишь?

— Не вижу... А не пора ли и вдарить? По-твоему какъ?

Оба смотрятъ на звѣзды. Тысячи Божьихъ огней мигаютъ на нихъ съ высоты. Пламенный „Возъ“ поднялся уже высоко... Михеичъ соображаетъ.

— Нѣтъ еще, погоди мало... Знаю вѣдь.

Онъ знаетъ. Ему не нужно часовъ: Божьи звѣзды скажутъ ему, когда придетъ время... Земля и небо, и бѣлое облако, тихо плывущее въ лазури, и темный боръ, невнятно шепчущій внизу, и плескъ невидимой во мракѣ рѣчки — все это ему знакомо, все это ему родное... Не даромъ здѣсь прожита цѣлая жизнь...

Передъ нимъ оживаетъ далекое прошлое... Онъ вспоминаетъ, какъ въ первый разъ съ тятькой взобрался на эту колокольню... Господи Боже, какъ это давно и... какъ недавно!.. Онъ видитъ себя бѣлокурымъ мальчонкой; глаза его разгорѣлись; вѣтеръ, — но не тотъ, что подымаетъ уличную пыль, а какой-то особенный, высоко надъ землею машущій своими безшумными крыльями, — развѣваетъ его волосенки... Внизу, далеко-далеко, ходятъ какіе-то маленькіе люди, и домишки деревни тоже маленькіе, и лѣсъ отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоитъ поселокъ, кажется такою громадною, почти безграничною.

— Анъ вотъ она вся тутъ, — улыбнулся сѣдой старикъ, взглянувъ на небольшую полянку.

Такъ вотъ — и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Анъ вотъ она вся, какъ на ладони, съ начала и до самой вонъ той могилки, что облюбовалъ онъ себѣ въ углу кладбища... И что жъ, — слава те, Господи! — пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля — ему мать... Скоро, ужъ скоро!..

Однако, пора. Взглянувъ еще разъ на звѣзды, Михеичъ поднялся, снялъ шапку, перекрестился и сталъ подбирать веревки отъ колоколовъ... Черезъ минуту ночной воздухъ дрогнулъ отъ гулкаго удара... Другой, третій, четвертый... одинъ за другимъ, наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучіе, звенящіе и поющіе тоны...

Звонъ смолкъ. Въ церкви началась служба. Въ прежніе годы Михеичъ всегда спускался по лѣстницѣ внизъ и становился въ углу,

у дверей, чтобы молиться и слушать пѣніе. Но теперь онъ остался на своей вышкѣ. Трудно ему; притомъ же онъ чувствовалъ какую-то истому. Онъ присѣлъ на скамейку и, слушая стихающій гулъ расколыхавшейся мѣди, глубоко задумался. О чемъ? — онъ самъ едва ли могъ отвѣтить на этотъ вопросъ... Колокольная вышка слабо освѣщалась его фонаремъ. Глухо гудящіе колокола тонули во мракѣ; снизу, изъ церкви, по временамъ слабымъ рокотомъ доносилось пѣніе, и ночной вѣтеръ шевелилъ веревки, привязанныя къ желѣзнымъ колокольнымъ сердцамъ...

Старикъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову, въ которой роились безсвязныя представленія. „Тропарь поютъ!“ — думаетъ онъ и видитъ себя тоже въ церкви. На клиросѣ заливаются десятки дѣтскихъ голосовъ; старенькій священникъ, покойникъ отецъ Наумъ, „возглашаетъ“ дрожащимъ голосомъ возгласы; сотни мужичьихъ головъ, какъ спѣлые колосья отъ вѣтру, нагибаются и вновь подымаются... Мужики крестятся... Все знакомыя лица и все-то покойники... Вотъ строгій обликъ отца; вотъ старшій братъ истово крестится и вздыхаетъ, стоя рядомъ съ отцомъ. Вотъ и онъ самъ, цвѣтущій здоровьемъ и силой, полный безсознательной надежды на счастіе, на радости жизни... Гдѣ оно, это счастіе?.. Старческая мысль вспыхиваетъ, какъ угасающее пламя, скользя яркимъ, быстрымъ лучомъ, освѣщающимъ всѣ закоулки прожитой жизни... Непосильный трудъ, горе, заботы... Гдѣ оно, это счастіе? Тяжелая доля проведетъ морщины по молодому лицу, согнетъ могучую спину, научитъ вздыхать, какъ и старшаго брата.

Но вотъ, налѣво, среди деревенскихъ бабъ, смиренно склонивъ голову, стоитъ его „молодица“. Добрая была баба, царствіе небесное. И много же приняла муки, сердешная... Нужда да работа, да неисходное бабье горе изсушатъ красивую бабу; потускнѣютъ глаза, и выраженіе вѣчнаго тупого испуга передъ неожиданными ударами жизни замѣнитъ величавую красоту молодицы... Да, гдѣ ея счастіе?.. Одинъ остался у нихъ сынъ, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вотъ и онъ, богатый ворогъ, бьетъ земные поклоны, замаливая кровавыя сиротскія слезы; торопливо взмахиваетъ онъ на себя крестное знаменіе и падаетъ на колѣни, и стукаетъ лбомъ... И кипитъ-разгорается у Михеича сердце, а темные лики иконъ сурово глядятъ со стѣны на людское горе и на людскую неправду...

Все это прошло, все это тамъ, назади... А теперь весь міръ для

него — эта темная вышка, гдѣ вѣтеръ гудитъ въ темнотѣ, шевеля колокольными веревками... „Богъ васъ суди, Богъ суди!“ — шепчетъ старикъ и поникаетъ сѣдою головой, и слезы тихо льются по старымъ щекамъ звонаря...

— Михеичъ, а Михеичъ!.. Что жъ ты, али заснулъ? — кричатъ ему снизу.

— Ась? — откликнулся старикъ и быстро вскочилъ на ноги. — Господи! неужто и вправду заснулъ? Не было еще экаго сраму!..

И Михеичъ быстро, привычною рукой, хватаетъ веревки. Внизу, точно муравейникъ, движется мужичья толпа; хоругви бьются въ воздухѣ, поблескивая золотистою парчой... Вотъ обошли крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, и до Михеича доносится радостный крикъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!“

И отдается этотъ кличъ волною въ старческомъ сердцѣ... И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули въ темнотѣ огни восковыхъ свѣчей, и сильнѣй заволновалась толпа и забились хоругви, и проснувшійся вѣтеръ подхватилъ волны звуковъ и широкими взмахами понесъ ихъ въ высь, сливая съ громкимъ, торжественнымъ звономъ...

Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло въ мертвую мѣдь, и звуки точно пѣли и трепетали, смѣялись и плакали и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверхъ, къ самому звѣздному небу. И звѣзды вспыхивали ярче, разгорались, а звуки дрожали и лились, и вновь припадали къ землѣ съ любовною лаской...

Большой басъ громко вскрикивалъ и кидалъ властные, могучіе тоны, оглашавшіе небо и землю: „Христосъ воскресе!“

И два тенора, вздрагивая отъ поочередныхъ ударовъ желѣзныхъ сердецъ, подпѣвали ему радостно и звонко: „Христосъ воскресе!“

А два самые маленькіе дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между большихъ и радостно, точно малые ребята, пѣли въ перегонку: „Христосъ воскресе!“

И казалось, старая колокольня дрожитъ и колеблется, и вѣтеръ, обвѣвающій лицо звонаря, трепещетъ могучими крыльями и вторитъ: „Христосъ воскресе!“

И старое сердце забыло про жизнь, полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что онъ въ мірѣ одинъ, какъ старый пень, разбитый злою непогодой... Онъ слушаетъ эти звуки, поющіе и пла-

чущіе, летящіе къ горнему небу и припадающіе къ бѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастіе и радость, которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни. И дергаетъ веревки старый звонарь, и слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастія...

А внизу люди слушали и говорили другъ другу, что никогда еще не звонилъ такъ чудно старый Михеичъ...

Но вдругъ большой колоколъ неувѣренно дрогнулъ и смолкъ... Смущенные подголоски прозвенѣли неоконченной трелью и тоже оборвали ее, какъ будто вслушиваясь въ печально гудящую долгую ноту, которая дрожитъ и льется, и плачетъ, постепенно стихая въ воздухѣ...

Старый звонарь изнеможенно опустился на скамейку, и двѣ послѣднихъ слезы тихо катятся по блѣднымъ щекамъ...

Эй, посылайте на смѣну! Старый звонарь отзвонилъ...

Пріютиться—1, найти себѣ пристанище; 2, помѣститься. Что значитъ **пріютъ** и **пріютить?**

Дымка—1, рѣденькая шелковая ткань. Умѣютъ же себя онѣ (дѣвицы) принарядить тафтицей, бархатцемъ и дымкой (Грибоѣдовъ); 2, воздухъ, насыщенный испареніями, туманъ. Въ дымкѣ-невидимкѣ выплылъ мѣсяцъ вешній (Фетъ).

Износить—изнашивать на себѣ одежду, носить одежду на себѣ до полной негодности; состарить прежде времени.

Домовина—въ старину: колода, выдолбленная внутри, для помѣщенія мертваго тѣла; гробъ.

Пролетъ—свободное пространство между столбами или выступами какого-нибудь строенія или моста.

Маячить—1, неясно виднѣться; 2, подавать сигналъ. Что значитъ **маякъ?**

Привести, приводить—имѣетъ нѣсколько значеній; опредѣлите ихъ по слѣдующимъ примѣрамъ: Приводить дѣла въ порядокъ.—Въ книгѣ приведены выписки изъ древнихъ писателей.—Ты меня приводишь въ ужасъ.—Не приведи Богъ испытать такое горе.—Привести дроби къ одному знаменателю.—Привести въ извѣстность.—Это меня привело къ мысли, къ убѣжденію.—Привести къ присягѣ.—Привести себѣ что-нибудь на память.—Привести примѣры на этотъ случай.—Привести преступника къ сознанію.

Возъ—такъ въ простонародіи называется созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Подбирать, подобрать—1, брать, подымая; собирать съ полу, съ земли; брать кидаемое, роняемое. *Кто разсыпалъ, тотъ и подбери;* 2, выбирать и собирать одно къ одному равное, сходное. Жемчугъ отлично подобранъ.

Властный—1, имѣющій власть дѣлать и распоряжаться по своей волѣ. Въ своемъ добрѣ я властенъ (Крыловъ); 2, сильный, повелительный. Но человѣка человѣкъ послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ (Пушкинъ). Что значитъ: **властитель, властелинъ?**

Тягучій—растяжимый, поддающійся растяжкѣ, упругій. Тягучій каучукъ.—Золото тягучѣе всѣхъ металловъ.—Тягучая рѣчь.

Роиться — о пчелахъ: составлять, образовывать рои. *Пчелы роятся—стало, скоро*

тепло будетъ. Переносно: зашевелиться, появиться во множествѣ роями — о мысляхъ, о вопросахъ и т. д. Роями думы носятся въ ея головѣ (Печерскій „Въ лѣсахъ").— Съ утра до вечера цѣлые рои воспоминаній проносились въ ея памяти. (Печерскій „Въ лѣсахъ").

Обликъ—окладъ и черты лица, общее выраженіе лица. У него добродушный обликъ

Молодица—молодая замужняя женщина.

Ворогъ—то же самое, что врагъ.

Хоругвь—знамя, священное изображеніе, носимое во время крестнаго хода на высокомъ древкѣ; стягъ.

Парча — шелковая ткань, протканная золотомъ, серебромъ. По знаку царя два стольника принесли дорогую шубу, покрытую золотой парчей, и надѣли ее на Ивана Кольцо (А. Толстой „Князь Серебряный"). — Голову князя покрывала бѣлая парчевая мурмолка съ гибкимъ алмазнымъ перомъ, которое качалось отъ каждаго движенія (А. Толстой „Князь Серебряный").

Горній—находящійся въ вышинѣ; небесный; относящійся до духовнаго міра. И внялъ я неба содроганье и горній ангеловъ полетъ (Пушкинъ „Пророкъ").

Иллюзія (франц.)—видимость, мнимое; обманъ воображенія, надеждъ и пр.

Подголоски—въ русскомъ хорѣ запѣвала держитъ голосъ, ладъ и мѣру; запѣвала, второй голосъ и басъ называются „голосами", всѣ прочіе въ хорѣ называются „подголосками". Запѣвала затягиваетъ, голоса вторятъ, подголоски подхватываютъ. Куда запѣвала, туда и подголоски.

*

108. Дѣдушка.

Стихотвореніе *И. С. Никитина.*

Лысый, съ бѣлой бородою,
дѣдушка сидитъ
Чашка съ хлѣбомъ и водою
передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
съ испитымъ лицомъ,
много видѣлъ онъ кручины
на вѣку своемъ.

Все прошло; пропала сила,
притупился взглядъ;
смерть въ могилу уложила
дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ и спитъ день цѣлый,
съ печи не спрыгнетъ.

Старику не много надо:
лапти сплесть да сбыть —
вотъ и сытъ. Его отрада —
въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ около порога
станетъ тамъ, кряхтя,
и за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,
въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
бѣдный мужичокъ?

Лунь—хищная птица изъ породы совъ, бѣлесовато-пепельнаго цвѣта.

Испитой—малокровный, худосочный, истощенный, изнуренный.

Притупиться—стать тупымъ, потерять воспріимчивость. Намахалися ихъ плечи могутныя, уходилися кони ихъ добрые, притупились мечи ихъ булатные (Былина).

*

109.

Басня *И. А. Крылова.*

Предлинной хворостиной
мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
и, правду истину сказать,
не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:
на барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(а гдѣ до прибыли коснется,
не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
но гуси иначе объ этомъ толковали
и, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
вотъ какъ на мужика пеняли:
— „Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ
и насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ,
а этого не смыслитъ неучъ сей,
что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!“
— „А вы хотите быть за что отличены?“
спросилъ прохожій ихъ.—„Да наши предки“...—„Знаю!
И все читалъ; но вѣдать я желаю:
вы сколько пользы принесли?“
— „Да наши предки Римъ спасли!“
— „Все такъ, да вы что сдѣлали такое?“

— „Мы ничего!“ — „Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
имъ по дѣламъ была и честь;
а вы, друзья, лишь годны на жаркое“.

Басню эту можно бы и болѣ пояснить —
да чтобъ гусей не раздразнить.

Честить—1, бранить, ругать, поносить. Ужъ онъ его честилъ, честилъ; 2, оказывать почтеніе, честь, чествовать, почитать. Яко же братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако и ты чести (Лѣтопись); 3, угощать, потчевать. Не чести меня пивомъ-медомъ, почести меня зеленымъ виномъ.—Князя чествовали встрѣчною хлѣбомъ-солью.

Помыкать—неволить, толкать, тащить насильно. Онъ его туда и сюда помыкаетъ.

Быть должну (устар.)—быть обязаннымъ. **Быть должнымъ**—имѣть на себѣ долгъ. Онъ никому не долженъ.

Отличить—1, ставить выше, лучше прочихъ, предпочитать, хвалить, награждать. Его начальство отличаетъ; 2, узнавать, распознавать одинъ предметъ отъ другого по какимъ-либо признакамъ. Въ темнотѣ дороги не отличишь.

Честь—опредѣлите различныя значенія этого слова въ слѣдующихъ примѣрахъ: Человѣкъ незапятнанной чести.—Поле чести.—Отдать честь.—Честь по заслугамъ. — *Хлѣбъ-соль есть, да не про вашу честь. — Сегодня въ чести, завтра ступай свиней пасти.—Была и честь, да не умѣлъ ее снесть.—Береги честь смолоду, а здоровье къ старости.—Каковъ есть, такова и честь.*—Къ чести сказать.—Но долго ль былъ мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ? (Крыловъ.)—Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ и въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ (Крыловъ).—Погибъ поэтъ—невольникъ чести (Лермонтовъ).—*Къ чему и честь, коли нечего ѣсть.*

*

110. Лжецъ.

Басня *И. А. Крылова.*

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
и къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
„Нѣтъ“, говоритъ: „что я видалъ,
того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
то солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко,
вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
и круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ,
а если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ,—
ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору“.
— „Что за диковина!“ пріятель отвѣчалъ:
„на свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
и я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
а свойство чудное имѣетъ:
лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
до половины не дойдетъ —
провалится и въ воду упадетъ;
но кто не лжетъ
ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ“.

— „А какова у васъ рѣка?“
— „Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ,
вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?“
— „Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ“.
— „Повѣрить трудно!
Однакожъ, какъ ни чудно,

а все чудёнъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;
и нынѣшней еще весной
съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
диковинка, коль это справедливо“.
— „Ну, не такое еще диво;
вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;

что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
и то ни стать ни сѣсть!“
— „Пусть такъ, но все признаться должно,
что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ, мостъ-атъ нашъ каковъ,
что лгунъ не сдѣлаетъ по немъ пяти шаговъ,
какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...“
— „Послушай-ка“, тутъ перервалъ мой лжецъ:
„чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду“.

Расхвастаться—что обозначаетъ приставка раз? Назовите другіе такіе же примѣры.

Быль—1, то, что дѣйствительно было. Передъ нимъ молва бѣжала, быль и небыль разглашала (Пушкинъ); 2, разсказъ объ истинномъ происшествіи. *Сказка—складка, а пѣсня—быль.* Въ противоположность этому—**небыль**, чаще употребляется **небылица.**

Прилыгать, прилгать—прибавлять ложь къ истинѣ или мѣшать выдумки съ правдой. Назовите другія такія же выраженія, какъ, напр., **присочинять.**

Спорить въ чемъ—мало употребительное выраженіе. Какъ обыкновенно говорится?

Обрушиваться—падать, разсыпаться, проваливаться, разваливаться врозь. Лѣса у строящагося дома обрушились. А что значитъ въ переносномъ смыслѣ: онъ на меня ни съ того, ни съ сего обрушился?

Журналистъ (франц.)—писатель, работающій на журналахъ и газетахъ.

❀

111. Старосвѣтскіе помѣщики.

Изъ повѣсти *Н. Гоголя.*

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ „старосвѣтскими“ и которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень и лишенное штукатурки крыльцо не выказываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону,

осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи.

Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереей изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ; за нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ, для отдыха, коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду, съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него. Все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть, оттого, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ.

Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную, буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда

воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ, и ничего болѣе. Грустно мнѣ, заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ,—были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бъ я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другого оригинала кромѣ нихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ. Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или, просто, слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностью, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя, національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи.

Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна.

— Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?

— Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я.

Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ. Когда-то, въ молодости, Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ; но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳанасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ, по крайней мѣрѣ никогда не говорилъ.

Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія замѣнились спо-

койною и уединенною жизнью, тѣми дремлющими и вмѣстѣ гармоническими грезами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тѣмъ радуга крадется изъ-за деревьевъ и, въ видѣ полуразрушеннаго свода, свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ, — или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ, и душистая трава, вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами, лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и по лицу.

Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему; иногда и самъ говорилъ, но больше разспрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени или порицаніями новаго: онъ, напротивъ, разспрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики, хотя оно нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, разсматриваетъ печатку вашихъ часовъ. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою.

Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Аѳанасій Ивановичъ, и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ всѣ были проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненныя соломою, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами хозяева давно позабыли ихъ содержаніе, и если бы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то они бы, вѣрно, этого не замѣтили. Два портрета было большихъ, писанныхъ масляными красками: одинъ представлялъ какого-то архіерея, другой Петра III; изъ узенькихъ рамъ глядѣла герцогиня Лавальеръ, запачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множество небольшихъ картинокъ, которыя какъ-то привыкаешь почитать за пятна на стѣнѣ и потому ихъ вовсе не разсматриваешь. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою

опрятностью, съ какою, вѣрно, не содержится ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ.

Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣло по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится.

Но самое замѣчательное въ домѣ были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли. Перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: „Батюшки, я зябну!“ Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ; но я его люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ, уже поставленнымъ на столѣ; майскою томною ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!

Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина: они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и нѣсколько походили на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Треугольные столики по угламъ, четырехугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которые мухи усѣяли черными точками; передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими

на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ: вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Дѣвичья была набита молодыми и немолодыми дѣвушками въ полосатыхъ исподницахъ, которымъ иногда Пульхерія Ивановна давала шить какія-нибудь бездѣлушки и заставляла чистить ягоды, но которыя большею частію бѣгали на кухню и спали. На стеклахъ оконъ звенѣло страшное множество мухъ, которыхъ всѣхъ покрывалъ толстый басъ шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаніями осъ; но какъ только подавали свѣчи, вся эта ватага отправлялась на ночлегъ и покрывала черною тучею весь потолокъ.

Аѳанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя впрочемъ ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи и вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ огонь и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, пастилою, дѣланными на меду, на сахарѣ и не помню еще на чемъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки и къ концу этого процесса никогда не бывалъ въ состояніи поворотить языка, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насаливалось, насушивалось такое множество, что, вѣроятно, она потопила бы наконецъ весь дворъ (потому что Пульхерія Ивановна всегда, сверхъ расчисленнаго на потребленіе, любила приготовлять еще на запасъ), если бы большая половина этого не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои.

Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Приказчикъ, соединившись съ войтомъ, обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собственные, надѣлывали множество саней и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того, всѣ толстые дубы они продавали на срубъ для мельницъ сосѣднимъ казакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ива-

новна пожелала обревизовать свои лѣса. Для этого были запряжены дрожки, съ огромными кожаными фартуками, отъ которыхъ, какъ только кучеръ встряхивалъ вожжами и лошади, служившія еще въ милиціи, трогались съ своего мѣста, воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта, и бубны, и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скобка звенѣли до того, что возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани выѣзжала со двора, хотя это разстояніе было не менѣе двухъ верстъ. Пульхерія Ивановна не могла не замѣтить страшнаго опустошенія въ лѣсу и потери тѣхъ дубовъ, которые она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними.

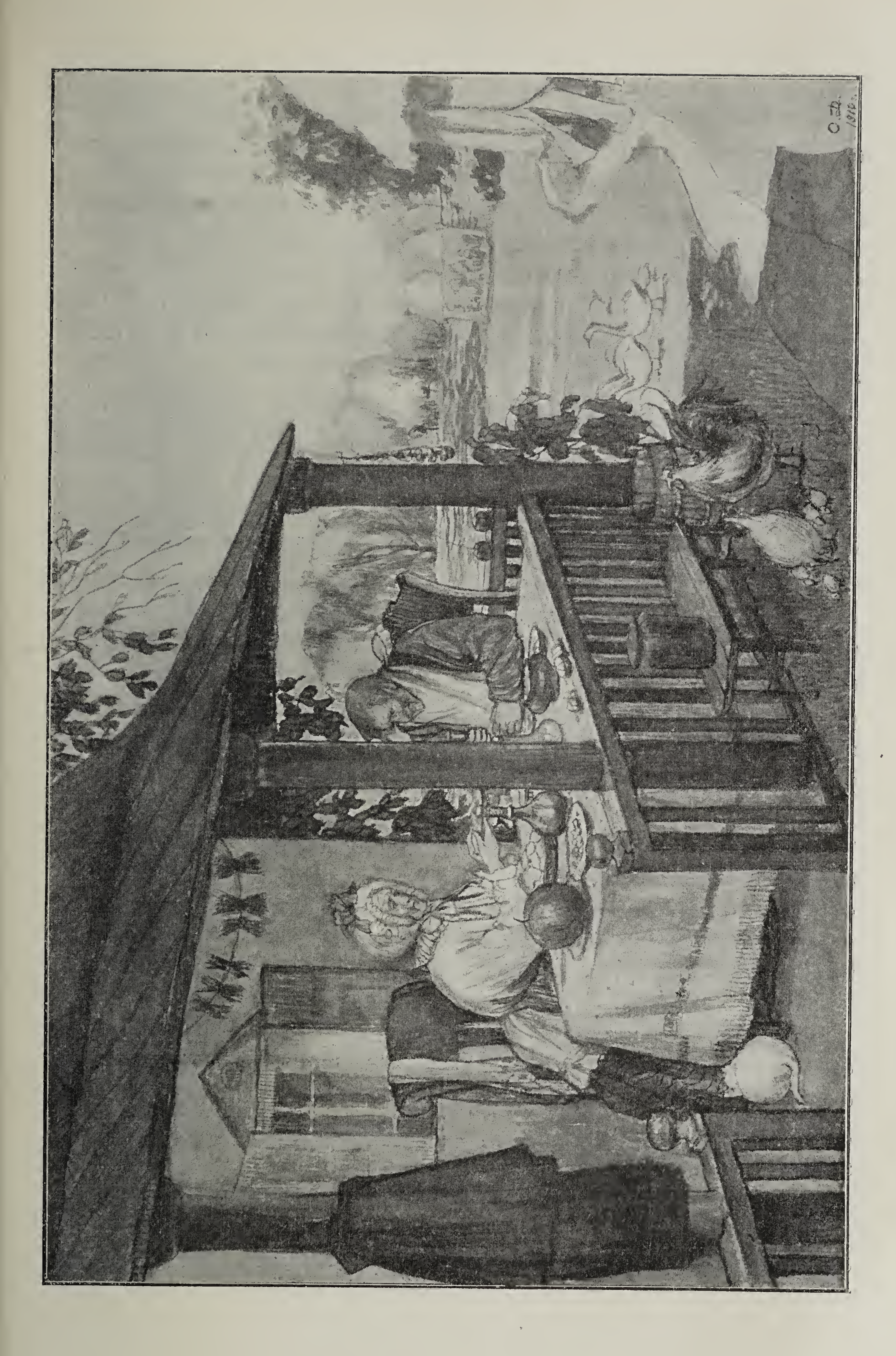
— Отчего это у тебя, Ничипоръ, — сказала она, обратясь къ своему приказчику, тутъ же находившемуся: — дубки сдѣлались такъ рѣдкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на головѣ не стали рѣдки.

— Отчего рѣдки?—говаривалъ обыкновенно приказчикъ: — пропали! такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили; пропали, пани, пропали.

Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и, пріѣхавши домой, давала повелѣніе удвоить только стражу въ саду около шпанскихъ вишенъ и большихъ зимнихъ дуль.

Эти достойные правители, приказчикъ и войтъ, нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе амбары, а что съ баръ будетъ довольно и половины; наконецъ и эту половину привозили они заплѣснѣвшую или подмоченную, которая была обракована на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали приказчикъ и войтъ; какъ ни ужасно жрали всѣ во дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней, которыя истребляли страшное множество сливъ и яблокъ и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ; сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны; сколько вся дворня ни носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбаровъ старыя полотна и пряжу, что все обращалось ко всемірному источнику, то-есть къ шинку; сколько ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи; но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ.

Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано) и какъ только двери заводили свой разноголосый концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись

кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платкомъ, говорилъ: „Кишъ, кишъ! пошли гуси съ крыльца!“ На дворѣ ему обыкновенно попадался приказчикъ; онъ, по обыкновенію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, разспрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностью и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства, и какой-нибудь новичокъ не осмѣлился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но приказчикъ его былъ обстрѣлянная птица: онъ зналъ, какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хозяйничать.

Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: — А что, Пульхерія Ивановна? можетъ быть, пора закусить чего-нибудь?

— Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ?

— Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣлье старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.

— Мнѣ кажется, какъ будто эта каша,—говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ: — немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ: вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней.

— Пожалуй, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку:—попробуемъ, какъ оно будетъ.

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила: — вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.

— Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ серединѣ,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: — бываетъ, что и красный, да нехорошій.

Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ ко двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночовкахъ и въ прочихъ фруктохранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной или самъ отправлялся къ ней и говорилъ:—Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?

— Чего же бы такого?—говорила Пульхерія Ивановна:—развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?

— И то добре,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Или, можетъ быть, вы съѣли бы киселика?

— И то хорошо, — отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ; послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо.

Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-чего закусывалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ.

Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ. Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала:—Что вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?

— Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна: какъ будто немного животъ болитъ, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?

— Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна; впрочемъ, чего жъ бы такого съѣсть?

— Кислаго молока или жиденькаго узвара съ сушеными грушами.

— Пожалуй, развѣ такъ только, попробовать, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку; послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: — Теперь такъ, какъ будто сдѣлалось легче.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріей Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

— А что, Пульхерія Ивановна,—говорилъ онъ:—если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?

— Вотъ это, Боже сохрани! — говаривала Пульхерія Ивановна, крестясь.

— Ну, да, положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ; куда бы мы перешли тогда?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ.

— Ну, а если бы сгорѣлъ?

— Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнату, которую занимаетъ ключница.

— А если бы и кухня сгорѣла?

— Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ попущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.

— А если бы и кладовая сгорѣла?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріей Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицамъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ

какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать.

— Какъ можно такою позднею порой отправляться въ такую дальнюю дорогу!—всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ нихъ).

— Конечно,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, — неравно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ.

— Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!—говорила Пульхерія Ивановна:—и къ чему разсказывать этакое на ночь? Разбойники не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ... я знаю вашего кучера: онъ такой тендитный да маленькій: его всякая кобыла побьетъ; да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь.

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя. Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто, съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говаривалъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну:

— Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу идти на войну?

— Вотъ уже и пошелъ!—прерывала Пульхерія Ивановна.—Вы не вѣрьте ему,—говорила она, обращаясь къ гостю:—гдѣ ему, старому, идти на войну! его первый солдатъ застрѣлитъ; ей Богу, застрѣлитъ! вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.

— Что жъ?—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,—и я его застрѣлю.

— Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ! — подхватывала Пульхерія Ивановна:—куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: такъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ.

И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останется!

— Что жъ? — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: — я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику.

— Это все выдумки; такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову и начнетъ разсказывать! — подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою. — Я и знаю, что онъ шутитъ, а все-таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Пульхерія Ивановна для меня была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ. „Вотъ это“, говорила она, снимая пробку съ графина, „водка, настоянная на деревей, или шалфей: если у кого болятъ лопатки или поясница, то очень помогаетъ; вотъ это—на золототысячникъ: если въ ушахъ звенитъ и по лицу лишаи дѣлаются, то очень помогаетъ, а вотъ это перегонная на персиковыя косточки; вотъ возьмите рюмку, какой прекрасный запахъ! Если какъ-нибудь, вставая съ кровати, ударится кто объ уголъ шкапа или стола и набѣжитъ на лбу гугля, то стоитъ только одну рюмочку выпить передъ обѣдомъ—и все какъ рукой сниметъ, въ ту же минуту все пройдетъ, какъ будто вовсе не бывало“. Послѣ этого такой перечетъ слѣдовалъ и другимъ графинамъ, всегда почти имѣвшимъ какія-нибудь цѣлебныя свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекой, она подводила его ко множеству стоявшихъ тарелокъ. „Вотъ это грибки съ чебрецомъ; это съ гвоздиками и волошскими орѣхами. Солить ихъ выучила меня Туркеня въ то время, когда еще турки были у насъ въ плѣну. Такая была добрая Туркеня, и незамѣтно совсѣмъ, чтобы турецкую вѣру исповѣдывала: такъ совсѣмъ и ходитъ почти, какъ у насъ; только свинины не ѣла: говоритъ, что у нихъ какъ-то тамъ въ законѣ запрещено. Вотъ это грибки съ смородиннымъ листомъ и мушкатнымъ орѣхомъ, а вотъ это большія травянки. Я ихъ еще въ первый разъ отваривала въ уксусѣ; не знаю, каковы-то онѣ. Я узнала секретъ отъ отца Ивана: въ маленькой кадушкѣ прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потомъ посыпать перцемъ и селитрою, и положить еще, что бываетъ на нечуй-витрѣ цвѣтъ, такъ этотъ цвѣтъ взять и хвостиками разостлать вверхъ. А вотъ это пирожки съ сыромъ; а вотъ это тѣ, которые Аѳанасій Ивановичъ очень любитъ, съ капустою и гречневою кашею“.

— Да,—прибавлялъ Аѳанасій Ивановичъ:—я ихъ очень люблю: они мягкіе и немножко кисленькіе.

Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ духѣ, когда бывали у нихъ гости. Добрая старушка! она вся принадлежала гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ, и хотя объѣдался страшнымъ образомъ, какъ и всѣ гостившіе у нихъ, хотя мнѣ это было очень вредно, однакожъ я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхать. Впрочемъ, я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-то особеннаго свойства, помогающаго пищеваренію, потому что если бы здѣсь вздумалъ кто-нибудь такимъ образомъ накушаться, то, безъ сомнѣнія, вмѣсто постели, очутился бы лежащимъ на столѣ.

Добрые старички!.. Но повѣствованіе мое приближается къ весьма печальному событію, измѣнившему навсегда жизнь этого мирнаго уголка. Событіе это покажется тѣмъ болѣе разительнымъ, что произошло отъ самаго маловажнаго случая. Но, по странному устройству вещей, всегда ничтожныя причины родили великія событія и, наоборотъ, великія предпріятія оканчивались ничтожными слѣдствіями.

У Пульхеріи Ивановны была сѣренькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубкомъ, у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцемъ по ея шейкѣ, которую балованная кошечка вытягивала какъ можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерія Ивановна слишкомъ любила ее, но, просто, привязалась къ ней, привыкши ее всегда видѣть. Аѳанасій Ивановичъ, однакожъ, часто подшучивалъ надъ такою привязанностью.

— Я не знаю, Пульхерія Ивановна, что вы такого находите въ кошкѣ: на что она? Если бы вы имѣли собаку, тогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охоту, а кошка на что?

— Ужъ молчите, Аѳанасій Ивановичъ, — говорила Пульхерія Ивановна: — вы любите только говорить — и больше ничего. Собака нечистоплотна, собака нагадитъ, собака перебьетъ все, а кошка — тихое твореніе, она никому не сдѣлаетъ зла.

Впрочемъ Аѳанасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ такъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ находился у нихъ большой лѣсъ, который былъ совершенно пощаженъ предпріимчивымъ приказчикомъ, можетъ быть, оттого, что стукъ топора доходилъ бы до самыхъ ушей Пульхеріи Ивановны. Онъ былъ глухъ, запущенъ: старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатыя

лапы голубей. Въ этомъ лѣсу обитали дикіе коты. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру подъ амбаромъ съ кроткою кошечкою Пульхеріи Ивановны и наконецъ подманили ее. Пульхерія Ивановна замѣтила пропажу кошки, послала искать ее; но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ вовсе о ней позабыла. Въ одинъ день, когда она ревизовала свой огородъ и возвращалась съ нарванными своею рукою зелеными, свѣжими огурцами для Аѳанасія Ивановича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она, какъ будто по инстинкту, произнесла: „кисъ, кисъ!“ и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣренькая кошка, худая, тощая; замѣтно было, что она нѣсколько уже дней не брала въ ротъ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла передъ нею, мяукала и не смѣла близко подойти; видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самаго забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія знакомыя мѣста, вошла и въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса и, сидя передъ нею, наслаждалась жадностью бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣренькая бѣглянка, почти въ глазахъ ея, растолстѣла и ѣла уже не такъ жадно; Пульхерія Ивановна протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная выпрыгнула въ окошко, и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ее.

Задумалась старушка. „Это смерть моя приходила за мною!“ сказала она сама себѣ, и ничто не могло ее разсѣять. Весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила; Пульхерія Ивановна была безотвѣтна или отвѣчала совершенно не такъ, чтобы можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

— Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?

— Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! Я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе. Я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру; смерть моя уже приходила за мною!

Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились; онъ хотѣлъ, однакожъ, побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ: — Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна! Вы, вѣрно, вмѣсто декохта, что часто пьете, выпили персиковой.

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила персиковой,— сказала Пульхерія Ивановна.

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

— Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю,— сказала Пульхерія Ивановна.— Когда я умру, то похороните меня подлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю. Атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня; мертвой уже не нужно платье,— на что оно ей? а вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ, на случай, когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна!— говорилъ Аѳанасій Ивановичъ:— когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами!

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю, когда моя смерть. Вы, однакожъ, не горюйте за мною: я уже старуха и довольно пожила, да и вы уже стары; мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ.

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ. Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю; объ одномъ только жалѣю я,— тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея:— я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы — какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любилъ васъ тотъ, кто будетъ ухаживать за вами.— При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

— Смотри мнѣ, Явдоха,— говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать:— когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глазъ свой, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому что и теперь часто позабываетъ онъ, когда праздничный день, а когда будничный. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и

Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ недолго жить,—не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастія на свѣтѣ: я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія.

Бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностью распорядила все такимъ образомъ, чтобы послѣ нея Аѳанасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія. Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ такъ была сильна и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постель и не могла уже принимать никакой пищи. Аѳанасій Ивановичъ весь превратился во внимательность и не отходилъ отъ ея постели. „Можетъ быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерія Ивановна?“ говорилъ онъ, съ безпокойствомъ смотря въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ничего не говорила. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, какъ будто хотѣла она что-то сказать, пошевелила губами — и дыханіе ея улетѣло.

Аѳанасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ; это такъ казалось ему дико, что онъ даже не заплакалъ: мутными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ бы не понимая значенія трупа.

Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестомъ, дали въ руки восковую свѣчу; онъ на все это глядѣлъ безчувственно. Множество народа всякаго званія наполнило дворъ; множество гостей пріѣхало на похороны; длинные столы разставлены были по двору; кутья, наливки, пироги покрывали ихъ кучами; гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него; но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу наконецъ понесли, народъ повалилъ слѣдомъ, и онъ пошелъ за нею. Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашенкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ. Наконецъ, гробъ поставили надъ ямой; ему велѣли подойти и поцѣловать въ послѣдній разъ покойницу. Онъ подошелъ, поцѣловалъ; на глазахъ его показались слезы, но какія-то безчувственныя слезы. Гробъ опустили, священникъ взялъ заступъ

и первый бросилъ горсть земли; густой протяжный хоръ дьячка и двухъ пономарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ, безоблачнымъ небомъ; работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму. Въ это время онъ пробрался впередъ: всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ: — Такъ вотъ это вы уже и погребли ее! зачѣмъ?.. Онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнатѣ, что даже стулъ, на которомъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ, онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно, и слезы, какъ рѣка, лились изъ его тусклыхъ очей.

Пять лѣтъ прошло съ того времени.

По истеченіи пяти лѣтъ послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, я, будучи въ тѣхъ мѣстахъ, заѣхалъ въ хуторокъ Аѳанасія Ивановича навѣстить моего стариннаго сосѣда, у котораго когда-то пріятно проводилъ день и всегда объѣдался лучшими издѣліями радушной хозяйки. Когда я подъѣхалъ ко двору, домъ мнѣ показался вдвое старѣе: крестьянскія избы совсѣмъ легли на бокъ, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и владѣльцы ихъ; частоколъ и плетень во дворѣ были совсѣмъ разрушены, и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для затопки печи, тогда какъ ей нужно было сдѣлать только два шага лишнихъ, чтобы достать тутъ же наваленнаго хворосту. Я съ грустью подъѣхалъ къ крыльцу; тѣ же самые барбосы и бровки, уже слѣпые или съ перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверхъ свои волнистые, обвѣшанные репейниками, хвосты. Навстрѣчу вышелъ старикъ. Такъ, это онъ! я тотчасъ узналъ его; но онъ согнулся уже вдвое противъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣтствовалъ съ тою же знакомою мнѣ улыбкою. Я вошелъ за нимъ въ комнату. Казалось, все было въ нихъ попрежнему, но я замѣтилъ во всемъ какой-то странный безпорядокъ, какое-то ощутительное отсутствіе чего-то. Во всемъ видно было отсутствіе заботливой Пульхеріи Ивановны: за столомъ подали одинъ ножъ безъ черенка; блюда уже не были приготовлены съ такимъ искусствомъ; о хозяйствѣ я не хотѣлъ и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственныя заведенія.

Когда мы сѣли за столъ, дѣвка завязала Аѳанасія Ивановича салфеткою, и очень хорошо сдѣлала, потому что безъ того онъ бы весь халатъ свой закапалъ соусомъ. Я старался его чѣмъ-нибудь занять и разсказывалъ ему разныя новости. Онъ слушалъ съ тою же улыбкою, но по временамъ взглядъ его былъ совершенно безчувстве-

ненъ, и мысли въ немъ не бродили, но исчезали. Часто поднималъ онъ ложку съ кашею и, вмѣсто того, чтобы подносить ко рту, подносилъ къ носу; вилку свою, вмѣсто того, чтобы воткнуть въ кусокъ цыпленка, онъ тыкалъ въ графинъ, и тогда дѣвка, взявши за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по нѣскольку минутъ слѣдующаго блюда. Аѳанасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ это и говорилъ: „Что это такъ долго не несутъ кушанья?“ Но я видѣлъ сквозь щель въ дверяхъ, что мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о томъ и спалъ, свѣсивши голову на скамью.

— Вотъ это то кушанье, — сказалъ Аѳанасій Ивановичъ, когда подали намъ мнишки съ сметаною: — это то кушанье, — продолжалъ онъ, и я замѣтилъ, что голосъ его началъ дрожать и слеза готовилась выглянуть изъ его свинцовыхъ глазъ, но онъ собиралъ всѣ усилія, желая удержать ее: — это то кушанье, которое по... по... покой... покойни... и вдругъ брызнулъ слезами; рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетѣла и разбилась; соусъ залилъ его всего. Онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку, и слезы, какъ ручей, какъ немолчно текущій фонтанъ, лились, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

„Боже!“ думалъ я, глядя на него, „пять лѣтъ всеистребляющаго времени... старикъ, уже безчувственный старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ ѣденія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ, и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнѣе надъ нами: страсть или привычка? Или всѣ сильные порывы, весь вихорь нашихъ желаній и кипящихъ страстей есть только слѣдствіе нашего яркаго возраста, и только по тому одному кажутся глубокими и сокрушительными?“ Что бы ни было, но въ это время мнѣ казались дѣтскими всѣ наши страсти противъ этой долгой, медленной, почти безчувственной привычки. Нѣсколько разъ силился онъ выговорить имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плачъ дитяти поражалъ меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не тѣ слезы, на которыя обыкновенно такъ щедры старички, представляющіе вамъ жалкое свое положеніе и несчастіе; это были слезы, которыя текли, не спрашиваясь, сами собою, накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца.

Онъ недолго послѣ того жилъ. Я недавно услышалъ о его смерти.

Странно, однакожъ, то, что обстоятельства кончины его имѣли какое-то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аѳанасій Ивановичъ рѣшился немного пройтись по саду. Когда онъ медленно шелъ по дорожкѣ, съ обыкновенною своею безпечностью, вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилось странное происшествіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-то довольно явственнымъ голосомъ: „Аѳанасій Ивановичъ!“ Онъ оборотился, но никого совершенно не было; посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ кусты—нигдѣ никого. День былъ тихъ, и солнце сіяло. Онъ на минутку задумался: лицо его какъ-то оживилось, и онъ, наконецъ, произнесъ:—это Пульхерія Ивановна зоветъ меня!

Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась за человѣкомъ и призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный: ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился: тишина была мертвая; даже кузнечикъ въ это время переставалъ кричать; ни души въ саду. Но, признаюсь, если бы ночь самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду, и тогда только успокаивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню.

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и наконецъ угасъ такъ, какъ она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бѣдное ея пламя. „Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны“ — вотъ все, что произнесъ онъ передъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви, близъ могилы Пульхеріи Ивановны. Гостей было меньше на похоронахъ, но простого народу и нищихъ было такое же множество. Домикъ барскій уже сдѣлался вовсе пустъ. Предпріимчивый приказчикъ вмѣстѣ съ войтомъ перетащили въ свои избы всѣ оставшіяся старинныя вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница.

Осѣнять, обсѣнить — покрыть сѣнью, навѣсомъ, крышей; засѣнить, затѣнить. Осѣнить рукой, защитить. — Осѣнить крестомъ, благословить. — Сидѣнье это надо бы обсѣнить навѣсцемъ.

Галлерея (фр.) — 1, длинный, узкій ходъ; коридоръ, придѣланный къ строенію съ наружной стороны; 2, комната или рядъ комнатъ, гдѣ помѣщается собраніе картинъ или статуй. Картинная галлерея. — Античная галлерея.

Бричка (польск.) — легкая полуоткрытая повозка. Василій приподнимается съ козелъ и поднимаетъ верхъ брички (Толстой „Дѣтство"). — На кожаный верхъ брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья... и вдругъ какъ будто кто забарабанилъ надъ нами (Толстой „Дѣтство").

Флегматическій (греч.) — вялый, равнодушный, лѣнивый, хладнокровный.

Буколическій (греч.) — пастушескій. Буколическая поэзія. — Боже мой, что за раздолье для буколическихъ наклонностей (Крестовскій).

Оригиналъ (лат.) — 1, подлинникъ; незаимствованное, самостоятельное происхожденіе. Несчастные должны упреки перенести... за то, что смѣли предпочесть оригиналы спискамъ (Грибоѣдовъ); 2, чудакъ, человѣкъ съ причудами. Оба они были несомнѣнно люди умные и, что называется, „бывалые" и немножко оригиналы (Лѣсковъ). — Фракъ подгулялъ? Ну что жъ такое фракъ? Гдѣ я возьму? Ты скажи всѣмъ, что я оригиналъ, ну, и кончено... что я могу хорошо одѣваться, да не хочу. Мало ль, какіе оригиналы бываютъ (Островскій „Послѣдняя жертва").

Камлотъ (франц.) — плотная шерстяная ткань. Кормилъ его и платье ему перешивалъ изъ поношенныхъ камлотовыхъ капотовъ своей матери (Тургеневъ „Яковъ Пасынковъ").

Компанейцы — составляли въ Малороссіи легкую кавалерію; въ концѣ XVIII в. компанейскіе полки были преобразованы въ регулярную легкую конницу.

Камзолъ (стар.) — родъ короткаго платья, которое носятъ подъ кафтаномъ, иногда съ распашными полами и безъ рукавовъ. Мы сняли мундиры, остались въ однихъ камзолахъ и обнажили шпаги (Пушкинъ „Капитанская дочка"). — Намѣренъ я васъ просить о покупкѣ мнѣ чего-нибудь на лѣтнее платье, также и камзола подъ коричневый кафтанъ (Фонвизинъ).

Перегонять (что на огнѣ, въ кубѣ) — гнать въ парахъ, для осадки въ холодильникѣ, гдѣ перегоняемое снова обращается въ жидкость (напр., вино, водку). Скипидаръ перегоняется изъ смолы.

Лембикъ (польск. **алембикъ**) — приборъ для перегонки настойки, водки; спиртоочистительный аппаратъ.

Фартухъ, фартукъ (нѣм.) — передникъ, запонъ. Линейка съ фартуками. — Края кожанаго фартука, которымъ мы застегнулись, начинаютъ подниматься, пропускать къ намъ порывы влажнаго вѣтра и, размахиваясь, биться о кузовъ брички (Толстой „Дѣтство").

Милиція (лат.) — временное войско, дружина; ополченіе, ратники, народная рать.

Бубенъ, бубны — гремушка, музыкальный инструментъ въ родѣ литавры, барабана. Стихли трубы, бубны и цимбалы (Полонскій „Казимиръ Великій").

Дуля — груша.

Статья - 1, отрасль, дѣло, работа; 2, газетная или журнальная статья; 3, параграфъ. Статья такая-то. — Статья прихода и расхода.

Войтъ (польск. съ нѣм.) — родъ приказчика въ польскихъ и малороссійскихъ деревняхъ, надсматривающаго надъ сельскими работами; деревенскій староста.

Шинокъ (польск.) — питейный домъ.

Обстрѣленная птица (иносказ.) — человѣкъ, бывавшій въ передѣлкахъ; бывалый, опытный человѣкъ.

Коржикъ (малоросс.) — лепешка изъ прѣснаго тѣста.

Дрязгъ — соръ, нечистота, отбросъ; мелкіе, малоцѣнные предметы, хламъ. Чаще во мн. ч. **дрязги** — непріятности, мелкія пререканія, ничтожныя заботы, сплетни, пересуды. Хозяйственные дрязги наводили на него тоску (Тургеневъ „Отцы и дѣти").

Лежанка — длинный, низкій выступъ изъ печи, на которомъ лежатъ и грѣются. Теперь сквозь окно это смотрѣла луна и серебряный блескъ ея игралъ на пестрыхъ изразцахъ лежанки (А. Толстой „Князь Серебряный").

Ночовка, ночва — неглубокое, тонкое корытце, лотокъ. На ночвахъ сѣютъ муку, зерно, крупу.

Узваръ (малоросс.) — взваръ, вареные сухіе плоды, подаваемые въ рождественскій сочельникъ.

Попущеніе отъ **попущать, попускать**—допускать, не запрещать, послаблять, потакать, давать повадку, потачку, потворствовать. Ты попускаешь ему, балуешь его. — Кто злымъ попускаетъ, самъ зло творитъ. — Какъ Богъ попуститъ. — Божьимъ попущеніемъ, волей, соизволеніемъ.

Тендитный (фр.) — слабосильный, нѣжный.

Деревій — тысячелистникъ, дикая греча.

Золототысячникъ — слезки, турецкая гвоздика.

Шалфей — шавлей. Шалфейный настой.

Чебрецъ, чаберъ — щеберъ, богородская травка.

Гугля (малоросс.) — опухоль, шишка.

Нечуй-витеръ — трава.

Запускать — бросать безъ ухода, на произволъ судьбы; оставлять въ небреженіи. Вижу снова нашъ старый, запущенный садъ (Полонскій). — Сѣни расширялъ густыя огромный запущенный садъ (Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ"). — Такое имѣніе и этакъ запустить (Гоголь „Мертвыя души"). — Тебѣ стыдно и грѣшно было запустить такъ его воспитаніе (Писемскій). — Онъ звалъ Обломова въ деревню повѣрить свои дѣла, встряхнуть запущенную жизнь мужиковъ (Гончаровъ).

Декохтъ, декоктъ (лат.) — отваръ изъ лѣкарственныхъ травъ.

Кутья — каша съ сытою, изюмомъ, изъ ячменя, пшеницы, рису, подаваемая на поминкахъ, а мѣстами и въ рождественскій сочельникъ. *Была бы кутья, а кутейники будутъ.*

Черенокъ — 1, рукоять, ручка. Черенокъ ножа, вилки, долота. — Черенокъ листка, стебелекъ; 2, сучекъ, отводокъ плодоваго дерева, втыкаемый въ землю и дающій корень. Нарѣзать черенковъ для прививки. — Смородину разводятъ черенками.

Мнишки — кушанье изъ муки съ творогомъ.

Ливмя (отъ гл. **лить**) — потокомъ, сильной струей; о дождѣ: льетъ ливмя.

Занимается дыханіе, духъ, душа—чувствуется стѣсненіе въ груди, остановка дыханія, невозможность дышать. Заложить объ вечеръ жеребца... въ охотницкія саночки... и пошелъ по полянкамъ гулять, даже духъ занимается (Салтыковъ „Невинные разсказы").

Рухлядь (отъ сл. **рыхлый**) — пожитки, домашній скарбъ, рушимое добро. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь (Пушкинъ).

112. Засохшая береза.

Стихотвореніе *И. С. Никитина.*

Въ глуши на почвѣ раскаленной
береза старая стоитъ;
въ ея вершинѣ обнаженной
зеленый листъ не шелеститъ.

Кругомъ, сливаясь съ небесами,
полуодѣтыми въ туманъ,
пестрѣетъ чудными цвѣтами
волнистой степи океанъ.

Курганы ярко зеленѣютъ,
росу приносятъ вечера,
прохладой тихой ночи вѣютъ,
и пышетъ заревомъ заря.

Но беззащитная береза
глядитъ съ тоской на небеса,
и на вѣтвяхъ ея, какъ слезы,
сверкаетъ чистая роса.

Далеко бурею суровой
ея листы разнесены,
нѣтъ для нея одежды новой
и благодѣтельной весны...

Беззащитный—лишенный защиты, за кого некому заступиться. На беззащитныя сѣдины не поднимается рука (Пушкинъ „Братья разбойники").—Я предоставленъ самому себѣ, я беззащитенъ (Гончаровъ).

Благодѣтельный—приносящій добро, полезный, служащій къ счастью, благотворный, спасительный. Благодѣтельный указъ, уничтожившій пытку, долго оставался безъ всякаго дѣйствія (Пушкинъ „Капитанская дочка").

113. У бабушки.

Изъ романа *И. А. Гончарова* „Обрывъ“.

Райскій вышелъ изъ гимназіи, вступилъ въ университетъ и поѣхалъ на каникулы къ своей двоюродной бабушкѣ, Татьянѣ Марковнѣ Бережковой.

Бабушка эта жила въ родовомъ маленькомъ имѣніи, доставшемся Борису отъ матери. Оно все состояло изъ небольшой земли, лежащей вплоть у города, отъ котораго отдѣлялось полемъ и слободой близъ Волги, изъ пятидесяти душъ крестьянъ да изъ двухъ домовъ — одного каменнаго, оставленнаго и запущеннаго, и другого деревяннаго домика, выстроеннаго его отцомъ, и въ этомъ-то домикѣ и жила Татьяна Марковна, съ двумя, тоже двоюродными, внучками-сиротами, дѣвочками по седьмому и шестому году, оставленными ей двоюродной племянницей, которую она любила какъ дочь.

Послѣ смерти отца и матери Райскаго, ея племянника и племянницы, бабушка поселилась въ этомъ маленькомъ имѣньицѣ. Она управляла имъ, какъ маленькимъ царствомъ, мудро, экономично, кропотливо, но деспотически.

Какой эдемъ распахнулся ему въ этомъ уголкѣ, откуда его увезли въ дѣтствѣ и гдѣ потомъ онъ гостилъ мальчикомъ иногда, въ лѣтнія каникулы. Какіе виды кругомъ — каждое окно въ домѣ было рамой своей особенной картины!

Съ одной стороны Волга съ крутыми берегами и Заволжьемъ; съ другой—широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкалось далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны видны села, деревни и часть города. Воздухъ свѣжій, прохладный, отъ котораго, какъ отъ лѣтняго купанья, пробѣгаетъ по тѣлу дрожь бодрости.

Домъ весь былъ окруженъ этими видами, этимъ воздухомъ да полями, да садомъ. Садъ обширный около обоихъ домовъ, содержавшійся въ порядкѣ, съ темными аллеями, бесѣдкой и скамьями. Чѣмъ далѣе отъ домовъ, тѣмъ садъ былъ запущеннѣе.

Подлѣ огромнаго развѣсистаго вяза, съ сгнившей скамьей, толпились вишни и яблони; тамъ рябина; тамъ шла кучка липъ, хотѣла было образовать аллею, да вдругъ ушла въ лѣсъ и братски перепу-

талась съ ельникомъ, березнякомъ. И вдругъ все кончалось обрывомъ, поросшимъ кустами, идущими почти на полверсты берегомъ до Волги.

Подлѣ сада, ближе къ дому, лежали огороды. Тамъ капуста, рѣпа, морковь, петрушка, огурцы, потомъ громадныя тыквы, а въ парникѣ арбузы и дыни. Подсолнечники и макъ, въ этой массѣ зелени, дѣлали яркія, бросавшіяся въ глаза, пятна; около тычинокъ вились турецкіе бобы.

Передъ окнами маленькаго домика пестрѣлъ на солнцѣ большой цвѣтникъ, изъ котораго вела дверь во дворъ, а другая, стеклянная дверь, съ большимъ балкономъ, въ родѣ веранды, въ деревянный жилой домъ.

Татьяна Марковна любила видѣть открытое мѣсто передъ глазами, чтобъ не походило на трущобу, чтобъ было солнышко да пахло цвѣтами.

Съ другой стороны дома, обращенной къ дворамъ, ей было видно все, что дѣлается на большомъ дворѣ, въ людской, въ кухнѣ, на сѣновалѣ, въ конюшнѣ, въ погребахъ. Все это было у ней передъ глазами, какъ на ладони.

Одинъ только старый домъ стоялъ въ глубинѣ двора, какъ бѣльмо въ глазу, мрачный, почти всегда въ тѣни, сѣрый, полинявшій, мѣстами съ забитыми окнами, съ поросшимъ травой крыльцомъ, съ тяжелыми дверьми, замкнутыми тяжелыми же задвижками, но прочно и массивно выстроенный. Зато на маленькій домикъ съ утра до вечера жарко лились лучи солнца, деревья отступили отъ него, чтобъ дать ему простора и воздуха. Только цвѣтникъ, какъ гирлянда, обвивалъ его со стороны сада, и махровыя розы, даліи и другіе цвѣты такъ и просились въ окна.

Около дома вились ласточки, свившія гнѣзда на кровлѣ; въ саду и рощѣ водились малиновки, иволги, чижи и щеглы, а по ночамъ щелкали соловьи.

Дворъ былъ полонъ всякой домашней птицы, разношерстныхъ собакъ. Утромъ уходили въ поле и возвращались къ вечеру коровы и козелъ съ двумя подругами. Нѣсколько лошадей стояли почти праздно въ конюшняхъ.

Надъ цвѣтами около дома рѣяли пчелы, шмели, стрекозы, трепетали на солнышкѣ крыльями бабочки, по уголкамъ жались, грѣясь на солнышкѣ, кошки, котята.

Въ домѣ какая радость и миръ жили! Чего тамъ не было? Комнатки маленькія, но уютныя, съ старинной, взятой изъ большого дома, мебелью дѣдовъ, дядей и съ улыбавшимися портретами отца и

матери Райскаго, а также родителей двухъ оставшихся на рукахъ у Бережковой дѣвочекъ-малютокъ.

Полы были выкрашены, натерты воскомъ и устланы клеенками; печи обложены пестрыми, старинными, тоже взятыми изъ большого дома, изразцами. Шкапы биткомъ набиты старой, дрожавшей отъ шаговъ, посудой и звенѣвшимъ серебромъ.

На виду красовались старинныя саксонскія чашки, пастушки, маркизы, китайскіе уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелыя ложки. Кругленькіе стулья, съ мѣдными ободочками и съ деревянной мозаикой столы, столики, жались по уютнымъ уголкамъ.

Въ кабинетѣ Татьяны Марковны стояло старинное, тоже окованное бронзой и украшенное рѣзьбой, бюро съ зеркаломъ, съ урнами, съ лирами, съ геніями.

Но бабушка завѣсила зеркало:—Мѣшаетъ писать, когда видишь свою рожу напротивъ,—говорила она.

Еще тамъ былъ круглый столъ, на которомъ она обѣдала, пила чай и кофе, да довольно жесткое, обитое кожей, старинное же кресло, съ высокой спинкой рококо.

Бабушка, по воспитанію, была стараго вѣка и разваливаться не любила, а держала себя прямо, съ свободной простотой, но и съ сдержаннымъ приличіемъ въ манерахъ.

Какой она красавицей показалась Борису, и въ самомъ дѣлѣ была красавица.

Высокая, не полная и не сухощавая, но живая старушка... даже не старушка, а лѣтъ около пятидесяти женщина, съ черными, живыми глазами и такой доброй и граціозной улыбкой, что когда и разсердится и засверкаетъ гроза въ глазахъ, такъ за этой грозой опять видно чистое небо.

Надъ губами маленькіе усики; на лѣвой щекѣ, ближе къ подбородку, родимое пятно съ густымъ кустикомъ волосъ. Это придавало лицу ея еще какой-то штрихъ доброты.

Она стригла сѣдые волосы и ходила дома по двору и по саду съ открытой головой, а въ праздникъ и при гостяхъ надѣвала чепецъ; но чепецъ держался чуть-чуть на маковкѣ, не шелъ ей и какъ будто готовъ былъ каждую минуту слетѣть съ головы. Она и сама, просидѣвъ пять минутъ съ гостемъ, извинится и сниметъ.

До полудня она ходила въ широкой бѣлой блузѣ, съ поясомъ и большими карманами, а послѣ полудня надѣвала коричневое, по большимъ праздникамъ свѣтлое, точно серебряное, едва гнувшееся и

шумящее платье, а на плечи накидывала старинную шаль, которая вынималась и выкладывалась одной только Василисой.

— Дядя Иванъ Кузьмичъ съ Востока вывезъ, триста червонныхъ заплатилъ: теперь этакой ни за какія деньги не отыщешь!—хвасталась она.

На поясѣ и въ карманахъ висѣло и лежало множество ключей, такъ что бабушку, какъ гремучую змѣю, можно было слышать издали, когда она идетъ по двору или по саду.

Кучера при этомъ звукѣ быстро прятали трубки за сапоги, потому что она больше всего на свѣтѣ боялась пожара и куренье табаку относила — по этой причинѣ — къ большимъ порокамъ. Повара и кухарки, тоже заслышавъ звонъ ключей, принимались — за ножъ, за уполовникъ или за метлу.

Въ домѣ, заслышавъ звонъ ключей возвращавшейся со двора барыни, Машутка проворно сдергивала съ себя грязный фартукъ, утирала чѣмъ попало, иногда барскимъ платкомъ, а иногда тряпкой, руки. Поплевавъ на нихъ, она крѣпко приглаживала сухія, непокорныя косички, потомъ постилала тончайшую, чистую скатерть на круглый столъ, и Василиса, молчаливая, серьезная женщина, ровесница барыни, несла кипящій серебряный кофейный сервизъ.

Машутка становилась въ уголъ, подальше, всегда прячась отъ барыни въ тѣни и стараясь притвориться опрятной. Барыня требовала этого, а Машуткѣ какъ-то неловко было держать себя въ чистотѣ. Чисто вымытыми руками она не такъ цѣпко беретъ вещь въ руки и того и гляди уронитъ; самоваръ или чашки скользятъ изъ рукъ; въ чистомъ платьѣ тоже несвободно ходить.

Когда ей велятъ причесаться, вымыться и одѣться въ воскресенье, такъ она, по словамъ ея, точно въ мѣшокъ зашита цѣлый день.

Василиса, напротивъ, была чопорная, важная, вѣчно шепчущая и одна во всей дворнѣ только опрятная женщина. Она съ ранней юности поступила на службу къ барынѣ, въ качествѣ горничной, не разставалась съ ней, знаетъ всю ея жизнь и теперь живетъ у нея какъ экономка и довѣренная женщина.

Онѣ говорили между собой односложными словами. Бабушкѣ почти не нужно было отдавать приказаній Василисѣ: она сама знала все, что надо дѣлать. А если надобилось что-нибудь экстренное, бабушка не требовала, а какъ будто совѣтовала сдѣлать то или другое.

Личнымъ приказомъ она удостоивала немногихъ: по домашнему хозяйству Василисѣ отдавала ихъ, а по деревенскому — приказчику или старостѣ. Кромѣ Василисы, никого она не называла полнымъ именемъ, развѣ ужъ встрѣтится такое имя, что его никакъ не сожмешь и не обрѣжешь; напримѣръ, мужики: Ѳерапонтъ и Пантелеймонъ такъ и назывались Ѳерапонтомъ и Пантелеймономъ, да старосту звала она Степанъ Васильевъ, а прочіе всѣ были: Матрешка, Машутка, Егорка и т. д.

Если же кого-нибудь называла по имени и по отчеству, такъ тотъ зналъ, что надъ нимъ собралась гроза:

— Поди-ка сюда, Егоръ Прохорычъ, ты куда это вчера пропадалъ цѣлый день? или:—Семенъ Васильичъ, ты, кажется, вчера изволилъ трубочку покуривать на сѣновалѣ? Смотри у меня!

Она грозила пальцемъ и иногда ночью вставала посмотрѣть въ окно, не вспыхиваетъ ли огонекъ въ трубкѣ, не ходитъ ли кто съ фонаремъ по двору или въ сараѣ?

Различія между „людьми“ и господами никогда и ничто не могло истребить. Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, человѣколюбива, но все въ размѣрахъ барскихъ понятій.

Заболѣетъ ли кто-нибудь изъ людей—Татьяна Марковна вставала даже ночью, посылала ему спирту, мази, но отсылала на другой день въ больницу, доктора же не звала. Между тѣмъ, чуть у которой-нибудь внучки язычекъ зачешется или брюшко немного вспучитъ, Кирюшка или Власъ скакали, болтая локтями и ногами, на неосѣдланной лошади, въ городъ, за докторомъ.

Кормила Татьяна Марковна людей сытно, плотно, до отвала, щами, кашей, по праздникамъ пирогами и бараниной; въ Рождество жарили гусей и свиней; но нѣжностей въ ихъ столѣ и платьѣ не допускала, а давала, въ видѣ милости, остатки отъ своего стола то той, то другой женщинѣ.

Чай и кофе пила, непосредственно послѣ барыни, Василиса, потомъ горничныя и пожилой Яковъ. Кучерамъ, дворовымъ мужикамъ и старостѣ въ праздники подносили по стакану вина, ради ихъ тяжелой работы.

Когда утромъ убирали со стола кофе, въ комнату вваливалась здоровая баба, съ необъятными красными щеками и вѣчно смѣющимся—хоть бей ее—ртомъ: это нянька внучекъ, Вѣрочки и Марѳиньки. За ней входила лѣтъ двѣнадцати дѣвчонка, ея помощница. Приводили дѣтей завтракать въ комнату къ бабушкѣ.

— Ну, птички мои, ну, что?—говорила бабушка, всегда затрудняясь, которую прежде поцѣловать:—Ну, что, Вѣрочка? вотъ умница: причесалась.

— И я, бабенька, и я!—кричала Мароинька.

— Что это у Мароиньки глазки красны? не плакала ли во снѣ?—заботливо спрашивала она у няни: — Не солнышко ли нажгло? Закрыты ли у тебя занавѣски? Смотри, вѣдь ты разиня! Я ужо посмотрю.

Еще въ дѣвичьей сидѣли три-четыре молодыя горничныя, которыя цѣлый день, не разгибаясь, что-нибудь шили или плели кружева, потому что бабушка не могла видѣть человѣка безъ дѣла — да въ передней праздно сидѣлъ, вмѣстѣ съ мальчишкой лѣтъ шестнадцати, Егоркой-зубоскаломъ, задумчивый Яковъ.

Райскій засталъ бабушку за дѣтскимъ завтракомъ. Бабушка такъ и всплеснула руками, такъ и прыгнула; чуть не попадали тарелки со стола.

— Проказникъ ты, Борюшка! и не написалъ, нагрянулъ: вѣдь ты перепугалъ меня, какъ вошелъ.

Она взяла его за голову, поглядѣла съ минуту ему въ лицо, хотѣла будто заплакать, но только сжала голову, видно раздумала, быстро взглянула на портретъ матери Райскаго и подавила вздохъ.

— Ну, ну, ну...—хотѣла она сказать, спросить — и ничего не сказала, не спросила, а только засмѣялась и проворно отерла глаза платкомъ.—Маменькинъ сынокъ: весь, весь въ нее! Посмотри, какая она красавица была. Посмотри, Василиса... Помнишь? Вѣдь похожъ?

Кофе, чай, булки, завтракъ, обѣдъ — все это опрокинулось на студента, еще стыдливаго, робкаго, нѣжнаго юношу, съ аппетитомъ ранней молодости; и всему онъ сдѣлалъ честь. А бабушка почти не сводила глазъ съ него.

Послѣ завтрака бабушка взяла большой зонтикъ, надѣла ботинки съ толстой подошвой, голову прикрыла полотнянымъ капоромъ и пошла показывать Борису хозяйство.

— Вотъ садикъ-то, что у окошекъ, я, видишь, недавно разбила,—говорила она, проходя чрезъ цвѣтникъ и направляясь къ двору: — Вѣрочка съ Мароинькой тутъ у меня все на глазахъ играютъ, роются въ пескѣ. На няньку надѣяться нельзя: я и вижу изъ окошка, что онѣ дѣлаютъ. Вотъ подрастутъ, цвѣтовъ не надо покупать: свои есть.

Они вошли на дворъ.

— Это новый флигель, бабушка? его не было,—сказалъ Борисъ.

— Замѣтилъ! Да, да, помнишь старый? Весь сгнилъ, щели въ полу въ ладонь, чернота, копоть, а теперь вотъ посмотри!

Они вошли въ новый флигель. Бабушка показала ему передѣлки въ конюшняхъ, показала и лошадей, и особое отдѣленіе для птицъ, и прачечную, даже хлѣвы.

— Старой кухни тоже нѣтъ; вотъ новая, нарочно выстроила отдѣльно, чтобъ въ дому огня не разводить и чтобъ людямъ не тѣсно было. Теперь у всякаго и у всякой свой уголъ есть, хоть маленькій, да особый. Вотъ здѣсь хлѣбъ, провизія; вотъ тутъ погребъ новый, подвалы тоже заново передѣланы.

Въ саду Татьяна Марковна отрекомендовала ему каждое дерево и кустъ, провела по аллеямъ, заглянула съ нимъ въ рощу съ горы и наконецъ они вышли въ село. Было тепло и озимая рожь плавно волновалась отъ тихаго, полуденнаго вѣтерка.

— Вотъ внукъ мой, Борисъ Павлычъ!—сказала она старостѣ: — Что, убираютъ ли сѣно, пока горячо на дворѣ? Пожалуй, дожди послѣ жары пойдутъ. А это твой, что ли, теленокъ во ржи, Илюшка?—спрашивала при этомъ; потомъ мимоходомъ заглянула на прудъ.

— Опять на деревья бѣлье вѣшаютъ?—гнѣвно замѣтила она, обратясь къ старостѣ:—Я велѣла веревку протянуть. Скажи слѣпой Агашкѣ: это она все любитъ на иву рубашки вѣшать! сокровище! Обломаетъ вѣтки!.

— Веревки такой длинной нѣтъ,—сонно отозвался староста: — ужо надо въ городѣ купить...

— Что жъ не скажешь Василисѣ: она доложила бы мнѣ. Я всякую недѣлю ѣзжу: давно бы купила.

— Я сказывалъ, да забываетъ или говоритъ, не стоитъ барыню тревожить.

Бабушка завязала на платкѣ узелокъ. Она любила говорить, что безъ нея ничего не сдѣлается, хотя, напримѣръ, веревку могъ купить всякій.

Кромѣ крупныхъ распоряженій, у ней жизнь кишѣла маленькими заботами и дѣлами. То она заставитъ дѣвокъ кроить, шить, то чинить что-нибудь, то варить, чистить. „Дѣлать все самой“ она называла смотрѣть, чтобъ все при ней дѣлали.

Она собственно не дотронется ни до чего, а старчески-граціозно

подопреть одной рукой бокъ, а пальцемъ другой повелительно указываетъ, что какъ сдѣлать, куда поставить, убрать.

Звенѣвшіе ключи были отъ домашнихъ шкаповъ, сундуковъ, ларцевъ и шкатулокъ, гдѣ хранились старинное богатое бѣлье, полотна, пожелтѣвшія драгоцѣнныя кружева, брильянты, назначавшіеся внучкамъ въ приданое, а главное — деньги. Отъ чая, сахара, кофе и прочей провизіи ключи были у Василисы.

Распорядившись утромъ по хозяйству, бабушка, послѣ кофе, стоя, сводила у бюро счеты, потомъ садилась у окна и глядѣла въ поле, слѣдила за работами, смотрѣла, что дѣлалось на дворѣ и посылала Якова или Василису, если на дворѣ дѣлалось что-нибудь не такъ, какъ ей хотѣлось.

Потомъ, если нужно, ѣхала въ ряды и заѣзжала съ визитами въ городъ, но никогда не засиживалась, а только заглянетъ минутъ на пять и сейчасъ къ другому, къ третьему, и къ обѣду домой.

Не то, такъ принимала сама визиты, любила пуще всего угощать завтраками и обѣдами гостей. Еще ни одного человѣка не выпустила отъ себя, сколько ни живетъ бабушка, не напичкавъ его чѣмъ-нибудь во всякую пору, утромъ и вечеромъ.

Вотъ въ какое лоно патріархальной тишины попалъ юноша Райскій. У сироты, вдругъ какъ будто явилось семейство, мать и сестры.

Бабушка только было расположилась объяснять ему, чѣмъ засѣвается у нея земля и что выгоднѣе всего воздѣлывать по нынѣшнему времени, какъ внучекъ сталъ зѣвать.

— А ты послушай: вѣдь это все твое; я твой староста...,—говорила она. Но онъ зѣвалъ, смотрѣлъ, какія это птицы прячутся въ рожь, какъ летаютъ стрекозы, срывалъ васильки и пристально разглядывалъ мужиковъ, еще пристальнѣе слушалъ деревенскую тишину, смотрѣлъ на синее небо, какимъ оно далекимъ кажется здѣсь.

Бабушка что-то затолковалась съ мужиками, а онъ прибѣжалъ въ садъ, сбѣжалъ съ обрыва внизъ, продрался сквозь чащу на берегъ, къ самой Волгѣ, и онѣмѣлъ передъ лежавшимъ пейзажемъ.

„Нѣтъ, молодъ, еще дитя: не разумѣетъ дѣла“, думала бабушка, провожая его глазами. „Вонъ какъ подралъ! что-то выйдетъ изъ него?“

Волга задумчиво текла къ берегамъ, заросшая островами, кустами, покрытая мелями. Вдали желтѣли песчаные бока горъ, а на нихъ

синѣлъ лѣсъ; кое-гдѣ бѣлѣлъ парусъ, да чайки, плавно махая крыльями, опускаясь на воду, едва касались ея и кругами поднимались опять вверхъ, а надъ садами высоко и медленно плавалъ коршунъ.

Борисъ уже не смотрѣлъ передъ собой, а чутко замѣчалъ, какъ картина эта повторяется у него въ головѣ; какъ тамъ расположились горы, попала ли туда вонъ избушка, изъ которой валилъ дымъ; повѣрялъ и видѣлъ, что и мели тамъ, и паруса бѣлѣютъ.

Онъ долго стоялъ и, закрывъ глаза, переносился въ дѣтство, помнилъ, что подлѣ него сиживала мать, вспоминалъ ея лицо и задумчивое сіяніе глазъ, когда она глядѣла на картину...

Райскій взволнованный, грустный воротился домой.

Вѣрочка и Марѳинька развлекли его. Онѣ не отставали отъ него, заставляли рисовать куръ, лошадей, дома, бабушку и себя и не отпускали его ни на шагъ.

Вѣрочка была съ черными, вострыми глазами смугленькая дѣвочка и ужъ начинала немного важничать, стыдиться шалостей: она скокнетъ два-три шага по-дѣтски и вдругъ остановится, и стыдливо поглядитъ вокругъ себя, и пойдетъ плавно, потомъ побѣжитъ и тайкомъ, быстро, какъ птичка, клюнетъ, сорветъ вѣтку смородины, проворно спрячетъ въ ротъ и сдѣлаетъ губы смирно.

Если Борисъ тронетъ ее за голову, она сейчасъ поправитъ волосы, если поцѣлуетъ, она тихонько оботрется. Схватитъ мячикъ, броситъ его раза два, а если онъ укатился, она не пойдетъ поднять его, а прыгнетъ, сорветъ листокъ и старается щелкнуть.

Она упряма: если скажутъ, пойдемъ туда, она не пойдетъ ил пойдетъ не сразу, а прежде покачаетъ отрицательно головой, потомъ не пойдетъ, а побѣжитъ, и все въ припрыжку.

Она не проситъ рисовать; а если Марѳинька попроситъ, она пристальнѣе Марѳиньки смотритъ, какъ рисуютъ, и ничего не скажетъ. Рисунковъ и карандашей, какъ Марѳинька, тоже не проситъ. Ей было лѣтъ шесть съ небольшимъ.

Марѳинька, напротивъ, бѣленькая, красненькая и пухленькая дѣвочка по пятому году. Она часто капризничаетъ и плачетъ, но недолго: сейчасъ же, съ невысохшими глазами, уже визжитъ и смѣется.

Вѣрочка плачетъ рѣдко и потихоньку, и если огорчатъ ее чѣмъ-нибудь, она дѣлается молчалива и не скоро приходитъ въ себя, не любитъ, чтобъ ее заставляли просить прощенья.

Она молчитъ, молчитъ, потомъ вдругъ неожиданно придетъ въ себя и станетъ опять бѣгать въ припрыжку и тихонько срывать смородину, а еще чаще вороняшки, черную, приторно-сладкую ягоду, растущую въ канавахъ и строго запрещенную бабушкой.

Эдемъ (евр.) — мѣсто наслажденія, рай. Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный главой поникшею сіялъ (Пушкинъ „Ангелъ").

Тычинка—прутъ, воткнутый въ землю. Хмель винтами обвивалъ высокія тычинки (Тургеневъ „Записки охотника"). — Тутъ же... плохенькій огородъ со стаей воробьевъ на тычинкахъ (Тургеневъ „Бригадиръ").

Веранда (англ.)—открытая галлерея вокругъ дома или вдоль одной стѣны дома; отдѣльно стоящая лѣтняя бесѣдка.

Трущоба—густой, непроходимый лѣсъ, заваленный буреломомъ; вообще гдѣ тѣснота невылазная; глушь, захолустье. Непролазная трущоба. — Залѣзъ я въ трущобу. — До нашей трущобы не скоро доберешься, отъ большой дороги въ сторонѣ.

Массивный (лат.)—тяжелый, огромный, прочный, сплошной.

Мозаика (греч.)—искусство подражать живописи наборомъ мелкихъ цвѣтныхъ камней, стеколъ, а иногда и дерева.

Бюро (фр.)—конторка, наклонный письменный столъ на высокихъ ножкахъ. Я разложилъ у себя на бюро бумаги, книги (Гончаровъ „Фрегатъ Паллада").

Урна (лат.) — высокій сосудъ, раздутый посрединѣ и суживающійся кверху. У древнихъ урны служили хранилищами для пепла, оставшагося послѣ сожженія мертвыхъ.

Рококо (фр.)—узорчатая рѣзьба.

Уполовникъ — ковшъ на длинной рукояткѣ, чумичка. *Онъ на всѣ горшки уполовникъ* (сплетникъ).

Озимый — хлѣбъ, сѣемый по осени на зиму (рожь, озимая пшеница). Вершины лѣса... стали золотистыми и ярко-красными островами среди ярко-зеленыхъ озимей (Толстой „Война и миръ").

Ряды—торговыя лавки, гостиный дворъ. Красные ряды (съ краснымъ товаромъ). Мясной, суконный, серебряный рядъ.

114. Лѣсъ шумитъ.

Изъ разсказа *В. Г. Короленко.*

Въ этомъ лѣсу всегда стоялъ шумъ — ровный, протяжный, какъ отголосокъ дальняго звона, спокойный и смутный, какъ тихая пѣсня безъ словъ, какъ нѣжное воспоминаніе о прошедшемъ. Въ немъ всегда стоялъ шумъ, потому что это былъ старый, дремучій боръ, котораго не касались еще пила и топоръ лѣсного барышника.

Высокія столѣтнія сосны съ красными могучими стволами стояли хмурою ратью, плотно сомкнувшись вверху зелеными вершинами. Внизу было тихо, пахло смолой; сквозь пологъ сосновыхъ иголъ, которыми была усыпана почва, пробились яркіе папоротники, пышно раскинувшіеся причудливою бахромой и стоявшіе недвижимо, не шелохнувъ листомъ. Въ сырыхъ уголкахъ тянулись высокими стеблями зеленыя травы; бѣлая кашка склонялась отяжелѣвшими головками, какъ будто въ тихой истомѣ. А вверху безъ конца и перерыва тянулъ лѣсной шумъ, точно смутные вздохи стараго бора.

Бахрома (тур.) — родъ тесьмы съ одного края съ мохрами. Прорванный подъ мышками и въ спинѣ и въ подолѣ бахромой разорванный, засаленный и свалявшійся, всего видавшій полушубокъ Никиты (Толстой „Хозяинъ и работникъ“).

*

115. Лѣтомъ.

Стихотвореніе *А. А. Фета.*

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
жизнью свѣжей дышетъ степь
и кургановъ зеленѣетъ
убѣгающая цѣпь.

И далеко межъ кургановъ
темносѣрою змѣей
до блѣднѣющихъ тумановъ
пролегаетъ путь родной.

Къ безотчетному веселью
подымаясь въ небеса,
сыплютъ съ неба трель за трелью
вешнихъ птичекъ голоса.

*

116. * * *

Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.*

Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ
высокій дубъ, перунами сраженный,
и сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
по зелени, грозою освѣженной.

А ужъ давно звучнѣе и полнѣй
пернатыхъ пѣснь по рощѣ раздалась,
и радуга концомъ дуги своей
въ зеленыя вершины уперлась!..

Перуны — молніи. Кругомъ его, изъ облаковъ, гремящіе перуны блещутъ (Ломоносовъ). **Перунъ**—главное божество восточныхъ славянъ; богъ грома и молніи.

117. Бирюкъ.

Изъ „Записокъ охотника“ *И. С. Тургенева.*

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ навстрѣчу

неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ вожжой по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозняками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины—слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія, и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону,—та же фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это?—спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза,—отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ,—продолжалъ лѣсникъ.

— Что дѣлать?

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу,—отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушки дрожекъ, которыя колыхались, „какъ въ морѣ челнокъ“, и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжело шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налѣво, словно

привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго; наконецъ мой проводникъ остановился.—„Вотъ мы и дома, баринъ“,—промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ.—Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяло. Я поднялъ голову и, при свѣтѣ молніи, увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь.—„Сичасъ, сичасъ!“—раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрипѣлъ и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашенкѣ, подпоясанной покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на дорогѣ.

— Посвѣти барину,-сказалъ онъ ей:—а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ полатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ,—сердце во мнѣ заныло: не весело войти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь?—спросилъ я дѣвочку.

— Одна,—произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова,—прошептала она.

Дверь заскрипѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ?—проговорилъ онъ и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой запашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей

смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, — отвѣчалъ онъ: — а по прозвищу Бирюкъ.

— А, ты Бирюкъ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: „Вязанку хворосту не дастъ утащить; въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, —силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсъ... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужъ не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ — не дается“.

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, — повторилъ я: — я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою исправляю,—отвѣчалъ онъ угрюмо:—даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

— Нѣтъ... да... умерла,—прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ; онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня.

— Съ прохожимъ мѣщаниномъ сбѣжала, — произнесъ онъ съ жестокой улыбкой. Дѣвочка потупилась; ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ. — На, дай ему, — проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.—Вотъ и его бросила,—продолжалъ онъ вполголоса, указывая на ребенка. Онъ подошелъ къ двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, баринъ,—началъ онъ,—нашего хлѣба есть не станете, а у меня окромя хлѣба...

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣту... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— Улитой,—проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ,—замѣтилъ онъ,—послѣ небольшого молчанія:—коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ?—спросилъ я.

— А въ лѣсу шалятъ... У Кобыльяго Верху дерево рубятъ,—прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темносинее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился.—„Во... вотъ,—проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку:—вишь какую ночку выбралъ“. Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса. „А этакъ я, пожалуй,—прибавилъ онъ вслухъ:—и прозѣваю его“.—„Я съ тобой пойду... хочешь?—„Ладно,—отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ:—мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте“.

Мы пошли: Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора.—„Вишь,—бормоталъ онъ сквозь зубы:—слышите? слышите?“—„Да гдѣ?“—Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье—мѣрные удары ясно достигали до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался...

— Повалилъ...—пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались, наконецъ, изъ оврага.—„Подождите здѣсь", шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье кверху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрипѣли, лошадь фыркала... „Куда, стой!" загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка.—Другой голосъ закричалъ жалобно, по-заячьи... Началась борьба. „Вре-ешь, вре-ешь,—твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ:—не уйдешь"... Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ, копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика, мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его,—шепнулъ я на ухо Бирюку!—я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за чолку лѣвой рукой; правой онъ держалъ вора за поясъ. „Ну, поворачивайся, ворона!"—промолвилъ онъ сурово.—„Топорикъ-то вонъ возьмите",—пробормоталъ мужикъ.- „Зачѣмъ ему пропадать!"—сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади... Дождикъ началъ опять накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Дѣвочка, которая заснула-было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его, какой полилъ,—замѣтилъ лѣсникъ:—переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ,—продолжалъ онъ, указывая на мужика:—да, вишь, засовъ...

— Оставь его тутъ, не трогай,—перебилъ я Бирюка.

Мужикъ глянулъ на меня исподлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые

Съ поличнымъ. *П. И. Коровинъ.*

члены... Дѣвочка улеглась на полу у самыхъ его ногъ и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ,—заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ:—а Ѳома Кузьмичъ.

— Чего тебѣ?

— Отпусти!

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти... съ голодухи.. отпусти!

— Знаю я васъ,—угрюмо возразилъ лѣсникъ:—ваша вся слобода такая—воръ на ворѣ.

— Отпусти, — твердилъ мужикъ: — приказчикъ... разорены, вò какъ... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ... не погуби! Вашъ-то, самъ, знаешь, заѣстъ, во какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти!—повторилъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ.—Отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, во какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку,—продолжалъ мужикъ:—лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти!

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бѣднякъ потупился... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись, и на лицѣ выступила краска. „Ну нà, ѣшь, нà, подавись, нà,—началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ:—нà, душегубецъ окаянный пей христіанскую кровь, пей“...

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіатъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что ли, что ругаться вздумалъ?—заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ.—Съ ума сошелъ, что ли?

— Пьянъ!.. не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ, ты... да я тебя!..

— А мнѣ что? Все едино — пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби—одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ—все едино. Пропадай все: жена, дѣти,—околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей,—подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ:—бей, нà, нà, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него.) Бей! бей!

— Молчать!—загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома,—закричалъ я:—оставь его... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать,—продолжалъ несчастный.—Все едино—околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту... Да постой, недолго тебѣ чваниться! затянутъ тебѣ глотку, постой!

Бирюкъ схватилъ его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, баринъ!—крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ-было руку; но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своей лошадью!—закричалъ онъ ему вслѣдъ:—да смотри, въ другой разъ у меня...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ,—промолвилъ я наконецъ:—удивилъ ты меня; ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ,—перебилъ онъ меня съ досадой:—не извольте только сказывать. Да ужъ я лучше васъ провожу,—прибавилъ онъ:—знать, дождика-то вамъ не переждать...

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся!—пробормоталъ онъ:—да я его!..

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

Бирюкъ—волкъ. Въ Орловской губ. такъ называется человѣкъ одинокій и угрюмый.

Засовъ—1, запоръ, задвижка; деревянный или желѣзный брусъ для запиранія дверей и оконъ. Взгремѣли ворота; ни засовъ огромный ихъ не сдержалъ (Гнѣдичъ

„Иліада“); 2, щиты, шлюзы. Сочилась вода сквозь засовы плотины (Тургеневъ „Записки охотника“).

Покромка—крайняя полоса, продольный край ткани; въ деревняхъ употребляется какъ женскій поясъ.

Люлька — 1, колыбель, зыбка. Въ потолочинѣ торчалъ наискось гибкій шестъ и на концѣ его висѣла люлька (А. Толстой „Князь Серебряный“); 2, табачная трубка. Вдругъ, среди самаго бѣга, остановился Тарасъ и вскрикнулъ: „Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ!“ (Гоголь.)

Поправлять лучину—сбивать нагорающій уголь, отъ чего лучина горитъ ярче.

Запашной—имѣющій запахивающіяся полы. Запашной кафтанъ.

Нагрянуть—явиться внезапно, застигнуть врасплохъ; набѣжать, налетѣть, наскочить нечаянно. Непріятель нагрянулъ изъ лѣсу.—Гости нагрянули.—Бѣда, гроза нагрянула.—*Съ чѣмъ нагрянулъ, съ тѣмъ и отпрянулъ.*

Какъ снѣгъ на голову—внезапно, вдругъ. *Ужъ не первый снѣгъ на голову,* много пожилъ.

Сжить, сживать кого, что—сбывать съ рукъ, избавиться, отдѣлаться отъ чего. *Одну бѣду сживешь, другую наживешь.*—Сживать кого со свѣту—не давать просвѣту, покою, угнетать, преслѣдовать. Что значитъ **сжиться?** *Сжился я съ бѣдою, какъ со своею головою.*

Спускъ отъ гл. **спускать**—1, дать волю, свободу; дать сойти, слетѣть, скатиться, устранить помѣху; пустить съ мѣста, съ привязи; отпустить, выпустить. Спустить салазки съ горы.—Спустить прудъ.—Крутой спускъ.—Набережная со спускомъ.—Спустить флагъ, сдаться.—Спустить курокъ.—Спустить петлю, уронить со спицы.—Спустить собаку съ цѣпи.—Спустить дѣло съ рукъ, избавиться отъ него.—Все спустилъ, промотался.—Спустить собакъ на медвѣдя, сокола на утокъ.—Спустить лѣсъ, срубить. — Спустить корабль на воду. — Спускъ корабля. — Спустя рукава дѣло дѣлать, какъ попало.—Спускъ воды, стокъ воды; 2, снисходить, не взыскивать, прощать, промолчать, оставить вину безъ вниманія. *Всякому спускать, и на свѣтѣ не жить.— Ѣду, гдѣ не свищу, а наѣду, не спущу.* — Давать, не давать спуску.

Исправлять должность — буквально: занимать мѣсто, связанное съ извѣстными обязанностями; въ данномъ случаѣ: точно исполнять свои обязанности.

Рогъ, рожокъ—1, наростъ на черепѣ у животныхъ; 2, музыкальное орудіе, напр.: пѣсенный рожокъ, пастушій рожокъ.—Пастухъ выйдетъ на лужокъ, заиграетъ во рожокъ (Народная пѣсня); 3, рожокъ для кормленія младенцевъ молокомъ.

Полка—вообще всякая доска, придѣланная къ стѣнѣ для постановки и поклажи чего-нибудь. У ружья—выступъ или корытце для насыпки пороху.

Верхъ—оврагъ. Машкинъ верхъ скосили, додѣлали послѣдніе ряды, надѣли кафтаны и весело пошли къ дому (Толстой „Анна Каренина“).

Ходъ.—Тутъ ходу нѣтъ, нельзя пройти.—Ходъ корабля, скорость его движенія.—Пашни лежатъ на большомъ ходу, на большой дорогѣ.—Бери, тяни ходомъ, плавно, не дергая. — Ему ходу не даютъ, притѣсняютъ. — Товаръ въ ходу, много спрашивается.—Ходы въ домѣ, коридоры.—Коляска ходомъ широка, не идетъ по колеямъ.—Ходъ въ подполье, лазъ, люкъ.—Черный ходъ, черная лѣстница, лѣстница со двора.—Ходъ событій, ихъ теченіе, порядокъ.—Дѣло въ ходу, производится.—Ходъ повозки, ось съ колесами.—Ходъ саней, разстояніе между полозьями.—Пустить мельницу въ ходъ, въ работу, начать молоть.—Прибавить, убавить ходъ часовъ, ускорить, замедлить ихъ движеніе.—Ходъ въ игрѣ, въ шахматахъ, картахъ.—Крестный ходъ, торжественное шествіе священства съ причтомъ, съ хоругвями, крестомъ и иконами.—Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу (Крыловъ).

Душегубецъ—убійца. А что значитъ: **душегубка?** Мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно прозванныя душегубками (Пушкинъ „Дубровскій“).—Я не воръ какой, душегубъ лѣсной, я слуга царя, царя грознаго (Лермонтовъ „Пѣсня про купца Калашникова“).

❃

118. * * *

Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.*

Въ небѣ таютъ облака,
и лучистая на знoѣ
въ искрахъ катится рѣка,
словно зеркало стальное.

Часъ отъ часу зной сильнѣй,
тѣнь ушла къ нѣмымъ дубравамъ,
и съ бѣлѣющихъ полей
вѣетъ запахомъ медовымъ.

Чудный день!—пройдутъ вѣка,
такъ же будутъ въ вѣчномъ строѣ
течь и искриться рѣка,
и поля дышать на знoѣ.

Дуброва, дубрава—дубовая роща; вообще лѣсъ изъ широколиственныхъ деревьевъ; чернолѣсье; дремучій лѣсъ, чаща. А лужокъ, а темная дуброва?.. прекрасны, что и говорить! (Крыловъ „Пустынникъ и медвѣдь".) — Казакъ не хочетъ отдохнуть ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ (Пушкинъ „Полтава").

Добровольскій

Большая дорога.

Алфавитный указатель объясненныхъ словъ.

Алфавитный указатель авторовъ.

Алфавитный указатель статей.

Снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.

Перечень оригинальныхъ рисунковъ.

СОДЕРЖАНІЕ

I отдѣлъ.

II отдѣлъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 001417317